

фантастика

Сергей Чебаненко

Лунное сердце - собачий хвост

***Издательство Ч.С.В.
«Человек, создающий Вселенные»***

КОТОФЕЙ

***Серия детективной,
приключенческой
и фантастической
литературы***

Сергей Чебаненко

Лунное сердце – собачий хвост

(сборник
фантастических рассказов)

УДК 82.312.9(477.61)-35
ББК 84(4Укр)7-445
Ч-35

Редактор Стрельников В.А.
Художник-оформитель Чекмаев К.Г.

Чебаненко С.
Ч 35 Лунное сердце – собачий хвост / Сергей Чебаненко;
художник-оформитель К.Г. Чекмаев. – Киев: Ч.С.В., 2019.
–544 с.
ISBN 978-966-97718-4-1

Добро пожаловать в мир Её Величества Фантастики!

Пес Славный летит на Луну, чтобы опередить американских космонавтов и доставить на Землю образцы лунного грунта.

На космическом корабле на Селену попадает и домовый Порфирий Бебенов, чтобы стать Первым Луновым.

Высаживается на лунную поверхность и командор Брехуненко-Водолей, чтобы оставить среди кратеров и валунов отпечаток ноги человека.

Об этом и многом другом вы прочитаете в сборнике фантастических рассказов Сергея Чебаненко.

УДК 82.312.9(477.61)-35
ББК 84(4Укр)7-445

ISBN 978-966-97718-4-1

© Чебаненко С., 2019

От автора

Однажды я вдруг обнаружил, что среди моих рассказов довольно много таких, в которых действие так или иначе связано с лунной орбитой или Луной – на целый сборник хватит.

Такой сборник рассказов вполне можно было бы назвать “Лунариум”. Но книга с таким названием уже была издана в 70-е годы – и, кстати, стала одной из моих любимых. Дублировать название не хотелось. Поэтому “лунный сборник” был поименован названием первого из рассказов, которые вошли в него. Но все-таки это лунариум – мой маленький Лунариум.

Лунное сердце – собачий хвост

Вот ведь жизнь собачья! Неужели я и вправду лечу?

То, что мне предстоит не обычная тренировка в Металлической Будке, я понял еще три дня назад, когда Валерий Иванович отправил нас со Смелым сюда из Большого Города на Крылатой Леталке. Как только Леталка опустилась на здешнюю Длинную Полосу и открылась Круглая Дверь, в нос ударили букеты пряных запахов Бесконечной Степи. Той самой Степи, из которой в небо улетают Бело-Серые Рыбы.

Поначалу все было, как обычно: меня тыкали Колючими Иголками, обклеивали Резиновыми Лепешками, дважды одевали в Искусственную Кожу и примеряли Стекланную Голову. Смелый проходил такие же процедуры, и мы оба понимали, что один из нас снова отправится на Дальнее Небо в Металлической Будке верхом на Бело-Серой Рыбе. Только еще не было ясно, кто полетит – я или Смелый.

Ситуация прояснилась вчера вечером. Валерий Иванович кормил меня и Смелого ужином, когда в наш отсек вошел коренастый, плотный человек с большой головой и крупным волевым подбородком.

- Приветствую вас, товарищ Ездовский, - он за руку поздоровался с Валерием Ивановичем. – Ну-ка, покажите мне наших ореликов!

- Здравствуйте, Сергей Павлович! Вот они, кушают! – Валерий Иванович кивнул в сторону нашего открытого вольера.

- Только что закончилось заседание Государственной комиссии, - сообщил коренастый. – Основным объектом утвержден пес Славный. А Смелый будет его дублером.

Сергей Павлович подошел вплотную к вольеру, наклонился и ласково потрепал меня по шее:

- Ты меня только не подведи, надежда советской космонавтики, ладно?

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Сегодня утром меня и Смелого снова одели в Искусственную Кожу и на Колесной Повозке отвезли на Летное Поле. Посреди Поля стояла огромная Бело-Серая Рыба. Мама моя Жучка! Я такой большущей Рыбы отродясь не видывал! Те Рыбы, на которых я раньше летал на Дальнее Небо, по сравнению с этой казались простыми мальками.

Сердце замерло от страха и восторга. Хвост сам собой стал поджиматься под задние ноги. Я мысленно приказал ему не трусить, и через пару секунд он уже бодро завертелся влево и вправо, демонстрируя всем присутствующим мое хорошее настроение и готовность к предстоящему старту.

На прощание я нюхнулся со Смелым. Прощай, мол, братец, не поминай лихом, если вдруг что. Смелый тихонько заскулил, но я коротким рыком одернул его. Негоже нам, космонавтам, распускать нюни.

На Решетчатой Поднималке мы с Валерием Ивановичем и еще несколькими людьми в Белых Одеждах поднялись к самой голове Гигантской Рыбы. Я окинул взглядом Большую Степь, вдохнул полной грудью прожаренный солнцем сухой воздух, подставил уши под ласковую руку прилетевшего издали ветерка, повернулся и одним прыжком запрыгнул внутрь Металлической Будки. Валерий Иванович и люди в Белых Одеждах закрепили мое тело ремнями в Удобном Лежбище. Круглая Дверь бесшумно отошла от стены и плотно закрылась, отделив меня от всего остального мира.

В нашей собачьей работе самое скверное – это лежать и ждать, когда Гигантская Рыба начнет свой путь на Дальнее Небо. Скучно и очень одиноко. Я сладко зевнул, некоторое время созерцал краешек голубого неба в Круглом Окошке, которое было сделано в Металлической Будке прямо перед моим носом, а потом опустил голову на лапы и заснул.

Проснулся я перед самым стартом, когда из Говорилки, расположенной на стене Металлической

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Будки, стали звучать громкие команды для Гигантской Рыбы:

- Ключ на старт! Зажигание! Предварительная! Промежуточная! Главная! Подъем!

Тело Рыбы ожило. Где-то далеко внизу, подо мной, басовито заурчали Рыбы Огненные Грохоталки. Гигантская Рыба задрожала, дернулась и медленно пошла вверх, в небо.

Лечу, гав! Поехали!

На сердце стало радостно и тревожно. Да, у меня была опасная собачья работа, но она мне нравилась!

Гигантская Рыба немного наклонилась, и в Круглое Окошко стали хорошо видны Бескрайняя Степь и комочки Белой Ваты на нежно-голубом ковре неба. Красиво-то как, гав!

Однако долго восторгаться полетом мне не пришлось. Рыба продолжала лететь, и на меня навалилась Невидимая Тяжелуха. Нас, космических псов, хоть и приучают к ней во время тренировок на Быстрой Вертелке в Большом Городе, но все равно очень неприятно, когда большой и невидимый зверь давит и душит тебя со всех сторон.

Но Невидимая Тяжелуха длится совсем недолго, всего несколько минут, и поскуливая тихонько в лапы, ее вполне можно перетерпеть. Зато потом наступает Полное Облегчение. Как только замолкают Огненные Грохоталки в хвосте Гигантской Рыбы, твои лапы, хвост, голова – да все тело! – становятся необычайно легкими. Если оттолкнуться лапами от Удобного Лежбища, то можно даже немного полетать по Металлической Будке.

- Славный, Славный! – сквозь треск из Говорилки донесся голос Валерия Ивановича. – А где мой хороший пес?

- Гав! – бодро отрапортовал я. Мол, здесь я, на месте, самочувствие нормальное, полет проходит по программе. – Гав, гав!

- Молодец! – похвалил Валерий Иванович. – Слушай, сейчас о тебе говорить будут.

Я наострил уши.

Говорилка некоторое время молчала, потом слегка зашипела и в Металлическую Будку ворвался Громкий Торжественный Голос:

- Говорит Москва! Работают Центральное Телевидение и все системы Всесоюзной Радиосвязи. Передаем сообщение ТАСС. Сегодня, 3 июля 1969 года, новой мощной ракетой – носителем “Наука” на трассу полета к Луне выведен космический корабль “Луна-15”. На борту корабля находится живое существо – пес Славный...

Дальше Громкий Торжественный Голос стал зачитывать мою биографию: пес Славный – внук первопроходицы космоса собаки Лайки, ранее дважды совершил полеты на околоземную орбиту на борту космических кораблей “Восход” и “Союз”.

Вот этого слащавого вранья я не люблю, гав. Никакой я не внук собаки Лайки, а всего лишь внучатый племянник. И нечего приукрашать мою родословную. Мама – лайка, папа – ризеншнауцер. А я кто? Правильно, лайкеншнауцер. Космической породы пес, короче говоря.

А вот насчет полетов на “Восходе-3” и “Союзе-2” - это правда.

На первом корабле мы с Угольком пролетали три недели, испытывая систему жизнеобеспечения для будущих полетов людей. Тоскливым и скучным был тот полет, гав. Целыми днями сидишь и смотришь в Круглое Окошко, за которым нет ничего, кроме Черной Пустоты.

Экспедиция на “Союзе-2” оказалась куда более интересной. Сутки я болтался на Дальних Небесах, а потом ко мне прилетел космонавт дядя Жора и соединил свою Будку с моей. Металлические Руки надели на меня Стекланную Голову, открылась Круглая Дверь, и я по специальному сетчатому коридору переполз прямо через Черную Пустоту в Будку дяди Жоры и отдал ему пакет с почтой и сувенирами. А потом по этому же коридору снова вернулся в свою Будку на “Союзе-2”, прихватив для землян сверток от дяди Жоры.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Голоса из Говорилки еще долго болтали обо мне и моем полете, но я не слушал. Я скромн и не тщеславен. Лучше бы они музыку транслировали, гав. “Собачий вальс”, например, или “Ораторию страстной любви” в исполнении вокально-инструментального ансамбля “Мартовские коты”. Я закрыл нос лапой и снова задремал.

Следующие трое суток полета прошли довольно скучно. Я ел, пил и спал. В Круглом Окошке не было видно ничего, кроме Черной Пустоты. Тоска и скука. Скука и тоска. Когда становилось совсем невмоготу, я начинал петь грустные собачьи песни. Наверное, песни всем нравились, потому что каждый раз после начала концерта, включалась Говорилка, и со мной начинал разговаривать Валерий Иванович. Говорил всякие ласковые слова и подбадривал.

Впрочем, скука – скукой, но вскоре выяснилось, что я лечу в Металлической Будке не один. Люди в Белых Одеждах, видимо, не слишком хорошо вычистили мою шерсть перед полетом. В районе хвоста обнаружилось присутствие до ужаса вредной блохи, которая, периодически покусывая меня, стала медленно перемещаться по моему телу в сторону шеи. На Земле я бы ее выкусил в два счета, но здесь эту гигиеническую процедуру мешала выполнить одетая на меня Искусственная Кожа. Пришлось молча терпеть. К исходу третьего дня космической экспедиции я уже почти привык к присутствию этой одинокой блохи и мысленно стал именовать ее Манькой. Какое - никакое, а все-таки живое существо. Уж и лететь в такой компании стало не так скучно.

На четвертые сутки полета снова заработали Огненные Грохоталки. Правда, теперь это были уже не большие Грохоталки на Гигантской Рыбе, а совсем маленькие Грохоталочки на Металлической Будке. Будка затряслась и закувыркалась. Говорилка затараторила совсем непонятными мне словами: скорость, дальность, угол подлета. В Круглое Окошко на мгновение заглянуло

что-то мрачно-унылое и пепельно-серое лицо. Я предостерегающе твякнул, и лицо тут же скрылось.

Будка несколько раз повернулась, словно шарилась взглядом по Черной Пустоте, качнулась влево - вправо раз-другой, а потом снизу под полом в нее ударило что-то большое и массивное. Я испуганно взвизгнул, поднял уши и прислушался.

Несколько секунд стояла полная тишина. А затем голос в Говорилке, срываясь от волнения, произнес:

- Корабль прилунился в Море Спокойствия. Славный сел.

Я хотел было громко запротестовать: никуда я не сел и по-прежнему лежу на Удобном Лежбище, но из Говорилки послышался такой многоголосый хор восторженных возгласов, что я только хвостом махнул. Оговорился Далекий Голос, бывает. Ну, и пусть себе.

- Начинаем выполнение исследовательской программы, - радостно-возбужденно сообщила Говорилка.

Из-под потолка Будки опустились две Металлических Руки и аккуратно надели на меня Стекланную Голову. Вокруг воротника на Искусственной Коже что-то несколько раз громко щелкнуло, послышалось легкое шипение и у меня слегка заложило уши.

- Скафандр герметичен, - теперь звук шел из двух Маленьких Говорилочек внутри Стекланной Головы. – Освобождаем Славного от фиксаторов на кресле. Открываем входной люк.

Змеиные ремни, которые удерживали меня на Удобном Лежбище, разом опали. Круглая Дверь в левой стене Будки дрогнула, приоткрылась, и ко мне заглянуло солнышко.

- Славный, вперед, - сказали Маленькие Говорилочки голосом Валерия Ивановича. – Вперед, мой мальчик!

Меня не нужно было упрашивать. После трех суток неподвижного лежания я рванул вперед с удесятеренной

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

энергией. Рванул, и остановился на пороге Металлической Будки, как вкопанный.

Я почему-то был уверен, что за Круглой Дверью окажется наша Земля, наш хоженный и перехоженный вдоль и поперек полигон, на котором мы со Смелым ночью при свете прожекторов последние полгода отрабатывали всякие фокусы-покусы.

Но земля за Круглой Дверью оказалась совсем чужой.

Она была пустынной и пыльной. Как старый чердак на даче Валерия Ивановича под Большим городом.

Она была совсем маленькой и куцей. Как огрызок купированного собачьего хвоста. Или как округлый островок в темном невидимом океане, над которым раскинула свои бесконечные крылья Черная Пустота.

Оказывается, есть в этом мире не только наша Родная Земля. Есть еще и другие земли. Чужие земли.

- Получен сигнал от внешней телекамеры корабля, - сообщили Маленькие Говорилочки. – Хорошо видим пса на экране. Славный стоит на пороге выходного люка. Кажется, он боится выходить.

“Это кто еще боится, гав? – мысленно возмутился я. – Настоящий пес всегда должен осмотреться на незнакомой местности. И не лезть вперед, очертя голову, гав-гав!”

- Работаем, Славный, - приказали Маленькие Говорилочки голосом Валерия Ивановича.

Работаем, так работаем. Потом рассмотрим, что вокруг и как.

Я легко сбежал по ступенчатой лестнице на пыльную поверхность Чужой Земли.

- Седьмое июля тысяча девятьсот шестьдесят девятого года, - радостно сообщил восторженный голос из Маленьких Говорилочек. – В десять часов пятнадцать минут живое существо впервые ступило на поверхность Луны. Это гигантский шаг вперед для всего человечества...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

“...И всего лишь маленькое шевеление для моего хвоста”, - я мысленно закончил фразу по-своему. Терпеть не могу этого человеческого пафоса.

Двигаться по Чужой Земле было легко. Я как обычно шевелил лапами, но при этом почему-то подпрыгивал на небольшую высоту. Очень забавно получалось.

- Славный, достаем телекамеру, - распорядился Валерий Иванович.

Это всегда пожалуйста. Программу фокус-покусов я освоил на Родной Земле до полного автоматизма. Телекамера лежала в большом кармане, пришитом слева на Искусственной Коже. Я сунул верхние и нижние челюсти в Хваталки внутри Стеклоанной Головы, легко извлек ими пластиковый ящичек с переносной телекамерой из кармана и осторожно опустил его на пыльную поверхность Чужой Земли. На ящичке сразу же замигали разноцветные огоньки. Я отошел на несколько шагов в сторону и, как меня учили на тренировках, сел прямо напротив круглого стекляннoго глаза телекамеры.

- Переносная телекамера работает, - обрадовались Маленькие Говорилочки. – Хорошо видно Славного. Такой красавец!

- Молодец, Славный, - похвалил Валерий Иванович. – Работаем дальше. Флаг, Славный, ставим флаг!

Флаг был в правом кармане. Его свернули в короткую толстую трубку. Я вытянул сверток Хваталками, немного подрыл лапами, одетыми в Искусственную Кожу, пыльную поверхность Чужой Земли и торцом воткнул в нее толстую трубку. Цилиндр качнулся, выпрямился и из него стала выдвигаться более тонкая трубка, потом еще более тонкая. Не успел я и глазом моргнуть, как из выросшей над Чужой Землей складной мачты развернулся и слегка затрепетал, словно на прилетевшем из Черной Пустоты ветерке, Большой Красный Четырехугольник с какими-то золотистыми значками в верхнем углу около самого древка.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Внутри Маленьких Говорилок сразу же многогласно радостно загалдели и захлопали в ладоши. Потом аплодисменты смолкли, наступила напряженная тишина, и кто-то шепотом сказал:

- Товарищ Ездовский, усадите собаку рядом с флагом. А вы, дорогие товарищи, присаживайтесь вот в это кресло. Вам удобно?

- Удобно, - прокряхтел в ответ Шепелявый Голос. – Мы, товарищи, не привыкли сидеть в мягких креслах. Вот, помню, у меня был случай...

“Наверное, это пришел кто-то из Больших Начальников, - подумал я. – Тот, который не раз высаживался на разные Чужие земли”.

- Сидеть, Славный, смирно сидеть! – сказал Валерий Иванович строгим голосом. Я послушно сел рядом с флагом. Сидеть, так сидеть. Старых космонавтов нужно уважать.

- Дорогой наш товарищ Шарик, - почмокав губами, произнес Шепелявый Голос.

- Пса зовут Славный, - шепотом поправили его.

- Кгр-кхе, - смущенно кашлянул Шепелявый Голос. – Я так и говорю... Дорогой наш товарищ... э-э-э... Славик! В эти волнующие минуты, когда все прогрессивное человечество неотрывно следит за твоими первыми шагами на Луне, позволь мне выразить восхищение всего нашего народа твоим бессмертным подвигом...

Шепелявый Голос говорил о будущих космических победах и магистральном пути человечества в космос минут пятнадцать. Все это время, как и учили меня на Родной Земле, я сидел, не шевелясь и глядя в круглый глазок переносной телекамеры. Осмелевшая блоха Манька выбралась из-за ворота одетой на меня Искусственной Кожи, осмотрелась и мирно улеглась спать на краешке моего носа. Я сейчас мог легко слизнуть ее языком, но не стал этого делать. Хоть и маленькая, а все-таки тоже космическая путешественница.

Шепелявый Голос, наконец, закончил говорить. Снова наступила тишина.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Что же он у вас так и будет истуканом под флагом сидеть, товарищ Ездовский? – тихо спросил чей-то Скрипучий Голос с недовольной интонацией. – И ничего не ответит на приветствие? Нехорошо, товарищи...

- Но это же только собака, - попытался возразить кто-то.

- Сейчас ответит, - шепотом сказал Валерий Иванович и громко скомандовал мне:

- Славный, вольно!

Я расслабился, привстал, обнюхал основание древка флага, резким движением вскинул правую заднюю ногу и сделал в памперсы внутри Искусственной Кожи то, что мне давно уже хотелось сделать.

- Это что же он такое делает? – недоуменно спросил Шепелявый Голос. – И прямо под древком флага...

- Это пес так салютует, - выручил меня Валерий Иванович. – Это мы так приучили его отдавать салют.

- А почему он салютует задней ногой? – в голосе Шепелявого все еще звучало сомнение.

- У собак четыре ноги. С функциональной точки зрения они совершенно равноценны, - пояснил Валерий Иванович. - Ну, а салютовать задней конечностью нашему Славному просто удобнее. Привычнее, так сказать.

- Гр-кха-кха, - раскатисто откашлялся Шепелявый Голос. – Какой он молодец, этот наш Славик! Ну, что, товарищи, куда поедем обедать?

И Незнакомые Голоса быстро удалились.

Следующие полтора часа я по командам Валерия Ивановича находил на поверхности Чужой Земли разные камни, брал их Хваталками и относил в Металлическую Будку. В Будке рядом с Удобным Лежбищем стоял огромный ящик, в который я один за другим складывал подобранные мною камни. Аккуратно складывал, - так, как меня учили на Родной Земле.

Когда ящик заполнился почти до краев, Валерий Иванович скомандовал:

- Все, Славный. Теперь отдыхай.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Я снова уселся около древка Большого Красного Прямоугольника, перевел дух и, наконец, огляделся.

Все-таки Чужая Земля была очень странной. На Родной Земле, пусть даже и ночью, все равно кто-то живой найдется. То жучок по своим делам пробежит, то ночная бабочка на огонек пролетит, то лягушка в реке спросонья квакнет.

А на Чужой Земле не было вообще никого. Только я и беспечно спящая на моем носу блоха Манька.

Еще эта Чужая Земля была сплошь усеяна разными камнями и какими-то округлыми пыльными лунками. На нашей Родной Земле похожие лунки остаются на песке от дождевых капель. Только на Родной Земле они все почти одного размера. А здесь лунки были разных размеров – и большие, и маленькие. Некоторые, совсем большие, оказались даже больше Металлической Будки. Я поехал и тихо зарычал. Гав, не хотел бы я попасть под дождик из водных капель такой величины!

Я поднял голову, чтобы найти на небе Золотые Светлячки, на которые очень люблю смотреть дома по ночам, и обомлел. Среди Черной Пустоты, которая простиралась надо мной, обнаружилась большущая бело-голубая Округлая Блямба.

“Это что еще за новость? – удивился я, слегка наклоняя голову. – В жизни не видел ничего подобного!”

В ночном небе над Родной Землей всегда, - если, конечно, нет Пушистых Туч, - можно увидеть только россыпи Золотых Светлячков. Ну, и еще Недожаренный Блин, который постепенно вырастает из узкого серпика в круг, чтобы потом через десяток дней снова стать едва заметным серпиком.

А здесь вместо Недожаренного Блина в небе неожиданно обнаружилась эта бело-голубая Округлая Блямба...

Я задумался. Когда я на Родной Земле, над головой в небе плавает Недожаренный Блин. Сейчас я на Чужой Земле, Недожаренного Блина нигде не видно, зато в небе

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

висит эта Округлая Блямба. Далекая, далекая... Но все-таки почему-то какая-то родная...

Мать моя Жучка! Мысль в голове блеснула молнией и подбросила меня с места. Я все понял!

Эта Чужая Земля, на которой я стою сейчас всеми четырьмя лапами, - это и есть Недожаренный Блин! А бело-голубая Округлая Блямба в небе – это Родная Земля! Да, далеко меня занесла в этот раз Гигантская Рыба...

Недожаренный Блин... Миллионы лет назад он явился откуда-то издалека, из россыпей Золотых Светлячков на ночном небе Родной Земли. Явился и почти в одночасье погубил Водяными Волнами больших Страшных Зверей, от которых Собачьему Народу совсем не было житья. И тогда поклялся Собачий Народ: когда-нибудь подняться на самое Дальнее Небо, чтобы поблагодарить за помощь Недожаренный Блин. Сотни поколений моих диких предков по ночам пели нашему небесному спасителю величальные песни...

И вот теперь... У меня перехватило дыхание от восторга. Я, пес Славный, в общем-то простой сукин сын, - хотя и внучатый племянник знаменитой Лайки, - сегодня выполнил многовековую клятву всего моего народа! Я взлетел на Дальние Небеса, добрался до Недожаренного Блина и принес ему нашу собачью благодарность!

Я сел на задние лапы, поднял голову в небо и запел Величальную Песню.

- Тоскует по Земле наш пес, - сказал кто-то в Маленьких Говорилках. – Пора заводить его обратно в корабль!

- Славный, Славный, хороший мой мальчик, - ласково позвал Валерий Иванович. – Домой нам пора, домой!

- Не надо его звать, Валерий Иванович, - остановил его Строгий Голос. – Славный свою задачу выполнил. Даже очень хорошо выполнил. Лунного грунта собрано много и корабль перетяжелен. Поэтому мы решили оставить собаку на Луне.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Краем глаза я увидел, как дернулась и стала закрываться Круглая Дверь в боку Металлической Будки.

- Как это оставить Славного на Луне?! – опешил Валерий Иванович. – Он же живой, товарищи... Живой, понимаете?!

- Сейчас мы выдадим команду на открытие гермошлема скафандра, - произнес Строгий Голос невозмутимо. – Смерть наступит мгновенно и почти безболезненно.

- Я не позволю! – в Маленьких Говорилках послышались шум и возня. – Всем назад!

- Опомнитесь, товарищ Ездовский! - с укоризной сказал Строгий Голос. – Корабль должен немедленно стартовать. Иначе мы не сможем выйти на траекторию полета к Земле!

- Что здесь происходит? – вмешался в перепалку еще один голос. Я сразу узнал его. Это был голос круглоголового и коренастого человека, который приходил в наш со Смелым вольер за день до моего старта на Большой Рыбе.

- Товарищ Ездовский заблокировал управление кораблем, Сергей Павлович, - сообщил Строгий Голос. – “Луна-15” не может взлететь!

- Сергей Павлович, - я уловил нотки отчаяния в голосе Валерия Ивановича, - они хотят оставить Славного на Луне!

- Вы что, товарищи, белены объелись? – голос коренастого стал похож на рычание разъяренного пса. – Как это оставить на Луне?!

- Взлетная ступень перетяжеленна, разве вы не знаете? - нервно огрызнулся Строгий Голос. – Если стартовать с собакой, то корабль может разрушиться в земной атмосфере от большой перегрузки...

- Это не ваша забота! – рявкнул коренастый. – “Луна” взлетит только вместе с собакой, ясно?! Валерий Иванович, зовите пса!

- Славный, Славный, домой, - мне показалось, что Валерий Иванович сейчас заплачет. – Домой, слышишь?

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Слышу, Валерий Иванович, слышу. Еще минутку мне дайте, ладно?

И они там, на Родном Земле, словно услышали мои мысли, замолчали.

Я допел Величальную Песню до конца, не спеша пошел к Будке и в два прыжка поднялся по ступенчатой лестнице к Округлой Двери. На пороге я на минутку остановился и оглянулся назад.

До свидания, Чужая Земля - Недожаренный Блин! Я приходил к тебе с благодарностью и миром от всего Собачьего Народа, а теперь уйду. Но я вернусь. Обязательно вернусь. Вернусь, чтобы бежать по твоим бесконечным просторам, чтобы резвиться среди твоих камней и пыльных лунок. Ведь все Чужие Земли рано или поздно должны стать нашими Родными Землями, разве не так? Именно в этом и есть великий смысл существования Собачьего Народа. Ну, и конечно, наших верных друзей – Людей.

Округлая Дверь Металлической Будки закрылась за моей спиной. Я запрыгнул на Удобное Лежбище. Змейки фиксирующих ремней зашевелились и стянули мое тело. Что-то невидимое кашлянуло и зашипело, а потом Металлические Руки сняли с меня Стекланную Голову. Блоха Манька на радостях сиганула куда-то под потолок. Наверное, решила заняться воздушной акробатикой.

- Внимание, старт! – сказала большая Говорилка. Будка задрожала и подпрыгнула. Пыльная поверхность Недожаренного Блина за Круглым Окошком провалилась куда-то вниз. Я понял, что снова лечу.

Потом была дорога домой. Я страшно устал и поэтому почти все время спал. Просыпался только чтобы немного попить и поесть. Сквозь сон я слышал глухое бормотание Говорилки: Земля вместо “Собачьего вальса” по-прежнему транслировала мне “Маяк”, “Последние известия” и информационную программу “Время”.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

-...Наш корреспондент встретился с известным специалистом по выращиванию картофеля в лунном грунте Чеславом Волянецким.

“Доктор Волянецкий, как вы оцениваете полет пса Славного на космическом корабле “Луна-15”?

“Это выдающееся достижение советской науки и техники. Я нисколько не хочу умалять значение будущего рейса к Луне космического корабля “Аполлон-11” и первой высадки человека на лунную поверхность, но давайте признаем очевидное: пес Славный в буквальном смысле увел полцентнера лунных камней из-под самого носа у Нила Армстронга и База Олдрина”...

“Ничего я не уводил, - мысленно возразил я в полудреме. – Просто у меня работа такая. Космическая”.

-... На киностудии имени Максима Горького известный советский режиссер Леонид Гайдай приступил к съемкам комедийного фильма “Пес Барбос и лунный кросс”. В роли американских астронавтов в новом фильме снимутся Георгий Вицин, Юрий Никулин и Евгений Моргунов...

“Хорошо бы сыграть самого себя, - я сладко зевнул. – Всегда мечтал стать киноартистом!”

-...Вчера палата лордов парламента Великобритании единогласным голосованием присвоила космическому псу Славному титул лорда и родовое имя “Лунное Сердце – Собачий Хвост”. В своем обращении к парламентариям королева Елизавета Третья выразила желание обвенчать свое любимую собачку Мими с сэром Славным. Соответствующее предложение советскому послу в Лондоне сделал сегодня руководитель Форин Офиса...

“А вот вам дудки! – фыркнул я под нос. – Никаких династических браков. Женюсь только по любви. И чтобы обязательно с первого взгляда!”

...Снова включились Огненные Грохоталки. Бело-голубой шар Родной Земли за Круглым Окошком стал стремительно расти. На меня опять навалилась Невидимая Тяжелуха. О, это была всем Тяжелухам

Тяжелуха! Затуманилось в глазах, сдавило спину и бока. Какое-то время я даже думал, что у меня вот-вот затрещат кости. Я открыл пасть, чтобы завывать, и не смог: воздух просто отказался выходить из горла. Маньке тоже было тяжело, и она распласталась на моем носу, раскинув в сторону свои длинные задние ноги.

По стеклу Круглого Окошка зазмеились Огненные Ленты. Родная Земля выростала из облачной дымки и стремительно приближалась.

А потом Тяжелуха пропала – внезапно и навсегда.

Над потолком что-то оглушительно бабахнуло. Будку тряхнуло и завертело. Я догадался сразу: над моим космическим домом надувается Большой Пузырь.

- На связи борт 316, - ожила Говорилка. – Вижу спускаемый аппарат. Раскрытие парашюта штатное. Буду садиться рядом и эвакуировать объект. Координаты места посадки даю по пеленгу.

Что-то бухнуло снизу в пол Металлической Будки. У меня лязгнули зубы, чуть язык не прикусил. Будка несколько раз качнулась из стороны в сторону и замерла.

Почти сразу же раздался стук в стену. Округлая Дверь открылась, и несколько человеческих рук одновременно просунулись внутрь Будки, подхватили меня с Удобного Лежбища и осторожно потащили наружу. Оклемавшаяся Манька испуганно шарахнулась прочь.

Ярко светило солнце. Вокруг расстилалась Бескрайняя Степь, среди которой там и сям спускались с неба Шумные Вертушки и от них к Металлической Будке бежали люди. Множество людей. Так торжественно меня еще никогда не встречали.

- Вот он! Живой! Здоровый! – кричали отовсюду. – Молодец, Славный!

С меня быстро, но осторожно сняли Искусственную Кожу и Резиновые Лепешки. А потом принялись гладить по голове и бокам, тискать руками, целовать в нос. Это было какое-то совершенно невыносимое всеобщее ликование!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Среди всего этого шума мои чуткие уши уловили едва различимое поскуливание. Я опустил взгляд вниз. Под ногами у державших меня на руках людей вертелась маленькая собачонка коричневого окраса. Местная, казахстанская порода. Мордашка симпатичная, а глазки так и сияют от восторга. Чудо, а не глазки!

- Товарищи, разрешите пройти! – слышался чей-то зычный голос. – Пропустите профессора Ездовского и телевизионную группу!

Сквозь толпу пробрался Валерий Иванович и телевизионщики. Валерий Иванович обнял меня, и я радостно взвизгнул. Ласковые и родные руки, которые я помнил еще со щенячьих времен!

Телевизионщики сходу начали съемку. Высокий вихрастый журналист сунул Валерию Ивановичу едва ли не под самый нос большой микрофон:

- Профессор Ездовский, что вы можете сказать о результатах только что завершившейся миссии космического корабля “Луна-15”?

- Это наша большая победа, - улыбнулся Валерий Иванович. – Впервые живое существо побывало на поверхности спутника Земли – Луны. Псом Славным собрано свыше пятидесяти килограммов лунного грунта, который в специальной капсуле доставлен на Землю...

- Вы не могли бы показать нашим зрителям эту капсулу, Валерий Иванович?

- Конечно, конечно, - Ездовский осторожно опустил меня на землю и повернулся к Металлической Будке. – Вот здесь, рядом с креслом Славного, установлен контейнер с образцами лунного грунта. Сейчас мы извлечем его и отправим в Москву для изучения.

- Профессор, а можно попросить вас взять пса на руки и стать около спускаемого аппарата? – попросил кто-то из фотожурналистов. – Нам нужны снимки для завтрашних газет...

- Конечно, можно, - Валерий Иванович наклонился и стал шарить внизу руками. – Э-э-э... Товарищи, а где же наш пес? Где Славный?

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Вокруг Ездовского мгновенно образовалось пустое пространство. Все принялись оглядываться по сторонам.

- Неужели сбежал? – сдавленным шепотом предположил кто-то.

- Да вы что?! – испуганно охнул Ездовский. – Как это сбежал? Это же дрессированный космический пес!

- Давайте искать! – предложил чей-то задорный голос, и толпа встречающих тут же мгновенно рассыпалась в стороны, оглашая Большую Степь истошными призывами:

- Славный, Славный! Кутя – кутя! Где наша собачка?

Ну, и зачем так орать, спрашивается? Вот он я, здесь. Нахожусь прямо под Колесным Эвакуатором, который стоит рядом с Металлической Будкой. И не выйду из-под него до тех пор, пока мы с представительницей местного населения не завершим важный генетический эксперимент в области собаководства.

Товарищи, вы не знаете, какого окраса щенки появятся на свет, если скрестить русского космического пса с собачкой степной казахстанской породы?

Первый Луновой

1

В нынешнем году будет отмечаться очередная круглая дата великого достижения, которое совершили Нил Армстронг, Баз Олдрин, Майкл Коллинз и я. Об этом нашем достижении в обязательном порядке упоминается в любой книге по истории космонавтики, и во всех школьных учебниках по истории XX века. В июле шестьдесят девятого мы вчетвером осуществили первый пилотируемый полет к Луне с высадкой на ее поверхность.

Правда, не во всех книгах, - особенно в тех, которые рассчитаны на чтение людьми, - правильно и

полно освещается моя роль в ходе этого выдающегося космического полета. Но это уже вопрос неполноты восприятия исторических событий человечеством, а отнюдь не вопрос истории. В историческом плане мой весомый вклад в успешное проведение лунной экспедиции на космическом корабле “Аполлон-11” специалистами в области космонавтики не оспаривается.

Честно говоря, до мая 1969 года я вовсе и не думал о полете в космос. Нет, конечно, работа моя была отчасти связана с космонавтикой. Работал я тогда обычным домовым в человеческом мире - в здании тренажерного комплекса в Звездном городке под Москвой. Следил, чтобы всякие недобрые взгляды, сглазы и заговоры не помешали поступательному и прогрессивному развитию советской космонавтики. В свободное время, - чаще всего, по ночам, - из чистого любопытства, бывало, и на центрифугах крутился, и на качелях Хилова вертелся, и в космических тренажерах посиживал. Но чтобы самому стать космонавтом, – нет, об этом я даже и не помышлял.

Но вот в конце мая 1969 года почтовая сорока-белобока принесла мне неожиданную весточку: вызывают меня немедленно в нашу колдовскую столицу, на Лысую Гору, в Центральный Комитет Колдовской партии. Я в партии сроду не состоял, - хоть и числился в списках сочувствующих, но был беспартийным. Поэтому поначалу усомнился: может, это не меня вызывают? Может, спрашиваю белобоку, ошибка вышла? Но сорока твердо стрекотала свое: домовому Порфирию Бебенову велено завтра к десяти часам утра прибыть в партийный Старый Замок, в келью 325, к секретарю ЦК КП товарищу Морфину Марихуановичу Гашишеву.

Как известно, мы, народец подлунный, сосуществуем с людьми в одном мире, на одной и той же планете Земля, но параллельно в магическо-колдовском континууме. Поэтому мы людей видим, а они нас – нет. В этом и состоит главное различие между реальным, человеческим миром, и нашим, колдовским и магическим. А все остальное очень и очень похоже. У них – Советский

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Союз, у нас – Лукоморский. У них столица в Москве, у нас – на Лысой Горе. У них Центральный Комитет Коммунистической партии – на Старой площади, у нас ЦК Колдовской партии – в Старом Замке.

Утром следующего дня я сел в Мытищах в прицепной колдовской вагон подмосковной электрички, доехал до Ярославского вокзала, торопливо нырнул в метро и точно в назначенный час предстал пред светлы очи самого секретаря ЦК партии.

Товарищ Гашишев оказался плотным, невысокого роста водяным в тщательно отглаженном темно-синем водолазном костюме и крупных роговых очках, похожих на маску ныряльщика. Он строго блеснул на меня стеклами, внимательно и как-то оценивающе осмотрел и кивнул в сторону стульев:

- Присаживайся, товарищ Бебенов. Разговор у нас с тобой будет долгий и серьезный.

От этих слов у меня сердце нырнуло куда-то в левую пятку. Ведь если беспартийного домового вытаскивают аж в ЦК Колдовской партии для долгих и серьезных бесед, ждать хорошего вряд ли приходится. На мигом онемевших ногах я прошел к стулу и сел на самый краешек сидения.

Морфин Марихуанович еще раз пробуравил меня строгим и пытливым взглядом, кашлянул и начал:

- В международной колдовской обстановке, товарищ Бебенов, складывается очень непростая политическая ситуация.

Он сделал паузу, строгим взором из-за очков оценивая, какое впечатление на меня произвела сказанная им фраза. Я чуть подался вперед и изобразил на лице живейший интерес.

- Ты, надеюсь, слышал о том, что американские империалисты готовят пилотируемый полет на Луну? – осведомился товарищ Гашишев. – Уже в июле нынешнего года два космонавта должны на лунном модуле “Орел” космического корабля “Аполлон” совершить высадку на лунную поверхность.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Лицо секретаря ЦК Колдовской партии помрачнело. Мне даже показалось, что он воспринимает предстоящий лунный рейс американцев как личную обиду.

- Конечно, слышал, - энергично закивал я. – У нас в центре подготовки космонавтов только и разговоров о том, удастся ли Америке в этот раз утереть нос Советскому Союзу...

- В ЦК нашей партии есть мнение, что, увы, удастся, - губы Морфина Марихуановича недовольно скривились, как будто он только что употребил килограмм кислой клюквы. – Несмотря на титанические усилия и достижения СССР в деле освоения космоса, американский космонавт, видимо, окажется на Луне первым.

Он снова вперил в меня пронзительный взгляд. Я издал глубокий и протяжный вздох, демонстрируя высокую степень своего патриотизма. Мол, что поделаешь, так уж получается...

- А поэтому, - продолжил после паузы товарищ Гашишев, - может серьезно нарушиться общий мировой баланс колдовских сил. Лунный модуль, на котором американцы будут высаживаться на Луну, - это, если взглянуть с глубоко партийных позиций, ничто иное, как небольшой временный дом на Луне. А раз есть дом, то к нему вполне могут привязаться всякие порчи и сглазы. Которые, - как ты сам понимаешь, товарищ Бебенов, - могут серьезно сказаться и на всей политической ситуации уже в нашем, нечеловеческом, подлунном мире. Как тебе известно, у нас, водяных, леших и домовых Лукоморского Союза и без того сложные отношения с американскими гоблинами, орками и троллями. А если в эти непростые отношения вмешается еще чья-то искусно наведенная околотунная порча...

Он замолчал, нервно пожевал губами и рубанул с плеча:

- В общем, дорогой товарищ, ЦК партии - при полной поддержке Организации колдовских наций, между прочим, - принял решение направить тебя на Луну.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Меня?! – я поперхнулся внезапно уплотнившимся воздухом. - Но как...

Секретарь ЦК остановил меня жестом.

- Ты, дорогой Порфирий Модестович, тоже полетишь на космическом корабле “Аполлон”, - с напором произнес Гашишев тоном, не терпящим никаких возражений. – С колдовским правительством Соединенного Пятидесятья Америки мы уже обо всем договорились. Там, в их столице Вошь-ин-хтоне, тоже, чай, не болваны сидят. Заокеанские гоблины и тролли, - нужно отдать им должное, - прониклись сложностью международной политической обстановки и не возражают, чтобы лукоморский домовый высадился на Луну вместе с американскими космонавтами в качестве колдовского охранителя. Этим будет соблюден мировой баланс сил: в человеческом мире Соединенные Штаты Америки посылают своих граждан на Луну, а Советский Союз – пока нет. А в нашем колдовском мире будет наоборот: мы посылаем в лунную экспедицию гражданина Лукоморского Союза, а Соединенное Пятидесятье Америки воздерживается от посылки своих гоблинов.

Гашишев замолчал, проникновенно взглянул в мои глаза и ледяным тоном поинтересовался:

- Надеюсь, у тебя, товарищ Бебенев, - настоящего патриота нашей страны и всего подлунного мира, - не будет возражений?

Я сидел, совершенно не дыша и удивленно выкатив глаза. Со стороны, наверное, казалось, что я проглотил язык. Всего я мог ожидать от родного Колдовского правительства, но такого... Отправить меня на Луну с охранительной миссией... Даже в голове не укладывалась все величие этого колдовского замысла! И уж совсем замечательно смотрелся в этом дерзновенном раскладе магических сил я в роли крайнего, в роли стрелочника, на которого, если что-то вдруг пойдет не так, обязательно переведут все стрелки... Кто ты теперь, Порфирий Бебенев? Лунный козел отпущения, мэ-э-э...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Вот и прекрасно, - Морфин Марихуанович по-своему истолковал мое долгое молчание. – С сегодняшнего дня, Порфирий Модестович, ты начинаешь подготовку к лунному полету. Откладывать начало работы в долгий ящик не будем: времени в нашем распоряжении в обрез, всего около двух месяцев. Мы, их, конечно, порастянем всякими магическими способами, но, сам понимаешь, пространственно-временной континуум – не резинка из трусов, его бесконечно тянуть не будешь... Сейчас тебя проводят в наш колдовской центр космических полетов...

Я на одеревеневших от острых переживаний ногах поплелся к двери.

- И вот что, Бебенев, - окликнул меня товарищ Гашишев. – Придумай себе в качестве полетного псевдонима какую-нибудь другую фамилию. Звучную и красивую. А то Порфирий Бебенев – знаешь ли, звучит не слишком благозвучно для чутких ушей нашего колдовского народа.

Совершенно ошарашенный еще одним предложением партийного чиновника, я смог только безропотно кивнуть и молча вышел из кабинета.

2

События закрутились и завертелись, как в настоящей сказке. Полтора месяца ЦК партии готовил меня к полету на Луну. Мне читали долгие и нудные лекции по идеалистическому колдунизму. Придирчиво проверяли мои благонадежность и политическую подкованность на чародейских комиссиях. Старые маги и ворожейки передавали мне свой бесценный производственный опыт в сфере практического колдовского охранения.

К середине июля я был уже полностью подготовлен к предстоящей лунной миссии. По решению Колдунбюро ЦК меня даже приняли в члены Колдовской партии – без прохождения годичного предколдовского стажа.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Скафандр для меня скроили и сшили на подмосковном заводе “Звезда”. Тайно, по ночам, особая бригада кикимор-швей, предварительно сняв мерки с прототипа советского лунного скафандра “Кречет”, изготовляла наш отечественный колдовской аналог.

Чтобы мое пребывание на Луне не выглядело обычной политической акцией с легким охранительным аспектом, Колдовская Академия наук подготовила целую серию экспериментов, которые мне надлежало провести на лунной поверхности. Как водится, ко всем этим простеньким по своей сути исследованиям прилагалась почти тонна научно-магического оборудования – материальная основа для сотни-другой будущих диссертационных работ целой плеяды магов и колдунов.

Тринадцатого июля вместе со своим космическим багажом я вылетел в Соединенное Пятидесятье Американы на рейсовом ковре-самолете нашего “Аэроколдунфлота”. В аэропорту Гоблин-Йорка меня встретила целая толпа иностранной нежити – орки, гоблины, баньши. Колдовские политики, магические специалисты и журналисты ведьмовских средств массовой информации. Началась суетливая предстартовая круговерть – встречи в самых высоких колдовских кругах, пресс-конференции, фуршеты, приемы, коктейли.

Приемы – приемами, коктейли – коктейлями, но солнечным утром шестнадцатого июля 1969 года я, трезвый, как стеклышко, уже был во Флориде, и следом за Армстронгом, Олдриным и Коллинзом протопал в новеньком скафандре на борт космического корабля “Аполлон”. Мое научно-колдовское оборудование для работы на Луне американские коллеги загодя разместили на внешней части лунного модуля, заботливо прикрыв его невидимой магической завесой.

Конечно, я мог бы с легкостью войти внутрь командного отсека сквозь стену космического корабля, но в Академии колдовских наук рассудили, что этого делать не следует: своими магическими способностями я мог

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

случайно повредить теплозащитное покрытие “Аполлона”. Поэтому было принято решение воспользоваться обычным посадочным люком. Конечно, для людей даже в своем скафандре “Кречет” я по-прежнему был невидим, но в ЦК партии и Организации колдовских наций все же решили перестраховаться. Чтобы меня случайно не заметила человеческая стартовая команда и журналисты-люди, две местные ведьмы в нужный момент очень умело отвели им глаза. Ну, а на фото- и киноплёнке я сроду никогда не получался по причине своей врожденной не фотогеничности. Не говоря уже о телевизионных изображениях.

В тесном отсеке командного модуля “Аполлона” я уменьшился ровно в пять раз – есть среди моих домовенских способностей и такое полезное качество – и залег в небольшую нишу над головой у Нила Армстронга. Обнаружить меня всеми мыслимыми человеческими способами было теперь просто невозможно.

Стартовали в космос мы точно по расписанию. Армстронг, Олдрин и Коллинз летели к звездам уже второй раз, и более-менее спокойно восприняли сам момент запуска. Я же не смог скрыть своих эмоций, и когда многотонная сигара лунного носителя “Сатурн-5”, грохоча ракетными двигателями, приподнялась над стартовой площадкой космодрома, что было сил заорал в эфир:

- Ура! Летим!

Эх, забыл я, забыл на радостях и в великом волнении, что радиоэфир по своим свойствам одинаков и в человеческом, и в колдовском мире!

- Баз, ты что-то сказал? – Нил Армстронг встрепенулся и озадаченно посмотрел на Эдвина Олдрина.

- Нет, я молчал, как рыба, - пилот лунного модуля недоуменно пожал плечами. – Может, это Майкл?

Они оба повернули головы в сторону Коллинза.

- Я тоже не проронил ни слова, - покачал головой пилот командного отсека.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Кто же здесь только что кричал? – Армстронг вертел головой во все стороны, осматривая командный отсек.

– Наверное, это были радиопомехи... - робко предположил Майкл Коллинз.

Я испуганно сжался в своей тайной нише и даже попытался прикрыть ладонью рот. Правда, этого сделать не удалось, поскольку мое лицо закрывало стекло гермошлема.

- Гм, может быть, это и вправду были радишумы, - наконец, с сомнением произнес Армстронг. – Хотя мне показалось, что кто-то просто восторженно заорал над моим правым ухом...

Он еще раз тщательно осмотрел тесное пространство командного отсека над своей головой. Меня в нише он, конечно, не видел.

- Ладно, - Нил взмахнул рукой. – Будем считать, что это и в самом деле были помехи.

Я перевел дыхание и облегченно вздохнул. На этот раз обошлось. Нет, все-таки впредь мне нужно быть поосторожней. Командный отсек “Аполлона” слишком мал, чтобы вести себя здесь по земному, свободно, как дома.

Ракета тем временем стремительно возносилась в небеса. Накатали волнами перегрузка и тряска. Резкими толчками дали о себе знать разделения ступеней. Мое сердце отвечало на все эти прелести космического старта сериями учащенных пулеметных ударов. Во рту стало сухо, как в пустыне Сахара в летний безоблачный день. Но в целом выведение на околоземную орбиту я перенес хорошо.

После одного витка вокруг Земли центр управления полетом, расположенный в человеческом мире в американском городе Хьюстоне, сообщил:

- “Аполлон-11”, у нас есть очень странная новость. По результатам траекторных измерений ваш космический корабль перетяжелен примерно на одну тонну. Это не

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

скажется на ходе полета к Луне, но мы не можем понять, в чем дело.

Мое сердце снова тревожно замерло. Это я и мои колдовские причиндалы в сумме весили около одной тонны. Увы, даже магические тела имеют массу и вес.

Армстронг вопрошающе уставился на членов экипажа. Олдрин развел руками, Коллинз пожал плечами.

- Ерунда, Хьюстон, - нашелся Нил Армстронг и широко улыбнулся. – Просто у нас был слишком плотный завтрак!

Эфир отозвался дружным хохотом дежурной смены наземных управленцев.

Я приподнял стекло гермошлема и тыльной стороной космической перчатки вытер со лба выступившую испарину. На этот раз пронесло. Меня не обнаружили.

3

Ну, а дальше наш космический полет вообще протекал, как по маслу. Мы еще немного покрутились по околоземной орбите, проверили бортовые системы корабля и на всех парах рванули к Луне. На лунной трассе “Аполлон” отделился от разгонного блока, развернулся и состыковался с экспедиционным модулем. Жизненное пространство существенно увеличилось, когда был открыт люк внутрь лунной кабины “Орел”.

Ночью, когда экипаж посапывал на своих спальнях местах, я, наконец, выбрался из своей ниши и нырнул внутрь лунника.

Мое будущее рабочее место мне сразу понравилось. В отличие от тяжеловесного командного отсека, внутри “Орла” чувствовалась легкость конструкций и была заметна приятная для любого домового угловатость внутренних помещений. Я решил окончательно обосноваться именно здесь. Ведь на Луну мне предстояло прибыть внутри этого космического аппарата.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Трое суток полета к Луне пролетели незаметно. Экипаж занимался своими полетными и научными делами, а я большую часть времени бездельничал или спал внутри лунного модуля. Пару раз провел сеансы колдовской связи, сообщив центру управления полетом под Лысогорьем, что у меня все нормально.

На третьи сутки Луна уже хорошо была видна в угловатом окошке “Орла”. Я рассматривал округлые цирки кратеров, острые шпили гор и темные извилины ущелий. Радость и гордость переполняли мое сердце. Ведь я первым из домовых не только полетел в дальний космос, но и вплотную приблизился к Луне. И у меня появилось тщеславное, но вполне естественное желание увековечить этот факт с помощью фотосъемки. Увы, ЦК Колдовской партии не удосужился снабдить меня магической фотокамерой – ведь я летел на Луну инкогнито. Ну, а если ты летишь “зайцем”, совершенно логично рассудили в Старом Замке, зачем тебе фотокамера? Поэтому фотоаппаратура в этом полете была только у людей.

Ночью, когда экипаж “Аполлона” уснул, я осторожно пробрался в командный модуль и тайком взял большой фотоаппарат, которым пользовался для съемок Майкл Коллинз. Вернувшись в лунный отсек, я закрепил фотоаппарат на одном из выступающих внутрь кабины кронштейнов, и с помощью дистанционного управления спуском сделал несколько своих снимков на фоне Луны. Кстати сказать, по возвращению “Аполлона” на Землю наши колдуны среди множества фотопленок отыскивали мои фотографии. Снимки были опубликованы в мировой прессе, обошли страницы многих газет и журналов. Человеческий взгляд видит на них, естественно, только заглядывающую в окошко “Орла” Луну. А для колдовского взгляда открывается совершенно иная картина: я с мужественным выражением лица, в белоснежном скафандре на фоне серо-желтого шара естественного спутника нашей Земли. Настоящий герой.

Я настолько был доволен выполненной мной фотосессией, что расслабился, размечтался, в сладостных грезах прикрыл глаза и совершенно незаметно для себя погрузился в мир снов.

- Где, черт возьми, делась моя фотокамера? – это было первое, что я услышал утром следующего дня. Раздраженный голос Майкла Коллинза доносился из командного отсека.

Я окончательно проснулся и стремглав нырнул в щель между пультом управления и стенкой модуля. И вовремя: в переходном люке именно в этот момент показалось рассерженное лицо Майкла. Он окинул взглядом пространство внутри лунной кабины и сразу же заметил свою фотокамеру на одном из кронштейнов.

- Дурацкие шутки, ребята! – в сердцах рявкнул Коллинз. – Признавайтесь, кто привязал мой фотоаппарат к силовой перегородке?

- Это не я, - в один голос отозвались из командного модуля Армстронг и Олдрин.

Я осторожно выглянул из своего убежища.

- Не могла же камера сама прилететь в лунный модуль и привязаться! – раздраженно фыркнул Коллинз. – Чудес не бывает!

В отверстии люка показалась голова Нила Армстронга:

- Гм, действительно камера привязана. Но если мы с Базом ее не трогали, то...

Он вытаращился на Майкла и растерянно моргнул глазами:

- Мистика какая-то!

- Не мистика, а чей-то дешевый и не очень умный розыгрыш, - Майкл рассерженно надулся и принялся отвязывать фотокамеру от кронштейна.

- Очень странно, - Армстронг озадаченно нахмурил лоб. – Майкл, могу дать слово чести, что ни я, ни Баз не трогали твой фотоаппарат...

Но Коллинз только отмахнулся.

Я был ни жив, ни мертв.

4

В последнюю ночь перед высадкой центр управления полетом в Хьюстоне дал возможность космонавтам хорошенько выспаться. Мы уже вышли на окололунную орбиту и теперь летели над самой Луной, огибая ее по эллиптической орбите. Человеческий экипаж в три носа посапывал в командном модуле, и я решил, что настало время и мне полюбоваться красотами Луны с близкого расстояния. Когда еще я смогу посмотреть на нее с окололунной орбиты? Я поудобнее устроился у окна “Орла” и стал разглядывать лунные моря и равнины. Чтобы окончательно расслабиться перед высадкой на Луну, я снял с себя невидимость и принял свои естественные размеры.

Луна за окном космического корабля была очаровательна и красива. Я увлекся и совершенно потерял бдительность.

- Эй, сэр... Простите, а вы кто? – голос за моей спиной грянул, как гром среди ясного неба. – И что вы здесь делаете?

Я испуганно охнул и стремительно обернулся. Из переходного люка торчала голова Нила Армстронга.

Я замер в растерянности. Бежать было поздно и некуда: в полноразмерном виде я уже не смог бы поместиться ни за пульт, ни за какой-нибудь из элементов конструкции “Орла”. Командир “Аполлона” застучал меня на горячем.

Некоторое время мы молча изучающее смотрели в глаза друг другу. На лице Нила читалась крайняя степень удивления.

Молчание не могло длиться вечно, и я, в конце концов, решил пойти на контакт:

- Хэллоу, Нил! Я - домовый Порфирий Бебенов. Организация колдовских наций откомандировала меня для обеспечения безопасности вашего пребывания на Луне.

Брови Армстронга удивленно взлетели вверх:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Так вы наш ангел-хранитель? Вот это здорово!

Человек есть человек, и он по-своему истолковал понятие “колдовская безопасность”.

- Э... Ну, положим, мне далеко до настоящего ангела, - я виновато потупился, припомнив свои промашки и проделки во время полета, - но насчет хранителя – это вы уж не извольте беспокоиться... Стараться буду в полную колдовскую силу!

- Я давно подозревал, что на борту есть еще кто-то, кроме меня, База и Майкла, - Армстронг окончательно совладал со своими эмоциями и улыбнулся добродушной улыбкой. Он оттолкнулся ладонями от обреза люка и забрался внутрь лунного модуля. – Рад познать вашу руку, сэр!

Мы обменялись крепким рукопожатием.

- Вот теперь я окончательно убедился, что вы не призрак, - немножко нервно хохотнул командир “Аполлона”. – Сейчас разбужу ребят и познакомлю их с вами!

- Лучше этого не делать, сэр! – я остановил его жестом. – Я совершаю полет инкогнито, и лишнее внимание мне ни к чему. Обещаю, что я буду всегда рядом с вами. Но незримо. Я вовсе не хочу попасть в историю космических путешествий в качестве материализовавшегося лунного призрака...

- О'кей, мистер Бе.. Бэ... Бэ-бэ-нофф, - с трудом выговорил Нил. – Жаль, что у вас такая труднопроизносимая фамилия...

- Можете дать мне любую другую, - сказал я, припомнив предполетное поручение товарища Гашишева. – Это входит и в сферу моих личных интересов.

- В самом деле? – Армстронг на несколько секунд задумался. – Гм, пожалуй, я буду звать вас мистером Горски... Как это вам?

- Очень мило, - я кивнул и попробовал на слух свою новую фамилию:

– Горски... Горский... Гора... В этой фамилии есть что-то возвышенное, сэр!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Рад, что вам понравилось, - губы Армстронга вновь сложились в приветливую улыбку, и он пояснил:

- Когда я был еще совсем мальчишкой, рядом с моим домом жил сосед по фамилии Горски. Однажды он объяснился в любви еще одной моей соседке, очень чопорной и высокомерной даме. И знаете, что ответила мистеру Горски эта величавая мымра? “Вы добьетесь своего, милый Горски, в тот день, когда этот несносный соседский мальчишка Нил прогуляется по Луне!”

- Я так понимаю, сэр, - сказал я, взглянув из окошка на пики проплывающих под кораблем лунных гор, - что мистер Горски теперь очень близок к исполнению своих заветных желаний!

И мы оба расхохотались.

5

Вечером 20 июля Армстронг и Олдрин перешли в кабину лунного модуля. “Орел” расстыковался с командным отсеком “Аполлона”, и мы начали спуск на Луну. Майкл Коллинз остался на лунной орбите и пожелал нам по радио успешной посадки.

В общем, прилунение прошло без особых приключений. Правда, у самой поверхности Луны нам пришлось немного поволноваться. Когда “Орел” был на высоте нескольких десятков метров от выбранного еще с околорунной орбиты места посадки, Армстронг с удивлением обнаружил, что поверхность внизу испещрена оспинами мелких кратеров.

- Этого просто не может быть, - мне показалось, что Нил на секунду даже чуть растерялся. – Здесь кратеры! “Орел” может перевернуться во время посадки, если его посадочные ноги угодят на камни или крутой склон!

- Откуда здесь взялись кратеры? – Олдрин приблизил лицо к стеклу иллюминатора и удивленно фыркнул. – На фотографиях, сделанных с лунной орбиты, их не было!

“Наверняка кто-то с Земли поколдовал, - подумал я. – Какое коварное злодейство!”

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Будем искать новое место для высадки, - Армстронг решительно взял управление кораблем на себя.

Лунный модуль летел над Луной параллельно ее поверхности, мы во все глаза смотрели вниз, но кратеров под нами меньше не становилось. Они выскакивали на пепельно-желтом лике Селены как чертики из коробки.

- Через двадцать секунд у нас закончится топливо, - Баз встревожено взглянул на пультовой индикатор. – Будем уходить?

Если по какой-то причине высадка на Луну окажется под угрозой, экипаж “Орла” должен был включить взлетный двигатель и снова выйти на окололунную орбиту для встречи с “Аполлоном”.

- Сделаем последнюю попытку, - Нил повел корабль влево.

Осторожно высунувшись из-за плеча Армстронга, я выглянул в окно. В том месте, куда Нил направил “Орла”, поверхность Луны была похожа на перепаханное взрывами снарядов поле. С расстояния человеческий взгляд этого различить еще не мог, а магическим взором я прекрасно видел кратеры и валуны на выбранной Армстронгом площадке. Первая высадка человека на Луну явно была под угрозой срыва. И тогда я решился.

Еще никто и никогда не колдовал над Луной. Ни один маг на Земле не рискнул бы сказать, чем может закончиться такая попытка. И для людей внутри “Орла”, и для самого колдуна.

Зажмурив глаза, я прошептал себе под нос пару поверхностно-выравнивающих магических формул из курса планетной географии и сделал широкий пас руками. Обычно эти формулы используются на Земле при дорожном колдовском строительстве для уничтожения мелких впадин и возвышенностей на пересеченной местности.

Долгая, как вечность секунда...

Я приоткрыл один глаз и выглянул в иллюминатор. Получилось! Оспины кратеров и серые туши валунов под

днищем корабля пришли в движение и как огромные жуки топороливо поползли в разные стороны.

- Вот ровное место! – обрадовано крикнул Олдрин, указывая пальцем на только что освобожденный моими усилиями участок лунной поверхности. – Странно, мне казалось, что секунду назад здесь были кратеры...

- Отлично сработано, Порфирий! – Армстронг полуобернулся, подмигнул мне и показал большой палец. Он сразу догадался, чья заслуга появление внизу ровной площадки.

- С кем ты говоришь? – Баз удивленно отвесил челюсть и уставился на командира.

- С нашим ангелом-хранителем, - отмахнулся Нил. Он снова был весь внимание и зорко вглядывался в пространство за иллюминатором. – Приготовься к посадке!

Подняв небольшое облачко серой пыли, “Орел” коснулся опорными стойками лунной поверхности, чуть качнулся, словно устраивался поудобнее среди мешанины мелких кратеров и россыпей лунной гальки, и замер.

Несколько томительно долгих мгновений мы сидели молча, прислушиваясь к своим ощущениям и звукам за стенками кабины. Корабль стоял устойчиво, а вне его стен, снаружи, была, разумеется, тишина – звук не может распространяться в вакууме.

- Говорит база в Море Спокойствия, - произнес, наконец, Армстронг в микрофон гарнитуры связи совершенно будничным тоном – так, словно уже десятки раз сажал лунный модуль на Луну, и эта полетная операция ему уже порядком приелась и даже надоела. – “Орел” сел!

6

После обстоятельных докладов на Землю о том, как проходила посадка, проверки бортовых систем корабля и короткого отдыха Нил и Баз стали готовиться к выходу наружу. Мне подготовка не требовалась:

колдовской скафандр “Кречет” был одет на меня еще до начала полета, а морально к высадке на Луну я, подобно юному пионеру, был всегда готов – предполетная дрессировка в ЦК Колдовской партии принесла свои плоды. Единственное, что я себе позволил перед первым выходом на Луну, так это достать из кармана в штанах скафандра леденец, снять с него приятно зашуршавшую обертку и сунуть конфетку в рот.

- Луна – странное место, - задумчиво произнес Баз Олдрин, разглядывая лунный пейзаж за стеклом иллюминатора.

- Почему? – удивился Армстронг. – Место, как место. Только пыли много.

Он тоже выглянул в окно:

- Пылище! Видел бы все это капрал из моей офицерской школы – его бы точно хватил удар!

- Я о другом, - мягко возразил Олдрин. – Когда я сижу с открытыми глазами, я вижу тебя, стены нашего модуля, лунную поверхность за окном. Но стоит мне закрыть глаза, и кажется, что я на Земле, сижу в темноте кинозала, а в кресле рядом кто-то шуршит обертками конфет и громко чавкает.

Я чуть не подавился леденцом.

7

На поверхность Луны по плану высадки первым выходил Нил Армстронг. Люк лунного модуля открыли, и Нил довольно неуклюже выбрался наружу.

Следующим, незаметно подвинув плечом База, из корабля полез я. Конечно, я был в режиме невидимости, и Олдрин ничего не понял, приняв легонький толчок в бок за причуды лунной гравитации.

Армстронг уже был на вершине трапа, последняя ступенька которого едва не касалась лунной поверхности, усыпанной серой пылью.

И тут я к своему ужасу увидел, что на одной из ступенек, ниже того места, на котором сейчас стоял Нил, предательски поблескивает огромное маслянистое пятно.

Видимо, еще на Земле кто-то из полетной obsługi ел чизбургер и уронил на ступеньку хороший кусок сливочного масла.

Нил неминуемо должен был стать ногой на маслянистое пятно. Холодок ужаса стремительной ящеркой пробежал по моей спине. Я представил, как первый посланец Земли на Луне поскальзывается и почти с метровой высоты падает на лунную поверхность.

Последствия могли быть самыми ужасными!

Нил сейчас был под прицелом кино- и телекамер и предупредить его окриком или просто удержать за рукав скафандра, не обнаружив своего присутствия, я не мог.

Поэтому, быстренько прошептав несколько магических формул, я вырастил прямо из вакуума невидимый колдовской канатик, и молниеносно продел его сквозь пояс на скафандре Нила.

- Хьюстон, я начинаю спуск на поверхность Луны, - Армстронг ступил на уходящие вниз ступеньки.

Я намотал концы каната на левую руку, одетую в перчатку скафандра, и напрягся.

Нил сделал один шаг вниз, другой, и, наконец, подошва его левого ботинка коснулась поверхности ступеньки, испачканной маслом.

Все произошло так, как я и предполагал. Ботинок Армстронга заскользил по маслу. Нил стал терять равновесие, и всего лишь мгновение отделяло его от падения на Луну.

Я уперся ногами в какую-то металлическую ерунду около выходного люка лунного модуля, и обеими руками с силой потянул канат на себя.

Движение тела Нила вниз сразу же прекратилось. Армстронг почувствовал рывок, ухватился за поручень трапа, а правой ногой стал на нижнюю ступеньку. Теперь его положение стало устойчивым.

Я перевел дыхание и отпустил канат.

- Не так-то легко двигаться при лунном притяжении. Равновесие дается непросто, - прокомментировал Нил.

Он, кажется, так и не заметил ни маслянистого пятна, ни моих усилий.

Я осторожно вытянул канат из-за пояса скафандра Армстронга. Канатик хоть и колдовской, невидимый, но запутаться в нем можно вполне реально.

Нил уже стоял на самой нижней ступеньке трапа.

- Это маленький шаг для меня, но большой скачок вперед для всего человечества, - подошва ботинка Нила Армстронга отпечаталась на лунном грунте.

Человек впервые ступил на Луну.

Радиоэфир взвыл от восторга.

Я не мешкал. Как можно более быстро в довольно таки неуклюжем скафандре я спустился на несколько ступенек вниз по трапу, и с третьей ступеньки мягко спрыгнул на Луну.

Подошвы ботинок моего колдовского скафандра “Кречет” были выполнены точно по форме ботинок американских скафандров, так что следы на лунном грунте получались такими же, как у Нила и База. Это и хорошо: лишняя публичность мне ни к чему.

Но Нил все же заметил, как в том месте, где мои ботинки коснулись поверхности Луны, взметнулось вверх маленькое облачко пыли.

- Удачи вам, мистер Горски! – с легким смешком пожелал он.

Я молча показал в ответ большой палец. Разумеется, Армстронг не мог увидеть мое невидимое тело, но интуитивно он понял мой ответ и рассмеялся.

Я сделал несколько шагов по лунному грунту. Ходить было легко, хотя и несколько непривычно при таком малом тяготении. Почему-то сразу потянуло пройтись вприпрыжку.

Но перед тем, как начать эксперименты по передвижению по лунной поверхности, мне следовало позаботиться о безопасном спуске на Луну База Олдрина. Коварное маслянистое пятно на трапе по-прежнему грозило большими неприятностями.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Пораскинув мозгами, я решил отделаться от злополучного пятна самым простым способом, известным любому земному дворнику. Я зачерпнул ладонью немного лунного грунта и аккуратно присыпал им всю измазанную маслом ступеньку.

Теперь пришло, наконец, время заняться и своими делами.

Я включил канал колдовской связи и коротко доложил:

- Аллё, Лысая Гора! Говорит Порфирий Горский. Стою на Луне. Все в порядке.

- Видим тебя, товарищ Горский! – бодренько откликнулась Земля. Кажется, на связи был сам Морфин Марихуанович. – Поздравляем с успехом! Весь колдовской мир восхищен твоим подвигом!

Я представил, как сейчас по всему земному шару десятки тысяч яблочек катятся по тарелочкам и сотни миллионов глаз водяных и леших, русалок и нимф, гоблинов и троллей смотрят на мои первые неуклюжие шаги по Луне. Приятно такое всеобщее внимание, черт побери, просто до слез приятно! Я вскинул к стеклу гермошлема руку в перчатке и отсалютовал:

- Служу подлунному народу!

- Дорогой товарищ Горский! – торжественным голосом произнес Гашишев. Теперь я был уверен, что говорит именно он. – По решению Колдунбюро Центрального комитета Колдовской партии Лукоморского Союза вам присвоено квалификационное звание “Луновой” с вручением специального удостоверения и памятного знака за номером один!

Я открыл рот, чтобы поблагодарить, но не успел. Эфир заполнил мощный, накатывающий волнами рокот. Почти минуту радио транслировало бурные, продолжительные аплодисменты. Когда они сошли на нет, Морфин Марихуанович продолжил:

- Кроме того, уважаемый Порфирий Модестович, приказом Министра обороны Лукоморья вы назначаетесь комендантом суверенного небесного тела – Луны!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Приступаю к исполнению служебных обязанностей! – успел проорать я, прежде, чем на уши снова накатил девятый вал мощных и непрекращающихся оваций. Когда мне окончательно надоела эта восторженная какофония, я щелкнул тумблером на пульте управления скафандра и выключил звук. Примерно минута звенящей комариным писком тишины – и слух вернулся ко мне.

Из заплечного мешка на “Кречете” я достал свернутое полотнище флага Организации колдовских наций, глубоко и прочно воткнул древко в лунный грунт и развернул знамя. Стилизованное изображение трехголового Змея Горыныча над земным шаром червонным золотом заискрилось в лучах необычайно яркого Солнца. Сделанный из металлизированной пленки флаг чуть подрагивал, словно его пошевеливал легкий лунный ветерок. Иллюзия, конечно. Нет на Луне атмосферы, нет и лунных ветров.

8

Закончив официальную часть своей высадки на Луну, я решил, прежде всего, осмотреть окрестности.

В реальном мире ничего необычного и неожиданного не наблюдалось. Большие и малые кратеры, крупные и мелкие камни, покатые картофелины валунов и острые шпили гор где-то у самого лунного горизонта – все эти пейзажи я внутренне уже был готов увидеть. Даже скругленная бело-голубая блямба Земли среди антрацитово-черных небес не вызывала особых эмоций.

Я переключился на колдовское зрение. И обомлел...

Честно говоря, я не ожидал увидеть ничего нового в колдовском спектре. Как известно, магия, колдовство и заклинания действуют только в атмосфере, вакуум им противопоказан. Поэтому я и предвидеть не мог, что смогу наблюдать на Луне какие-то особые колдовские, магические или паранаучные объекты.

Действительность оказалась совершенно иной. Настолько иной, что я был просто шокирован, и десяток – другой медлительно тягучих секунд стоял с выпученными от удивления глазами и молча рассматривал картину, которая открылась моему взору.

...Их было, как минимум, несколько, тысяч. Окутанные пеленой невидимости, вокруг района посадки “Орла” расположились космические корабли, наверное, из всех районов Галактики. Я как-то сразу сообразил, что вижу именно инопланетные космические аппараты. Чем же иным еще могли быть сотни серебристых летающих дисков, разноцветных и разноразмерных шаров, угловатых и спиралеобразных конструкций? Кем еще, как не инопланетянами, были тысячи больших и малых, коротких и длинных, ползающих и летающих существ, которые сейчас во все глаза смотрели, как я, Нил Армстронг и Баз Олдрин делаем наши первые шаги по Луне?

Открывшаяся моему взгляду картина больше всего походила на огромный зрительный зал, на сцене которого в свете юпитеров сейчас копошились три неуклюжие фигурки в скафандрах.

Нас рассматривали с удивлением, интересом, скрытой завистью и неподдельным восторгом. Невидимый зрительный зал буквально фонтанировал каскадами чувств. Это было даже не море, это был целый океан эмоций и жгучей заинтересованности.

И, конечно, было бы верхом непрактичности не использовать всю эту кипучую энергию инопланетного любопытства в мирных созидательных целях. В моей голове родилась интересная мысль.

Я глубоко вдохнул и мысленно сосредоточился.

Потом сделал несколько шагов к “зрительному залу”, к самому краю “сцены”, ограниченной протяженной впадиной, включил рупор внешней колдовской связи на полную мощность и рявкнул:

- Это как же прикажите понимать?!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Я почти физически ощутил, как на мне скрестились взгляды тысяч инопланетных глаз.

Если раньше колдовской эфир заполняли невнятные перешептывания и едва слышимые голоса, то сейчас установилась напряженная тишина. Если бы на Луне водились мухи, их бы пролет мимо в эти мгновения был бы воспринят как рев идущих на бреющем полете бомбардировщиков.

- Это что еще за безобразие?! – снова гаркнул я с утроенной силой.

От толпы испуганно притихших зрителей, наконец, отделилась и двинулась в мою сторону высокая и худощавая фигура инопланетянина. Более всего пришелец из иных миров походил на вставшую на задние конечности ящерицу, окрашенную в фиолетовый с серебристыми прожилками цвет.

- Никакого безобразия нет, уважаемый Порфирий Модестович, - сообщил он на чистейшем русском колдовском наречии. – Мы - полномочные представители различных народов Галактики, работники средств массовой информации со всего Млечного Пути...

- Вижу, - коротко и резко отрубил я, надев на свое лицо маску зверской и совершенно непробиваемой бюрократической строгости.

- ...Мы собрались здесь, чтобы показать жителям Вселенной, как вы вместе с человеческими товарищами осуществляете высадку на естественный спутник вашей планеты, - елейным голосом продолжал инопланетянин. – Поверьте, такие события нечасты в нашей Метагалактике и поэтому понятен тот неподдельный интерес, с которым...

- А у вас есть разрешение на проведение телевизионной трансляции? – звенящим металлом голосом осведомился я. – Вы готовы предъявить паспорта, служебные удостоверения и входные билеты на право находиться на поверхности суверенного небесного тела - Луны?

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Э... Но в практике галактического сообщества... - начала мямлить фиолетовая ящерица, но я самым решительным образом прервал ее:

- Как известно, планета Земля, - равно как и суверенное небесное тело Луна, - пока не входят в состав галактического сообщества. Поэтому на их территории приоритет имеют местные законы. Разрешение на проведение телевизионных трансляций выдается комендатурой Луны только после оплаты оргвзноса со стороны желающих выполнить такие трансляции.

- Но мы не обнаружили на поверхности Луны никаких административных органов! – попробовала возразить ящерица – инопланетянин. В голосе фиолетового гостя прорезались нотки растерянности и отчаяния.

- Комендантом Луны с сегодняшнего дня являюсь я – луновой Порфирий Модестович Горский, - для предания большей убедительности своим словам, я коснулся рукой груди и чуть-чуть выставил вперед правую ногу. – Прошу все вопросы, связанные с проведением телевизионных трансляций впредь решать непосредственно со мной!

- Вот и замечательно! – ящерица обрадовалась и буквально воссияла фиолетовым цветом. – Дорогой Порфирий Модестович, давайте немедленно решим все вопросы! Подскажите, на какой расчетный счет и в какой валюте вам перечислять и мы...

- Валютными операциями комендатура Луны не занимается, - строго сказал я и тут же смягчил тон:

- Но если галактическое сообщество окажет содействие в строительстве здания лунной комендатуры, я готов выдать бессрочное разрешение на проведение телевизионных съемок всем здесь присутствующим!

Я нагло выпятил челюсть и немигающим взглядом уставился на инопланетянина. Коррупция и рэкет галактических масштабов, конечно, но я же не для себя прошу, а для дела успешного освоения естественного спутника Земли.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Окажем, непременно окажем, - с жаром завершила фиолетовая ящерица. Она выхватила откуда-то из складок своего тела маленькую малиновую коробочку, поднесла к зубастой пасти и быстро протараторила что-то на переливчато-свистящем языке. Коробочка в ответ выдала в эфир громкую и жизнерадостную трель. Ящерица спрятала коробочку и сообщила:

– Здание лунной комендатуры будет сдано в эксплуатацию ровно через час по местному земному времени!

Присутствующие инопланетяне тут же разразились громом аплодисментов и восторженных выкриков.

- Вот и замечательно, - я взмахнул рукой. – Раз так, вы можете продолжать трансляцию высадки! Комендатура дает добро!

Толпа корреспондентов трансгалактических агентств одобрительно зашумела и, не мешкая, занялась своим делом.

И тут в большом инопланетном хозяйстве произошла маленькая авария. Видимо, от того, что одновременно заработали сотни и тысячи фото-, теле- и еще не знаю каких передающих изображение камер, барьер невидимости вдруг полыхнул всеми цветами радуги и пропал. И все это хозяйство – летающие тарелки и шары, разномастные инопланетяне самых причудливых форм, - все это стало видимым в оптическом диапазоне и предстало перед глазами пилота лунного модуля База Олдрина.

- Боже мой, - Олдрин выпустил из рук лопаточку для сбора лунного грунта и замер на месте. – Я их вижу! Их здесь сотни и тысячи! Тысячи кораблей наблюдают за нами!

Баз повернулся к лунному модулю и позвал:

- Нил, иди скорее сюда! Здесь “Святой Николай”!

“Святой Николай” - это был заранее оговоренный кодовый сигнал, который космонавты должны были подать на Землю при обнаружении на Луне присутствия инопланетян.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Как новоиспеченный комендант Луны, я просто не мог не принять меры. Я шепотом произнес магическое заклинание и взмахом руки восстановил барьер невидимости над представителями галактических цивилизаций.

Армстронг показался из-за лунного модуля и с удивлением уставился на Олдрина:

- Что случилось, Баз?

- “Святой Николай”, - Олдрин показал рукой в перчатке на скалы за разломом в лунной коре. – Там только что был “Святой Николай”! И исчез...

- Тебе померещилось, - с абсолютной уверенностью констатировал Армстронг. Он, кажется, сообразил, что без меня тут не обошлось. – Это был всего лишь мираж.

- Лунный мираж... - эхом повторил Олдрин. Он растерянно застыл на месте.

- Спасибо, Порфирий Модестович, - виноватым голосом произнесла над моим ухом фиолетовая ящерица, снова ставшая невидимой. – Даже очень сложная техника иногда барахлит...

- Бывает, - пожал плечами я, кивнул на прощание и зашагал к лунному модулю. Мне еще нужно было разгрузить колдовское оборудование и приступить, наконец, к выполнению программы магических исследований и экспериментов.

9

Следующие пару часов я работал в буквальном смысле в поте лица. Сначала устанавливал научно-магическое оборудование: всякие говорящие зеркала для межпланетной связи, прялки-самопрялки с целью получения паутины в условиях низкой лунной гравитации, палочки-выручалочки с дистанционным колдовским управлением. В вакууме все работало через пень колоду, выдавая совершенно невероятные с точки зрения научной магии результаты. По колдовскому каналу связи я транслировал на Землю всю эту

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

магическую какофонию без подробного анализа. Разбором результатов экспериментов и их анализом – этим пусть на Земле наши научные маги занимаются. Хватит просиживать штаны и резаться в домино в лабораториях и колдовских институтах. Пора, товарищи ученые-магистры, и настоящим делом подзаняться.

Потом приступил к опытам с мертвой и живой водой и попытался с их помощью в малюсеньком кратере вырастить обыкновенную земную зеленую травку. Опыт тоже дал парадоксальный результат. Вместо травки получилось оранжевого цвета мохообразная субстанция на четырех лапках. Существо минут пять пофыркивало и суетливо ворочалось, словно искало в своем теле невидимых блох, а потом поднялось на лапки и задорным зычным голосом сообщило:

- Говорит радиостанция “Маяк”! Передаем “Пионерскую зорьку”!

Из соображений личной безопасности, колдовским словом и легким взмахом руки я ликвидировал результат эксперимента. Мало ли что...

Здание комендатуры, которое я заказал у пришельцев, оказалось на деле настоящей лунной базой – именно такой, какой ее обычно рисуют в фантастических романах. На поверхность Луны выходил лишь небольшой купол, выкрашенный под цвет окружающего грунта в светло-серый цвет. А внутри, под лунным грунтом, было три этажа сплошного удовольствия – просторные комнаты, бассейн с постоянно обновляемой водой, огромный сад, спортивный зал и необъятных размеров библиотека, в которой помимо книг оказались записи всех – всех! – фильмов, снятых человечеством со дня изобретения кинематографа.

Я был в полном восторге.

Но неужели все это великолепие мне предстоит оставить всего лишь через несколько часов? Нил и Баз уже завершали свою программу пребывания на Луне и

вот-вот должны были вернуться в корабль, чтобы стартовать обратно к Земле.

Я ходил по просторным залам базы и вдыхал запах цветов в садах и оранжереях. Выпил несколько вкуснейших коктейлей в столовой, оборудованной самыми невероятными чудесами кухонной техники. И решился.

Прямо из центрального зала управления базы по колдовскому каналу связи я вызвал Землю.

На огромном экране тут же появилось заспанное лицо товарища Гашишева. Морфин Марихуанович восполнял недостаток отдыха прямо на рабочем месте.

- Порфирий? – глаза Гашишева удивленно округлились. – Ты это где?

Он с интересом рассматривал интерьер зала управления за моей спиной. Там была масса мигающих лампочек, маленьких и больших экранчиков с загадочно вьющимися кривыми всех возможных расцветок и огромное во всю стену телевизионное панно, на котором сейчас неуклюже суетились вокруг лунного модуля фигурки Армстронга и Олдрина.

- Я в зале управления лунной комендатуры, - ответил я, и, чтобы глаза Морфина Марихуановича совсем не вылезли из орбит, поспешно добавил:

- Ее соорудили по моей просьбе инопланетяне.

Товарищ Гашишев пошарил по столу рукой и сунул себе под язык какую-то таблетку. Валидол, наверное.

- Дорогой товарищ Гашишев, - как можно более проникновенно произнес я. – Как член Колдовской партии, как истинный патриот Лукоморского Союза и как комендант Луны, я принимаю важное решение.

Гашишев испуганно икнул и уставился на меня во все глаза.

Я выдержал длинную драматическую паузу и отчеканил заранее заготовленную фразу:

- Я принял решение остаться на Луне и продолжить магические исследования с использованием оборудования, которое имеется в лунной комендатуре.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Невозвращенец! – возопил сдавленным сиплым голосом Морфин Марихуанович, схватился рукой за грудь и принялся жадно хватать ртом воздух. – Я так и знал... Я чувствовал, что ты выкинешь какой-нибудь фортель... Боже мой, мама дорогая, моя карьера, мое положение... Все теперь коту под хвост... Невозвращенец...

В отчаянии он закрыл лицо ладонями.

- Почему же сразу невозвращенец? – я слегка обиделся. Вот ведь незадача: стараешься, чтобы все сделать наилучшим образом, а тебя обклеивают ярлыками. – Вы же сами сказали, что ЦК партии назначил меня луновым. А теперь на Луне есть настоящий дом – вот эта комендатура, наша лунная база. Как же можно оставить ее без присмотра? Это не по партийному, не по лукоморски!

Для придания большего веса своим словам я не сильно стукнул кулаком по столешнице, на которой располагался пульт управления научной станцией.

- Но что я скажу в Колдунбюро? – испуганно промямлил Гашишев. Он достал из кармана платок и принялся вытирать выступившие на лбу крупные капли пота.

- Скажите членам бюро, что назначили меня постоянным луновым, - не медля, подсказал я. – Я буду жить здесь и встречать американские лунные экипажи. Проводить по заданию Земли магические эксперименты. Это, кстати, существенно сократит расходы всей нашей колдовской лунной программы.

- Сократит расходы, говоришь? – Морфин Марихуанович задумчиво наморщил нос. – А что, хорошая идея... Космонавтика должна быть экономной... Но как же ты там будешь один? Совсем один...

Он печально вздохнул.

- Выдержу, - с непоколебимой уверенностью ответил я. – Связь с Землей есть, сад-огород есть. Есть библиотека и бассейн. Что еще нужно для жизни

домовому? А с последней американской экспедицией на Луну я вернусь домой.

- Ты точно вернешься? – в мутных глазах товарища Гашишева зажегся огонек недоверия. – Не обманываешь?

- Даю слово члена Колдовской партии, - с пафосом заверил я.

- Слово члена партии... - Морфин Марихуанович с сомнением поплямкал губами. – Вот что, Порфирий Модестович... Напиши-ка ты мне лучше расписочку. Мол, так и так, я, луновой Порфирий Горский, временно остаюсь на Луне, но обязуюсь вернуться на Землю тогда-то и тогда-то.

- А как же я вам расписку передам? – слегка опешил я. – Вы – на Земле, я – на Луне...

- А ты с американцами отправь, - лукаво подмигнул Гашишев. – Спрячь где-нибудь среди лунного грунта, который они повезут. А мы через наше посольство в Америке эту расписочку потом тихонько изыдем.

- Согласен, - кивнул я. – Сейчас напишу.

Я быстренько черкнул расписку на листе бумаги, который обнаружил в ящике письменного стола в моем рабочем кабинете, – и об этом позаботились галактические товарищи! – и снова поднялся на лунную поверхность.

10

Армстронг и Олдрин уже закончили работы на Луне, вернулись внутрь “Орла” и готовились к старту в космос. Я незаметно прошел сквозь стену лунного модуля и вложил свернутую в трубочку расписку в контейнер с лунным грунтом.

Нил и Баз, конечно, не заметили моего появления. Я по-прежнему работал в режиме невидимки, а их внимание было сосредоточено на пульте управления лунной кабины, на котором весело перемигивались десятки желтых и зеленых огоньков.

- Черт, я сломал тумблер запуска двигателя! – охнул вдруг Баз. – Мы не сможем взлететь с Луны!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Он нервно вертел в пальцах маленький пластмассовый обломок.

- Ерунда! – Нил бросил короткий взгляд на сломанный тумблер. – Нужно просто чем-то его поддеть. Карандашом или ручкой.

- Но у меня нет карандаша, - Баз лихорадочно зашарил руками по карманам скафандра. – Кажется, я выронил его на Луне...

Я посмотрел на “Паркер” с золоченым пером, который случайно прихватил с собой с лунной базы, когда писал расписку, вздохнул и принял решение.

Я снял пелену невидимости со своей правой руки и сунул авторучку прямо под нос Олдрину:

- Вот это подойдет?

- Это как раз то, что нужно! – Баз выхватил “Паркер” из моих пальцев и тут же поддел им злополучный тумблер. Двигатель лунного модуля сразу же отозвался дребезжащим тарахтением, отдаленно напоминающим звук лодочного мотора. – Есть запуск двигателя!

- Тридцать секунд до выхода на полную тягу! – Нил не отрывал сосредоточенного взгляда от индикаторов на пульте.

И тут до База, наконец, дошло.

- Нил, - прошептал он враз осипшим голосом, - только что прямо из воздуха возникла рука и дала мне авторучку...

- Вот и хорошо, - Армстронг деловито нажимал какие-то кнопки на пульте.

- Нил, - Олдрин говорил голосом, полным суеверного ужаса, - но это была не моя рука... И не твоя!

- Это была рука нашего ангела-хранителя, - отмахнулся Армстронг и коротко бросил мне в пространство:

- Спасибо, Порфирий!

Он переключил что-то в микрофоне, который торчал из его гермошлема и сообщил:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Хьюстон, десять секунд до старта. Даю обратный отсчет времени. Десять, девять...

Я поспешно нырнул прочь из кабины модуля, прыгнул на лунную поверхность и отбежал на десяток метров.

Под взлетной кабиной ярко блеснуло. Она приподнялась над посадочной платформой, зависла на неуловимую долю секунды и стремительно стала подниматься вверх, в черное лунное небо.

Запрокинув голову, я следил за взлетной кабиной до тех пор, пока она не превратилась сначала в яркую звездочку в зените, а потом, постепенно утрачивая свой блеск, совсем не затерялась в бездонных просторах космоса.

11

Мне отрадно сегодня вспоминать, что я внес немалую лепту как в исследование Луны по американской программе “Аполлон”, так и в советскую программу изучения естественного спутника Земли с помощью автоматических станций “Луна” и лунного вездехода “Луноход”.

Я помог пилоту “Аполлона-12” Алану Бину правильно расставить научную аппаратуру на лунной поверхности. В результате был полностью нейтрализован косой взгляд из Китая, брошенный местным колдуном с вредительской целью.

В 1970 году я с привлечением коллективной колдовской силы, ретранслируемой прямо из здания Организации колдовских наций в Гоблин-Йорке, помог раненному взрывом кислородного баллона “Аполлону-13” не свалиться с орбиты, обогнуть Луну и благополучно вернуться на Землю.

Я отремонтировал грунтозаборное устройство на “Луне-16”, и эта автоматическая станция смогла выполнить свою полетную задачу и доставила образцы лунного грунта на Землю.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Трижды я выталкивал из кратеров случайно заехавший на их крутые склоны “Луноход-1”.

В феврале 1971 года я слегка зазевался и в режиме полной видимости нос к носу столкнулся с американским космонавтом Эдгаром Митчеллом на живописном склоне кратера Фра Мауро. Система терморегулирования моего “Кречета” к тому времени стала чуток барахлить, и я поверх скафандра носил шапку-ушанку и длинный овчинный тулуп. Митчелл как раз проводил опыты с пиротехникой и подрывал на лунной поверхности специальные заряды. Пришлось - как коменданту Луны - оштрафовать его на сто долларов и категорически запретить впредь наносить лунной природе экологический вред. Потрясенный моим внешним видом и появлением из ниоткуда, Митчелл безропотно отдал мне сотенную купюру с изображением американского президента.

Во время экспедиции “Аполлона-15” я устроил настоящие гонки на подаренном инопланетянами мотоцикле-глайдере с лунным ровером, на котором по лунной поверхности ездили Дэвид Скотт и Джеймс Ирвин. Жаль, что делать это пришлось в режиме невидимости, и Скотт с Ирвином не смогли насладиться всей прелестью первых в истории космонавтики спортивных соревнований на Луне в той же мере, в какой насладился ею я.

К сожалению, во время следующей экспедиции повторить гонку моего глайдера и американского ровера не удалось. Чарльз Дьюк, пилот лунного модуля “Аполлона-16”, так неловко разворачивал свою четырехколесную колымагу, что въехал в борт моему транспортному средству. Единственное, что извиняет американского астронавта, - моя машина была совершенно невидима в оптической части спектра... С глайдера – как с гуся вода, а на хрупком лунном вездеходе отвалилось крыло. Это было самое первое автопроисшествие на лунных дорогах.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Я прожил на Луне три с половиной года. На “Аполлоне-17” прилетел мой сменщик – леший Никанор Дюдюльников, и я стал упаковывать свой не слишком объемный багаж. Через четверо суток после старта с Луны командный модуль космического корабля, на борту которого находились я и трое американских астронавтов, успешно приводнился в водах Тихого океана.

12

На родине меня ждали почет, слава и высокое звание Героя Лукоморского Союза. Ждали встречи в магических трудовых коллективах, дружеские визиты в братские колдовские страны в составе партийных и государственных делегаций, легкие фуршеты и обильные ужины. Я, первый луновой, постоянно был в сфере внимания прессы, радио и телевидения. Со мной кокетничали красивейшие кикиморы, самые обаятельные бабки-ёжки и наисексопильнейшие навки. Партийные и беспартийные деятели из всех районов Лукоморья желали со мной лично познакомиться, выпить по чарочке-другой и строем записывались в друзья.

Я терпел это всеобщее назойливое внимание почти целый год, а потом отправился в ЦК Колдовской партии и в кабинете Морфина Марихуановича Гашишева закатил шумный скандал. Да, я – первый луновой, я понимаю, что существуют общественные обязанности и представительские интересы. Но я не могу разорваться, я не могу быть лишь символом великих достижений колдунизма в деле освоения космоса. Я хочу жить и работать. Я хочу летать...

Нужно отдать должное товарищу Гашишеву, он не был бюрократам и партийным самодуром. Поэтому легко согласился с моими доводами. Общественная нагрузка резко уменьшилась, мне разрешили вернуться к тренировкам в Звездном городке.

Я принял участие в программе “Союз”-“Аполлон” в качестве колдовского пилота “союзной” стороны. Я дважды летал в длительные орбитальные командировки

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

на станции серии “Салют”, отпахал три полугодовых смены на “Мире” и был последним из колдовских существ, покинувших комплекс перед его затоплением в водах Тихого океана. Когда стали строить Международную космическую станцию, я переключился на полеты на американском “шаттле”, занимался обеспечением выхода космонавтов в открытый космос и монтажом на орбите магических структур.

Конечно, годы берут свое. Сегодня в космонавтику пришло много молодых ребят – леших, домовых, водяных. Полным ходом осваивают космос и наши женщины – кикиморы, бабки-ежки и навки. Поговаривают, что вскоре снова начнутся дальние полеты к Луне. Будут экспедиции к Марсу и Венере. Полетят, конечно, молодые магические специалисты, колдуны-космонавты новой формации, но... Но не зря же существует поговорка: старый леший и в буреломе не заблудится.

Там, на межпланетных кораблях, наверняка найдется местечко и для меня, первого лунового. Будет постепенно уменьшаться голубой шарик Земли за бортом летящего к Марсу или Венере космического корабля. И будет разворачиваться впереди широкий звездный путь, у которого нет и не может быть конца...

Лунный дозорный (сага о лунной любви)

1

Я мучился уже больше часа, но подопытная мышь все никак не хотела заходить внутрь теремка.

- С-скотина! – в сердцах выругался я, сконцентрировал свою магическую сущность и произнес входное колдовское заклинание.

Мышка-норушка в ответ презрительно фыркнула, демонстративно улеглась на бок и стала издевательски покачивать в пространстве длинным хвостиком. Мол, видели мы ваше колдовство, доктор наук Дюдюльников,

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

на конце этого самого хвостика. “Нас, мышей лабораторных, - говорил весь ее вид, - колдовством не проймешь! К нам особый подход нужен!”

Она слегка повела носом в сторону холодильника, который стоял в углу лаборатории. Наверняка ведь сыр учуяла!

- А вот ничего ты не получишь, - строгим тоном сказал я. – До завершения эксперимента кормить не буду! Так и знай!

Я сделал глубокий вдох, собираясь продолжить воспитательный процесс в повышенной звуковой тональности, но на мышкино счастье телефон на рабочем столе разразился пронзительной трелью. Я снял трубку.

- Домовой Дюдюльников? – из динамика повеяло ледяным холодом. Голос произносил слова негромко, но четко. – Никанор Никифорович? Вам надлежит завтра ровно в девять часов утра явиться на Лысую Гору в Центральный Комитет Колдовской партии. В келье номер триста двадцать пять вас примет секретарь ЦК товарищ Морфин Марихуанович Гашишев.

2

Товарищ Гашишев оказался невысокого роста крепко сбитым водяным, одетым в ладно скроенный темно-синий водолазный костюм и белоснежную рубашку. Среди копны аккуратно уложенных темных волос были едва заметны тонкие нити уже пробивавшейся седины. Вишнево-красный нос секретаря ЦК Колдовской партии венчали крупные роговые очки, похожие на маску ныряльщика. Маленькие черные глазки товарища Гашишева цепко впились в меня, и, казалось, пробуравили до самых костей.

- Рад вас видеть, товарищ Дюдюльников, - Морфин Марихуанович указал рукой на ряд стульев около стола для заседаний и произнес дежурную фразу:

– Располагайтесь, будьте, как дома!

Я присел на ближний от рабочего стола партийного бонзы стул, а сам хозяин кабинета грузно опустился в огромное кожаное кресло.

Несколько секунд он молча изучающе сверлил меня цепким взглядом, потом пододвинул к себе раскрытую папку-скоросшиватель и принялся читать вслух:

- Дюдюльников Никанор Никифорович, двадцати восьми лет отроду... Доктор маго-физических наук. Член Колдовской партии Лукоморского Союза с одна тысяча девятьсот шестьдесят девятого года. Партийные взносы уплачены... Тэ-э-экс...

Он отложил в сторону папку с моим делом, еще раз окатил меня ледяным взглядом и сказал:

- Как вы знаете, три года назад на Луне создана наша колдовская база. Центральный Комитет Колдовской партии принял решение направить на нее специального представителя, который будет не только достойно представлять наш Лукоморский Союз в качестве коменданта Луны, но и сможет выполнить обширную программу научно-магических исследований. Станет не просто луновым - лунным исследователем, а настоящим дозорным нашей партии – лунным дозорным!

Морфин Марихуанович сделал шумный вздох, словно ему не хватало воздуха. Я давно заметил: чем с большим воодушевлением оратор произносит речь, тем острее ощущает он кислородную недостаточность. Морфин Марихуанович сейчас был у верхней кромки атмосферы, почти на пороге полного вакуума.

- Специальная комиссия под моим руководством, - Гашишев приосанился, словно стараясь еще раз подчеркнуть свой высокий партийный статус в общественной иерархии нашей колдовской державы, - изучила около ста тысяч личных дел членов партии, целую гору секретных отчетов Комитета магической безопасности. Изучила и остановила свой выбор на молодом колдунисте и ученом-маге Никаноре Никифоровиче Дюдюльникове.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Он замолчал и уставился на меня, явно стараясь оценить мою реакцию на услышанное.

А реакция была двойкой. Внешне я просто окаменел: налилось тяжестью тело, застыл стальным штырем позвоночник, лицо сделалось похожим на гипсовую маску. А внутри... Сердце словно обрело маленькие крылышки и стремительно взвилось куда-то в небесные выси. Я едва смог сдержать радость и ликование.

О полете на Луну я мечтал давно. Завалил все инстанции – от нашего профкома до Президиума Академии магических наук – своими просьбами направить меня на подготовку к космическому полету. И стал отовсюду получать очень вежливые, но категоричные отказы. “Уважаемый доктор наук Дюдюльников Н.Н., в настоящее время наша организация не проводит набор в отряд космонавтов”.

Товарищ Гашишев нетерпеливо кашлянул, прерывая затянувшуюся паузу. Я понял, что должен что-то ответить.

- Я горжусь доверием Родины и Центрального Комитета, – наконец, выдал я из пересохшего от волнения горла. - Это большая честь для меня. Я приложу все свои силы, чтобы выполнить задание родной Колдовской партии!

Так я стал космонавтом и луновым.

3

Запуск лунного маго-корабля с Байкодрома состоялся точно в срок. Едва мой лунолет набрал скорость, я включил маленький радиоприемничек, чтобы послушать по “Магическому маяку” последние новости. Динамик крикнул и сообщил торжественно-звонящим голосом:

- Говорит Лысая Гора – столица Лукоморского Союза. В эфире – специальный выпуск новостей. Новое большое достижение колдовской науки и магической техники! Сегодня в сторону Луны осуществлен запуск

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

маго-корабля “Дядька Черномор”. Пилотом-космонавтом корабля является гражданин Лукоморского Союза, доктор маго-физических наук Дюдюльников Никанор Никифорович...

Голос еще долго распинался о моих научных заслугах, чистой партийной биографии и прочей ерунде, но я не слушал. Я закрыл глаза, расслабился и уснул. Подготовка к космическому полету так утомила меня, что трое суток – фактически весь путь к Луне – я самым безмятежным образом проспал. Просыпался только чтобы поесть, немного привести себя в порядок и доложить в Колдовской центр управления полетом о своем самочувствии.

Посадка на Луну прошла спокойно и без проблем. Высадив меня около самой колдовской станции, “Дядька Черномор”, полыхнув на прощание факелом работающего ракетного двигателя, по постепенно изгибающейся траектории ушел в черное лунное небо.

Я остался совершенно один среди острых пиков гор и иззубренных окружностей кратеров, океанов и морей сухой пыли, множества хаотически разбросанных валунов и камней...

4

На пятые сутки пребывания на лунной поверхности я обнаружил, что являюсь не единственным обитателем Луны.

В тот вечер я закончил подготовку метлы Бабы-Яги к полету над лунной поверхностью для проведения обзорной фотосъемки. Деревянная палка с веником на конце и фотокамерой “Полароид”, закрепленной на ее верхней оконечности, круто взмыла в черное небо и легла на расчетный курс. Я проводил ее взглядом, повернулся, чтобы идти домой, и удивленно охнул.

Примерно в полусотне метров от меня вокруг небольшого кратера кружили в хороводе полтора десятка девиц в длинных разноцветных сарафанчиках. Девушки были на удивление стройны, отличаясь высоко

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

вздернутыми плечиками, плавностью движений и приятной худощавостью слегка заостренных лиц. Время от времени они бросали в мою сторону игривые взгляды, весело похохатывали и негромко о чем-то переговаривались друг с другом.

Я крепко зажмурил глаза, сосчитал до десяти и снова распахнул веки. Девушки не исчезли. Они все так же продолжали кружить вокруг кратера в веселом хороводе.

Одна из них, одетая в розовое платье длиной почти до самых пят, вышла из общего круга, подбоченилась и звонким молодым голосом завела частушку:

- Мой любимый не простой –

Он дозорный луновой:

В океане и на море

В лунном он стоит дозоре!

Закончив петь, девушка хихикнула, взмахнула беленьким носовым платочком и снова вошла в хоровод. На смену ей выскочила другая девушка - с темными длинными косичками, в голубом сарафанчике:

- Меня с Марса мужичок

Звал с собой на пикничок.

Иноземцу отказала –

К луновому я сбежала!

Она подмигнула мне, весело прыснула в маленький кулачок и смешалась с танцующими вокруг кратера подругами.

Третья девушка, которая отделилась от хоровода, была облачена в зеленое с желтыми кружочками платье. На высокие худенькие плечики был небрежно наброшен большой цветастый платок. Пританцовывая по лунному грунту ножками в красных сапожках на высоком каблуке, девушка пропела:

- Мой миленок в корабле,

Улететь хотел к Земле!

Она взмахнула цветастой косынкой, и остальные девицы дружно подхватили:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Я его не отпустила,
Поцелуй свой подарила!

С этими словами лунные девушки разомкнули круг хоровода и веселой стайкой ринулись ко мне. Я же стоял истукан истуканом, совершенно не зная, как мне реагировать на столь массовое проявление девичьего внимания.

Девушки в сарафанчиках окружили меня плотным кольцом. Даже сквозь толстую ткань скафандра я ощутил прикосновения их нежных рук. Заливаясь радостным смехом, они принялись по очереди целовать меня в стекло гермошлема. И не успел я перевести дыхание, как вся нижняя часть стекла оказалась усеяна характерными отпечатками губной помады.

Похохатывая, озорницы одна за другой устремились к ближайшему кратеру и нырнули в густую черную тень, которую отбрасывали два крупных валуна на краю кратерной воронки.

Я снова остался один среди тишины и холодного безмолвия лунного пейзажа.

- Нужно немедленно вернуться на станцию, выпить брома, валерьянки и... И стаканчик водки, - произнес я вслух и опасливо покосился на отпечатки девичьих губ на стекле гермошлема. В отличие от лунных девушек оттиски губной помады не исчезли.

- Валерьянку и бром пить не стоит, а вот водочки прими всенепременно, - прозвучал хрипловатый голос у меня за спиной.

5

Я резко обернулся.

В двух шагах от меня стоял пожилой неказистый мужичок, одетый в стоптанные сапоги со смятыми в гармошку голенищами, старенькую ватную телогрейку болотно-зеленого цвета и надвинутый почти на самые глаза серенький бесформенный картуз. Из-под распахнутой телогрейки выглядывала вылинявшая тельняшка, неумело подштопанная на груди широкими

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

нахлестными стяжками. В уголке губ незнакомца торчала свернутая из пожелтевшего газетного обрывка толстенькая самокрутка, которой он периодически попыхивал, выпуская изо рта облачка сизого дыма.

- Гуляют девки, - сказал мужичок и кивнул небритым подбородком в сторону кратера, в котором только что исчезла стайка веселых девиц. – Солнышко ведь к вечеру клонится. А когда ж молодежи гулять, как не по вечерам?

Я шумно проглотил застрявший в горле ком и выдавил:

- А... Э... А вы, простите, кто?

Мужичонка некоторое время с недоумением взирал на меня, а потом лицо его расцвело доброй улыбкой:

- Ах, прости старика... Проклятый склероз! Забыл представиться!

Он за козырек приподнял кепку и сообщил:

- Меня Мироном Федотычем кличут. Ты можешь звать просто – Федотычем. По должности я – лунный староста. Староста всея Луны, так сказать.

Он почесал согнутым пальцем темечко, снова нахлобучил картуз на голову и продолжил:

- Из валунного рода мы. Валунный то есть. А ты, стало быть, Никанор Никифорович Дюдюльников? Лунный дозорный Лукоморского Союза, так? Мы намедни про тебя по радио передачу слушали...

- В-вы... - я никак не мог совладать со своей речью. Губы пробирало дрожью. – Ва... Ва... Валунный?

- Валунный, - подтвердил мужичок и кивнул в сторону кратера, в котором скрылись танцевавшие девушки. – А озорницы наши – это девы лунные. Сиречь кратерные.

- К-к-кратерные? – меня трясло в нервной лихорадке.

- Кратерные, - валунный Федотыч глубоко затянулся и выпустил в пространство длинную струю сизого дыма. – Потому, как живут в кратерах!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Живут, значит, в кратерах... - я сделал глубокий вдох, пытаюсь унять колотившееся где-то под горлом сердце. – А там...

Я ткнул указательным пальцем в сторону видневшихся на горизонте округлых холмов и цепи лунных гор.

- А там живут холмовые и горные, - с готовностью пояснил Федотыч. – А есть еще русалки – девы луноморские, ребята массконные да всякие там чуды талассоидные...

- Этого не может быть, - горячо возразил я. – Луна – это абсолютно безжизненное тело. На нем нет ни жизни, ни нежити!

- Это кто ж тебе сказал такую чушь? – осведомился Федотыч, попыхивая самокруткой.

- Наука это говорит! – с жаром выпалил я. - На Луне нет ни естества, ни колдовства!

- Хреновая у тебя наука, если она не замечает совершенно очевидных вещей, - спокойно сделал вывод Федотыч и лукаво прищурил левый глаз:

- И меня, значитца, нету?

- Н-нету, - я энергично замотал головой. – Вы мне просто кажитесь!

На лбу у меня выступил холодный пот. Чертовщина какая-то! Я стою и разговариваю с призраком, с собственной галлюцинацией! Эх, вот ведь беда какая! Спятил ты от одиночества, доктор наук Дюдюльников!

Федотыч молча с любопытством рассматривал меня, докуривая самокрутку.

- По-моему, я окончательно сошел с ума, - сказал я сам себе вслух. – Может, на солнце перегрелся. А может, у меня кислородное голодание началось...

- У тебя началось острое алкогольное недопивание. На почве полного непотребления алкоголя, - подправил мой диагноз Федотыч, отстрельнул пальцами окурок в сторону и окинул меня критическим взглядом:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Да, братец... Без бутылки ты, пожалуй, и в правду не разберешься... Так что, нальешь стаканчик горькой за знакомство-то али нет? Посидим, поговорим, покумекаем... Заодно и избушку свою покажешь.

Он кивнул в сторону видневшегося из-за камней купола лунной станции.

- Хорошо, пойдете, - лунный призрак упорно не желал исчезать. И я сделал вывод, что мне действительно лучше поскорее убраться на борт станции. Принять водочки, лечь, отоспаться, – может быть, глюки и рассеются. Сами собой. Ведь не в самом же деле я спятил?

Я повернулся и молча зашагал к куполу. Федотыч бодренько засеменял рядом.

В тамбуре я снял скафандр, а Федотыч тщательно вытер об половик подошвы своих сапог и отряхнул полы телогрейки.

- Пропылился я тут маленько, - пожаловался он. – Ветерка на Луне не бывает... Вот и налипает на тебя постепенно все это лунное пылевое безобразие.

Я осторожно приблизился к нему и тронул за рукав телогрейки. Рукав, вопреки моим ожиданиям, оказался вполне материальным.

- Чудак ты чудило, - усмехнулся Федотыч, проследив взглядом за моей рукой. – Думал, что я привидение, так?

- Думал, - утвердительно кивнул я.

- Нет, - покачал головой лунный гость. – Я – не призрак, я самый что ни на есть реальный субъект!

- Но этого просто не может быть! – в отчаянии вскричал я. – Луна – это безжизненное космическое тело!

- Вот заладил, - Федотыч досадливо поморщился. – Безжизненное, безжизненное... Было безжизненное, а сделалось самым жизненным! Пошли выпьем, что ли? Или ты так и будешь гостя в сенях маять?

Мы отправились на кухню, я достал из холодильника запотевшую бутылочку “Лысогоровской” и колбасную нарезку. Поддел зубчиком вилки

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

металлическую пробку и плеснул на треть водки в два граненых стакана.

- Ну, за здоровье, - Федотыч легонько чокнулся своим стаканом о мой и залпом опрокинул водку в рот. Крякнул, занюхал рукавом телогрейки и потянулся за колбасной нарезкой.

Я тоже одним глотком выпил водку и взял колечко колбасы.

Некоторое время мы молчали, пережевывая “лукоморскую особую”.

- Ладно, - махнул рукой Федотыч. – Не буду тебя терзать неизвестностью. Наливай по второй, и я тебе все расскажу.

6

...В начале нынешнего века в глухой восточно-сибирской тайге вблизи реки Подкаменная Тунгуска было большое поселение подлунного народа. Жили в бревенчатых избах, просто и некооперировано – без людей, то есть. Да и какие в тех местах могли быть люди? На сотни верст вокруг непроходимая тайга, темные чащи да топкие болота. Правда, изредка случалось, что охотники за дичью или золотишком в своих исканиях забредали и сюда, в самую глушь, но им так умело отводили глаза, что незваные пришельцы покидали берега Подкаменной Тунгуски в полном и непоколебимом убеждении, что на ее берегу нет ни единой души – ни живой, ни неживой.

Жили в подлунной деревне весело и дружно. Лешие и бабки-ёжки в лесу промышляли: кто зверье мелкое добывал, кто грибы собирал, кто травы целебные выискивал. Водяные и русалки славились на всю округу рыбной ловлей – таких сомов и щук, бывало, поднимали со дна, что ни одну вывихнутую от удивления челюсть потом вправляли знахари-эскулапы да бабки-ворожки. Ну, а домовые и белокурые навки, само собой разумеется, шарились больше по домашнему хозяйству.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Навки хлеба пекли знатные и компоты варили разные, а домовые кузничным и скорняжным делом занимались.

Так оно жилось – велось аккуратно до раннего утра 30 июня 1908 года от Рождества Христова.

В то страшное утро народец подлунный проснулся от диких воплей бабы-яги Парашки – нашей самой вещательной вещуньи:

- Ой, беда! Ой, летит!

Народ, знамо дело, двери и окна пораспахивал, наружу спросонья выглядывает, интересуется: что, мол, да где?

Смотрят, бежит по улице деревенской тетка Парашка. Босая, расхристанная, волосы нечесанные торчат во все стороны. Бежит и орет, что есть мочи:

- Ой, чую! Ой, горе летит страшное!

И тычет толстым пальцем куда-то в ясное утреннее небо на западе.

Людишки подлунные на двор повысыпали, колдовские чары сотворили и тоже прислушались. Коллективно, значит.

И точно – большая беда с неба летит. Целит угроба небесная точнехонько в самый центр нашей деревни.

А надобно сказать, Никаноружка, что лет за десять до этого было гениальное по своей прозорливости предсказание англичского подданного Гербертия Уэлльского: ожидать, мол, следует вскорости нашествия с кровавой марсианской планеты. Прилетят на Землю осьминогии сухопутные, ходить будут на избах трехногих да народ человеческий – а заодно и нас, народец подлунный, - жечь лучами непонятными, истреблять смертно.

Прав оказался иноземец Гербертий. Стоим мы всем миром посреди улицы деревенской и вправду чуем: летит страсть небесная, несет внутри себя треножки проклятые.

Что тут сделалось! Мужики растерянно репы чешут, бабы голосят, ребятишки орут. Паника, одним словом. Неуправляемая политическая ситуация, понимаешь ли...

Ты, Никанор, водочки плесни-ка...
Благодарствую... Эх, хорошо пошла, вернуться не
обещала!

Да... Я как увидел такое дело, рев этот
многоголосый да страх всеобщий, призадумался, но не
растерялся. Вышел посеред улицы, кинул шапку под ноги
и крикнул, что есть мочи:

- Братия и сестры мои! Народец подлунный!

Голос у меня тогда был еще молодой, зычный.
Мгновенно установилась тишина.

- Нешто так и сгинем все вместе? – спрашиваю
громко. - Не дадим отпора тварям небесным?

Вижу, оклемаются постепенно наши мужички с
бабами. Приумолкли, призадумались. Да и у ребятишек
соплей поубавилось. Проняло их, значит. Упали мои
слова на благодатный грунт, то есть.

- А ну-ка, - говорю громовым молодецким голосом,
- встанем все дружно за землю отеческую! Соединим в
одно целое чары да магию нашу и врежем силушкой
богатырской по вражине марсианской!

И поняли меня, родные мои, послушались. В
единый большой круг стали мы все, от мала до велика – и
ёжки-бабки, и водяные, и лешие с русалками, и домовые
с навками.

555

- Повторяйте за мной, - кричу я, - заклинание! Слог
за слогом, слово за словом!

Поднимаю взгляд, смотрю на запад. А там, на небе,
уже ярким шаром мчится прямо к нам снаряд небесный,
вражеский.

Эх, и врезали же мы по тем тварям небесным,
Никанорушка! Земля-матушка затряслась, Подкаменная
Тунгуска дыбом стала, ветер неодолимый деревья аки
спички валить начал. И, не дойдя версту-другую до
земли, рванула прямо в небесах гадость марсианская –
даже щепочки от нее не осталось.

Да вот только впопыхах оплошали мы. В формуле
магической синус с косинусом перепутали да в

знаменателе в седьмом после запятой знаке логарифма натурального ошиблись.

Тварь небесная рассосалась бесследно, но из-за ошибки нашей коллективной на ее месте возник эффект всасывающий. Я и чихнуть не успел, как между Землей и Луной образовался гиперпространственный коридор, охватил основанием всю нашу округу аккурат на шесть сотен верст и в одно мгновение перекинул ее с груди Земли-матушки на поверхность Луны-тетушки.

Ты, Никанор Никифорович, давеча прав был. Луна безжизненная была. До нашего появления здесь, значит. Таки не соврала твоя земная наука. Не было на Луне ни реальной жизни, ни магически-колдовской. Голый безжизненный и пыльный шар от полюса и до полюса.

Но когда деревня наша возникла на лунной поверхности, случилось вот что. Сила тяготения Луны, которая в шесть раз меньше земной, да полное отсутствие атмосферы вплоть до вакуума в одно мгновение разодрали, растянули нашу деревеньку с ее окрестностями по всей тверди лунной. Произошло то, что мы потом назвали разшестерением. Была одна избушка – стало шесть в разных частях Луны. Был один леший – разделился на шесть совершенно одинаковых колдовских сущностей. Вместо одной русалки – гляди-ка, шестеро шлепают платьями-ластами по сухой поверхности морей лунных. Ну, и нас - Федотычей то есть - тоже стало шестеро. И все силы наши колдовские да магические тоже на шесть долей поделились.

Сначала, конечно, непривычно было. Идешь, бывало и думаешь: что там и как там мои пять шестых делают? Не болеют ли? Не в кручину ли с безнадегой впали по Земле-матушке, навеки потерянной?

Потом постепенно все наладилось. Установили связи округлунные, почтовое сообщение наладили. Обжились, одним словом. Правда, пришлось немного переквалифицироваться в связи со сложившимися обстоятельствами. Русалки сделались морячками

лунными, домовые – валунными, лешие – горскими. Ну, а навки стали девами кратерными.

Меня же на выборах общелунных избрали местным старостой. Выборы, кстати были демократические, на альтернативной основе, – из шести одинаковых Федотычей народец наш лунный именно меня и выбрал.

Вот так теперь и живем здесь, хлеб жуем да воду пьем.

...Федотыч закончил свой рассказ, вытащил вилкой из банки с соленьями огурец и аппетитно захрустел.

- Слушай, Федотыч, - мы уже после первой бутылки окончательно перешли на взаимное и демократичное “ты”, - а я все-таки в толк не возьму, как вы выжили? Без воздуха, без воды...

- Не догадываешься? – валунный удивленно вскинул седые брови. – Так ведь вся живность, озера, деревья, что были в округе на шестьсот верст около селения нашего, тоже на Луне оказались. И тоже здесь разшестерились. Так что у нас вдоволь теперь и атмосферы колдовской, и водички, и зверья всякого.

Он весело подмигнул и залпом допил из своего стакана остатки водки.

- Неужели за столько лет вы так и не смогли подать весточку о себе на Землю? – я вытащил из холодильника третью бутылку водки и замороженную курицу. – Хоть словечком колдовским? Хоть миганием магическим?

- Пытались, - икнув, закивал Федотыч. Свой мятый картуз он уже давно снял и отложил в сторону. Его волосы были достаточно коротко и аккуратно острижены, на макушке головы розовел островок небольшой лысенки. – Но ведь наше колдовское слово, Никанорушка, теперь тоже поделено на шесть. То есть мощности магической не хватает, чтобы дотянуться до Земли. Радио наши умельцы лунные тоже придумали, изобрели, значит. Слушать земные колдовские новости мы нынче уже можем. А вот самим что-нибудь передать – нет, энергетически пока не тянем...

Он похрустел огурчиком и продолжил:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Ты нашим девам лунным сразу приглянулся. Вот и уговорили они меня пойти с тобой на прямой контакт. Установить дружеские связи с полномочным представителем Земли-матушки. Со всеми вытекающими отсюда дипломатическими последствиями.

- За это стоит выпить, - я открыл новую бутылку водки и сунул курицу в духовку.

- Слушай, Никанор, - Федотыч хитро подмигнул, - а что мы с тобой вдвоем-то квасим? Прямо, как алкоголики какие... Может, девчонок позовем? Знаешь, какие у нас тут лунные бабцы водятся? У-у-ух!

7

Земля установила дипломатические отношения с Луной всего за пару суток. ЦК Колдовской партии сразу же предложил Независимой Луне войти в состав Лукоморского Союза шестнадцатой союзной республикой. Федотыч почесал в затылке, принял с бодуна на грудь рюмашку водочки и дал согласие. Вселунный референдум, оперативно проведенный уже на следующий день, единогласно утвердил решение лунного старосты.

И начались трудовые лунные будни...

Днем я самым добросовестным образом работал на лунных просторах на благо мировой колдовской науки. А вечером мы с Федотычем и кратерными девушками устраивали развеселые сабантуйчики. Я, было, завел с местными девами два-три романчика с легкой претензией на серьезность. Но, увы, из этого ничего путного не получилось. Сильно мешало разшестерение лунного народа. Вы можете себе представить, что такое одна шестая любви? А шестая часть интимной близости?

А вот с компьютерным мозгом колдовской лунной станции у меня установились достаточно близкие, я бы сказал, даже дружеские отношения. Раз в неделю мы резались с ним в бильярд или перекидывались в картишки. Компьютерный мозг при этом отчаянно

жульничал, совсем как мой бывший коллега по Звездному городку леший Пашка. Это было настолько похоже, что, в конце концов, я так и стал именовать этого представителя искусственного интеллекта – Пашкой и частенько посылал его “к лешему”.

После новогодних праздников я собрался съездить к Морю Дождей: где-то там полтора года назад затерялся советский космический аппарат “Луноход-1”. В одно прекрасное лунное утро он просто не вышел на связь. Версии были разные – исчерпалось топливо, нарушилась герметичность приборного контейнера. Версии – версиями, а разобраться я хотел самостоятельно. Комендант Луны – должность ответственная. И выполнять свои служебные обязанности, поддерживать порядок на вверенном мне небесном теле, я намерен был со всей серьезностью и строгостью.

- Поезжай, поезжай, - дружески напутствовал меня Федотыч. – Может, заодно и с гангреной нашей разберешься!

- Какой еще гангреной?

- Да, живет в тех краях кто-то... Или что-то, - Федотыч нахмурился и раздосадовано взмахнул рукой. – Никак в толк не возьму, откуда оно и взялось! Спрашивали его не один раз: ты кто? А оно в ответ все одно и тоже: гангрена да гангрена! Лютое, что стерва болотная!

На следующий день я вывел из гаража колдовской глайдер “Сивка-Бурка” и отправился к побережью Моря Дождей.

8

Глайдер шел над лунной поверхностью легко и быстро. Пейзажи вокруг расстилались привычные, лунные. Я за время пребывания на Луне уже научился смотреть на мир разшестеренным взглядом лунян, и поэтому наслаждался красотой местных садов и полей, тенистой темнотой рощ и свежестью полей, жмурился от ярких бликов солнечных лучей в водах местных речушек

и озер. Несколько раз, когда я проезжал мимо лунных поселений, за мной с радостным визгом бросались вслед лунные ребятишки. Мне дарили свои чарующие улыбки кратерные девы, крепкие валунные парни не один раз помогли мне сориентироваться среди раскинувшихся вширь и вдаль лунных просторов.

По моим расчетам до района, где затерялся “Луноход” оставалось не более пары километров, когда перед носом моего глайдера словно из-под... э-э-э... луны вырос большой заостренный камень, похожий на огромный драконий клык. На гладкой поверхности камня, обращенной ко мне, на немецком языке крупными готическими буквами было написано:

“Ферботен! Ахтунг, минен!”

- Шутники лунные! – хмыкнул я. Наверняка, надпись сделал кто-то из местных кратерных дев. Сейчас, наверное, смотрят на меня откуда-то из-за камней и хихикают. Тоже мне, фрау немецкоязычные.

Я огляделся вокруг, ожидая увидеть стайку веселых девчонок в традиционно разноцветных сарафанчиках. Но лунный пейзаж был пуст. Пуст во всех спектрах – и в реальном, и в колдовском, и в разшестеренном. Точнее сказать, в реальном мире по-прежнему существовали и кратеры, и валуны, и парочка извилистых трещин в лунной коре. А вот народа лунного, растений и живности лунной – как не бывало. Хоть шаром покати.

Это было очень странно. Впервые с тех пор, как я познакомился с Федотычем и лунным народцем, я остался на Луне действительно в одиночестве.

Я еще раз внимательно прочитал надпись на камне, пожал плечами и, заложив крутой левый вираж, обогнул препятствие. На всякий случай щелкнул на пульте тумблером металлоискателя, но огонек замигал успокаивающим зеленым цветом: это означало, что в округе на версту-другую никаких металлов, - а значит, и мин, - не найдено.

За камнем с надписью начиналась лунная гряда, и некоторое время мой глайдер летел вдоль нее, слегка отклоняясь на запад от района, где предположительно сгинул космический вездеход. Я двигался параллельно строю скалистых пород, стараясь найти проем среди вздымающихся вверх камней, чтобы перебраться на другую сторону гряды.

Искать долго не пришлось. Примерно через километр после поворота на запад среди каменных лунных клыков обнаружился широкий проем. Я крутанул руль глайдера, и по короткому коридорчику между отвесных стен перебрался на противоположный склон гряды.

Едва нос глайдера, высунулся на свободный лунный простор, как глаз металлоискателя на пульте налился красным и в наушниках моего гермошлема раздался резкий предостерегающий визг.

- Успокойся, дурашка, - я хлопнул ладонью по головке тумблера, выключающего поисковик. – Это металл, но не опасный. Вон уж и “Луноход” показался!

Впереди и чуть левее направления моего движения среди мелких камней застыл, немного накренившись на правый бок, восьмиколесный вездеход, похожий на консервную банку с открытой и оттопыренной крышкой.

Я повернул руль, прибавил газу и подлетел поближе.

С первого взгляда мне стало ясно, что лунная машина мертва. Одна из двух ее глазниц – фотокамер была разбита. На правом боку вездехода я обнаружил цепочку мелких круглых отверстий – словно косая струя металлического дождя прошла по корпусу “Лунохода”.

Я поднял взгляд, и на покрытых лунной пылью фиолетовых квадратиках солнечной батареи, смонтированной на внутренней поверхности округлой крышки приборного отсека, обнаружил надпись. Прописными буквами, но опять же по-немецки на запылившейся поверхности батареи было выведено: “Руссише панцер. Капут!”

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Ну, это уже переходит всякие границы! – разозлился я. – Вернусь домой – обязательно пожалуюсь Федотычу. Лунные детишки, которые играют в войнушку, - это, конечно, хорошо, но научную машину портить никто не разрешал!

Я потянулся к бардачку под рулем глайдера, чтобы ветошью стереть надпись на запылившейся солнечной батарее, но тут динамики в моем гермошлеме донесли четкую и достаточно громкую речь:

- Айн, цвай, драй! Шнель, муниш швайн! Айн, цвай, драй!

Я приподнялся на сидении глайдера и огляделся по сторонам. Источник звука определенно мог находиться только за небольшой возвышенностью, располагавшейся по правому борту моего летательного аппарата.

Одним легким прыжком я выбрался из пилотского кресла и стал медленно обходить покрытую каменной россыпью пыльную горку. Пригнувшись, я осторожно выглянул из-за камней, стараясь рассмотреть, что же находится по другую сторону возвышенности.

Картина, которая открылась моему взгляду, была настолько неожиданной, что некоторое время я, удивленно отвалив нижнюю челюсть, мог только молча взирать на происходящее.

За возвышенностью на лунной поверхности обнаружилась расчерченная на крупные квадраты достаточно больших размеров ровная площадка. Камни – даже мелкие – были с нее убраны, пыль подметена до появления скального основания грунта.

И по этому скальному основанию, старательно вытягивая в строевом шаге тоненькие как спички ножки, маршировал десяток кратерных дев, одетых в высокие темно-зеленые сапожки и немного мешковатые костюмчики цвета хаки. Коротко стриженные головки лунных девчонок венчали матерчатые пилотки песочно-желтого цвета с эмблемкой распластавшего крылья орла.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Айн, цвай, драй! Айн, цвай, драй! Зер гут!

Этот звук исходил со стороны странного существа, стоявшего сейчас ко мне спиной и внимательно следившего за строевыми эволюциями кратерных дев в униформе на площадке, которую с полным на то основанием можно было назвать лунным плацем.

Существо было одето в очень узкие и высокие, - выше колен, - поношенные черные сапоги. Сапоги почти незаметно переходили в облегающие ноги кожаные брюки грязно-коричневого цвета со свободной парусистостью галифе на уровне бедер. От пояса и до самого основания шеи спину существа защищала стальная металлическая кираса, из которой торчали похожие на толстые гофрированные трубы рукава. Голову незнакомца прикрывала шарообразная конструкция, отдаленно напоминающая большой водолазный шлем. На макушку шлема была одета каска с двумя едва выступающими над покатою поверхностью маленькими рожками.

Я выпрямился во весь рост и шагнул из-за камней на площадку лунного плаца.

Маршировавшие кратерные девы при моем появлении сбились с шага, замерли на месте, а потом с испуганными криками бросились врассыпную.

- Вас ист дас? – голос стоявшего ко мне спиной существа прозвучал гулко, как будто оно говорило изнутри огромной металлической бочки. – Хальт!

Но кратерные совершенно уже не слушались команд и всей ватагой нырнули в черную тень, под защиту лунных камней.

Незнакомец в странном скафандре, наконец, сообразил, что нечто, испугавшее военизированных девиц, находится у него за спиной, и резко обернулся.

Спереди в его тронутом ржавчиной гермошлеме имелось круглое застекленное окошко, похожее на задраенный иллюминатор. Изнутри стекло было покрыто влажной испариной, и поэтому лицо незнакомца внутри

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

металлического пузыря оказалось совершенно неразличимым.

На груди незнакомца болталась на перекинутой через шею крупной цепочке полукруглая бляха с изображением двух параллельных молний и выдавленной на металле надписью “Анненэрбе”. Еще ниже висел на ремне автомат “шмайсер” рыже-ржавого цвета.

- Здравствуйте, милейший, - как можно более мягко произнес я и сделал шаг вперед. – Разрешите представиться: комендант Луны луновой Никанор Дюдюльников!

Мои слова произвели на незнакомца ошеломляющее впечатление. Он отскочил назад, вскинул ржавый “шмайсер” и направил дуло автомата точно мне в грудь:

- Хальт! Хенде хох!

- Чтоб ты сдох! – в рифму тихо ругнулся я, а в голос вполне миролюбиво сказал:

- Майн намэ ист Никанор Дюдюльников! Ихь бин луновой!

Немецкий язык я никогда не учил – ни в школе, ни самостоятельно. Но после чтения книг о похождениях наших леших и домовых в тылах немецко-фашистских захватчиков в годы Второй мировой войны, в мое сознание намертво впечатались некоторые простейшие немецкие фразы.

Незнакомец пронзительно и гулко взвизгнул внутри своего скафандра и проорал:

- Хенде хох! Доннер веттер!

Дуло “шмайсера” взметнулось вверх и длинная очередь быстрыми искрами прорезала пространство над моей головой.

- Нихт шиссен! – испуганно завопил я. – Гитлер капут!

Фраза о “капите” для Гитлера оказалась не совсем удачной. “Шмайсер” немедленно развернулся точно мне в грудь. Я резко рванулся вправо за секунду до того, как

автоматная очередь пронзила то место, где я только что находился.

- Руссише швайн! – субъект в скафандре продолжал вопить. – Хенде хох!

Черный зрачок дула “шмайсера” снова смотрел на меня.

- Хорошо, хорошо! – поспешно произнес я и начал медленно поднимать руки. – Йа, йа, яволь!

- Дойчланд юбер алес! – рывкнул незнакомец. – Фюрер юбер алес! Ферштейн?!

В моей голове молнией мелькнула спасительная мысль.

- Хайль! – во все горло гаркнул я и резко выбросил вперед и вверх правую руку.

Политическая дрессировка сыграла с незнакомцем в нелепом скафандре дурную шутку. В ответ на мое “хайль” он щелкнул каблуками и тоже взметнул вверх правую руку в нацистском салюте:

- Зиг хайль!

При этом ему, конечно, пришлось выпустить рукоять “шмайсера” из правой руки. Что мне и нужно было.

Одним мощным прыжком я рванулся вперед. Фриц в скафандре не успел среагировать на мое движение, и я, перехватив ремень автомата, резко дернул “шмайсер” вниз. Незнакомец вынужден был наклонить голову, и мне не оставалось ничего другого как со всей силы опустить кулак на его закрытый гермошлемом затылок. Удар был силен, и даже металл скафандра не спас моего визави. Его тело напряглось, затем обмякло, и незнакомец плавно сложился прямо к моим ногам.

Я тщательно скрутил его руки и ноги мотком фала, который постоянно таскал в кармане своего скафандра, подобрал “шмайсер” и петлями прошелся по округе. Кратерные девичьи в униформе растворились где-то среди лунных просторов, а больше никаких “солдат фюрера” я поблизости не обнаружил.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Я вернулся к глайдеру, подогнал его к месту схватки и погрузил на грузовую платформу безжизненное тело субъекта в странном скафандре. Потом, широко петляя, еще несколько раз пролетел над районом, в котором нашел “Луноход” и самодельный лунный плац. Мои старания не пропали даром. В одном из кратеров неподалеку обнаружился покрытый слоем окалины и ржавчиной большой металлический ящик со скругленными углами. На нем тоже имелась надпись “Анненербэ”, и поэтому принадлежность этого предмета лежавшему на дне моего глайдера незнакомцу не вызывала никаких сомнений. Ящик я решил тоже прихватить с собой: не хотелось, чтобы в будущем кто-нибудь из людей нашел бы на Луне какой-то нацистский артефакт. В человеческом мире и без лунных сюрпризов хватает тайн и проблем.

9

Я достаточно сильно огрел по затылку незнакомца в странном скафандре. Он провалялся в “отключке” всю обратную дорогу домой. Только когда из-за скал показался купол станции, существо в металлической кирасе и каске с рожками стало подавать некоторые признаки жизни.

Я загнал глайдер в гараж и выволок моего пленника из машины. В шлюзовой камере тревожно взвыли индикаторы биологической опасности. Это означало, что субъект в скафандре, мягко говоря, далек от стерильности. Я включил канал внутренней связи и приказал Пашке:

- Срочно подготовь комнату для стерильной обработки. Объект нужно тщательно вымыть и привести в порядок.

Лифтом мы опустились в холл станции. Незнакомец уже пришел в себя, и я решил развязать его. Освободил от пут, помог подняться на ноги, и еще раз представился, положив руку себе на грудь:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Ихь бин луновой! Майн намэ ист Никанор Дюдюльников!

Видимо, мой удар слегка прочистил мозги незнакомца. Он уставился на меня сквозь запотевшее окошко своего гермошлема и тихо изрек что-то вроде:

- Хан... Ре...

“Вот так номер! – удивился я. – Его что, и в самом деле зовут Гангреной?!”

Я замешкался, не зная, что сказать своему бывшему противнику. Мой запас немецкой лексики был уже полностью исчерпан. Существо в скафандре, между тем, постепенно приходило в себя и заинтересовано бросало вокруг взгляды сквозь запотевшее стекло гермошлема.

- Комната санобработки готова, - доложил Пашка из динамика где-то под потолком. – Начинать?

- Действуй, - дал отмашку я.

Не прошло и пары секунд, как в стенах распахнулись технические люки, и холл заполнили роботы из obsługi станции. Незнакомца подхватили под руки и поволокли в сторону дверей санитарного отсека.

- Нихт! Нихт! – он отчаянно завизжал и принялся упираться ногами в пол. Наверное, решил, что его тащат на расстрел или в газовую камеру.

Я хотел уже остановить роботов и как-нибудь жестами объяснить нежданному гостю, что предстоящая процедура не нанесет ему никакого вреда, но тут роботы дружно взвалили субъекта в скафандре на свои металлические плечи и скрылись за плотно захлопнувшейся дверью. Сначала оттуда до меня донесся душераздирающий вопль, потом какое-то жалостливое всхлипывание, нервный вскрик и вдруг чей-то тонкий с легкой хрипотцой голос скороговоркой с надрывом забормотал:

- Ватер... Дас ист фантастиш! Ватер!

Я кликнул по сенсору на пульте управления и распорядился:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Паш, этому существу... э-э-э... Которое сейчас в комнате биологической очистки... Дай ему чего-нибудь успокоительного, что ли...

- Будет выполнено, Никанор Никифорович, - приятным баритоном отозвался Пашка.

Мне показалось, что он тихо хихикнул.

Пока незнакомца чистили и мыли, я вернулся к глайдеру и занялся загадочным металлическим ящиком с маркировкой СС и надписью “Анненербз”. Мне совершенно не улыбалось притащить на борт станции какую-нибудь бомбу времен Второй мировой войны.

Но мои опасения не оправдались. Химический анализатор показал, что внутри металлического ящика находится всего лишь тридцатилитровая емкость, заполненная водой, на поверхности которой произрастает морская водоросль хлорелла.

Я снял скафандр, отправился в кают-компанию станции и наскоро приготовил легкий ужин. На двоих, разумеется. Я вовсе не собирался морить своего гостя – или все-таки пленника? – голодом. У меня была уверенность, что он не откажется поужинать со мной. Если я правильно истолковал факты, то в течение всего времени своего пребывания на Луне странное существо в нелепом скафандре питалось только хлореллой и водой.

Приготовив ужин, я налил в высокий стакан апельсинового сока, сел в мягкое кресло и задумался.

Мой гость явно прибыл на Луну с Земли. Об этом свидетельствовали и человекообразные формы его тела, заметные даже под скафандром, и немецкая речь, и все материальные предметы, принадлежавшие ему и оказавшиеся сейчас в моем распоряжении.

Но вот когда он прибыл? Об американских или советских запусках космонавтов на Луну я был бы предупрежден. Другие же страны просто не имели пока в своем распоряжении технологий, которые могли дать им возможность послать своих граждан на поверхность естественного спутника Земли. Тогда кто же такой этот загадочный незнакомец в странном до полной нелепости

скафандре неизвестного покроя? А откуда он взял ржавый “шмайсер”? Немецкую каску с рожками времен Второй мировой войны? Металлический контейнер с хлореллой и надписью “Анненербэ”? Я терялся в догадках.

Коротко звякнул звонок и Пашка сообщил:

- Субъект вымыт и вычищен, Никанор Никифорович. Подстрижен и одет в стандартный пилотский комбинезон.

- Хорошо, - кивнул я. – Э... Можешь обучить его русскому языку? Хотя бы по ускоренной программе?

- Могу и по полной, - фыркнул Пашка. – Пару раз колдануть, всего-то...

- Вот и хорошо. Пусть слегка подучится. А потом проводишь его ко мне в кают-компанию.

...Тихо звякнула, открываясь, входная дверь. Мой гость в сопровождении двух роботов перешагнул порог комнаты. Я стремительно поднялся из кресла, шагнул ему навстречу и замер с открытым ртом.

Отловленный мною на лунных просторах незнакомец оказался женщиной...

Тщательно вымытые и подстриженные волосы солнечно-желтой аккуратной копной обрамляли ее лицо и закрученными локонами ложились на плечи. Зеленые зрачки больших глаз исподлобья настороженно и внимательно рассматривали меня. Крупные скулы переходили в слегка заостренный подбородок. Снежно-белые зубки были едва заметны за розовыми лепестками губ.

Валькирия, настоящая немецкая валькирия!

Наверное, весь этот коктейль из удивления, восторга и восхищения так явственно выплеснулся на мое лицо, что гостье пришлось первой нарушить явно затянувшуюся паузу. Она протянула мне руку для приветствия и ангельски приятным голосом произнесла:

- Добрый вечер! Меня зовут Ханна Райхер. Я – штандартенфюрер СС.

10

...Почти тридцать лет назад, 14 сентября 1944 года, с военного полигона Пеенемюнде стартовала серийная ракета “Фау-2”. Официально запуск был произведен с целью дальнейшей отработки немецкого ракетного снаряда.

На самом же деле в головной части ракеты вместо детонатора и груза взрывчатки находился специальный контейнер самого секретного из всех нацистских исследовательских институтов – “Анненербэ”. В этом заведении, патронируемом лично рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером, уже добрый десяток лет шли исследования в области боевой магии и военных аспектов применения колдовства.

В наглухо запаянном контейнере “Анненербэ” в космос стартовала валькирия Ханна Райхер, лучшая выпускница курсов военных магов, подготовка к полету которой началась еще три года назад по личному указанию самого Гиммлера.

В сентябре 1944 года для всех в мире стало уже очевидным, что Германия проигрывает войну, и спасти Третий Рейх от поражения может только чудо. Этим чудом и предстояло стать штандартенфюреру СС валькирии Ханне Райхер. В наивысшей точке баллистической траектории ракеты “Фау-2” Ханна Райхер должна была произнести специально сконструированную магическую формулу. Предполагалось, что благодаря этому колдовскому заклинанию штандартенфюрер Райхер окажется на поверхности естественного спутника Земли. Оттуда, с лунной поверхности, Ханна собиралась с помощью колдовских заклинаний нанести невероятной силы магические удары по Советскому Союзу, Соединенным Штатам и Великобритании. Колдовской смерч должен был пронестись по просторам этих стран, превращая в пыль их техническую, военную и промышленную мощь. Дойчланд юбер алес! После завершения магического наступления с Луны ничто бы уже не помешало частям германского вермахта

триумфально пройти по территориям всех поверженных стран и на тысячелетия утвердить мировое господство Третьего Рейха.

Поначалу все шло в полном соответствии с планами, разработанными в тайных лабораториях “Анненербэ” и ставке рейхсфюрера Гиммлера. “Фау-2” успешно стартовала, набрала требуемую скорость и достигла высоты примерно 175 километров. По команде с Земли Ханна Райхер четко и громко произнесла требуемую магическую формулу и исчезла из контейнера “Анненербэ” вместе с приданным ей металлическим ящиком с запасом воды и хлореллы.

Ликованию в самых высоких нацистских кругах не было границ. Ожидалось, что уже в третьей декаде сентября Ханна Райхер начнет бомбить своими магическими ударами Москву, Вашингтон, Лондон, Париж и другие города и военно-промышленные районы на территории враждебных фашистской Германии стран.

Но окончился сентябрь. Отзолотился падающей с деревьев листвой октябрь. Проплакал холодными дождями ноябрь. А от штандартенфюрера Ханны Райхер все не было никаких вестей. К новому, 1945 году в ставке фюрера перестали ждать “добрых вестей с Луны”. Специалисты “Анненербэ” вынуждены были констатировать, что штандартенфюрер СС Ханна Райхер погибла в ходе выполнения магической космической миссии.

В те годы, в середине двадцатого века, никто и предположить не мог, что вакуум не пропускает колдовскую энергию, рассеивает любые магические усилия. Бедная Ханна! Она произнесла магическую формулу, которая должна была доставить ее на поверхность Луны. Но вакуум буквально высосал всю энергию из колдовского импульса всего за несколько минут. Магический шар с Ханной Райхер внутри так и не добрался до лунной поверхности. Обескровленный, он повис в пространстве между Землей и Луной. Энергия оставила и саму Ханну. Так ничего толком не успев

понять, она потеряла сознание и впадала в летаргический сон.

Наверное, Ханне Райхер суждено было миллионы лет носиться безжизненным комочком вещества по космическим орбитам. Но помогла счастливая случайность. В ноябре 1970 года советский космический зонд “Луна-17” отправился в полет к Луне. По счастливой случайности траектория космического аппарата прошла через тот район космоса, в котором уже более четверти века болтался магический шар со спящей Ханной. Силами гравитации и остаточными колдовскими эффектами шар в буквальном смысле притянуло к пролетавшему мимо луннику. Так штандартенфюрер СС Ханна Райхер оказалась на поверхности Луны.

Магический шар среагировал на появление лунной гравитации специфическим, но вполне определенным образом – он стал набирать энергию из окружающего пространства. Но прошло еще целых полгода, пока в лучах солнечного света Ханна постепенно оттаяла и открыла глаза.

Она сразу же сообразила, что находится на Луне. Значит, полет удался и пора приступать к возложенной на нее высокой миссии. Ханна решила доложить о высадке на лунную поверхность в ставку фюрера и включила радиопередатчик. Сообщение ушло, но в ответ радио выдавало только невыносимую какофонию из мешанины английских, русских и еще Бог знает каких слов.

Несмотря на потерю связи с любимым фюрером, Ханна решила действовать. В течение недели она посылала колдовские импульсы в сторону Земли и зорко вглядывалась с помощью мощного цейссовского бинокля в лик земного шара над головой, пытаясь найти на его лице следы мощных колдовских разрушений. Но следов все не было и не было. А радио все так же транслировало веселую разноязычную какофонию.

Ханна задумалась. Может что-то не так с ее колдовским даром? Она несколько раз попробовала поколдовать на ближние расстояния, и была потрясена –

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

оказалось, что магия не действует на лунной поверхности.

Верная дочь фюрера и нацистской партии штандартенфюрер Ханна Райхер впала в уныние. Она поняла, что ее миссия полностью провалена. Германия не дожидается помощи с Луны.

Отчаяние рвало на части ее сердце. Жить на Луне, без высокой цели, без любви и заботы фюрера она не хотела и не могла.

В состоянии глубокой депрессии Ханна поднялась на самый высокий валун в округе, отыскала взглядом бело-голубой шар Земли в небесах и приставила дуло “шмайсера” к гермошлему скафандра.

То, что в момент попытки самоубийства штандартенфюрер Райхер не смотрела себе под ноги, и спасло ей жизнь. Под подошву высоких сапожек Ханны подвернулся достаточно крупный лунный бульжник. Потенциальная самоубийца споткнулась, потеряла равновесие и сверзилась с валуна обратно на лунную поверхность.

Хотя сила тяготения на Луне составляет ровно одну шестую земной, Ханна весьма ощутимо приложилась своей красивой головкой, облаченной в стальной корпус гермошлема, о скалистые элементы лунного грунта, выступающие над поверхностью серой пыли. Удар был настолько силен, что колдовской взгляд Ханны за несколько секунд раздвоился, разстроился и, в конце концов, разшестерился. Вот этим проявившимся у нее разшестеренным взглядом она вдруг с удивлением обнаружила, что окружающее пространство буквально кишит лунными деревьями, реками и озерами. Вокруг летают лунные птицы, прыгают лунные зайцы, а за ними зорко следят голодные глаза лунных волков. Но главное, что среди всего этого природного великолепия живет и здравствует совершенно беспечный и веселый лунный народец!

Жизнь штандартенфюрера СС снова обрела смысл.

А тут еще ей под руку подвернулся “Луноход-1”. Тихоходный и миролюбивый “лунный трактор” случайно выполз из кратера прямо к магическому шару Ханна. Штандартенфюрер разглядела на боку космического вездехода красный прямоугольник советского флага и подумала, что ее атакует русский космический танк. В отчаянии она вскинула “шмайсер” и открыла стрельбу по “Луноходу”. Разумеется, конструкторы маленького планетохода и предположить не могли, что на Луне по их машине откроют прицельный автоматный огонь. Беззащитный робот был сражен наповал.

Ханна внимательно осмотрела поверженный аппарат. “Луноход” был сложен по своему конструктивному устройству и наверняка стоил целую кучу денег. Ханна не могла поверить, что такой дорогой и сложный аппарат можно оставить на лунной поверхности навсегда. За ним непременно должны явиться советские солдаты-ремонтники. Значит, нужно дожидаться их, захватить русский ракетный корабль и вернуться на Землю, чтобы помочь любимому фюреру и родному Третьему Рейху.

И штандартенфюрер Райхер начала реализовывать свой план. Конечно, в одиночку ей будет сложно справиться с русскими. Для успеха операции нужны помощники, нужны хорошо обученные солдаты.

Ханна устроила рейд по окружающей местности и отловила нескольких местных дев, живущих в тенистых зарослях колдовских деревьев на склонах кратеров. Коллективными усилиями, с помощью словесных угроз и подзатыльников, была пошита полевая униформа будущих “лунных СС”, сооружен плац и начаты занятия по строевой подготовке.

Сердце Ханна радовалось, когда она наблюдала за строевыми занятиями будущих лунных роттенфюреров и гауляйтеров. Дойчланд юбер алес! Лунные просторы скоро станут составной частью Третьего Рейха и утешат разбитое тревогами сердце великого фюрера.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Пожалуй, в насыщенной строевыми смотрами жизни Ханны было только одно неудобство: она не могла снять скафандр. Разшестерять свой колдовской взгляд она научилась, а вот самой распасться на шесть частей... Нет, душевной силы на это не хватало даже у лучшей выпускницы института “Анненербэ”. Поэтому она не могла вдыхать ароматы лунных цветов, мыться в лунных речках и озерах, отвечать взаимностью на любовь лунных парней. Почти два с половиной земных года она провела внутри скафандра, питаюсь только хлореллой, растущей в герметически закрытом металлическом ящике!

Но партийный дух мужественной валькирии был как никогда крепок. Она день изо дня готовилась к будущей Великой Битве на лунных просторах.

Вот за этим приятным занятием ее и застал я.

...Ужин вместе с обильной добавкой был уже давно съеден, мы выпили на двоих три бутылки коньяка “Арарат” и после первого же тоста “на брудершафт” перешли на “ты”.

- Никанор... Ни-ки-фо-рытч... Майн либер... - к Ханне почему-то вернулся легкий мекленбургский акцент и она стала вставлять в русскую речь немецкие выражения. – Я хочу произнести... Найн! Я хочу сказать тебе один важный вещь...

Ее глаза светились зелеными огоньками. Она придвинулась ко мне вплотную и легонько провела кончиками пальцев по моей щеке. А потом резко приблизила губы к моему уху и горячо прошептала:

- Я хотеть любить тебя!

Я резко поднялся из своего кресла, одним широким движением привлекая ее к себе и обнимая. Мы замерли, глядя друг другу в глаза.

- Ихь либэ дихь! – тихонько сказала бывший штандартенфюрер СС Ханна Райхер и рухнула в мои объятия.

11

Утром следующего дня Аннушка – так я стал называть Ханну – приняла твердое решение сочетаться со мной гражданским браком. Я особенно не возражал – любовь белокурой валькирии стрелой пронзила мое сердце.

Мы вышли на поверхность Луны и объявили лунному народцу о своем решении. Всеобщему ликованию не было границ, сразу же спонтанно образовался оргкомитет по проведению свадьбы, а Федотыч немедленно вознамерился сделать запись о создании новой семьи в огромной потрепанной книге, которую он притащил из сельской управы. Он пожелал нам с Аннушкой счастья и добра, мы поцеловались стеклами гермошлемов под вопли “Горько!” глазющей местной публики и поставили свои подписи под кривыми каракулями лунного старосты в книге записи актов гражданского состояния.

- Объявляю вас мужем и женой, - торжественно произнес Федотыч и пальцем смахнул покотившуюся из глаза слезу. – В добрый путь, супруги Дюдюльниковы!

- Какие еще Дюдюльниковы? – встревожено вскинулась Аннушка. Она резко повернулась ко мне:

- Мой ангел, твоя фамилия – Дюдюльников?

- Да, мое Солнышко, - улыбнулся я. – Теперь это и твоя фамилия...

- Ни за что! – отрезала Аннушка и поджала губы:

- Я никогда не буду носить фамилию Дюдюльникова!

- Но почему? – опешил я.

- Вот мы с тобой вернемся на Землю, - пояснила моя милая женушка, гневно поблескивая зелеными глазками, - приедем погостить на мою родину, в Германию... И что?

- И что? – с недоумением повторил я.

- Твою фамилию никто не сможет выговорить! – голос ее дрогнул. – Меня будут дразнить... Фрау Ду-ду! Или даже Ни-Ни Ду-Ду!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Какое еще “Ни-Ни”? – снова не понял я.

- Ни-Ни – это ты, Никанор Никифорович! Неужели ты думаешь, что твое имя и отчество тоже кто-то сможет выговорить?

- Ах, так! – вспыхнул я. – Тогда – все! Развод, девичья фамилия и пять копеек на обратный автобус до Моря Дождей!

- Стоп! – Федотыч хлопнул ладонью по книге регистрации браков. – Портить статистику я вам не дам! Развод у них, понимаешь ли, намечается! Вы еще толком-то и не женились!

Он повернулся к Аннушке и рявкнул:

- Не хочешь брать фамилию мужа – пусть он берет твою!

- Ник-Ник Рай-хер, - по слогам произнесла Аннушка. – Очень мило!

- А вот дудки! – я топнул ногой. – Какой еще Рай-хер?!

Я намеренно сделал ударение на втором слоге фамилии.

- Да, действительно, - Федотыч задумчиво почесал пальцем за ухом. – Для слуха русскоговорящих как-то оно не очень звучит... Робяты, а возьмите-ка вы двойную фамилию: Дюдюльниковы – Райхер, и дело с концом!

- Ни за что! – одновременно вскричали мы с Аннушкой. – Это еще хуже!

- Н-да... - Федотыч снова впал в глубокую задумчивость, некоторое время молчал, а потом его осенило:

- Слушайте, молодожены, а давайте составим для вас новую фамилию – из частей ваших старых! Вот, к примеру, возьмем первые слога из фамилии мужа, а последние – из фамилии жены...

Он наморщил лоб и тут же выдал:

- Дю-дюль-хер!

Лунная публика грохнула со смеху. Смеялись все – и старики, и юные девы с парнями, и ребяташки.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Аннушка густо покраснела, а я молча показал Федотычу кулак.

- Хорошо, хорошо, - примирительно поднял руки Федотыч. – Предпримем вторую попытку. Первый слог – от жены, остальные - от мужа...

И он осторожно произнес:

- Рай-ников... А?

- А ничего, - подумав, сказала Аннушка. – Тебе как, милый?

Взгляд ее зеленых глаз был чарующе обворожителен, и я растаял:

- Шут с тобой, Федотыч... Пиши нас супругами Райниковыми...

...Месяца через два после нашей свадьбы, решением ЦК Колдовской партии Аннушке - Ханне Райниковой, в девичестве Райхер, - несмотря на ее темное нацистское прошлое, было присвоено звание “луновья”, заочно выдан паспорт гражданки Лукоморского Союза и приказом Министра обороны она была назначена заместителем коменданта Луны по хозяйственной части.

12

Мы с Аннушкой прожили на Луне еще три с половиной года – до второго прилета лунного корабля “Дядька Черномор”, на котором прибыла семейная пара – кикимора и леший, наши сменщики.

Нас провожали толпы кратерных дев, валунных, горных и массконных обитателей. Явилась даже целая делегация лунян с обратной стороны Луны.

Трое суток полета к Земле запомнились мне сплошными неудобствами: это очень не просто обеспечить сносное существование двух луновых в тесном пространстве магического корабля. Тем более, если учесть, что один из луновых – это женщина, с некоторых пор буквально помешавшаяся на воде, водных процедурах и чистоте собственного тела.

Но все закончилось благополучно. Мы приземлились в бескрайних степях северного Казахстана, и специальная команда леших эвакуировала меня и Аннушку с места посадки вместе с магической капсулой.

Центральный Комитет Колдовской партии присвоил нам звание Героев Лукоморского Союза с вручением памятной медали и золотых статуэток Змея Горыныча. Я был назначен начальником Центра подготовки магов-космонавтов, а Аннушку избрали председателем Союза колдовских женщин.

13

...Прошли годы. В последнее время все чаще говорят о возвращении людей на Луну. Вчера меня снова вызывал в Старый Замок на Лысой горе Морфей Марихуанович Гашишев. Он уже давно переквалифицировался из секретаря ЦК Колдовской партии в советники Президента Лукоморской Федерации.

- Есть мнение, - сказал господин Гашишев, показывая глазами на потолок, - что человеческие экипажи космических исследователей должны сопровождать на Луну хорошо подготовленные кадры наших луновых. Вам, дорогой Никанор Никифорович, надлежит возглавить эту работу.

Конечно, возглавлю. Разве ж я отказываюсь?

Дома я поделился новостью с Аннушкой.

- Старый тчорт! – когда Аннушка злится, у нее всегда прорезается ее застарелый немецкий акцент. – Седина в бороду – бес в репро! Тьебя снова потянуло к кратерним дефкам?

- Успокойся, любимая, - я обнял ее за плечи и притянул к себе. – От должности зама лунного коменданта тебя еще никто не освобождал. Как ты посмотришь на то, чтобы полететь на Луну вместе со мной?

- А как же наши детьи? – озабоченно спросила Аннушка, но я уже видел, что в ее зеленых глазах засияла радуга. – Наши внуки и прафнуки?

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Всех берем с собой, - я махнул рукой. – Места на нашей лунной базе хватит всей семье!

Она обхватила меня руками и подарила, наверное, самый горячий поцелуй за все годы нашего знакомства.

14

Мы возвращаемся на Луну.

А как же иначе? Если на Луне будут жить и работать люди, то мы, луновые, обязательно должны быть рядом. Чтобы вовремя предостеречь, помочь и спасти.

И как только первый космический корабль землян стартует к Луне, семья луновых Райниковых в полном составе тоже высадится на просторах Селены.

...Правда, у меня есть некоторые сомнения относительно участия в нашей новой лунной эпопее одного еще совсем маленького моего внучонка.

Он днями и ночами просиживает в интернете и выискивает статьи о Марсе, четвертой планете Солнечной системы.

На стене в детской спальне он фломастером нарисовал конструктивную схему марсианской станции “Викинг”, а из домашнего пылесоса смастерил действующую модель марсохода “Оппотьюнити”.

По ночам он вылезает на крышу и сквозь окошко на чердаке смотрит в самодельный телескоп на Красную планету, надеясь таки отыскать на ней знаменитые искусственные каналы.

Я незаметно наблюдаю за ним и тихо улыбаюсь в седые усы.

Хотите – верьте, хотите – нет, но я абсолютно точно знаю, кто станет нашим первым лукоморским комендантом на Марсе, нашим первым марсовым.

Может быть, там, на марсианских просторах, мой повзрослевший внук встретит свою единственную и настоящую любовь – какую-нибудь местную голубокожую Аэлиту.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Скажите, разве это плохо, если мои правнуки будут говорить по-марсиански?

Ларец старца Нинелия

1

Космолет “Еруслан Лазаревич” стартовал тринадцатого числа тринадцатого месяца тринадцатого года в тринадцать часов тринадцать минут по лысогоровскому времени. И этот факт сам по себе был добрым предзнаменованием для успеха всей нашей миссии.

- Ключ на старт! – гортанно проклекотал оператор наземной связи.

В наушниках шлемофона громко заскрежетало. Солдатики из местной войсковой части, пыхтя от натуги и обливаясь потом, поворачивали огромный ржавый ключ в замке, отпирающем стартовые фиксаторы пускового устройства.

- Заклинание! – оператор связи громко зевнул в эфир. Для него наш старт был одним из сотен за последний месяц. А как доказано многочисленными научными работами, лучшего всего здоровому сну на рабочем месте способствуют именно обыденные и рутинные события.

Ведьмочки из заклинательной команды тоненькими звонкими голосочками завели свою привычную предстартовую песенку:

- Мы сейчас пускаем РОГ,

Чтобы он на небе смог

В космос перейти порог!

РОГ, РОГ, РОГ! Смог, смог, смог!

РОГ – реактивный орбитальный гравипап – это сейчас мы, космолет “Еруслан Лазаревич” из знаменитой серии космических кораблей “Алмаз”. Дважды лауреат премии “Честь и гордость” Космического Флота Лукоморского Союза, между прочим.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Командир нашего космолета домовый Пипелий Пипелович Пипелов, для краткости именуемый всеми просто Пипелыч, довольно хрюкнул и суетливо заворочался, поудобнее устраиваясь в кресле – ложементе. С годами у него появилась дурная привычка сладко посапывать во время выведения космического корабля на орбиту.

- Протяжка! – сообщила Земля все тем же ленивым тягучим голосом.

Бортовой компьютер “Кот Баюн” заводил носом, принюхиваясь к выполненным в виде связки сосисок записям с полетной документацией. Манипулятор мышь, попискивая от усердия, тут же принялся протягивать связку через кошачий мозг в направлении от левого уха к правому.

- Продувка! – сказал оператор. Обычно в этот момент он по сложившейся на космодроме традиции начинал ковыряться грязным мизинцем в своей левой ноздре и сморкаться.

По команде шесть Змеев Горынычей реактивной тяги, установленных по периметру первой ступы нашего космолета, начали, пофыркивая, прочищать огненные горла.

Я покосился влево. Третий член нашей космической команды, бортинженер Жердяй Игошин, меланхолично посасывал через трубочку апельсиновый сок из большой пластиковой бутылки. Водяной – он и есть водяной. Никакого космоса ему и даром не надо: дай только похлебать чего-нибудь жидкого да вовремя смени памперсы. Чащоба, млин. Как был выходцем из тьмутараканьских болот, так им и остался.

- Старт! – надсадно рявкнул в эфире оператор.

Горынычи в хвостовой части ракеты дружно выдохнули пламенем, разметав пыль и плесень на ржавом железе стартовых конструкций. Космолет дрогнул, приподнялся на реактивной тяге и медленно пошел вверх.

- Позвездячили! – проплямкал губами в микрофон Пипелыч. Это тоже наша старая и добрая традиция – начинать каждый полет исторической фразой, с которой ушел в свой бессмертный рейс к звездам первый космонавт планеты Гагара Юрский.

Жердяй Игошин вытащил из губастого рта трубочку и с сожалением отодвинул бутылку с соком в сторону. Пить на старте считалось в семействе водяных дурным тоном: под воздействием перегрузки жидкость льется из трубочки как вода из водопроводного крана. Никакого кайфа.

- Тридцать секунд, полет нормальный, - оператор шумно всхрипнул в наушниках.

Я повернулся к иллюминатору. Было хорошо видно, как с соседних пусковых площадок в голубизну небес поднимались дымные белые стрелы стартующих ракет. Массовый старт – это всегда завораживающее зрелище. Жаль, что в последние годы из-за нарастающего как котящийся с горы снежный ком миролюбия нашего Колдовского правительства наблюдать массовые запуски можно все реже и реже.

Сигнальный филин над пультом управления тревожно замигал большими круглыми глазами и трижды угукнул. Пипелыч испуганно вскинулся со сна, влип носом в замигавшие красным лампочки световой индикации и недовольно крякнул:

- Неполомки на разгонном блоке Д первой ступи. Левушка, займись!

- Есть, командир! – я принялся отстегивать фиксирующие ремни на кресле.

Гм, “Левушка, займись”... Мог бы и не говорить, сам знаю свои обязанности. Жердяйчик наш Игошин, хоть по штатному раскладу и записан бортинженером, но в бортовых системах ракеты – ни бум-бум. Водяные – они больше по собственно космической технике специализируются. Да еще в том, чтобы поплавать всласть. Без разницы где: можно внутри герметичного контура орбитальной станции или космического корабля.

А можно и за бортом, в открытом космическом пространстве. И не случайно, что первый космонавт, который свободно воспарил на околоземной орбите вне корабля, - Леонтий Лексейшин, - был водянистого роду-племени.

Ну, а самому Пипелычу покидать свой пост и вовсе не резон. Где это видано, чтобы командир, “Заслуженный домовой Лукоморского Союза”, тратил свое драгоценное время на всяческие поломки и отказы? Да еще во время запуска – самой скучной операции в любой космической миссии.

Поэтому кто у нас на борту универсальная палочка – вырубалочка? Я, леший Левиафан Дормидонтов, пилот. И копаться во всяких неисправностях мне сейчас предстоит собственными волосатыми ручками.

Я выбрался из кресла, с помощью лома и материнского колдовского слова открыл люк в теплозащитном экране на полу пилотского отсека и полез в образовавшийся лаз.

Орбитальный рабочий модуль, через который мне пришлось пробираться, был почти сплошь заставлен деревянными ящиками с аппаратурой, запчастями и провиантом. Но погрузку на космодроме я делал сам, поэтому плутать мне долго не пришлось, и уже через пару минут я добрался до спиральной трубы, связывающей наш космический корабль со всеми ступами ракеты-носителя. Подложив под себя толстый том бортового журнала, чтобы не протереть штаны скафандра во время спуска, я оттолкнулся от отполированных до блеска бортов спирального лаза и скользнул вниз, заботливо подгоняемый в спину постепенно нарастающей перегрузочкой.

Мне всегда нравилось скользить по спиральной дорожке, проложенной между топливными баками ракеты. В качестве баков для хранения окислителя и горючего – живой и мертвой воды, то есть, - у нас используются гигантские водяные жабы. По команде с Земли щекотуны - тараканы начинают пощекотывать

горловины жаб, и те отрыгивают воды в большущие рабочие клизмы. Направляющие шланги клизм вставлены в подхвостовые отверстия Змеев Горынычей. В змеевских желудках живая и мертвая вода соединяются, химически реагируют и производят высокотемпературный газ, который через разинутые пасти Горынычей вырывается во внешнее пространство, создавая реактивную тягу. Эта тяга сейчас и толкает нашего “Еруслана Лазаревича” в звездные выси космического пространства.

Я скользил по спиральному рукаву, тычась в упругие животы жаб, и насвистывал веселую песенку про то, что до старта есть еще четырнадцать минут и можно вполне успеть выпить бутылочку тинного пива. Настроение было хорошим, несмотря на неисправность, которая дождалась меня в двигательном отсеке первой ступы. Я вернулся из отпуска на югах, встретился со старыми друзьями, снова приступил к любимой работе в космосе. Чего еще нужно молодому пилоту-лешему для маленького сиюминутного счастья?

Неисправность, впрочем, оказалась совершенно пустяковой. Это я понял с первого же взгляда, как только съехал верхом на бортжурнале в двигательный отсек.

Одна из голов четырехголового Горыныча в секции Д вместо того, чтобы высунуться в выходное отверстие ступы и дружно изрыгать пламя в единой связке с братскими головами, отворотилась внутрь двигательного отсека и с зажмуренными глазами хлюпала носом.

Я подошел к диссидентствующей голове и ласково потрепал ее по холке. Она приоткрыла треугольный зеленый глаз и уставилась на меня.

- В первый раз летишь? – негромко осведомился я. Голова шмыгнула носом и кивнула.

- Высоты, значит, боишься? – я ласково погладил ее за ухом.

Она всхлипнула и виновато угукнула.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Мне тоже, когда первый раз в космос летел, было страшно, - признался я. – Так знаешь, что я сделал?

Голова распахнула оба глаза и заинтересовано повела ушами в мою сторону.

- Я закрыл глаза, чтобы не бояться, и спокойненько делал свое дело! – врать, конечно, не хорошо, но сейчас меня оправдывали высокие педагогические цели. – А потом стал постепенно открывать глаза и посматривать с высоты... Знаешь, какая Земля красивая из-за облаков? Видела когда-нибудь?

Голова качнулась из стороны в сторону. Понятное дело, где ж ей видеть. Молодняк же, зелень еще не облетанная, последний выпуск школы Змеев Горынычей.

- Хочешь, покажу? – я ткнул пальцем в выходное отверстие ступы. – Просовывай сюда головку и открывай пасть. А потом, когда начнешь работать, медленно открывай глазки – и любуйся!

Пару секунд голова еще сомневалась, но потом решила, зажмурила глаза и нырнула в выходное отверстие. Мгновение спустя я услышал гулкой рев заработавшего змеиного горла. Блок ракетных двигателей Д вышел на нормальный рабочий режим.

Я привязал веревку лебедки к поясу скафандра, сунул горсть лесных орехов белке, крутившей колесо, и заскользил по спиральному коридору вверх, обратно в пилотский отсек.

2

Как известно, космическое пространство открыл наш отечественный естествоиспытатель Козьма Навтин.

Задумавшись после жаркой баньки и ведра выпитого холодного пива над природой окружающего мироздания, Козьма сын Фокия решил на мысленный эксперимент и стал постепенно исключать из располагавшейся вокруг него Вселенной отдельные элементы. Раз – и вывел за скобки толстенную и шаловливую банщицу Марфушку. Два – и пренебрег воздушной атмосферой. Три – и избавился от вод

океанских, морских и речных. Четыре – и мысленно отправил в небытие целиком всю твердь земную.

И вот когда Козьма Навтин совершил весь этот мыслительный прорыв, он оглядел полученный результат внутренним взором и обнаружил себя висящим в безвоздушном пространстве, утыканном сверкающими иглами звезд, петляющими вокруг Солнца планетами и туманными пятнышками далеких галактик.

Неприятный холодок пробежал по спине великого естествоиспытателя от основания шеи и до самого седалища. Козьма Навтин сообразил, что в своих мысленных экспериментах зашел слишком далеко от жарко натопленной бани и ласковых рук шаловливой Марфушки, и решил сделать временную остановку на широкой дороге познания.

Обнаруженному в результате эксперимента звездно-планетному простору отечественный ученый с присущей ему научной скромностью подарил собственное имя и впредь стал именовать его козьмосом.

Позднее, уже после женитьбы великого естествоиспытателя на банщице Марфушке и постепенной его переориентации от вопросов устройства мироздания к проблемам ведения домашнего хозяйства, ученики Козьмы Навтина совершенно логично нарекли науку по изучению и завоеванию заоблачных пространств козьмонавтикой. Правда, при регистрации открытия в международных научных организациях слова “козьмос” и “козьмонавтика” из-за плохого перевода трансформировались соответственно в “космос” и “космонавтику”. Но на радостях за успехи отечественной науки этого никто не заметил.

На практические рельсы новую науку поставили тоже наши лукоморские ученые. Гениальный водяной, учитель-самоучка из провинциальной Калюжи, Кости-в-тин Цыцька-Ловский обосновал возможность применения Змей Горынычей и летающих ступ в единой связке и вывел формулу взаимодействия живой и мертвой воды. А домовой из Житомира, Серьга

Король-Королевич, выйдя на волю из застенков полицейского управления, где он по злобному навету отсидел без малого десять годочков, быстро сориентировался в новой политической и научной обстановке и вместе с коллегами – тоже из бывших затворников царских башен – создал первые наши беспилотные и пилотируемые космолеты.

Поочередно отстрелив обе ракетных ступы, полетевшие к земле на расправивших крылья Змеях Горынычах, “Еруслан Лазаревич” вышел на заданную космическую орбиту. Пока наземный центр управления полетом разбирался в том, какой программой полета загрузить наш экипаж, я прилип носом к стеклу иллюминатора и занялся созерцанием открывшихся взору земных красот.

Сколько уж лет летаю в космос, а так и не привык к этой открывающейся взгляду лепоте. Ясно-голубые воды морей и океанов, снежно-белые спирали циклонов и сизые воронки тайфунов, зелено-бурый коктейль полей и лесов... Вот сверкает на солнце сапожок Италианского Царства в Срединном море. Вот темными горками торчат над белесыми облаками острые коленки горных пиков Тибетской Шамбалы. Целит в левый бок дремлющей между океанами Африки песчано-желтый кулачок Мадагаскара. Антарктида, божественно красивая земля, раскинула белое подвенечное платье среди серо-синих вод Южного полюса. Красота! Сердце замирает от восторга и счастья.

Но в этот раз долго любоваться земными красотами мне не пришлось. От Земли в космическое пространство поперла такая военно-техническая мощь, что стало совершенно не до любования красотами Мадагаскаров и Антарктид.

Сначала расстарались наши. Родной Лукоморский Союз поскреб по сусекам, поднатужился и зашпулил в космос все, что хоть в малой степени могло летать. И закружились над планетой похожие на лампочки для карманных фонариков одноместные “Востоки”, пахнущие

нафталином “Спирали”, транспортные “Союзы” во всем множестве своих разнобуквенных модификаций. Гроздьями развесились престарелые “Салюты” и многомодульные “Миры”, расправили бело-черные крылья косяки “Боров” и “Буранов”. Ну, и наши “Алмазы” высыпали на орбиту в едином полковом строю – все как один, сто сорок три боевых машины.

- Парад намечается, что ли? – Жердяй недоуменно пожал плечами и перевел взгляд на приколотый к стене пилотского отсека томик перекидного календаря. – Гм, так не день же Революции... И про новый партийный съезд ни слова не говорили... Пипелыч, а может быть какой-нибудь пленум ЦК? Внеочередной...

- Закройся по-тихому, Жеря, - осадил Игошина командир. – Наше дело маленькое. Дан приказ – летаем. А для чего летаем – нам потом скажут. Может быть.

То, что в воздухе пахнет отнюдь не внеочередным партийным пленумом, стало ясно уже через полвитка. Из-за бугра в полном составе полезла в космос летательная техника Соединенного Пятидесятья Америки. “Меркурии” и “Джемини”, “Аполлоны” и “Скайлэбы”, “Шаттлы” и целые россыпи новеньких, прямо с монтажных стапелей “Орионов”. Я такого богатства космической техники не видел даже в американском музее имени президента Кеннеди, в который в прошлом году забрел по “горящей” туристической путевке.

Еще через полвитка во всю свою орбитальную мощь проклюнулись и все остальные члены мирового космического клуба - Центroneбесная народная республика Китаяния, Персидская Шахозадерия, Африканский союз Мумба-Юмба и вообще все, все, все. Даже горное княжество Хитриони вывело в космос какую-то устаревшую колымагу с нарисованной на борту оранжевой революционной розой. Революционному княжеству, впрочем, не дали развернуться в его полную силу, рявкнули со всех сторон в эфире, чтобы не путалось под ногами, и, принудив к спуску

революционный кораблик, заботливо пронаблюдали, чтобы он мирно приземлился где-то в кавказском Загорье.

- Вот те нате хрен с морковкой, - удивленно просипел Пипелыч, разглядывая в иллюминатор все техническое великолепие земной цивилизации и почесывая указательным пальцем до синевы выбритый затылок. Высшая степень задумчивости и озадаченности, между прочим.

- Неужто Третья Всепланетная начинается? – Жердяюшка хищно повел своим коротким носиком, как будто пытаюсь по запаху определить наступление состояния войны. В воздухе пилотского отсека ничем военно-неожиданным не пахло, поэтому Игошин чуть успокоился и пытливо воззрился на проплывающие за окном земные просторы. – Нет, на Третью Всепланетную вроде бы не похоже. Ярких вспышек не видно, дымные грибочки тоже не наблюдаются.

- Значит, орелики, ждет нас обычная демонстрация нашей военной мощи и пресечение наглых провокаций распоясавшейся заморской военщины, - констатировал Пипелыч, посасывая погасшую курительную трубку. – Обычное, скажем прямо, дело.

Пресекать вооруженные провокации в космическом пространстве только на моей памяти нам выпадало раз пять или шесть. Когда наземным правительствам надоедало усердно бороться за мир во всем подлунном мире, они созванивались, договаривались и бросали на околоземную орбиту свои срочно мобилизованные космические флоты. Потом пару недель над планетой шли очень интенсивные военные маневры с пулянием друг в друга из всех видов боевого оружия. Когда ресурсы сторон истощались и правительствам надоедала военная кутерьма в небесах над головой, они снова созванивались, проводили длинные раунды тайных переговоров где-нибудь на курортах в Ницце и обычно к концу второго месяца “маневров” договаривались о приостановке боевых

действий. Отличие от прежних маневров сегодня было в том, что в орбитальные выси поднялись не только космические корабли Лукоморья и Соединенного Пятидесятыя, но и боевая внепланетная техника других мировых держав.

Впрочем, загадка массового космического старта мучила нас не долго. Уже на втором витке наш центр управления полетом стал транслировать в эфир гневную речь Генерального Колдуна Центрального комитета Колдовской партии. И сразу все стало на свои места.

Каждый школяр в самой глухой чащобе знает, что почти сто лет назад старец Нинелий вместе с боевыми соратниками совершил государственный переворот в нашем Лукоморье, позднее получивший название Великой Колдовской Революции. Поцарствовав в свое удовольствие семь или восемь лет, старец Нинелий полностью разочаровался в способностях лукоморского народа соорудить достойную жизнь из подручного материала. Старец передал власть приемникам, а сам по-тихому скрылся где-то в Швейцарских Альпах, надеясь вдали от Родины отдохнуть от ратных дел и найти духовное упокоение.

Но уже спустя несколько дней во время обычной горной прогулки он неожиданно обнаружил некий Звездный Артефакт, случайно залетевший на Землю откуда-то из глубин Галактики. Недолго думая, старец Нинелий вместе со всем своим многочисленным семейством погрузился на борт Артефакта и, пока земные правительства озабоченно искали умные мысли в собственных извилинах, отбыл в Дальние Звездные Миры неким совершенно мистическим способом. Чтобы оставшаяся на планете живность не слишком была опечалена его безвременным убытием, старец пообещал лет через девяносто-сто напомнить о себе и дать жителям Земли какой-нибудь ценный и полезный совет.

И вот свершилось! В сфере Прилуныя объявился автоматический корабль, посланный из звездного далека старцем Нинелием. Аппарат громко пропищал в эфире о

своем прибытии, наличии на борту долгожданного послания жителям Земли и бухнулся в лунную пыль в районе западного побережья Океана Бурь. Мол, кто первым меня найдет, тому послание и достанется.

Да, и еще... Скороговорочкой, как бы между прочим, космический зонд от Нинелия сообщил, что собирается дать рецепт превращения всех жителей Земли в Единое Мировое ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.

А мечта о ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ – это, согласитесь, самая сладкая мечта всех, живущих в подлунном мире. Тут ведь как: рождаемся мы все как один симпатичными мальчиками и девочками. Растем, веселясь и радуясь, съедая килограммы мороженого и сбивая в кровь коленки в детских забавах. А лет примерно в тринадцать – вот оно опять счастливое число вылезло! – начинается социально-генетическая специализация. Неотвратимая, как кара небесная за грехи наши.

Один обрастает волосами и становится лешим. Другой лезет на диван, непомерно полнеет и превращается в домового. Третий дни напролет лежит в ванной и вырастает в типичного водяного.

А у девчоночек дела обстоят еще хуже. Были стройные ножки – и вдруг на раз-два: пошла ковылять по свету очередная Баба Яга – костяная нога. Было симпатичное личико – а однажды утром носик вдруг вытягивается и вот уже молодая кикимора кружит головы всем встречным особям мужского пола. Нет, отдельные экземпляры таки сохраняют естественный девичий облик, лицо красивое, фигуру ладную, но вот беда – совершенно теряют пигментацию волос. И живут под солнцем белокурые навки, всего боящиеся и по-детски глупенькие.

То же самое происходит и с другими народами, только по-своему. Вот, например, в Соединенном Пятидесятые Американцы у парней после тринадцати лет вдруг вытягиваются уши и растут носы – здравствуй, гоблин! Был ребенком афроамериканского цвета – станешь гремлином. Был испаноговорящим – будешь

троллем. И женщины у них к четырнадцати годам – все уже сплошь валькирии, гарпии или нимфы.

Вот поэтому издавна общей всепланетной мечтой и была мечта о Человеке – совершенном и красивом существе, которое от рождения и до самой кончины будет оставаться самим собой, пребывая все в том же прекрасном облике. Над разрешением проблемы превращения разноплеменных жителей Подлунья в единое человечество десятки веков бились астрологи и алхимики, медики и генетики. Все тщетно...

И тут появляется космический зонд от старца Нинелия и на всю Солнечную систему спокойненько так объявляет, что имеет на борту рецепт обращения всех наземных жителей в ЧЕЛОВЕЧЕСТВО!

Можете представить, какая началась мировая котовасия? Правительство каждой из подлунных стран немедленно решило наложить свою руку на рецепт старца. Главное – стать Человеком самому, а остальные... Гм, а там будем посмотреть, так сказать...

Вот и рвануло в небо по президентским и премьерским приказам все летающее железо, которое только смогли найти в национальных закромах. Вот и высыпали на околоземные орбиты космические флота под разными флагами. Флаги-то разные, но задача у всех одна – добраться до послания старца Нинелия. Первыми добраться, понятное дело. И чтобы никто другой – ни-ни!

3

После пламенной речи нашего Генерального Колдуна, торжественного обращения Президента Соединенного Пятидесятья Американцы, сюсюканья и гугуканья председателя Центральнонебесной народной республики Китайнии и прочей правительственной какофонии в эфире началась спешная постановка боевых задач всем космическим флотам.

- “Еруслан Лазаревич”, как слышишь? – в наушниках прорезался начальственный бас самого

Лаптя-Хлебалова из столичной управы. – Пипелыч, ядрить тебя через колено, на связь!

- Ну, чего орешь? – командир миролюбиво зевнул в микрофон. – Марсиан разбудишь.

- Ставлю тебе боевую задачу, - Лапоть-Хлебалов пропустил шутку мимо ушей. – Под прикрытием флотилии “Алмазов” выйти на геостационар...

- Это ж какого рожна я попрусь на высоту тридцать шесть тысяч? - недовольно забурчал Пипелыч. – Через все радиационные пояса, да? Я, знаешь ли, друг мой ситцевый, забыл одеть в полет просвинцованные подштанники...

- О-отста-авить р-разговорчики! – рявкнул Лапоть. Когда руководитель нашей космической программы злился, в нем просыпались дремавшие навыки отставного прапорщика автомобильного батальона Тьмутараканьского военного округа. – Выполняй приказ!

- Знаешь, на чем я вертел твой приказ? – лениво осведомился наш командир. – На штанге стыковочного узла!

Лапоть-Хлебалов задохнулся от возмущения, беспорядочно забулькал в микрофон, а когда совладал с эмоциями, ударил ниже пояса. Не по-детски ударил:

- А вот положишь на стол партийный билет – будешь знать, как пререкаться с начальником!

- Да вертел я на антенне дальней связи и твой партийный билет, и всю твою Колдовскую пар... - начал было Пипелыч и осекся.

Лишение партийного билета Колдовской партии было ударом под самый дых. На заре космонавтики наши ребята – соколики еще могли в космические высоты по молодости лет прорываться несознательными чародейчиками. А в нынешние времена уже зась! Без красной книжечки в нагрудном кармане скафандра тебя и на версту к космической технике не подпустят.

- Ладно, твоя взяла, - Пипелыч горько вздохнул и раскрыл рабочий блокнот. – Диктуй свое полетное задание.

Ну, Лапоть-Хлебалов и надиктовал... Нам предстояло под прикрытием армады “Алмазов” вырваться аж на геостационарную орбиту. Там мы должны разыскать лунный посадочный модуль “Тугарин”, который вместе с разгонным блоком тайно был выведен на околоземную орбиту под именем спутника связи “Дальний Горизонт”. После стыковки с лунником и разгонником нам предстояло лететь к Луне, высадиться в районе западного побережья Океана Бурь и взять на борт завет старца Нинелия. Потом стартовать в космос и обеспечить доставку ценного инопланетного указания на родную Землю.

- Ну, что, мальчики, - Пипелыч захлопнул блокнот и окинул нас с Жердьяем внимательным взглядом. – На большое и святое дело идем. Человечество зарождать!

- Не надо слов, командир, - Жердяй вздохнул. – Мы не на партсобрании. Свинцовых подштанников, конечно, на борту нет, но раз Родина приказывает...

- Ты, Игошин, это... Про свинцовые подштанники забудь, - толстые губы Пипелыча недовольно скривились. – Про свинец я просто так ляпнул. Чтобы там, на Земле, совсем уж о нас ноги не вытирали. Цену себе в любой ситуации нужно знать, ребята!

- А как же радиационные пояса? – лицо Жердяя удивленно вытянулось. – Они же и в самом деле излучают!

- Я пару тайных тропок знаю! – Пипелыч озорно подмигнул. – По этим тропкам и отправимся. В обход, значит, радиационных поясов.

Но тихо и мирно отбыть на геостационар для старта к Луне нам не дали. Лапоть-Хлебалов – надо понимать, впопыхах, - ставил нам боевую задачу открытым текстом и по совершенно открытому для всех иностранных ушей радиоканалу. Ну, а в Соединенном Пятидесятье, в Хьюстонах и во Флоридах всяких, тоже не дураки сидят. И по нашему варнакать еще со времен славного полета “Союза” и “Аполлона” научились.

Поэтому уже на следующем витке на нашу орбитальную группировку пошла буром вся космическая армада Соединенного Пятидесятья Америки.

- Так, голуби мои сизокрылые, - нервно хохотнул Пипелыч, едва лишь вспышки первых лучевых залпов озарили звездное пространство за стеклами иллюминаторам, - марш по рабочим местам. Жердьяй - в орбитальный модуль следить за противником, а ты, Левка, к пушечке. Пощекочем животики заморским коллегам!

К пушечке – так к пушечке. Мне два раза объяснять, что и к чему не надо. “Еруслан Лазаревич” в своей кормовой части оснащен небольшим скорострельным орудием, и во время всяческих прошлых международных инцидентов я из этого орудия довольно успешно постреливал. Настолько успешно, что на борту “Еруслана” нарисованы целых пять звездочек: за два сбитых патрульных “Джемми”, парочку подстреленных крейсеров марки “Аполлон” и продырявленное правое крыло шаттла “Энтерпрайз”.

Поэтому я метнулся к боевому отсеку и минуту спустя был уже готов к стрельбе очередями по движущимся орбитальным целям далеко не условного противника.

Хотя Пипелыч пилотировал “Еруслана”, как Бог, и со всех сторон нас прикрывали коллеги–космонавты на таких же, как и наш, “Алмазах”, но схватка все равно получилась жаркой. Пару раз мне вообще казалось, что вот-вот и сойдет наш “Ерусланушка” с дистанции с дыркой в боку, уступая дорогу к Луне более везучим экипажам.

Сначала откуда-то со стороны Земли неожиданно вырулила бутылкообразная боевая станция МОЛ с пристыкованным мотыльком “Дайна-Сора”. Вынырнула и гавкнула нам в левый бок из обоих своих пулеметных стволов. Как Пипелыч увернулся от светящихся лент очередей, я не знаю. Мне показалось, что “Еруслан Лазаревич” немислимым образом просто изогнулся в

пространстве. Инерцией меня снесло с боевого поста в сторону, и я хорошенько приложился темечком об металлический кожух орбитального телескопа.

Когда лишние звезды перед глазами исчезли, я прильнул к прицелу своей пушечки и обнаружил, что МОЛ с “Дайна-Сором”, эта, понимаешь ли, “моль крылатая”, разворачивается для второго захода. И хищно так поводит стволами в пулеметных гнездах в нашу сторону.

- Игрушки кончились, ребятки, - зло процедил я, тщательно прицелился и всадил короткую очередь точно в стыковочное устройство между двумя американскими космическими аппаратами. Конструкция тотчас же развалилась на беспорядочно вращающуюся “бутылку” МОЛа и беспомощно порхающую бабочку “Дайны”. Отлетались, родимые...

Стоит заметить, что, несмотря на все политические заморочки наших правительств, мы с американцами никогда до взаимного смертоубийства не цапались. Дырок в герметичных контурах наставить, двигатели прострелить – пожалуйста, это не смертельно. Ремонтные бригады уже через пару часов вытащат подстреленных из зоны боевых действий. А так чтоб с убийством экипажей... Этого у нас по негласной договоренности никогда не было. Войнушки – войнушками, а дома жены, дети, родители старенькие. В общем, и мы, и они воевали серьезно, но без зверства, без жажды крови и обязательного уничтожения поверженного противника.

Вот и сейчас добивать ни “Дайну”, ни МОЛ я не стал. Американке поняли, “Дайна” даже крылышками благодарно качнула, выходя на посадочный коридор к Земле.

Пипелыч тем временем круто развернул нашего “Еруслана Лазаревича” и на всех парах рванул к геостационару. Двигатели орбитального маневрирования у нас класса “василиск” – такие маленькие замороженные, но очень надежные змееныши со смешно открытыми ротиками. Поэтому дошли до заданной точки

мы всего за полтора витка, часа за четыре в пересчете на земное время.

Стрельба и тесное взаимодействие боевых порядков нашего и американского флотов остались внизу, на низких орбитах. В иллюминаторы уже можно было различить растущую звездочку приближающегося лунного модуля “Тугарин” с огромных размеров разгонным блоком под задницей.

Я расслабился, сижу себе, на звезды поглядываю, песенку под нос мурлычу. Хорошо хоть пушку не зачехлил...

- Спишь, Дормидонтов?! – рывкает вдруг радио голосом Пипелыча. – Цель справа!

Песенка на половине слова застряет в горле. Я бросаюсь к прицельному устройству, веду вправо “глазами” сенсоров. Мать честная! Курсом наперерез прет прямо по траектории толстая колбаска модернизированного “Скайлэба” с автоматической боевой станцией вместо башенки солнечного телескопа. Очень умно летит, шельма. Кормой вперед.

А любой космонавт знает, что в корме стандартного “Скайлэба” находится отсек твердых и жидких отходов. И если сейчас в него пухнуть, то все эти отходы окажутся аккурат на нашем “Еруслане”, полностью загрязнив его иллюминаторы, визиры, датчики наблюдения и ориентации. После этого нам уж точно не к Луне лететь, а с позором идти на буксире до ближайшей орбитальной мойки.

Ну, и для полноты картины прямо над сортирным отсеком “Скайлэба” торчат стволы боевых орудий автоматической боевой станции. То есть американе могут по нам шарахнуть во всю свою огневую мощь в любой момент, а мы...

- Хэллоу, экипаж станции “Алмаз”, - в эфир прорывается голос с хорошо различимым тexasским акцентом. – Вас приветствует команда боевого поста “Скайлэб – 62”. Предлагаем открыть шлюз для приема нашей десантной команды и сдать.

Н-да, наглые ребята. Но перевес на их стороне. Сдаваться мы, ясное дело, не будем. Но о выполнении боевого задания, похоже, придется забыть. Эх, не для тебя в небе вешали Луну, пилот Левиафан Дормидонтов! Не пройтись тебе солнечным утром по пыльным лунным просторам!

- Допрыгались, млин! – шипит в наушниках Пипелыч. – Левушка, целься в самый центр ихнего сортира. Воевать, так с запахом! Дадим последний бой супостатам! Стрелять по моей команде!

- Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”, - тонким фальцетом затягивает песню в глубине орбитального отсека Жердья Игошин.

- ...Пощады никто не желает! – бодрым басом подхватывает Пипелыч.

Наверное, оба они ожидают, что я сольюсь с ними своим голосом в единое трио, но у меня в голове именно в этот момент искрой проскакивает совершенно шальная мысль.

Чуть впереди и выше нашего “Еруслана Лазаревича” висит над планетой светящееся пятнышко епоньского геостационарного спутника связи. Я прижимаюсь лицом к окуляру прицела. Точно, я не ошибся, это епонец. Вот на борту даже виден красный квадратик государственного герба и написанное латиницей название. “Туторава-хай” собственной персоной.

Я смахиваю ползущую капельку пота с виска. Спокойнее, не спешим, хорошо целимся.

Красный квадратик на борту “Туторавы” едва касается прицельного контура на моей пушечке. Так и должно быть. Я не собираюсь сбивать епонца.

Задерживаю выдох и жму на гашетку. Орудие послушно плюет в пространство длинной светящейся очередью.

Пипелыч и Жердья замолкают на половине слова и мгновением спустя в наушниках шлемофона звучит отборный мат моего командира:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Дормидонтов, ты куда стреляешь?! Нам с Епонией еще войны не хватало!

Я молчу, наблюдая, как выпущенные из моей пушечки снаряды летят в сторону епонского спутника. Да, Епония для космической войны не лучший противник. Всякие там ракеты-камикадзе, ниндзя в черных скафандрах и прочие национальные прелести...

Святящиеся пятнышки снарядов, между тем, долетели до борта епонского спутника, рикошетом ударили в его борт и отразились в сторону “Скайлэба”. Совершенно неповрежденный епонец заворочался в пространстве, поспешно восстанавливая нарушенную ориентацию. А яркая лента моих снарядиков уже неслась к “Небесной лаборатории”.

Робот внутри автоматического боевого отсека на американской станции, наверное, так и не успел сообразить, что происходит. Снаряды врезались точно в центр оцетинившейся пушками башенки. Боевой отсек брызнул осколками, оторвался от “Скайлэба” и беспорядочно кувыркаясь, стал удаляться куда-то в глубины Вселенной.

- Это называется стрельба рикошетом, господа и товарищи! – со смешком сообщил я в эфир. – Всем понятно?

- Левушка, ты гений! – хохот Пипелыча слегка напоминает совокупный залп всех башенных орудий морской береговой батареи.

- Сэр, - в наушниках снова звучит голос с тexasским акцентом. Теперь он полон смирения и раскаяния. – Наш экипаж готов к сдаче в плен.

- Пленных не берем, - добродушно рычит в ответ Пипелыч. – Нам некогда, парни. Отваливайте на свою базу, не мешайте работать.

- Понятно, сэр, - американ с облегчением вздыхает. – Спасибо, сэр. Мы уходим.

А дальше все пошло как по маслу. Мы причалили к “Тугарину”, состыковались и через пару часов в нужной точке орбиты включили разгонные “василиски”.

“Еруслан Лазаревич” выпустил в пространство длинные языки огненных струй, и постепенно ускоряясь, пошел в сторону Луны.

4

Откуда он только взялся на наши головы этот китайянский кораблик!

То, что американские пятидесяточники тоже окажутся около Луны, можно было предположить. Все-таки Соединенное Пятидесятье Америки – это мощная супердержава с большим космическим флотом. Все знают, что именно гоблин из США, Арм Нильстронг, сорок лет назад первым прогулялся по лунной поверхности.

Американе догнали “Еруслана Лазаревича” на третьи сутки нашего полета к Луне. Мы с Пипелычем и Жердям уже прикидывали, как половчее выйти на лунную орбиту, чтобы с первого витка посадить “Тугарина” около космического зонда старца Нинелия. И пока мы, расстелив карты на потолке орбитального модуля, самым беспечным образом рассчитывали траекторию высадки, откуда-то из глубин космического пространства вывалился американский “Аполлон” в стандартной лунной комплектации и с ходу врезал нам на полную катушку. Маленькая торпедка, выпущенная с американского корабля, стрелой пронзила космос и вонзилась в самый центр двигательной установки разгонного блока. От наших “василисков” только кровавые ошметки полетели.

- Вот тебе, дедушка, и Гагарьев день! – Пипелыч соорудил обиженную мину, поглядывая на уплывающие прочь от “Еруслана Лазаревича” осколки двигательного отсека. – Накрылась наша высадка на Луну, мальчики!

- Это точно, - горько вздохнув, подтвердил Жердяй.
- Без разгонного блока нам на околотунную орбиту не выйти! Обогнем мы, ребятки, дорогую Селену примерно через сутки и тихим ходом пойдем обратно к Земле...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Сволочи, - Пипелыч бессильно погрозил кулаком в сторону удалявшегося в сторону Луны “Аполлона”. – Ничего, будет и на нашей улице праздник!

- И очень скоро будет! – я оттолкнулся руками от стены, сделал сальто в невесомости и нырнул в лаз боевого отсека.

- Левка, ты чего задумал? – любопытные головы Пипелыча и Жердяя мигом сунулись следом.

- Сейчас увидите! – я принялся разворачивать пушку в сторону “Аполлона”. – Как нас учил великобританский ученый-физик сэръ Ньют Исаакий в своем третьем законе? “Действие равно противодействию”!

Я поймал в прицел хвост американского космического корабля и нажал на гашетку. Длинная струя снарядов тотчас же рванула вдогонку за “Аполлоном”.

На двигательном отсеке “Аполлона” установлен только один маршевый движитель типа “Дракон”. Стандартное крылатое чудище с таким же, как и у наших Змеев Горынычей впрыском топливных компонентов через подхвостовой проем. Единственное, что отличает американский вариант – это сильно вытянутая с помощью губораскатывающих устройств морда, обеспечивающая эффективную работу всего реактивного двигателя в условиях космического вакуума. Вот в эту длинногубую морду я со всей своей лукоморской ненавистью и всадил очередь снарядов из нашей пушечки.

Бедного губастого дракошку – космос ему пухом! - разнесло в клочья. Не успели еще кровавые брызги превратиться в ледяные шарики под воздействием холода космического пространства, как “Аполлон” клюнул носом, завалился на бок и стал постепенно отваливать с лунной трассы куда-то в направлении на созвездие Андромеды.

- Ур-р-ря! – рывкнул над моим ухом Пипелыч. – Вот вам, сукины дети!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Ну, и чего ты добился? – Жердяй отхлебнул глоток сока из своей неизменной бутылочки. – Разве что супостатам отомстил... Теперь они, как и мы не смогут выйти на орбиту вокруг Луны. Но наше задание, ребята, все равно провалено. Не видать нам завета старца как своих ушей.

- А вот тут ты, Жердяйчик, ошибаешься, - я похлопал его по плечу. – Задание мы выполним. Хотя бы наполовину, а выполним!

- Это как же наполовину выполним? – Пипелыч озадаченно поскреб пятерней затылок. – Объясни!

Я раскрыл своей рабочий блокнот, вытащил карандаш и быстренько нарисовал им новый вариант лунной экспедиции. С цифрами, картинками и предварительными расчетами.

Выходило примерно так. Наш разгонный блок разбит. Значит, на окологлунную орбиту мы выйти не сможем. Но ведь сам лунный модуль “Тугарин” цел-целехонек! А что нам мешает “потерять” его, когда “Еруслан Лазаревич” пойдет на брющем полете над Луной?

- Голова твоя садовая! – разочаровано протянул Пипелыч. – Модуль с космонавтами мы, конечно, отделить сможем. И сядет он в Океане Бурь вполне успешно. В этом я нисколько не сомневаюсь! И мы, может быть, даже найдем завет Нинелия. Ну, а дальше что? Без топлива, без разгонного блока нам ни с Луны не подняться, ни к Земле не улететь!

- Никуда улетать и не надо! – я улыбнулся. – Нужно будет только месячишко-другой пожить на лунной поверхности и дожждаться спасательной экспедиции. Мы набьем “Тугарина” водой и продуктами под самую завязку. Для экономии веса высадим на Луну только одного из нас. Пилот “Тугарина” найдет космический зонд Нинелия. И подождет, пока Земля пришлет за ним корабль-спасатель.

- Хороший план, - кивнул Пипелыч и важно надул щеки:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Что же, мальчики... Готовьте “Тугарина”, затаривайте продуктами – и я готов лететь...

- Погоди-ка, командир, - Игошин жестом остановил его. – А почему лететь должен ты? Я – бортинженер, все системы “Тугарина” знаю, как свои пять пальцев. Если какая поломка – в пять секунд все отремонтирую!

- Лететь придется мне! – как можно более весомо сказал я. – Пипелыч, ты единственный из нас, кто досконально знает систему управления “Еруслана Лазаревича” и сможет вернуть его на Землю. Это раз.

Пипелыч недовольно засопел, собирая мысли для ответа. Я же повернулся к Игошину:

- Жердьяй, а как ты представляешь свою водяную жизнь на совершенно сухой Луне? Тебе же только питья понадобится в пять раз больше, чем нам с Пипелычем вместе взятым! Это два.

Я окинул их взглядом и сказал:

- Поэтому к Луне на “Тугарине” пойду я. Я же пилот, ребята. И потом... Зонд на поверхности Луны все-таки придется искать. А кто лучший специалист по всяким поискам на незнакомой местности, как не леший?

Оба задумались, надулись сердито. Правда есть правда. Против нее не попрешь.

- Неохота мне тебя отпускать, Левушка, - Пипелыч опустил глаза. – Ты, конечно, прав, но... Но ты же знаешь, что любому пилоту проще самому выполнить работу, чем ждать друга с задания! Поэтому, мальчики, вот вам мое командирское решение: тянем жребий!

- Да, да, - закивал Жердьяй. – Пусть жребий все и решит. Теория вероятностей, братцы, - великая сила!

- Хорошо, будем тянуть жребий, - без спора согласился я. Достал из нагрудного кармана комбинезона спичечный коробок, вытащил три спички и сломал одну из них. – Кто вытянет сломанную - тому и лететь!

- Чур – я первый тяну! – оживился Пипелыч. – По праву командира!

Он вытянул спичку из моих пальцев и разочарованно фыркнул:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Длинная...

Жердяй прогундел себе под нос какое-то математическое заклинание и тоже потянул спичку.

- Гм... Длинная...

- Ну, тут и без слов все ясно, - я разжал пальцы, демонстрируя третью спичку. – Короткая. Лечу я.

- Ладно уж, лети, сокол ясный, - Пипельыч махнул рукой. – Сегодня и логика и математика на твоей стороне. Жердяй, пошли лунник продуктами грузить.

Они оба деловито засуетились и нырнули в глубины орбитального отсека.

Я посмотрел им в след и улыбнулся. Ребята мои дорогие... Сколько космических дорог мы прошли вместе... Нет у меня лучше друзей на свете – таких верных, добрых и надежных. Вот только наивных, как дети малые. Прятать лишнюю спичку в волосатой лапе любой уважающий себя леший учится еще в самом юном возрасте.

“Тугарина” к полету мы подготовили всего за пару часов. Забили внутренности лунного модуля ящиками с едой и канистрами с питьем почти до самого деревянного потолка.

“Тугарин” по своей сути – это обычная избушка на курьих ножках, адаптированная для полета в космических условиях. Погружена в летаргический сон, покрыта снаружи экранно-вакуумной изоляцией, два Горыныча – основной и резервный – подвешены под полом между лап в окружении округлых жабобаков с мертвой и живой водой. Пилотируется легко даже без всяких колдовских заклинаний. В свои курсантские годы я на таких избушках облетел не одну околоземную орбиту.

Когда все было готово к старту, я по очереди обнял Пипельыча и Жердяя, смахнул со своей волосатой щеки скупую мужскую слезинку, залез внутрь лунника и захлопнул люк.

Отделение от “Еруслана Лазаревича” прошло гладко. Избушка сонно кудахнула, основной горыныч выдал на-гора длинный огненный хвост, и я увидел, как

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

родной корабль с грустными рожицами Пипелыча и Жердяя за стеклами иллюминаторов стал постепенно удаляться.

- Счастливой дороги, Левушка! – пробасил в эфире командир дрогнувшим голосом. – Не пуха тебе ни пера!

- А вот это к черту! – я на прощание помахал рукой в окно. – До встречи на Земле, ребята! Начинаю работу.

Я сориентировал “Тугарина” и крутым виражом направил его к Луне.

Корабль шел уверенно и послушно. Я переключил управление на автопилот, расчехлил бортовой телескоп “Вий” и принялся рассматривать окологлунные и лунные красоты.

Мой наметанный на космических наблюдениях глаз почти сразу же отследил в окологлунном пространстве серебристую движущуюся звездочку. Я моментально развернул “Вия” в нужном направлении и прилип глазом к окуляру.

Вот, значит, оно как... Н-да, правильно говорят мудрецы: не считай себя умней других. Поблескивая в солнечных лучах, параллельным курсом к Луне шел американский лунный модуль.

Нет, все-таки американе тоже не глупые ребята. Как и мы сообразили, что можно и без выхода на окологлунную орбиту сбросить на Луну посадочный модуль, найти завещание старца и дожждаться спасательной экспедиции.

Пальнуть в сторону американ мне было нечем. Из оружия на борту имелась только ракетница с сигнальными ракетами, которую Пипелыч для чего-то сунул в мой багаж. Если я заблужусь на Луне, можно будет достать ракетницу и трижды стрельнуть в небо. А вдруг глубоко в лунных пещерах все-таки живут какие-нибудь лунатики-луняне и они смогут меня найти и спасти?

С американского модуля по мне тоже не стреляли. Или меня просто не заметили, или у них на борту тоже не было оружия.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

“Ладно, на Луне разберемся, кому владеть заветом старца, - решил я. – Сначала сядем, а там видно будет!”

Я снова повернул “Вия” в сторону приближающихся лунных гор и морей.

Вот в это самое мгновение и появился этот растреклятый китайский автоматический кораблик!

Центральнонебесная народная республика Китая своих космонавтов на Луну еще не высаживала. Но в ее космическом арсенале была замечательная придумка: полуавтоматический лунный грунтозаборщик.

Понятие “полуавтоматический”, конечно, режет слух. Мы привыкли, что все космические аппараты делятся на пилотируемые и автоматические. А китайцы создали робота, который мог полностью автоматически лететь к Луне, высадиться на ее поверхность, набрать целый мешок лунных камней и пыли и доставить их на орбитальный корабль-матку. Вот на этом корабле робота и ждал единственный космонавт – оператор, который разгружал лунные трофеи и делал их первичный анализ.

И пока мы с американцами на околоземных и межпланетных трассах мяли друг другу бока, китайский полуавтоматический зонд “Чэнъи” с бортовым номером 16 тихонько обошел всех по самым дальним орбитам и незаметно скользнул к Луне.

“Чэнъи” четко просчитал ситуацию, спрятался за Луной и дождался начала моей и американ высадки на лунную поверхность. А сейчас он самым простеньким образом зашел на нас со спины и шарахнул горгонным излучателем на полную мощность.

Горгонный излучатель – это очень скверная штукавина. Названный по имени известной греческой колдуньи Медузы Горгоны, он способен облучить любую органику и технику недобрым взглядом чудовищной колдовской силы. От него киснет молоко в крынках, превращаются в прах продукты и выходят из строя все механизмы.

Вот именно это сейчас и произошло с “Тугариным”. Автопилот сдох моментально. Лунник беспорядочно

закувыркался, Луна и звезды за окном пустились в немислимый пляс.

Я переключил управление на ручняк. Слава Богу, горынычи не вышли из строя: чтобы обездвигнуть любую живность – в том числе и меня - недобрый взгляд нужно бросать, во-первых, с близкого расстояния, а во-вторых, глядя прямо в глаза обездвигиваемому объекту. Ясное дело, что ни я, ни горынычи под днищем избушки такого удовольствия автоматическому китайцу не доставили.

Я мельком взглянул в окно на корабль американ. Лунный модуль класса “фургончик Элли” закручивался по всем трем осям пространственных направлений и неуправляемо валился на Луну. Американе, наверное, получили куда больший горгонный заряд, чем мой “Тугарин”.

Легкая тень скользнула по оконному стеклу. Я поднял голову и через иллюминатор в мансарде увидел, что робот спрятал горгонный излучатель, и победно сигналил всеми бортовыми огнями, выпустил посадочное шасси, готовясь к высадке на Луну. Чего уж осторожничать, конкурентов теперь нет. Умный китайский механизм без помех отыщет завет старца Нинелия и доставит его прямиком в столицу Народной Китаяны.

- Скотина металлическая, - сквозь зубы процедил я. – Пальнуть бы по тебе... Жаль, что нечем!

Хотя почему нечем? Я огляделся, отыскивая среди нагромождения ящиков внутри “Тугарина” нужную вещь. Вот она лежит, родимая. Трехзарядная сигнальная ракетница “Светлячок”.

Я взял ракетницу, закрыл гермошлем скафандра и настежь распахнул окно. Китайец висел в подлунном пространстве совершенно ничего не опасаясь.

Я вскинул ракетницу, прицелился и трижды нажал на спусковой крючок.

Все-таки не зря я часами тренировался в тире нашего Звездного городка! Красная ракета влетела в самое жерло горгонного излучателя, навсегда похоронив

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

возможность робота бросать по сторонам недобрые взгляды. Желтая ракета вонзилась в центр оптического блока и коварный “Чэнъи” мгновенно ослеп на все свои двенадцать глаз. Зеленая ракета нырнула в левую ушную раковину – локатор китайского аппарата, и секундой спустя металлическая черепная коробка робота взорвалась изнутри, усеяв пространство мелкими искристыми обломками колдовских микросхем.

- Получил, фашист, гранату? – с удовлетворением от хорошо выполненной работы прокомментировал я в голос. – Ляг в кустах и отдохни!

Теперь путь к Луне был полностью свободен, и только от моего пилотского мастерства сейчас зависело, сможет ли “Тугарин” сесть.

5

“Тугарина” я посадил уверенно и четко. За такую посадку точно бы получил пятерку на экзамене в летной школе.

Лунная пыль за окном улеглась минуты за полторы, и я смог осмотреться. Кратеры, кратеры, кратеры. Большие и малые. Камни, камни, камни. Мелкие и крупные. Черные резкие и густые тени. Скругленная половинка земного шара в антрацитовом небе.

Как писал пару столетий назад великий лукоморский поэт, поглядывая в телескоп на лунные пейзажи:

“Унылая Луна! Очей очарованье!
Приятна мне твоя небесная краса!
Люблю я кратеров и валунов молчанье,
Долин и пиков лунных чудеса!”

Полное лунное великолепие, если выразиться кратко.

Налюбовавшись вдоволь всеми этими красотами, я по-турецки сел на пол прямо посередине лунного модуля и задумался.

Ну-ка, подберем наши бабки-ёжки. Что мы имеем? После недоброго китайского взгляда имеем мы на борту

полторы тонны совершенно непригодных к употреблению продуктов, триста литров пораженной амебами воды и десятков пузатых емкостей с болотным метаном вместо кислорода. А это значит, что на внутренних ресурсах моего скафандра “Ясный крик” и на собственном носимом аварийном запасе избушки продержаться на Луне я смогу от силы сутки. За это время никакая спасательная экспедиция с Земли добраться ко мне, ясен пень, не сможет. Да и связи с Землей, кстати, теперь тоже нет.

И-да, отлетелся ты, пилот Левиафан Дормидонтов, леший космический. Пора тебе одевать белые парадные тапочки, давать дуба и склеивать лапы. Весело, однако...

Но сутки еще в моем распоряжении. Целая жизнь, считай. И прожить ее нужно так, чтобы, как любил говаривать мой куратор в летно-космической школе, из небесной канцелярии позвонили и предложили повторить.

Что я могу сделать за сутки? Гм, могу, например, найти завещание старца Нинелия. Найти, прочитать из любопытства, что там накалякал жителям Земли звездный странник, а потом лечь и героически умереть.

Я представил, как через пару месяцев на Луну явится спасательная экспедиция, найдет “Тугарина” и внутри его мое остывшее тело. Лежит посреди избушки пилот Левиафан Дормидонтов, смотрит в звездное небо невидящим взглядом через иллюминатор в мансарде, а на груди у него – перевязанный алой ленточкой свиток с завещанием старца Нинелия и партийный билет родной Колдовской партии за номером 066600013. Выполнил пилот-леший свой долг перед Родиной и погиб, значит, на боевом посту.

Я так живо представил себе картину обнаружения моего остывшего тела, что мне захотелось всплакнуть и немедленно встать в почетный караул у собственного гроба.

Да, красиво, торжественно, печально...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Только есть одна загвоздочка. Свиток нинелиевский с заветом еще разыскать нужно. А поскольку сел я километрах в десяти от западного побережья Океана Бурь, то топать мне придется к космическому зонду долго и нудно.

Кстати, а почему топать? Есть же в “тугаринском” комплекте компактный луноход “Емеля” на угольно-печной тяге. И пристыкован этот вездеход к лунному модулю как раз под окном “Тугарина”.

Я выглянул за борт и разочаровано отпрянул. “Емеля” смотрел куда-то в небесные просторы бессмысленно - перекошенным взглядом. Проклятый китайянец!

Значит, идти к космическому зонду придется пехом. Большая прогулка под... э... под Землей? Я фыркнул.

И кстати, неясно в какую сторону идти. Можно, конечно, пойти по спирали, постепенно удаляясь от “Тугарина”. Но я боюсь, что отпущенных мне судьбой суток не хватит, чтобы добраться таким макаром до зонда с заветом космического старца.

Эх, если бы сам зонд помог его разыскать! Послал бы какой-нибудь сигнальчик, что ли... А может он и посылает, да только я не слышу, потому что проклятый китайянский робот вывел из строя всю бортовую электронику.

Хотя нет, кое-что осталось. Осталось еще приемно-передающее устройство “Соловей-разбойник” в моем скафандре.

Я крутанул верньер на груди моего “Ясного кречета”. Эфир немедленно взорвался четкими и громкими сигналами:

“Зонд – зонд – зонд! Тут – тут – тут!”

Опаньки! Хорошо-то как! Ай да старец Нинелий! Все предусмотрел, провидец звездный.

Зонд по сигналам я теперь легко найду. А вот как его к избушке доставить? Он же тяжелый, небось. Н-да,

луноход “Емеля” или какой-нибудь грузовичок мне бы сейчас совсем не помешали...

На горынычах взлететь-сесть тоже не получится – топливо уже практически на нуле.

Ах, если бы сама избушка была жива... И на куриных лапках, своим ходом по широким лунным просторам, как в добрые старые времена... Но после китайского дурного взгляда на это уже нет никаких надежд!

Стоп! А почему это нет никаких надежд? Когда “Чэнъи” лупил по “Тугарину” из горгономета, сама избушка что делала? Правильно, спала летаргическим сном. И сейчас все еще дрыхнет безмятежно. А что это значит? А то это значит, что горгонский взгляд ее жизни вовсе и не лишил. И мне нужно для оживления избушки просто-напросто обратиться к ней на языке ее генетически обусловленной программы.

Я сорвался с места, распахнул настежь дверь и принялся вываливать прямо на лунную поверхность весь хлам из лунного модуля – контейнеры с пропавшим питанием, бочки с протухшей водой и воняющие метаном газовые баллоны. Чтобы управлять избушкой, ее нужно предварительно предельно облегчить.

Закончив уборку, я спрыгнул на лунную поверхность и стал перед “Тугариным”. Так, ну и что дальше? Будь на моем месте какая-нибудь Бабуся-Ягуся, она бы в два счета разобралась с оживлением избушки. Их этим премудростям еще в младших классах гимназии учат.

“А может все проще? – подумал я. – Нет никаких заклинаний, а есть где-то обычная красная кнопка... Нажмешь ее – и готово, пошла избушечка по лунным дорожкам!”

Я тщательно осмотрел избушку со всех сторон. Кнопку не нашел, но между голов основного и резервного горынычей обнаружил сливной краник системы терморегулирования, из чего сделал вывод, что, строго говоря, имею дело с избушкой не на куриных, а на

петушиных ножках. Впрочем, к такому выводу можно было прийти и без осмотра: вряд ли женской избушечной особи дали бы мужское имя “Тугарин”.

Я снова остановился перед избушкой. Раз нет кнопки – попробуем оживить ее заклинанием. Как там говорит народная мудрость? “Если нету естества, не чурайся колдовства”!

Что в такой ситуации делали Иваны и Емели из детских сказок? Я топнул ногой и командирским голосом гаркнул:

- Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом!

Изба продолжала молча нависать надо мной. Даже не шелохнулась, зараза. Даже ножкой когтистой не повела.

Нет, все эти детсадовские методы явно не годятся. “Зад”, “перед”, “лес” – это все достаточно сложные пространственно-географические понятия, а мне сейчас нужно обращаться к глубоко заложенной в избушку генетической программе. Которая должна быть понятна любой глупой курице.

Некоторое время я прохаживался туда и сюда перед фасадом молчаливой избушки и размышлял. Гениальная мысль не заставила себя долго ждать.

Как говорится, все простое - гениально. Я нащупал в кармане скафандра горсть кедровых орехов, которые остались от кормления лебедочной белки в двигательном отсеке во время старта. Зачерпнув орехи ладонью, аккуратно рассыпал их перед фасадом избушки и отошел в сторону на несколько шагов. Набрав полные легкие воздуха, я что есть мочи заорал:

- Цыпа – цыпа – цыпа! Цыпа – цыпа – цыпа!

Передачик “Соловей-разбойник” тотчас же ретранслировал мой вопль в радиодиапазоне.

Несколько секунд избушка оставалась по-прежнему неподвижной. Потом большой палец на ее левой ноге дернулся и заелозил по лунной пыли.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Цыпа – цыпа – цыпа! – с удесятеренным энтузиазмом возопил я.

Избушка качнулась из стороны в сторону, переступила лапами.

- Ко-ко-ко-ко! – басовито отозвалось в наушниках моего скафандра.

- Ура! – я и радостно запрыгал среди лунных камней.

Избушка на мгновение замерла. Потом встряхнулась, развернулась окном в сторону Солнца и, приподнявшись на кончиках лап, оглушила лунные просторы победным криком:

- Кукареку!

Я ухватился руками за порог, подтянулся и влез внутрь избушки. Захлопнув дверь, открыл гермошлем скафандра и быстренько разобрался с системой управления. Оживший “Тугарин” удивительно хорошо слушался рулей.

Я уселся в кресло около пульта. Теперь можно было отправляться в путь.

- Ну... - я секунду помедлил, подыскивая нужное слово, а потом с чувством произнес:

- Полунычили!

И с силой налег на рычаги.

6

К космическому зонду старца Нинелия “Тугарин” дошагал часа за полтора.

Космический зонд оказался цилиндром примерно метровой высоты, выкрашенным в грязно-серый цвет. Несмотря на истощно посылаемые в эфир сигналы, я вряд ли нашел бы посланца Нинелия сразу. На фоне лунного грунта почти такого же цвета он был практически не заметен. Мы с “Тугариным” точно прошли бы мимо, если бы рядом с космическим зондом не трепетал на солнечном ветру звездно-полосатый флаг Соединенного Пятидесятья Американцы.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Когда подошли ближе, рядом с цилиндром космического зонда обнаружилась фигурка американского космонавта в белоснежном скафандре. Американ сидел прямо на лунном грунте, расставив ноги и прислонившись спиной к цилиндрическому боку звездного посланца. Метрах в трестах от зонда виднелся скособоченный корпус лунного модуля. Даже с такого расстояния было заметно, что при посадке американский корабль смял горловины стартовых двигателей и потерял две стойки-ноги.

- А все равно хорошо сел на убитом-то модуле, - подивился я. – И как точно! Ну, молодчина, конкурент!

Я застопорил “Тугарина”, выбрался наружу и зашагал к американу. Пилот не шевелился и молча наблюдал за моим приближением. За стеклом гермошлема просматривалось вытянутое лицо, заостренные длинные уши и холодные, колючие глаза. Типичный гоблин. По спине пробежал неприятный холодок.

- Привет! – я остановился в шаге от сидевшего и представился:

- Космонавт Лукоморского Союза Левиафан Дормидонтов. Загораешь?

- Ага, - он поднес ладонь в толстой перчатке к стеклу гермошлема, одновременно приветствуя меня и прикрывая глаза от яркого солнца. – Загораю!

- И давно загораешь? – спросил я.

- Да уж почти час, - он мельком взглянул на часы и протянул мне руку. – Меня зовут Скотт Паразитински.

- Как?! – я едва не подавился воздухом одновременно с рукопожатием.

- Скотт Па-ра-зи-тин-ски, - по слогам произнес американ и недоуменно пожал плечами. – Фамилия такая.

- Внутри зонда заглядывал? – поинтересовался я.

- Угу, - он кивнул.

- Ну, и что там внутри? – я нервно сглотнул.

- Ничего, - Паразитински развел руками. – Да ты сам посмотри!

Я подошел к зонду вплотную. В его нижней части обнаружилась педаль, очень похожая по форме на педали на мусорных баках. Недолго думая, я вставил в нее носок моего ботинка и слегка нажал. Крышка зонда плавно приподнялась, и я смог заглянуть внутрь.

Внутри зонда было совершенно пусто. На до блеска отполированных стенах не было ни пылинки. Я отпустил педаль и крышка улеглась на прежнее место.

- Внутри было только вот это, - Парзитински достал из-за спины небольшой ящичек и протянул мне.

Ящичек оказался грубо сколоченным из толстой фанеры контейнером в форме параллелепипеда. На одной из его стенок обнаружилась надпись, сделанная старательно выведенными синими чернилами буквами лукоморского шрифта:

“Завет старца Нинелия “Как стать человеком”.
Перед прочтением вскрыть!”

Ниже – размашистая подпись старца, так хорошо знакомая мне по школьным учебникам истории.

- Вскрывал? – я кивнул подбородком в сторону ящичка.

- Нет, - Парзитински отрицательно качнул головой. – Он гвоздями забит, а у меня гвоздодера нет. Да и зачем вскрывать? Связи с Землей нет. Содержание завета никто не узнает. Кроме нас с тобой. А мы... А мы с тобой, Левиафан, вряд ли успеем стать человеками...

В его голосе были грусть и тоска.

- Ну, может быть, все не так уж и плохо, - я присел на корточки рядом с ним. Деревянный ящик поставил между нами. – Нужно только сосредоточиться и хорошенько взвесить наши шансы.

- Лично мои шансы нулевые, - Парзитински махнул рукой в сторону своего скособоченного модуля. – Полная мертвечина...

- А я вот своего “Тугарина” оживил, - похвастал я. – Значит, не все потеряно!

- Взлететь сможешь? – Скотт окинул избушку заинтересованным взглядом.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Нет, - я покачал головой. – Топлива нет. Разгонник нужен.

- А все припасы китайец попортил?

Я молча вздохнул.

- Значит, при ближайшем рассмотрении твои шансы тоже нулевые, - безжалостно констатировал американ.

Я помолчал, соображая.

- Знаешь, иногда два нулевых шанса вместе дают ненулевой результат, - сказал я.

- Это каким же образом? – он скосил в мою сторону скептический взгляд. – Ноль плюс ноль – будет ноль. Ноль минус ноль – тоже ноль. И ноль умножить на ноль – снова ноль. А делить ноль на ноль и вовсе нельзя!

- Ты, наверное, математик? – предположил я.

- Кафедра прикладной математики института в Массачусеттсе, - лицо Скотта озарилось улыбкой. – Диплом с отличием, докторская степень, звание профессора. А ты?

- А я по образованию механик. Для меня два наших нуля – это... э... Например, как два колеса. На одном колесе очень сложно ехать. А вот два колеса – это уже велосипед! На нем можно кататься! И даже вдвоем.

- Хорошо, - сказал Скотт. – Давай еще раз оценим наши общие шансы. Продукты, вода, воздух – этого у нас в обрез. Твой модуль цел, но на нем нет топлива. Мой модуль разбит, но на нем...

Он запнулся, а потом впился пальцами в мое плечо.

- Ты чего? – недовольно дернулся я.

- Твой модуль цел, но на нем нет топлива, - повторил Паразитински, выпучив глаза. – Мой модуль разбит, но... Но на нем есть топливо!

Я вскочил на ноги.

- Что же ты молчал?

- А ты меня спрашивал?

Мы быстрым шагом зашагали к американскому модулю.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Какое на твоей машине топливо? – на ходу спросил я.

- Окислитель – хрень болотная, горючее – болотина хренова.

Я разочаровано замедлил шаг.

- Не то. Мои горынычи работают на живой и мертвой воде.

- А если попробовать? – предложил Скотт.

- Могут не согласиться, - вздохнул я. – Привередливые.

Через полчаса мы вернулись к “Тугарину” с двумя склянками. В одной маслянисто колыхалась ядовито-желтая хрень болотная, в другой возмущенно пузырилась ярко-зеленая болотина хренова.

Я подошел к основному горынычу и легонько похлопал его по небритой щеке.

- Да, да, - змей с услужливой готовностью открыл глаза.

Я без долгих объяснений ткнул ему под нос обе склянки:

- На таком топливе полетишь?

Горыныч поочередно нюхнул из обеих емкостей и безглаголиво скривился:

- Ни за что!

- Что и требовалось доказать, - печально вздохнул за моей спиной Скотт Паразитински.

- Ну-ка, ну-ка, - резервный горыныч открыл глаза и шумно повел носом:

- Дай нюхнуть!

Я поднес к его морде емкости с топливом.

Он долго принюхивался, задумчиво хмурил брови, с сомнением качал головой, а потом осведомился:

- А водочка у тебя есть? Или еще лучше – спиртик?

Я вытащил из заплечного мешка на “Ясном кречете” большую флягу и потряс ею перед мордой резервного горыныча. Внутри фляги аппетитно забулькало.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Чистый? Медицинский? – резервный горыныч плотоядно сглотнул.

- Ректификат, - подтвердил я. – Из лучших сортов пшеницы.

- Добавишь к обоим жидкостям, половину туда и половину сюда, - резервный шумно облизал губы длинным змеиным языком. – Летим! Минут через десять будем на орбите!

7

Резервный горыныч сдержал слово. “Тугарин”, иногда покукарекивая от возбуждения, поднялся над Луной четко и без проблем.

- Половина дела сделана, - сказал я Скотту Паразитински. – Осталась совсем чепуха – вернуться от Луны к Земле.

Американ покосился на пультовые индикаторы избушки:

- Воды на пару дней, воздуха - на три часа. Ну-ну...

- Все-таки ты неисправимый пессимист, - возмущенно фыркнул я.

- Да? – он приподнял свои кустистые брови. – Ты что, обнаружил около Луны бесхозный разгонный блок?

- Почти! – я хитро подмигнул ему. – Тот, кто нам мешал, сейчас нам поможет!

- Объясни, - Скотт с удивлением воззрился на меня.

- Где-то здесь болтается материнский корабль “Чэнъи”, - сказал я. – Я бы рискнул с ним состыковаться.

- Триста лет мы нужны китайцам, - отмахнулся Паразитински. – И с чего ты взял, что материнский корабль все еще находится на орбите около Луны? Он мог уйти к Земле сразу после потери этого проклятого автоматического грунтозаборщика со встроенным горгонометом.

- Не мог, - возразил я. – Вся система управления была смонтирована на борту робота. А на материнском

корабле есть только космонавт-оператор. Лаборант, который не умеет управлять космической техникой.

- С этим оператором нужно еще суметь связаться, - Паразитински озабоченно покачал головой. – А на твоём “Тугарине” умерщвлены все каналы связи.

- Кроме вот этого, - я извлек из нутра “Ясного кречета” серенькую коробочку радиостанции “Соловей-разбойник”. – Думаю, что его мощности нам для связи с китаянцем хватит.

Мы со Скоттом дружно погоняли “Соловья” в нескольких тестовых режимах и вышли в активный поиск сигналов. Китайский корабль ответил почти сразу:

- Алло, здесь корабль Народной Китаянии “Чэнъи – 16”. Кто на связи?

Голос был женский, звонкий и чистый.

- Космолет “Тугарин”, объединенный космический флот Лукоморского Союза и Соединенного Пятидесятья Американцы, - я подмигнул Скотту. Хороший понт, как известно, дороже денег.

В наушниках испуганно ойкнули, видимо, предвидя неприятности космических масштабов.

- Мадам, - проникновенно произнес Паразитински, - у меня есть к вам предложение...

- Мадемуазель, если угодно, - молниеносно поправили с борта китайского корабля. – Я не согласна. Я не собираюсь замуж!

- Я вовсе не это имел в виду, - Скотт слегка стушевался. Макушки его длинных острых ушей порозовели.

- Китайская мыслительница Сунь Язы говорила, что все мужчины имеют в виду всегда одно и то же, - отчеканили из глубин космического пространства.

- Мыслительница Сунь Язы безусловно права, - я положил руку на плечо готового возмущенно вскинуться Паразитинского.

- То-то же, - в суровом голосе обитательницы “Чэнъи” обозначились мягкие интонации. – Ну, а если не жениться, так чего же вы хотите?

- Товарищ, - я старался говорить как можно более любезно, - как вы посмотрите на то, чтобы совершить трехдневный туристический перелет к Земле в обществе двух симпатичных мужчин?

8

Мы со Скоттом наскоро перекусили консервами из аварийного запаса наших скафандров и занялись подготовкой к стыковке.

После международного соглашения шестилетней давности все пилотируемые космические аппараты в подлунном мире комплектовались одной и той же моделью андрогинного стыковочного узла. Такие узлы были смонтированы и на китайском “Чэнъи – 16”, и на печной трубе моего “Тугарина”, выходявшей наружу через отверстие в крыше. Поэтому с точки зрения совместимости космической техники проблем возникнуть не могло.

- Есть другая проблема, - сказал я Скотту. – И как к ней подобраться – ума не приложу!

- Это при твоём-то вселенском оптимизме? – засомневался Паразитински. – Не верю!

- И тем не менее... - я озабоченно потер виски:

- Для стыковки с “Чэнъи” и перелета к Земле нам понадобятся довольно сложные математические расчеты. А компьютер на “Тугарине” умерщвлен после горгонной атаки...

- Ну, - Скотт наморщил лоб, мысленно подбирая варианты выхода из сложившейся ситуации. – Я, в конце концов, все-таки математик...

- Ценю твои способности, но вряд ли в Массачусеттсе тебя научили считать со скоростью три миллиона операций в секунду.

Некоторое время мы оба молчали. Скотт озабоченно теребил застежку-“змейку” на своем скафандре. “Змейка” возмущенно попискивала, но терпела. Очевидно, прониклась сложностью ситуации.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- А какого класса у тебя компьютер? – наконец спросил Паразитински.

- Самый обычный, - я пожал плечами. – “Кот Баюн”, родовой помет прошлого года.

- О, - Скотт радостно вскинулся, не рассчитав силу толчка и повис под потолком “Тугарина”. – Ну-ка, показывай!

Я поймал его за штанину скафандра и подтащил к торчащей посреди пульта морде Баюна. Мой котик смотрел в потолок безжизненными глазницами экранов.

- Умерщвлен – не значит умер, - выдал на-гора философскую сентенцию Паразитински. – Будем реанимировать!

- Что ты собираешься делать?

- Есть старый и проверенный способ оживления компьютеров серии “Кот Баюн”, - Скотт повернул к себе компьютер задней панелью и стал разматывать его хвост с электрической вилкой на конце. – Впервые этот способ описал еще гениальный изобретатель Маркус Твентий в своей знаменитой работе о приключениях Сома Тойера.

Паразитински разложил кошачий хвост на полу, примерился и силой нажал на него носком ботинка.

- М-мяу-у-ррр! – тотчас же взревел умерщвленный Баюн. Он возмущенно обернулся, в глазах экранов полыхнули молнии разрядов. Паразитински мгновенно схватил с пола кошачий хвост с вилкой на хвосте и сунул вилку в розетку. “Кот Баюн” умиротворенно мурлыкнул и начал загружать операционную систему.

- Ни одно живое существо не потерпит, чтобы ему наступали на хвост, - Скотт поднял вверх указательный палец. – Тем более, кот!

9

Космонавт с китайского корабля оказалась совсем молоденькой и симпатичной кикиморой. Длинный хитрый носик, темные загадочные глазки, волосы цвета вороньего крыла. Она встретила нас прямо у люка

стыковочного узла на печной трубе “Тугарина”. Мы со Скоттом поочередно представились.

- Дунь Ша, - девушка протянула руку для приветствия. – Так меня зовут.

“Какое красивое имя, - отметил я про себя. – Дунь Ша... Дуняша... Дуня... Евдокия...”

Китайца перехватила мой восторженный взгляд и слегка покраснела.

- Будьте, как дома, - тихо произнесла она, опустив ресницы.

- И вы тоже, - я кивнул в сторону “Тугарина”. – Избушка в вашем распоряжении.

Для закрепления знакомства мы устроили шикарный обед. Было очень забавно кушать китайскими палочками в условиях невесомости.

- Дунь Ша, а ведь мы с Левиафаном все-таки нашли завещание старца Нинелия, - похвастался Скотт после трапезы.

- И что же в нем интересного? – девушка заинтересовано повела глазами.

- Э... - Паразитински замялся. – Признаться, мы еще не читали. На ларце старца Нинелия довольно сложное запорное устройство, а у нас не оказалось гвоздодера...

- Гвоздодера у меня тоже нет, но есть вот это, - Дунь Ша извлекла из ниши на стене маленькую стальную фомку. – Это приспособление для аварийного вскрытия робота-грунтозаборщика. Подойдет?

- Вполне, - я кивнул и нырнул за ящиком внутрь “Тугарина”.

Мы ремнем закрепили посылку на столе внутри рабочего модуля “Чэнъи”, Скотт взял в руки фомку и примерился:

- Ну, начнем...

Острым концом инструмента он поддел крышку почтового ящика.

В следующее мгновение произошло то, что никто из нас предвидеть и предположить не мог. Изнутри ящика раздался истошный испуганный визг, напоминающий

поросячий, и посылка, выскользнув из-под ремня, взлетела к потолку.

- Кажется, ларец снабжен системой сигнализации, - Паразитински нахмурил кустистые брови. – И закрепить его нужно покрепче!

Он рукой оттолкнулся от стола и упорхнул к потолку следом за посылкой. Поймав ящик левой рукой, Скотт стал подтягивать его к себе. Посылка снова коротко взвизгнула и отлетела к противоположной стене отсека.

- Какое-то встроенное самодвижущееся устройство, - сказал Паразитински. – Лева, заходи снизу. Сейчас мы возьмем его в клещи!

Я послушно оттолкнулся от пола и нырнул к ларцу. Но едва лишь я коснулся его рукой, ящик пронзительно хрюкнул, крутанулся вокруг собственной оси и ринулся вниз.

- Мальчики, - охнула Дунь Ши, - он ведь живой!

- Чепуха! – фыркнул Скотт. – Живых ларцов не бывает! Сейчас мы его фомочкой...

Он снова устремился к посылке Нинелия. Ларец испуганно завизжал и юркнул за спину Дунь Ши.

- Стоп! – китайца подняла руки, останавливая ретивого американца. – Ты его пугаешь!

Она повернулась к ящику и легонько коснулась его кончиками пальцев:

- А его не нужно пугать. Настоящий ларец ласку любит.

Она погладила ладонью деревянную крышку. Посылка утробно замурчала совершенно по-кошачьи.

- Вот так! – улыбнулась Дунь Ши. – И по-моему, нам не нужна никакая фомка. Кажется, все много проще...

Она взяла посылку и прижала к груди:

- Испугался, малыш? Мы не собираемся тебя обижать. Нам просто нужно письмо от старца Нинелия. Ты не можешь нам его отдать?

Ларец разразился радостной переливчатой трелью, мягко выскользнул из рук китайцы и повис над рабочим

столом. Что-то внутри него хрустнуло, крышка посылки откинулась и, кувыркаясь в воздухе, полетела в сторону.

Яркий свет залил рабочий отсек китайского корабля. Ослепительные блики всех цветов радуги запрыгали по стенам. словно свежий ласковый ветерок с пахнувших травой и цветами летних лугов прошелся по нашим лицам.

Существо, которое выбралось изнутри ларца, не имело постоянной формы и цвета. Переливаясь всеми мыслимыми радужными окрасами, превращаясь то в причудливо изгибающееся веретено, то распускаясь свободно полощущимся парусом, над столом висело нечто совершенно немыслимое.

- Ух, ты! – восхищенно протянул Скотт. – Красота какая!

Существу понравилась похвала, и оно откликнулось плавной приятной мелодией. словно где-то в дали тихонько зазвенели тысячи и миллионы маленьких колокольчиков.

- Кто же ты такой? – Дунь Ши протянула руку в сторону космического гостя. – Как тебя зовут, малыш?

Существо вытянуло краешек своего паруса и осторожно коснулось ладони китайцы. Еще один его кончик спирально вертящейся в пространстве змейкой устремился вслед за парящей под потолком крышкой от ларца, поймал ее, потянул вниз и повернул внутренней стороной к нашим глазам.

- Здесь надпись по-лукоморски, - сообщил Скотт.

- Вижу, - кивнул я и прочел:

- “Источник добра, стандартный, автономного питания. ГОСТ 18279-06. Применять только совместно с Заветом!”.

Надпись была выполнена теми же чернилами и той же рукой, что и на крышке ларца. Ниже надписи был оттиснут фиолетовый штамп: “Отдел технического контроля. Проверено. Гарантийный срок – пять миллиардов лет”.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Сразу видно, что ты славный парнишка, Источник Добра! – Паразитински расцвел улыбкой. Я впервые в жизни видел, чтобы гоблин улыбался так искренне и добродушно. – Пожалуй, я буду называть тебя Ид!

- А по-моему это симпатичная маленькая девочка! – возразила Дунь Ши. – И лучшее имя для нее – Ида!

- Давайте примем компромиссное решение! – я подмигнул висевшему над столом космическому гостю. – Будем называть его И-До!

Наверное, мое предложение показалось существу наиболее приемлемым, и оно откликнулось веселой радугой бликов и новой волной перезвона колокольчиков.

- Вот и славно! – засмеялась Дунь Ши. – Дорогой И-До, ты можешь показать нам завет старца Нинелия?

Космический пришелец ответил радужным всплеском и снова растянулся парусом. Из центра его тела выросло тонкое гибкое щупальце. Конец щупальца был обмотан колечком вокруг перевязанного голубой ленточкой скрученного бумажного листа желтоватого цвета.

Я осторожно вытянул сверток из щупальца И-До. Дрожащими от охватившего меня волнения пальцами, я развязал бант и расправил на столе свернутый лист. Головы Скотта и Дунь Ши тут же склонились над бумагой. И-До распластался в воздухе над нами. Наверное, ему тоже было интересно, что завещал нам старец Нинелий.

Текст на листе оказался написан все тем же почерком и теми же чернилами, что и надписи на деревянном контейнере. Я начал читать в голос:

- Жителям планеты Земля от старца Нинелия, проживающего по адресу Галактика, созвездие Кассиопеи, звезда Альфа, вторая планета...

- Далеко забрался наш старичок, - Скотт удивленно вскинул брови. – Примерно два десятка световых лет, не меньше!

- Не перебивай! – шикнула на него Дунь Ша. – Левушка, читай дальше!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

От этого обращения “Левушка”, произнесенного нежным девичьим голосом, у меня на секунду остановилось сердце.

- Завет, - кашлянув, я продолжил свое существование:

- Э... А дальше лист разделен на три колонки. И в каждой написан свой текст.

- Читай по очереди, - сказал Паразитински. – Начиная с левой.

- Вариант первый, романтический, - я прочитал первый заголовок. - Жители Земли станут человечеством после того, как первая навка на единороге пролетит через четыре самых больших под светом Солнца кольца.

- Кг-хм, - кашлянул Скотт. – Никогда не считал себя романтиком. Читай вторую колонку.

- Вариант второй, поэтический, - я сделал глубокий вдох и принялся с чувством читать написанные старцем Нинелием стихи:

Человечеством стать будет очень легко,
Если этот завет соблюдете.
Шага три... Вас судьба поведет далеко,
И к мечте вы заветной придете.

Первый шаг под Луной каждый сделает сам:
Выбрось страхи и мысли лихие,
Свой душевный порыв не сверяй по часам,
И забудь, что дела есть плохие.

Второй шаг только вместе пройти суждено,
Связав дружбой земные народы.
Будет каждому место под Солнцем дано
И исчезнут беда и невзгоды.

Третий шаг пусть подскажут вам ваши сердца.
Ежедневно шагать вам придется...
Человеком чтоб стать – это путь без конца,
В бесконечность дорога упрется...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- У меня дедушка был поэтом, - после некоторого общего молчания сообщила Дунь Ша. – Но я никогда не проявляла способностей к поэзии. Левушка, а что написано в третьей колонке?

- Вариант третий, иносказательный. Жители Земли станут человечеством, если каждый преодолет самое себя, народы станут одной семьей, и все ежедневно и ежечасно будут отдавать всем частички своей души.

Некоторое время мы молчали, разглядывая лежавший на столе лист.

- И это все? - первым нарушил молчание Скотт. – Там больше ничего не написано?

- Сам же видишь – ничего, - я пожал плечами. – А ты ожидал длиннущее послание? С пошаговой инструкцией? Краткость – сестра таланта!

- Коротко, конкретно и четко, - сказала Дунь Ша, мгновенно помедлила и весело хихикнула:

- Но совершенно непонятно!

Я и сам ничего не понимал. Если прочитать первый вариант Завета, романтический... Как понимать эти слова - “первая навка”? Навок в мире сотни миллионов. Кто из них первая? А что такое “единорог”? И где находятся четыре самых больших под светом Солнца кольца? Непонятно!

С поэзией, со вторым вариантом, дело обстоит еще хуже. Сплошные гиперболы, аллюзии и прочие коллизии. Жаль, что я хотя бы заочно не окончил литературный институт. Или хотя бы какие-нибудь курсы молодых поэтов...

Третий вариант уж очень иносказательный. До полного непонимания иносказательный. Ребус какой-то... Что значит “преодолеть самое себя”? Как собрать народы в одну семью? И как можно ежедневно и ежечасно отдавать всем частички своей души?

- Ладно, - Скотт Паразитински взмахнул рукой. – Ученые на Земле разберутся, что здесь к чему. Давайте готовиться к старту!

10

К исходу вторых суток полета к Земле мы, наконец, установили связь с родной планетой. Причем на связь с нами центры управления в Лукоморье, Соединенном Пятидесятье и Народной Китаянии вышли почти одновременно. Из разноязычной какофонии восторженных голосов мы поняли, что “орбитальный инцидент” угас сам собой еще несколько дней назад, и теперь все мировые правительства совместными усилиями готовят экспедицию к Луне для нашего спасения.

Мы порадовались совершившемуся единению жителей Земли, продемонстрировали им сиявшего всеми цветами радуги И-До и по многочисленным просьбам зачитали землянам послание старца Нинелия.

В эфире тотчас же установилось полное молчание.

- Хорошо, - изрек, наконец, центр управления в американском Хьюстоне, - привозите послание. Будем разбираться с ним в научных лабораториях.

- Под строгим международным контролем, - добавил центр из нашего Лукоморья.

- Но с учетом национальной специфики, - тонко подметил центр управления из Народной Китаянии.

И на этой всемирной ноте общего согласия Земля отключилась от связи.

Мы занялись каждый своими делами. Я настраивал оптическую систему “Вия”, Дунь Ша что-то вышивала крестиком на розовом платочке, Скотт отчаянно резался в электронные шахматы с компьютерным “Котом Баюном”. И-До плавал под потолком, наигрывая разные мелодии и посверкивая радужными бликами.

Собрались мы вместе только за ужином. И-До просто сунул два кончика своего паруса в розетку бортовой электросети, а мы занялись подготовкой к трапезе более основательно. Я поочередно совал упаковки с продуктами в микроволновку для разморозки и подогрева, Дунь Ша накрывала на стол, а Скотт вертел настройку радиоприемника, пытаюсь найти какой-нибудь

музыкальный канал. Но тщетно – пространство было наполнено только разноязычными голосами. Казалось, что не осталось на Земле ни одной радиостанции, которая не транслировала бы в эфир жаркие дискуссии, суть которых сводилась к одному глобальному вопросу – стоит ли нам все-таки становится человечеством?

Неожиданно приемник кашлянул и торжественным голосом произнес:

- Внимание, говорит Лукоморье. В эфире – Лысая Гора, столица Лукоморского Союза!

- Стой, - я жестом остановил Паразитинского, который уже собирался перебраться на другую радиоволну. – Это что-то важное!

Мы замерли, прислушиваясь к голосу из динамика.

- Работают все радиостанции, центральное телевидение и системы связи Советского Лукоморья, - продолжал вещать голос из радиоприемника. - Передаем сообщение Телеграфного Агентства Лукоморского Союза!

Долгая пауза. А потом торжественный голос снова пронзил радиоэфир:

- Лукоморская наука одержала важную победу в исследовании и освоении космического пространства! Сегодня с космодрома Нур-Байкан осуществлен запуск космического корабля с первой навкой – космонавтом на борту – Василицей Премудровой!

- Она все-таки решилась лететь! – я хлопнул ладонью по столу. Василицу Премудрову я знал уже лет десять. Эту белокурую красавицу готовили к полету всем Звездным городком. Создание небесной красоты с дивными голубыми глазами под длинными черными ресницами уверенно сдавало все предполетные экзамены и проходило комплексные тренировки. Но категорически отказывалось сесть в пилотское кресло космического корабля на Нур-Байкане. И вот свершилось!

- Да, первая навка в космосе – это большое достижение. Поздравляю, Левиафан, - Скотт пожал мне руку.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- За это стоит выпить, - я достал из контейнера с продуктами тюбики с черносмородиновым соком.

- Первая навка, первая навка, - задумчиво повторила Дунь Ша. – Вот и старец Нинелий писал о первой навке...

- Ты думаешь?.. – Скотт замер с открытым ртом.

- Первая навка, - на лбу Дунь Ша пролегла едва заметная морщинка. – Преодолеть свои страхи и совершить что-то хорошее, важное для всех. Может, это и есть первый шаг на пути к человечности?

- Э... Допустим, - согласился Скотт. – Тогда что такое “единорог”?

- А если старец имел в виду носорога? – предположила Дунь Ша.

- Если Нинелий имел в виду носорога, он бы так и написал – носорог, - горячо возразил Паразитински. – И потом – носороги не летают, а в Завете ясно написано: “навка на единороге пролетит”... Нет, здесь что-то другое.

- Едино-рог, - я произнес слово, разделив его на две части. – “Едино” – значит единый, общий. А что такое “рог”?

- Вот женишься, а жена тебе наставит рога – и ты сразу все поймешь! – хохотнул Скотт.

- Рог... На космодроме в предстартовом заклинании космические корабли называют РОГами – реактивными орбитальными гравипапами, - сказал я. – Тогда получается, что “единорог” – это единый реактивный орбитальный гравипап.

- В каком смысле “единый”? – поинтересовалась Дунь Ша.

- В смысле общий, всех жителей Земли, - предположил я. – Вот наш космолет сейчас состоит из лукоморского “Тугарина”, топлива из Соединенного Пятидесятью и разгонника, сделанного в Народной Китайнии. Чем не “единорог”?

- Допустим, - Дунь Ша кивнула головой, соглашаясь с моими доводами. – Значит, второй шаг на пути к человечности – объединить усилия всей Земли. В том

числе и для создания общего космического корабля. Будем рассуждать дальше. Итак, первая навка - космонавт должна на едином РОГе пролететь по орбите через что?

- Через четыре самых больших под светом Солнца кольца, - заключил я. – И где же эти кольца?

- У нашего известного писателя Толкиена есть история о кольцах, - Паразитински задумчиво поскреб кончик длинного уха. – Но там идет речь, кажется, всего о двух кольцах... Космический корабль – даже самый маленький - ни за что не протиснется сквозь них. Хотя...

Скотт округлил глаза.

- Ну? – я слегка подтолкнул его. – Что ты хочешь сказать?

- Я, кажется, знаю, где находятся самые большие под светом Солнца кольца, - широкоскулое лицо Паразитински расплылось в радостной улыбке. – Самое большое кольцо в Солнечной системе есть у планеты Сатурн. Кольца поменьше есть у Нептуна и Урана. И совсем тоненькое кольцо есть у Юпитера! Значит, первая навка – космонавт на едином космическом корабле должна пролететь по орбите, проходящей через все четыре планетных кольца!

- Вполне может быть, - поразмыслив, согласился я. – Мы станем человечеством, если объединим наши силы и совместно займемся чем-нибудь действительно масштабным. Хотя бы теми же межпланетными экспедициями...

- Нет, мальчики, - покачала черноволосой головкой Дунь Ша. – Мне кажется, что не все так просто. И космические полеты вовсе не самое главное, что нужно для очеловечивания...

- Вопрос о человечности перестал быть риторическим и философским, - глубокомысленно изрек Скотт, когда мы заняли свои места за столом. – Не прогадаем ли мы, если станем человечеством?

- Мы столько мечтали об этом, - я улыбнулся. – А теперь засомневались...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Мечты – это только воздушные замки, - фыркнул Паразитински, - а жить всегда хочется в реальном, теплом и просторном доме. Если верить нашим преданиям и сказкам, переход к человечности неминуемо повлечет за собой полный отказ от базисных принципов нашей цивилизации – магии и колдовства. Леви, ты готов отказаться от всех достижений магической науки – космонавтики и компьютерной техники, медицины и биологии? Как мы сможем вести без колдовства сельское хозяйство, строить дома, создавать новые машины? Стоит ли жертвовать всем этим, чтобы стать человеком?

Я задумался. Человечность и в самом деле посягала на самые основы нашего колдовского мироздания.

- Став человечеством, мы забудем свой нынешний мир, - продолжал вдохновлено витийствовать Скотт. – Нам придется заново строить цивилизацию! Теперь уже человеческими способами. Но как можно создавать металлы, керамику, пластмассы без колдовства? Да и возможно ли это в принципе?

- Может мы все-таки забудем не все? – робко возразила Дунь Ша. – Останутся колдовские тексты, магические заклинания, предания...

- Для человечества они будут только сказками, - безжалостно отрезал Паразитински. – Их будут рассказывать детям ради забавы!

- Да, скорее всего, мы потеряем и память, и... И даже свои личности, - вынужден был согласиться я. – Но зато мы приобретем человечность...

- Человечность взамен всей колдовской цивилизации – не маловато ли это? – с сомнением покачал головой Скотт. – Нам всем стоит крепко задуматься. Процесс очеловечивания, видимо, необратим. Наше решение радикально изменит облик всей земной цивилизации.

- Так уж и всей, - засомневался я. – Кто-то захочет стать человеком, а кто-то и нет. Может быть,

человеческая и колдовская цивилизации смогут существовать одновременно?

- Сомневаюсь, - тряхнул головой Паразитински. – Я думаю, что процесс будет напоминать цепную реакцию – раз начавшись, он уже не остановится!

Некоторое время мы ели молча.

- Может быть, все не так трагично, - нарушила молчание Дунь Ша, когда мы перешли к десерту. – Завет Нинелия еще нужно правильно истолковать. А на это могут уйти годы и десятилетия.

- Вполне возможно, - кивнул Скотт. – Я, к примеру, никак не возьму в толк, что значит первый тезис старца – “преодолей самого себя”?

- Нужно как-то изменить свою личность, - предположил я. – Стать добрее, справедливее, что ли... Какие там еще качества связывают наши философы с человечностью?

- Допустим, - Паразитински задумчиво наморщил лоб. – Хотя дать определение, что такое доброта и что такое справедливость, наверное, не возьмется ни один из наших мыслителей. Но как собрать все народы в одну семью, чтобы стать человечеством? Народы с разными взглядами на жизнь, со своими проблемами, страхами и комплексами - и всех в одну семью? Как это сделать?

- Все очень просто, мальчики, - сказала Дунь Ша с очаровательной улыбкой на устах. - Жители Земли только тогда станут человечеством, когда преодолеют все свои страхи и комплексы...

Она чуть помедлила, размышляя, а потом добавила:

- И объединятся в единое целое для того, чтобы решить те задачи, которые в одиночку им ни за что не решить.

И-До под потолком каюты разразился веселой трелью и радостно полыхнул разноцветными огнями.

- Может быть, - Скотт почесал пальцем затылок. – Но как истолковать третий тезис старца – “ежедневно и ежечасно отдавать всем частички своей души”?

11

Утром следующего дня я обнаружил радикальные изменения в своем внешнем облике.

Проснувшись, я некоторое время лежал с открытыми глазами, созерцая деревянный потолок избушки и размышляя о разных мелочах. Потом вылез из спального мешка, сладко потянулся и отправился в санузел – удовлетворить всяческие естественные надобности, умыться и причесаться. Вот тут, взглянув в зеркало над умывальником, я и обнаружил, что количество растительности на моем лице существенно уменьшилось.

Еще вчера вечером из зеркала на меня смотрел обычный леший: заросшее коричневатыми волосами лицо, на котором выделялись только глаза, рот и курносый бугорок носа. А к сегодняшнему утру под обеими глазами появились полукружья чистой розовой кожи, на которых не было и следа растительности.

- Странно, - сказал я зеркальному двойнику и принялся внимательно рассматривать свое начавшее лысеть лицо. – Под сильное радиоактивное излучение я вроде бы не попадал... Гм, а если бы даже и попал, то полысел бы весь целиком: и на темечке, и на висках, и на затылке...

Кожа на лице имела нежно-розовый цвет. Было очень любопытно видеть себя лысеющим. Последний раз я видел свое лицо без волос лет в тринадцать, еще до генетической специализации.

На Земле меня, конечно, ждут жуткие неприятности. Минимум – углубленное медицинское обследование. И повышенное внимание общественности, особенно ее женской половины. Где это видано, чтобы лешие лысели лицом? Как бы не пришлось мне носить какой-нибудь парик-маску, если растительность не отрастет снова.

Коммуникатор в нагрудном кармане комбинезона разразился звонкой трелью. Звонила Дунь Ша:

- Левушка, ты не мог бы зайти ко мне? Срочно.

В ее голосе звучали тревожные нотки.

- Сейчас буду, - я быстренько закончил делишки в санузле и через печную трубу нырнул в “Чэнъи”. Скотт Паразитински все еще похрапывал в спальном мешке, который он пристроил в проеме между стеной и печью.

Дунь Ша, естественно, встретила меня круглыми от удивления глазами. Остальную часть ее лица скрывала сделанная из цветастого платка повязка.

- Не обращай внимания, - успокоил я китайцу. – Ничего страшного. Просто за ночь у меня исчезли волосы под глазами.

Я произнес эти слова таким будничным и спокойным тоном, как будто как минимум пару раз в месяц терял растительность на собственном лице.

- А я думала, что только у меня начались проблемы, - Дунь Ша сдернула повязку с лица. – Полюбуйся!

Я охнул. Длинный кикиморский нос китайцы за ночь немного укоротился, слегка затупился и теперь очень походил на маленькие симпатичные носики дотринадцатилетних девочек. Правда, все-таки был еще длинноват. Но и с этим все еще длинным носом Дунь Ша выглядела настоящей красавицей.

- Чудеса! – я развел руками. – И давно ты это обнаружила?

- Утром. Посмотрела в зеркало и увидела. А ты когда увидел свои залысины?

- Только что. Как думаешь, что это может быть?

- На какую-то болезнь не похоже, - рассудительно сказала Дунь Ша. – Просто мы с тобой изменились. Начали приобретать облик гипотетического человека.

Я задумался. И-До и Завет находятся на борту корабля. Значит, мы все находимся под их воздействием.

- Но мы же не летали с первой навкой на единороге через четыре космических кольца...

- Значит, дело не только в кольцах. Есть еще какой-то фактор. Скрытый пока от нашего понимания.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Некоторое время мы молча рассматривали новые лица друг друга.

- Ты стала еще красивее, - сказал я. – Почти идеальная форма носа.

- А тебе очень идут залысины на лице, - засмеялась Дунь Ша.

- Интересно, а как чувствует себя Скотт? – я нажал кнопку вызова на коммуникаторе. – У него тоже есть какие-то изменения?

- Хэллоу, - в наушнике раздался недовольный хрип Паразитински.

- Доброе утро, Скотт, - сказал я. – Внимательно осмотри себя в зеркале и перебирайся к нам на “Чэнъи”.

- Что за шутки, Леви? – рассерженно рыкнул Паразитински. – Тебе не спится по утрам?

- Это не шутка. Посмотри на себя в зеркало и лети к нам.

Через пять минут в люке печной трубы показалось перекошенное от испуга лицо Паразитинского. Увидев нас с Дунь Ша, он шарахнулся назад.

- Спокойно, - я поймал его за локоть. – С лысеющим лицом – это я. С укороченным носиком – это Дунь Ша.

Он ошалело смотрел на нас, а потом поворачивал головой вправо – влево:

- А у меня – уши!

Длинных и острых, почти ослиных гоблинских ушей больше не существовало. Органы слуха Скотта Паразитински оплыли, затупились и теперь отличались легкой лопоухостью – как у тринадцатилетнего мальчишки.

- Ну, вот и третье доказательство, - произнесла Дунь Ша. – Мы с вами постепенно превращаемся в... Как это сказать? В человека!

- В людей, - машинально поправил я. – Человек во множественном числе – это уже люди.

- Милая мама! – Паразитински выпучил глаза и обхватил ладонями свои затупившиеся уши.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Не расстраивайся, - я успокаивающе похлопал его по плечу. – Это только начало!

- Цепная реакция превращений началась, - констатировал Скотт. – Процесс пошел... По завету старца Нинелия...

12

Земля все ближе и ближе.

Я сижу у окошка избушки и смотрю на постепенно увеличивающиеся в размерах континенты и океаны нашего космического дома.

Сегодня утром мы обнаружили, что носик у Дунь Ши укоротился еще на один миллиметр, уши Скотта стали более округлыми, а у меня пропала растительность на переносице.

Сообщение о нашем постепенном превращении в людей вызвало на Земле бурю эмоций. Некоторых оно обрадовало, у других вызвало резкий протест и неприятие. Мол, и в нынешнем состоянии нежити есть свои немалые плюсы. Магия, заклинания, колдовские технологии... Сохранятся ли они, если мы станем человечеством? Споры сторонников и противников очеловечивания охватили едва ли не всю планету.

Как бы там ни было, все ждут нас с нетерпением, и у меня есть предположение, что всю оставшуюся жизнь мне и моим коллегам придется жить в эпицентре повышенного общественного внимания.

Сначала на Земле решили, что метаморфозы с нашим внешним обликом как-то связаны с воздействием И-До и Завета старца Нинелия. Мол, всякие там неисследованные космические эманации, аура пятого порядка размерности и прочее, прочее, прочее.

Но у меня есть на этот счет и свои собственные соображения. Я сижу у окошка летящей к Земле избушки и думаю.

Позавчера мы со Скоттом сцепились бы друг с другом в смертельной схватке, чтобы первым овладеть

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

контейнером с заветом старца Нинелия. Но вчера мы этого не сделали.

Позавчера Дунь Ша хладнокровно расстреляла бы из бортовой пушки совершенно безоружного “Тугарина”, идущего на стыковку с “Чэнъи”. Но вчера Дунь Ша этого не сделала.

Наверное, И-До и в самом деле играет роль катализатора в процессе очеловечивания, поглощает зло, которого так много в нашем мире, и замещает его добром.

Может быть, присланный старцем Нинелием свиток действительно указывает нам путь для самосовершенствования: преодолеть собственные комплексы и страхи, прекратить распри и объединиться ради достижения общемировых целей.

Все так.

Но это все-таки не главное. Есть что-то еще, что сделает каждого из нас человеком, а всех нас – людьми. Что-то, что зависит только от нас самих, от наших стремлений и дел. Ежедневных и ежечасных.

Может быть, чтобы стать людьми, мы должны сами научиться делать добро, быть человечными в отношении друг к другу?

Догадка вертится где-то рядом, но пока не дается мне.

Я сижу у окна, смотрю на Землю и думаю, думаю, думаю.

Мне кажется, что от правильного вывода меня отделяет всего один шаг. И я верю, что смогу сделать этот шаг еще до того, как наш “Тугарин” коснется посадочными петушиными лапами поверхности родной планеты.

Это будет очень маленький шаг для меня, но огромный скачок вперед для всего ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

**РД109 номер 867515,
или баллада о “лунном коктейле”**

Привет, ребяташки!

Вы из какого класса? Пятый “А”?

Ага, вот вы-то мне и нужны! Присаживайтесь!
Рассаживайтесь за парты, говорю!

И тишина!

Вот так-то лучше...

Меня зовут Ефграфий Пересветович. Совет ветеранов космических полетов направил меня в ваш класс для проведения урока, посвященного дню космонавтики.

Когда у нас день космонавтики? Ну, молодежь, вы даете! Такого – и не знать! Стыдоба, ребяташки!

День космонавтики у нас празднуется двенадцатого апреля. На следующей неделе, во вторник, стало быть. Круглая дата будет, между прочим. Аккурат уж пятьдесят лет минуло с тех пор, как Гагара Юрский на космическом корабле “Лукоморье” впервые в истории всех подлунных народов совершил рейс в космос – облетел за полтора часа вокруг нашего земного шарика.

Знаете об этом, да? Ну, вот и молодцы! День двенадцатого апреля мы отмечаем, как Всемирный день космонавтики. По доброй старой традиции в этот весенний день все заслуженные испытатели и космонавты идут в школы, к вам, молодым ребятам, чтобы рассказать о космических исследованиях, о наших подвигах на звездных высотах.

Да, я тоже космонавт... Вот у меня под правым крылом, видите? Профессиональное тату: РД сто девять, номер восемь-шесть-семь-пять-один-пять... РД – это значит ракетный дракон. Серия сто девять, личный номер такой-то...

О, конечно, я летал в космос! И не единожды! В таких полетах удалось поучаствовать, ребятки, что и самому теперь иногда не верится... Околоземье, Луна,

Марс, Венера, системы Юпитера и Сатурна... Эх, было времечко!

Что больше всего запомнилось? Гм, а вот все и запомнилось... Самое интересное? И опасное?

Опасностей в космосе, ребята, – хоть пруд пруди. К ним даже как-то привыкаешь... Правда, поначалу все передраги воспринимаются очень остро. По молодости, конечно.

Вот был у меня случай... О завете старца Нинелия что-нибудь слышали? Ах, еще по истории не проходили... Ну, тогда я вам сейчас кое-что интересненькое расскажу. Так, вкратце... Историю о том, как два земных космонавта при помощи... К-ха... Скажем так, одного дракона, добыли этот самый завет и попутно создали известное пойло под названием “лунный коктейль”. Н-да...

Итак, начнем наш рассказец... Минуло уж почти сто лет, как старец Нинелий вместе со своими боевыми соратниками совершил государственный переворот в нашем Лукоморье. Ну, тот самый, который позднее стали называть Великой Колдовской Революцией. Это вы знаете? Вот и замечательно! Так вот, поцарствовав в свое удовольствие толи семь, толи восемь лет, - я уж и сам подзабыл, - старец Нинелий полностью разочаровался в способностях нашего лукоморского народа соорудить достойную жизнь из подручного материала. Отказавшись от воплощения в жизнь собственной мечты, старец передал власть в Лукоморском Союзе своим коллегам и приемникам. Ну, а сам, прихватив с собой семью, по-тихому скрылся где-то в Швейцарских Альпах, надеясь вдали от Родины отдохнуть от ратных дел и найти духовное упокоение.

Но не тут-то было... Не прошло и нескольких дней его революционной пенсии, как во время обычной горной прогулки Нинелий обнаружил некий Звездный Артефакт, случайно залетевший на Землю откуда-то из самых глубин Галактики. Старец, отдадим ему должное, ребяташки, с младых ногтей был существом любопытствующим и несколько даже авантюристичным.

А потому, недолго думая, Нинелий вместе со всем своим многочисленным семейством погрузился на борт Артефакта, и, пока земные правительства озабоченно чесали затылки и безуспешно искали умные мысли в извилинах собственных мозгов, отбыл в дальние звездные миры неким совершенно уж мистическим способом, неизвестным современной колдовской науке. Ну, а чтобы оставшаяся на планете живность не слишком была опечалена его безвременным убытием, старец пообещал лет через девяносто-сто напомнить о себе и дать жителям подлунного мира какой-нибудь ценный и дельный совет.

Минули годы, десятилетия. Про чудаковатого старца и его обещание стали постепенно забывать, да уж, откровенно говоря, и совсем забыли...

Но однажды утром – вот вам нате, хрен в томате! Свершилось! В сфере Прилуныя невесть как вдруг объявился автоматический корабль, посланный из звездного далека старцем Нинелием. Аппарат громко пропищал в эфире о своем прибытии, наличии на борту долгожданного послания жителям Земли в специальном ларце и бухнулся в лунную пыль в районе западного побережья Океана Бурь. Мол, кто первым меня найдет, тому послание и достанется.

Да, и еще... Скороговорочкой, как бы между прочим, космический зонд от Нинелия сообщил, что собирается передать рецепт превращения всех жителей Земли в Единое Мировое ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.

А мечта о ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ – это, согласитесь, самая сладкая мечта всех, ныне живущих в подлунном мире. Вы ведь уже почти взрослые, знаете наше житие-бытие, да? Рождаемся мы все как один симпатичными мальчиками и девочками. Растем, веселясь и радуясь, съедая килограммы мороженого и сбивая в кровь коленки в детских забавах. А лет примерно в тринадцать – вот оно где счастливое число вылезло! – начинается, по научному говоря,

социально-генетическая специализация. Неотвратимая, как кара небесная за грехи наши.

Один ни с того, ни с сего вдруг обрастает волосами и становится лешим. Другой лезет на антресоли или под диван, непомерно полнеет и превращается в домового. Третий дни напролет плавает в бассейне или лежит в ванной и вырастает в типичного водяного. А некоторые, как, например, я, отращивают хвост и крылья и становятся змеями горынычами. Драконами, сиречь. И предсказать заранее, еще в детстве, кто и кем станет – увы, совершенно невозможно. Вероятностная генетика, так ее и растак!

Эх, как меня в моем школьном классе только не обзывали, когда я из пухленького розовощекого мальчишечки едва ли не в одночасье сделался молодым горынычем! Да еще и самым простеньким – всего лишь одноголовым! И крокодилком называли, и ящером, и даже – смешно и вспоминать! – птеродактилем!

Ну, а у девчоночек наших, одноклассниц, дела обстояли еще хуже. Были стройные ножки – и вдруг на раз-два: пошла ковылять по свету Баба Яга – костяная нога. Было симпатичное личико – а однажды утром носик вдруг вытягивается и вот уже молодая кикимора кружит головы всем встречным особям мужского пола. Нет, отдельные экземпляры таки сохраняют естественный девичий облик, лицо красивое, фигуру ладную, но вот беда – совершенно теряют пигментацию волос. И живут под солнцем белокурые навки, всего боящиеся и по-детски глупенькие. Василисы Прекрасные да Премудрые...

То же самое превращение, мальчики и девочки, происходит и с другими подлунными жителями, только у каждого народа по-своему. Вот, например, в Соединенном Пятидесятье Американцы у парней после тринадцати лет вдруг вытягиваются уши и растут носы – здравствуй, гоблин! Был ребенком афроамериканского цвета – станешь гремлином. Был испаноговорящим – будешь троллем. И женщины у них к четырнадцати годам – все

уже сплошь валькирии, гарпии или нимфы. Вот так-то ребятишки... Вам до всех этих пертурбаций еще годика полтора-два расти, но вы на усики себе мотайте, готовьтесь и морально, и физически...

Социально-генетическая специализация – вещь неприятная и где-то даже трагическая. Вот поэтому издавна общей всепланетной мечтой и была мечта о Человеке – совершенном и красивом существе, которое от рождения и до самой своей кончины будет оставаться самим собой, пребывая все в том же прекрасном юношеском облике. Над разрешением проблемы превращения разноплеменных жителей Подлунья в единое человечество десятки веков бились наши лучшие умы: астрологи и алхимики, медики и генетики. Но все было тщетно...

И вот тут-то появляется космический зонд от старца Нинелия и на всю Солнечную систему спокойно так объявляет, что имеет на борту рецепт обращения всех наземных жителей в ЧЕЛОВЕЧЕСТВО!

Можете представить, какая началась мировая котовасия? Правительство каждой из подлунных стран немедленно решило наложить свою лапу на рецепт очеловечивания от звездного старца. Главное – стать Человеком самому, а остальные... Гм, а там будем посмотреть, так сказать...

Вот и рвануло в небо по королевским, президентским и премьерским приказам все летающее железо, которое только смогли найти в национальных закромах. Вот и высыпали на околоземные орбиты космические флота под разными флагами. Флаги-то разные, но задача у всех одна – добраться до послания старца Нинелия. Первыми добраться, понятное дело. И чтобы никто другой – ни-ни!

Ну, и пошла в приземном пространстве такая кутерьма, такая куролесица - не поймешь толком, что происходит, и кто с кем воюет. Все бьются со всеми! Глобальная космическая битва то есть. Соединенное Пятидесятье Американы сцепилось с нашим

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Лукоморским Союзом, Объединенная Европа атакует дальневосточную Епонию, Народная Китайия лупит Южную Индусию. Страх, что творилось!

Я тогда еще был совсем молодым космонавтом. Всего раз пять или шесть в космос летал, в околоземные рейсы. И вот, наконец, получил достойное и перспективное назначение – резервным двигателем на лунный модуль “Тугарин”.

Как устроен ракетный двигатель драконного или горынычева типа знаете? Сейчас, мальчики и девочки, я вам на доске схему нарисую... Вот так примерно... В качестве баков для хранения окислителя и горючего – живой и мертвой воды, то есть, - у нас в Лукоморье используются гигантские водяные жабы. По команде с Земли щекотуны - тараканы начинают пощекотывать горловины жаб, и те отрыгивают воды в большущие рабочие клизмы. Направляющие шланги клизм вставлены в наши подхвостовые отверстия, Змеев Горынычей то есть. В змеевских желудках живая и мертвая вода соединяются, химически реагируют друг с другом и производят высокотемпературный газ, который через разинутые пасти горынычей и вырывается во внешнее пространство, создавая тем самым реактивную тягу. Эта тяга и толкает космические корабли от Земли в звездные выси.

Лунный модуль “Тугарин” по сути своей, ребяташки, был обычной избушкой на курьих ножках, адаптированной для полета в космических условиях. Избушка погружалась в летаргический сон, покрывалась снаружи экранно-вакуумной изоляцией, и парочка горынычей – основной и резервный – подвешивались под полом между ее лап в окружении округлых жабобак с мертвой и живой водой. Пилотировался “Тугарин” очень легко даже без всяких колдовских заклинаний.

Вот как раз накануне появления космического зонда от Нинелия и пошел я в космос на “Тугарине” в качестве резервного ракетного двигателя. Моим напарником, основным двигателем то есть, был назначен

такой же серии, как и у меня, ракетный дракон Пистемей Ратиборович. Разница между нами была лишь в том, что он окончил космолетно-драконью школу где-то в столичном округе около Лысой Горы, а я получил диплом космонавта в зауральской Тмутаракани. Мелочь, согласитесь, да? Но только не для Пистемея! Он так гордился своим столичным образованием и статусом основного двигателя на “Тугарине”, что смотрел на меня свысока и почти даже не разговаривал. Ясное дело, столичная же штучка! Куда уж нам, сиворылым да в лаптях, с таким ровняться!

Ну, вот и послали меня с Пистемеем вместе в полет на лунном модуле “Тугарин”. И тут подвезло нам неимоверно, ребяташки! Оказала нам наша колдовская Родина самую высокую степень доверия. Именно к нашему “Тугарину” пристыковался космический крейсер “Еруслан Лазаревич”, которому Лукоморским правительством было поручено прорваться к Луне через околоземную бойню и взять на борт ларец с заветом старца Нинелия.

Другие державы, знамо дело, тоже поручения дали своим космонавтам – доставить завет Нинелия на Землю. Самыми серьезными конкурентами нашему “Еруслану Лазаревичу” были, конечно, американцы на своем лунном корабле “Аполлон”. Хороший, кстати, корабль. Надежный, добротный, удобный. Но в отличие от наших космических кораблей на двигательном отсеке “Аполлона” установлен только один маршевый движитель типа “Дракон”. Стандартное крылатое чудище с таким же, как и у нас, Змеев Горынычей, впрыском топливных компонентов через подхвостовой проем. Единственное, что отличает американский вариант ракетного движка от нас – так это сильно вытянутая с помощью губораскатывающих устройств морда, обеспечивающая эффективную работу всего реактивного двигателя в условиях космического вакуума.

Ну, мы и полетели! Рванули к Луне с околоземной орбиты – аж пятки засверкали, образно говоря!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Но дорожка к Луне оказалась не гладкой, траектория полета не цветами была усыпана. Пришлось нам и с американцами из Пятидесятью сцепиться, и с народными китайцами... Кровавая вышла драчка, да...

И что же в результате? А вот что...

Высадился на Луну и наш “Тугарин”, и американецкий лунный модуль “Аполлон”. На каждом – по одному пилоту. У нас – леший-космонавт Левиафан Дормидонтов, которого мы любя прозвали просто Левушкой. А у американов – сам Скотт Паразитински, гоблин остроухий, выпускник Массачуссетского колдовского института. Ларец с заветом старца оба земных посланника нашли практически одновременно. Найти-то нашли, да что толку? На американском “Аполлоне” в результате космического сражения двигатель-дракошка от прямого попадания снарядом крылья откинул, а у нас под действием всяких вредных излучений живая и мертвая вода в жабобаках просто прокисла. То есть что получилось: вот он ларец Нинелия в наличии, а стартовать с ним с Луны не может ни наш Левушка, ни американ Паразитински. И запасов воздуха, воды, провианта у обоих – уже практически нет. А значит, ждет всех нас смертушка лютая да скорая прямо на поверхности лунной. Так-то...

Хорошо хоть у Левушки и Скотта еще хватило ума друг в друга не пулять из личного оружия, всяких там пистолетиков лазерных. Сели оба в скафандрах на песочек лунный около ларца с заветом старца и пригорюнились. Ну, и у нас с Пистемеем настроение тоже минорное, сами понимаете. Пистемей от страха позеленел, глаза зажмурил и чуть ли не в ступор летаргический впал. У меня тоже думы невеселые – о том, что не увижу я больше любимую землю-матушку, не пройду в полете свободном над родным Лукоморьем, над его рощицами березовыми да дубравами тенистыми. Отчаяние, короче говоря, накатило. Тоска предсмертная...

И тут американ Паразитински с горьким вздохом и говорит:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Слушай, Леви, - это он так на свой манер нашего Левушку Дормидонтова окрестил, – давай еще раз оценим наши общие шансы. Продукты, вода, воздух – этого у нас в обрез.

- Угу, - согласно кивнул Левушка, насупившись. – Ты прав: всех запасов - шиш и две копейки.

- Твой лунный модуль цел, но на нем нет топлива, - продолжал вслух размышлять Скотт. - Мой модуль разбит, но на нем...

Он вдруг запнулся, словно воздухом поперхнулся, а потом буквально впился пальцами в Левушкино плечо.

- Ты чего? – недовольно дернулся космонавт Дормидонтов. – Больно же!

- Твой модуль цел, но на нем нет топлива, - повторил Паразитински, выпучив глаза так, что они были хорошо видны и сквозь тонированное стекло его скафандра. – Мой модуль разбит, но... Но на нем есть топливо!

Нет, таки недаром этого Паразитински в Массачуссетском колдовском институте учили! Сообразительный, млин!

Левушку нашего словно взрывом с места подбросило. Вскочил на ноги и как заорет:

- Скотт, что же ты молчал?!

- А ты меня спрашивал? – окрысился в ответ Паразитински. – Да и не сообразил я сразу...

И они, смешно подпрыгивая из-за малой силы лунного притяжения, быстрым шагом зашагали к американскому модулю.

Пистемей все еще был в трансе, а я на всякий случай наострил уши, чтобы лучше слышать разговор двух космонавтов. Робкий лучик надежды на спасение забрезжил где-то на дальних горизонтах...

- Какое на твоем модуле топливо? – на ходу поинтересовался Левушка.

- Окислитель – хрень болотная, горючее – болотина хренова, - отозвался Скотт.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Левушка стал, как вкопанный, и разочаровано махнул рукой:

- Не то. Мои горынычи, - он кивнул в нашу с Пистемеем сторону, - работают исключительно на живой и мертвой воде.

- Леви, а если попробовать? – предложил Скотт, задумчиво наморщив свой высокий гоблинский лоб. – Поэкспериментировать?

- Могут не согласиться, - вздохнул Дормидонтов, все еще кося взглядом на двигательный отсек “Тугарина”. – Уж больно привередливые!

Тут я про себя возмущенно фыркнул. Это кто же привередливый? Ну, Пистемей – это понятно, он же у нас цаца столичная. А я? Безотказен, как боевая подруга в полевых условиях. Верен, как новобранец сразу после присяги.

- Но другого шанса на спасение у нас все равно нет, - поразмыслив, трезво заключил Левушка. – Поэтому будем пробовать! Пошли!

Где-то через пол часика они вернулись к “Тугарину” с двумя склянками. Я пригляделся и с ужасом обнаружил, что в одной маслянисто колыхалась ядовито-желтая хрень болотная, в другой возмущенно пузырилась ярко-зеленая болотина хренова. От одного взгляда на них становилось тошно, и противный холодок мурашками бежал вдоль позвоночника...

Левушка подошел к “Тугарину”, заглянул в наш двигательный отсек и легонько потрепал Пистемей – он же был в полете основным горынычем! - по холодной от страха щеке.

- Да, да, - наш столичный фрукт мигом вышел из нирваны и с услужливой готовностью захлопал ресницами.

Дормидонтов без долгих объяснений сунул ему под нос обе склянки:

- На таком топливе полетишь?

Пистемей поочередно нюхнул из обеих емкостей и немедленно брезгливо скривился:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Ни за что!

- Что и требовалось доказать, - печально констатировал за Левушкиной спиной Скотт Паразитински.

И тут, ребяташки, настал тот самый мой звездный час, о котором потом напишут во всех учебниках по истории космонавтики.

Что гласит инструкция номер восемнадцать бис дробь шестьдесят два? “В случае отказа основного ракетного двигателя, в действие вступает резервный двигатель”.

До моих ноздрей добрался легкий аромат из склянок с топливными компонентами, которые держал в руках Левушка Дормидонтов. Запахи, запахи, почти что родные... Словно легким ветерком из прошлого повеяло. Лето, жара, маленькая речушка за городом. Легкое пованивание забродившей тины вокруг выгоревших на солнце камышей. Уныло-душевное кваканье разомлевших лягушек...

- Ну-ка, ну-ка, - я уже без всякого стеснения открыл глаза и шумно повел носом в сторону склянок с топливом:

- Дайте-ка нюхнуть, братцы!

Дормидонтова дважды просить не пришлось. Он тут же поднес к моей морде обе емкости с топливом.

Я наморщил нос и принял.

Дрянь, конечно, в склянках была страшнейшая. Такое и врагу под драконий хвост вливать не пожелаешь. Минимум расстройство желудка гарантировано, это уж точно.

Я озабоченно нахмурил брови и с сомнением покачал головой. Нет, ностальгия по родным местам – ностальгией, но здоровье – прежде всего!

Хотя с другой стороны: на кой ляд мне здоровый желудок, если максимум через сутки мы все равно загнемся здесь, на холодной и безжизненной Луне?

“Гм, а что если разбавить эту американовскую чертовщину каким-нибудь жидким катализатором? –

стрельнула в мой мозг совершенно гениальная мысль. – Помнится мой прадедушка Евпатий Кирюгенович – царствие ему небесное! – даже денатуратную настойку на мухоморах и лободу пить не брезговал. И ничего, прожил до ста пяти лет, в девяносто два года четвертый раз женился и еще успел молоденькой женочке аж пятерых наследников заделать!”

Я перевел взгляд на Левушку и осведомился:

- А водочка у тебя есть? Или еще лучше – спиртик?

Скотт Паразитински, конечно, гений в области всяких колдовских придумок, но и наш Левушка Дормидонтов по части сообразительности и запасливости тоже не лыком шит. Моментально вытащил из заплечного мешка на своем скафандре большую металлическую флягу и энергично потряс ею перед моей пастью. Внутри фляги тотчас же аппетитно забулькало.

- Спирт! – радостным голосом сообщил Левушка.

- Чистый? Медицинский? – мой рот мгновенно наполнился слюной, я не сдержался и плотоядно сглотнул.

- Ректификат, - подтвердил Дормидонтов, скалясь белоснежной улыбкой. – Из лучших сортов отечественной пшеницы.

Я готов был его расцеловать. Да с такой добавкой пусть мне под хвост вливают самую болотистую хрень – полечу до самого Юпитера!

- Значится, так, начальник... Сто грамм спиртика – непосредственно в мое ротовое отверстие, - я шумно облизал губы длинным языком, даже слегка позеленевшим от ожидания предстоящего вкусового ощущения. – А весь остаток добавишь к обоим жидкостям, половину туда и половину сюда, и зальешь в жабобаки. И потом стартуем! Мамою клянусь, минут через десять будем уже на орбите!

- Ура! – в один голос заорали и Паразитински, и Дормидонтов. – Летим!

И они с двух сторон бросились ко мне и сквозь стекла гермошлемов скафандров принялись целовать

мои небритые щеки. Это меня настолько, растрогало, что в горле запершило, и я даже слегка прослезился.

- Угодник! – зло прошипел Пестимей и в сердцах исподтишка пнул меня ногой. Я тоже не остался в долгу и отвесил ему подзатыльник. Как там гениально сформулировал в своем третьем законе английский магофизик Ньют Исаакий? Правильно, ребятишки! “Действие равно противодействию”. Или, по нашему, по народному, на всякий наглый болт найдется мудрая гайка. Сдачи нужно всегда давать, зарубите себе на носу! Чтобы некоторые столичные цацы впредь ногами не дрыгали! Кстати, пацаны, по магофизике у меня в школе была твердая пятерка. Э... Ну, это я так, к слову... В воспитательных целях, то есть.

Мы начали готовиться к старту с Луны. Я с превеликим удовольствием принял на грудь поднесенный Дормидонтовым спиртовой столичныйек и занюхал его почти что чистой портянкой из сапога моего скафандра. Пистемей тоже заплямкал было губами, недвусмысленно намекая на желательность своего участия в процессе спиртопоглощения, но я просто и откровенно сложил пальцы в кукиш и сунул ему эту конструкцию прямо под нос. Кто не работает, тот не ест! Ну, и соответственно, не пьет.

Скотт и Левушка быстренько залили жабобаки под “Тугарином” жидкими хренями с американского лунного модуля, добавили в них спиртик и погрузили на борт корабля посылку от старца Нинелия. Мы коллективно еще раз проверили все бортовые системы, и ровно в полдень по Гринвичу стартовали с поверхности Луны.

Я сдержал данное Левушке Дормидонтову слово. Не прошло и шести сотен секунд, как “Тугарин”, иногда покуракевивая от охватившего его возбуждения, поднялся над Луной в космическую высь. Четко и без проблем.

Уже на орбите Пистемей сообразил, что со своим отказом от работы он крупно свалял дурака. За этот отказ его теперь гарантированно спишут из отряда

драконо-космонавтов. Он осторожно коснулся своей верхней лапой моего плеча, и, смущенно потупившись, предложил:

- Ефграфий, давай мириться! Признаю, я был не прав!

В принципе, он неплохой парнишка, этот Пестимей. Хоть, конечно, и столичная штучка...

- Ладно! – я великодушно взмахнул крылом. Не умею я долго злиться, ребятаки. – Без обиды! Так и быть - корабль на Землю потянем вместе!

И когда “Тугарин” с ценным грузом на борту под управлением Левушки и Скотта пошел к нашей родной планете, мы с Пестимеем уже работали разом, в два драконьих горла.

Вот, собственно говоря, и вся история, ребяташки. История о том, как важно быть находчивым и сообразительным и не терять присутствия духа даже в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях.

С тех пор прошло уже много лет. Смесь спирта с болотными хренями теперь можно выпить в любой земной забегаловке. В меню она обычно значится под романтическим названием “лунный коктейль”. Но к настоящей смеси этот суррогат, поверьте, по своим вкусовым качествам никакого отношения не имеет. Э... Хотя как раз это вам, ребятаки, по младости лет знать пока еще ни к чему...

С Пистемеем и Левушкой Дормидонтовым мы потом не единожды вместе бороздили звездные пространства, облетели едва ли не всю Солнечную систему. Пистемей сейчас уже доктор драконьих наук, преподает в университете. В столичном, конечно, на самой Лысой Горе, где же еще? Дормидонтов руководит отрядом лукоморских космонавтов, готовит к полетам новое поколение домовых, леших и водяных. Ну, а я... Я пенсионеру потихоньку. На заслуженном отдыхе, так сказать... Лекции научно-популярные народу иногда почитываю, несую знания в массы, м-да...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Хотя... Вот вчера получил открыточку по емэйлу от Скотта Паразитински. Он тоже меня не забывает, мы с ним регулярно болтаем по скайпу и вместе чалимся в чатах на космических сайтах. Так, мол, и так, дорогой Ефграфий Пересветович, пишет Скотт. В Соединенном Пятидесятье Американы начинаются испытания нового пилотируемого космического корабля “Дракон”. Не желаете, сказано далее в открыточке, принять личное участие?

Так я подумал, ребятаки, с семьей посоветовался – и телеграфировал свое согласие. Космонавт ведь должен летать...

А кстати, вы догадались, в честь кого Скотт Паразитински назвал свой новый корабль “Драконом”? И почему на его носу выгравирован мой портрет в фас и в профиль? Ну, вот то-то же...

Что? Звонок прозвенел? Перемена?

Ну, тогда все на сегодня, мальчики и девочки.

Ах, да... Чуть не забыл...

У нас в Лукоморье вскорости начнется запись в начальную космическую школу. Никто не желает в космонавты, ребятаки?

Стоп, стоп! Спокойно! Записываться по очереди! Да, девочкам тоже можно. Эх, летал я как-то к Венере в паре с одной драконессой, так она такое в полете вытворяла...

К-ха... Но это уже совсем другая история. Для старших классов...

Грустная история о глобальной хотелке

0

Пару месяцев назад я, Ферапонт Приморейкин, открыл всемирный закон хотения и на основе его творческого применения в приусадебном хозяйстве вырастил первую в мире глобальную хотелку. Хотелка

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

получилась на славу – нежно-розовая, как самые сокровенные мои мечты.

Увы, наше мироздание сконструировано так, что любое мыслящее существо может в нем хотеть по настоящему только семь раз. Поэтому придуманная мной хотелка была, строго говоря, всего лишь семихотелкой.

В дикой природе хотелки изредка тоже встречаются и носят название семицветиков, но они маломощны и имеют малый радиус воздействия. Моя же хотелка была рассчитана на всю нашу Вселенную – от точечной родинки на кончике моего носа до самых далеких квазаров.

Для исполнения любой мечты нужно было всего лишь отделить от семихотельного столбца один хотенец – продолговатый цилиндр с закругленными концами, похожий на выкрашенный в розовый цвет огурец, потереть его в ладонях и мысленно произнести набор слов, подробно и внятно описывающих серию сокровенных желаний. Хотенец прямо на глазах разбухал, нырял в какие-то гипер-пупер-пространства и уже оттуда приступал к исполнению востребованного.

Я человек не тщеславный, за славой не гонюсь, но для блага земной цивилизации решил немедленно ознакомить широкую мировую общественность с моим открытием.

1

Процесс презентации я начал с собственной любимой супруги.

- Дорогая, - сказал я за ужином, - мной создана совершенно гениальная вещь – хотелка. От нее нужно всего лишь отделить один хотенец, потереть его в ладонях и загадать несколько желаний...

Супруга давно уже привыкла к моей изобретательской деятельности и научным открытиям мирового значения. Поэтому она с легкой улыбкой на устах приняла из моих рук оторванный от ствола хотелки

розовый огурец и уверенно пробежалась по его пупырчатой поверхности нежными пальчиками...

Уже на следующее утро я внезапно проникся глубокой сыновней любовью к теще Олимпиаде Казимировне. Фотографию мамы моей жены я стал носить, как самую дорогую ценность в кармане рубашки у самого сердца.

По вечерам я, высунув язык от усердия, принялся бегать по магазинам и целыми авоськами закупать продукты и всякую всячину “для дома, для семьи”.

После ужина я теперь тщательно мыл посуду, прибирался в квартире и выносил пакет с мусором. Моя любимая в это время смотрела по телевизору российско-мексиканские сериалы, болтала по телефону с подругами или шлялась по кабакам, парикмахерским и фитнесам.

В ночное время – вместо привычного зависания на интернетовских сайтах - я стал педантично и регулярно выполнять супружеский долг. К моему глубокому огорчению, все остальные женщины, кроме моей супруги, перестали для меня существовать как субъекты плотских влечений и страстей.

- Вот видишь, - сказал я жене. – Все эти перемены - результат применения моей хотелки!

- Ах, мой милый Ферапонтик, - горячо любимая супруга скептически сморщила носик, погладила меня по голове и от избытка чувств чмокнула в щеку. – После пятнадцати лет супружеской жизни ты, наконец, сделался человеком! А говорят, что мужчину нельзя перевоспитать... Твой пример доказывает банальную истину: терпение и труд – все перетрут!

Она наотрез отказалась верить, что необратимые перемены в моей личности возникли исключительно благодаря использованию плода розовой хотелки.

2

Я рассказал о своем открытии лучшему другу, наперснику детских и юношеских забав, писателю Фоме

Пегаскину-Мухоморову. Фома как раз с упорством экскаватора, вгрызающегося в плотный и сухой грунт, дописывал восемьдесят шестой том своего будущего собрания сочинений, и жил надеждой, что еще до истечения нынешнего года в каком-нибудь издательстве выйдет, наконец, его первая книга...

Как-то после напряженного рабочего дня я заглянул к нему домой и презентовал писателю Пегаскину-Мухоморову второй экземпляр хотенца.

- Похоже на очень толстую наливную авторучку, - Фома повертел в руках розовый огурец и небрежно сунул его в ящик необъятного письменного стола. – Ладно, на свежую голову посмотрю. А теперь пошли на кухню пить пиво!

Через неделю Фома вдруг проникся любовью к экзотическим животным и поселил у себя на балконе ярко-рыжую крылатую лошадь.

Он, наконец, решил покончить со своим статусом закоренелого холостяка и женился на хорошенькой молоденькой женщине по имени Муза.

Ну, и в довесок ко всем этим чудесам, писатель Пегаскин-Мухоморов внезапно сделался лауреатом Нобелевской премии по литературе, имея за душой всего две публикации микроскопического объема рассказиков в многотиражке оленеводческого хозяйства где-то под Нарьян-Маром.

Тиражи книг моего друга Фомы, чохом изданных сразу несколькими крупными издательствами, мигом прыгнули за многомиллионные отметки. Толстенные тома авторства Пегаскина-Мухоморова можно было найти в любом человеческом жилище на всех континентах Земли.

Среди туземцев Экваториальной Африки, которые не знали ни слова по-русски, возник религиозный культ Священной Книги Пе-Го-Му-Хо-Моро. После ее прочтения особенно хорошо собирались кокосы, кушались бананы и ловились крокодилы.

У жителей Крайнего Севера вошло в привычку на ночь класть фолианты Фомы на голый живот. Местные колдуны и шаманы пришли к выводу, что литературные произведения моего друга способствуют лечению пупковой грыжи, выводу шлаков из организма и радикально предотвращают нежелательную беременность.

Но особенно полюбилось творчество Пегаскина-Мухоморова молоденьким девушкам. В российской глубинке, в бразильских джунглях и на морских берегах далекого Барбадоса одновременно родилось поверье, что книги с опусами Фомы можно использовать для гадания. Для этого нужно двадцать один раз наугад открыть любой том писателя Пегаскина-Мухоморова и с закрытыми глазами кончиком острой иглы ткнуть в текст. Из полученного таким образом набора букв легко складывались имена и фамилии потенциальных женихов и пламенных любовников.

- Сработал хотенец с моей хотелки! – ликуя, констатировал я, зайдя в гости к новоиспеченному лауреату литературной Нобелевки.

- Твой хотенец до сих пор лежит в моем столе, - ответил Фома и почему-то отвел в сторону глаза. – Просто народы мира поднялись до понимания великой сущности моих книг. Прониклись крепким духом стихов и прозы писателя Фомы Венедиктовича Пегаскина-Мухоморова!

Он так и сказал о себе - по имени-отчеству и в третьем лице. А меня снисходительно похлопал по плечу.

3

Следующим, к кому я пришел со своим великим открытием, был мой непосредственный шеф – начальник отдела в нашем научно-исследовательском институте.

- Я же просил не беспокоить меня по пустякам! – раздраженно буркнул шеф, на мгновение оторвавшись от ноутбука. Он, - по слухам, улитками расплзавшимся по

институтским коридорам, - серьезно завяз на шестьдесят восьмом уровне компьютерной “бродилки” “Сталкер”. – Что у тебя, Приморейкин?

- Вот, Федор Иванович, открытие, - робко начал я и протянул ему розовый хотенец. – Мирового значения и гениальное...

Я вкратце объяснил ему суть дела.

- Огурец как огурец, - шеф взял хотенец и изогнул полные губы в недоверчивой ухмылке. – Разве что розовый, твердый и без черенка... Хорошо, оставляй, я разберусь. На следующей неделе зайдешь.

Но зайти на следующей неделе к нему я не смог.

Уже в понедельник шефа назначили замдиректора института, присвоив докторскую степень: без защиты диссертации, по итогам каких-то особо секретных научных работ, о существовании которых никто и не подозревал.

В приемной перед его кабинетом теперь сидит сексапильная стервозно-красивая секретарша с четкой установкой никого не допускать “к телу” Федора Ивановича и не беспокоить его по пустякам.

В курилках нашего института сложилось общее мнение, что мой бывший шеф неким волшебным образом таки прошел шестьдесят восьмой уровень “Сталкера”.

4

Четвертой попытке презентовать свое открытие я смело придал городские масштабы. Я записался на прием к мэру нашего города, чтобы при личной встрече вручить ему розовый огурец хотенца. Мэру предстояли перевыборы на пятый срок, и он неожиданно сделался открытым и доступным для избирателей.

- Будем считать это вашим взносом в мой предвыборный фонд, уважаемый Феррапонт Идальгович, - мэр блеснул безупречной “голливудской” улыбкой, принимая от меня продолговатый розовый плод хотелки. – Этот подарок, товарищ Приморейкин, очень символично

отражает фаллическую сущность взаимоотношений между властью и народом...

Он принялся с жаром и энтузиазмом излагать мне свою предвыборную программу: наш районный центр с тридцатитысячным населением станет городом цветочных клумб, парков и фонтанов, начнется массивированное жилищное строительство, прольется золотой дождь иноземных инвестиций и под площадями и улицами будет проложена первая ветка метрополитена.

Я вышел от мэра, вдохновленный на новые научные дерзания и окрыленный светлыми перспективами родного города.

Мэр с блеском прошел избирательную кампанию и был избран на пятый срок.

После выборов на оппозиционных сайтах в интернете вдруг всплыла информация, что у нашего градоначальника появились квартиры в Брюсселе, Лондоне и Париже, шикарные виллы в Ницце и на Канарских островах, огромный дом в Куршевеле.

Журнал “Форбс” ни с того, ни с сего включил нашего мэра в десятку самых богатых людей планеты.

А из самой мэрии через месяц после выборов на мой адрес пришла странная отписка: “Ваша просьба от такого-то числа и за таким-то номером будет удовлетворена в четвертом квартале будущего года при наличии бюджетного финансирования”. И чья-то неразборчивая закорючка вместо подписи...

5

Я понял, что уровень городского руководителя явно мал для адекватного восприятия открытия всемирно-глобального масштаба, и написал письмо с изложением своего научного достижения председателю парламента нашего края. Спикер всегда казался мне неким интеллектуалом на фоне простых народных лиц наших государственных чиновников. А сам хотенец я отправил посылкой с уведомлением о вручении адресату.

Уж и не знаю, к кому из референтов председателя краевого парламента попали мои письмо и посылка, но до нужного адресата они все-таки дошли.

Не прошло и семи дней, как Америка за сущие гроши вернула России Аляску. Аляска немедленно вошла в состав нашего края в качестве автономного Северо-американского района.

Рейтинг спикера вдруг попер вверх как на дрожжах и к концу месяца достиг стопроцентной отметки народной поддержки в масштабах всей страны.

Совершенно неожиданно председателя нашего местного парламента по совместительству избрали Генеральным секретарем Организации Объединенных наций. В мировом политическом бомонде стали шушукаться, что новый Генсек всерьез собирается учредить пост Президента Земли и успешно на него пробаллотироваться.

Я написал пространное письмо новому руководителю ООН с подробным разъяснением причин случившихся с ним метаморфоз. Несколько дней спустя моей жене кто-то позвонил и приятным голосом с легким английским акцентом вежливо поинтересовался, давно ли я снялся с психиатрического учета. Осчастливленная происшедшими со мной переменами, супруга не менее вежливо ответила, что среди психов я сроду не значился, а если когда-то тайно и состоял на учете в какой-нибудь “душевной” больничке, то к настоящему времени уже полностью и окончательно излечился и в быту проявляю себя, как любящий муж и хороший семьянин. На другом конце телефонного провода неопределенно хмыкнули, и не проронив больше ни слова, положили трубку.

А в ближайшее же воскресенье после этого телефонного звонка ко мне в квартиру наведалься наш участковый Гриша. Я предложил ему выпить чашку кофе, и после того, как мы начали третью бутылку водки, Гриша, разрыдавшись у меня на груди, покаянно сознался, что пришел ко мне не по своей воле, а по

приказу высоких милицейских чинов в рамках кампании по борьбе с международным терроризмом.

6

Хотелось рвать на себе волосы от отчаяния: люди вовсю пользовались плодами моего труда, но не отдавали отчета, что исполнение их сокровенных желаний – результат применения хотенцев с хотелки. Повторюсь: я не тщеславен и мне не нужна слава, но... Но все-таки было до слез обидно!

Я вспомнил, что хотелка у меня не простая, а глобальная и решил предать шестой попытке презентовать открытие в полном смысле слова всепланетный характер. Доказательство, подтверждающее мое научное достижение, должно было стать абсолютно очевидным, просматриваться практически из всех уголков Земли и ненавязчиво напоминать о себе хотя бы раз в сутки.

Любое серьезное дело лучше всего начинать с понедельника. Я дождался вечера первого дня недели, оторвал от хотелки шестой хотенец, сжал его в ладонях и обратил свой взор на Луну.

Я нарастил массу естественного спутника Земли, добавив в ее каменное ядро пару наперстков сверхплотного вещества, дистанционно добытого из недр нейтронной звезды в центре соседней галактики.

Отвел Селену на такое расстояние от Земли, чтобы ее отяжелевшее тело не вредило усилившимися приливами прибрежным районам земных материков.

Потом раскрутил сателлит нашей планеты так, чтобы сутки на его поверхности в точности равнялись земным, а направление оси вращения обеспечивало обычную для землян смену времен года.

Я создал на Луне пригодную для дыхания человека атмосферу, разлил моря и океаны воды, посадил деревья и травы и запустил в новый мир самых симпатичных и миролюбивых существ, взятых попарно с лучших планет Галактики.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Все сделанное мной, я подробно описал в “Открытом письме человечеству Земли” и по электронной почте немедленно разослал его на адреса крупных мировых информационных агентств и в самые популярные средства массовой информации.

После шести дней напряженной творческой работы над ликом новой Луны седьмые сутки я провел в состоянии блаженного покоя и легкой эйфории, предвкушая реакцию безмерно благодарного человечества на мои труды.

Следующий понедельник выдался тяжелым и не принес ожидавшейся радости.

Человечество не оценило должным образом мою работу. Нет, конечно, происшедшие с Луной перемены заметили все. Еще бы: Селена из унылого пепельно-желтого блина на земном небе всего лишь за неделю стала зеленовато-синим шаром, окуталась белым рваным одеялом облаков, радужно заиграла в солнечных лучах округлым контуром атмосферной оболочки.

Но все эти изменения светила мировой науки, важно надувая щеки и глубокомысленно морща лбы, приписали естественным процессам эволюции ближайшего к Земле небесного тела. Дескать, в тенистой глубине лунных кратеров давно уже были замечены замерзшие вода и атмосферные газы. Предполагалось, что еще ниже, под лунной пылью и каменными сводами герметично закупоренных матушкой-природой пещер, есть целые пласты воды и сжиженного газа. И вот теперь под воздействием солнечных лучей они, наконец-то, оттаяли и рванулись наружу из подземных хранилищ. А с ними поднялась на-гора и лунная биосфера, которая, оказывается, уже миллионы лет существовала в недрах околосемной планетки.

Появление в небе обновленной Луны привело к резкому обострению международных отношений. Соединенные Штаты заявили о намерении сделать естественный спутник Земли пятидесятым штатом – взамен проданной России Аляски - на том простом

основании, что американец Нил Армстронг еще в июле 1969 года первым из людей ступил на лунную поверхность и водрузил на ней звездно-полосатое знамя. Вашингтону резко возражала Москва, которая считала Луну территориальным субъектом Российской Федерации, поскольку в сентябре 1959 года – на десять лет раньше американцев! – советская ракета “Луна-2” вонзилась в каменистое тело Селены, доставив на нее пятиугольный вымпел с надписью “СССР”. Китай, Индия и некоторые другие азиатские страны громкогласно требовали рассматривать Луну как общемировую ценность, а участки на ее поверхности распределять в зависимости от численности населения земных стран.

Мое “Открытое письмо человечеству Земли” никто всерьез не воспринял. Пара-тройка общеизвестных газет разразилась едкими фельетонами на мой счет, на нескольких форумах в интернете завязалась оживленная дискуссия о роли сумасшедших в истории мировой цивилизации, да еще один шутник отправил написанный мной текст на конкурс юмористических фантастических рассказов – вот, пожалуй, и все.

7

Я в ужасе обхватил голову руками и задумался. А потом отправился за советом к своему коллеге Илье Безумцеву. Иногда мы здорово цапаемся с ним по поводу практической реализации наших научных идей и изобретений, но все же остаемся приятелями.

Илья внимательно выслушал мою историю о злключениях хотелки, подумал и сказал:

- Увы, Феррапонт, человечество пока оказалось не готовым принять ни всемирный закон хотения, ни его материальное воплощение – твою хотелку. Мелкое в человеческих душах возобладало над великим. Люди разучились, - или же вообще не умели с самого детства, - мечтать о возвышенном, хотеть настоящего большого счастья для всех, а не только лично для себя. Я думаю, что тебе нужно как-то изменить сложившуюся ситуацию.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Как именно – решай сам: ты разработчик хотелки – тебе и все карты в руки.

Конечно, у меня был еще седьмой хотенец, и я мог попробовать исправить все человечество одним махом. Пожелать, например, чтобы все перестали хотеть “по малому” и начали хотеть “по большому”.

Но я не сделал этого по двум причинам.

Мне было не совсем ясно, что повлечет в физиологическом плане массовый отказ людей хотеть “по малому” и острое желание хотеть “по большому”.

И главное: в решении осчастливить скопом все человечество мне виделось что-то излишне рациональное, принудительное и неестественное. Существуют искусственное оплодотворение, искусственные роды, искусственное кормление... А теперь должно было появиться еще и искусственное хотение. Не станет ли в результате моего вмешательства человек целиком искусственным? Не превратится ли он во вселенского иждивенца, совершенно не способного к самостоятельной жизни?

Поэтому, поразмыслив, я оторвал от хотелки седьмой хотенец и вычеркнул всемирный закон хотения из перечня мировых законов. Правда, не совсем, а условно – если большинство людей все-таки научатся хотеть не только для себя, но и для других, всемирный закон хотения мигом будет восстановлен в его общемировых правах.

Единственное, что я сохранил из созданных чудес, – это новую Луну в земном небе: чтобы ежедневно напоминала людям к чему нужно стремиться.

Применение седьмого хотенца привело к кое-каким незначительным подвижкам в мироздании.

Астрономы отыскивали, наконец, во Вселенной многочисленные островки “темной материи” и мощные выхлопы вакуумной энергии. Земные модницы утверждают, что из космической “темной материи” можно пошить нижнее женское белье очень пикантных фасонов,

а вакуумная энергия хороша для разглаживания морщин и борьбы с целлюлитом.

На Большом адронном коллайдере в Швейцарии физики таки поймали ранее открытый, но неуловимый бозон Хиггса. Отловленный в научные сети бозон повел себя так непредсказуемо и агрессивно, что его немедленно переименовали в борзон и отпустили от греха подальше.

В хоженом-перехоженном вдоль и поперек подмосковном бору грибники неожиданно наткнулись на большое племя “снежных людей”, никогда не видевшее человеческой цивилизации и жившее по законам матриархата. Мировое феминистское движение воспряло духом и массово ринулось в леса и джунгли строить новое, свободное от мужчин общество.

Но в целом мир устоял и почти не изменился.

Слегка пострадали только пришельцы из созвездия Цефея, прибывшие на Землю с тайной разведывательной миссией, - что-то в их секретных технологиях было завязано на ставший временно недееспособным всемирный закон хотения. В течение недели рассекреченные цефеяне проводили протестную акцию, выстроив в небе над мой домом свои “тарелки” и прочую летающую посуду, а потом были разогнаны нашим городским ОМОНОм с применением сельхозавиации, оштрафованы районным судом за несанкционированный пикет и с позором депортированы на историческую родину.

0

Я выпросил у жены большой цветочный горшок, поставил его на балконе и воткнул ствол хотелки в землю. Полил водой и добавил в почву удобрений – гремучей смеси из гормонов мартовского кота, толченой виагры и спиртовой настойки приворотного зелья.

Через неделю на розовом стволе хотелки обозначилось семь микроскопических бугорков – это росли новые хотенцы. Темп их роста был теперь

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

напрямую увязан мной со способностью человечества хотеть не только личного, но и глобального счастья.

Я мысленно сравнил размеры появившихся бугорков с габаритами взрослых хотенцев и горько вздохнул.

Нам, человечеству, предстоит еще изрядно потрудиться над собой...

И на Солнце есть пятна

Этот небольшой мемуар я пишу исключительно для себя. По условиям заключенного мной соглашения, история, о которой пойдет речь ниже, НИКОГДА не должна быть оглашена. Даже после моей смерти.

Тогда зачем же сейчас я стучу кончиками пальцев по светло-серым кнопкам лежащего у меня на коленях ноутбука? Зачем мучаюсь, подбирая слова и составляя связный и читаемый текст? Кому все это нужно?

Это все нужно только мне. Мне одному.

Во-первых, я очень боюсь, что когда-нибудь меня начнет подводить память. Старческий склероз, например, или - не дай Господи! - болезнь Альцгеймера. А навсегда потерять в черных дырах собственной памяти эту во всех отношениях замечательную историю я просто не хочу. Ибо именно эта история круто изменила всю мою жизнь.

Во-вторых, происшедшие со мной за последний год перемены таковы, что я просто не могу держать все это только в своей голове. А поделиться с кем-то своими переживаниями не имею права. Уж таковы дух и буква соглашения, под которым год назад появилась моя подпись. Поэтому моим доверенным лицом, моим маленьким другом и исповедником стал домашний компьютер. Набирая сейчас на клавиатуре эти слова, я словно бы веду разговор сам с собой. Со своим вторым “я”.

Чтобы этот текст никогда не попал никому на глаза, я защищу его тремя весьма и весьма надежными

паролями - из числа тех, которые закрывают доступ к крупнейшим государственным секретам и кодам запуска ядерных ракет.

Правда, вот будет хохма, если я сам когда-нибудь забуду эти пароли... Гм, наверное, и в самом деле придется что-то придумывать, какую-нибудь подсказку. Подсказку, понятную только мне самому. Но я сделаю это уже потом, после завершения всей работы.

Итак, перехожу к сути дела...

В один из летних вечеров прошлого года, бесцельно шастая по астрономическим и космическим сайтам Интернета, я обратил внимания на многочисленные дискуссии в форумах о реальности высадки американцев на Луну сорок лет назад. Неисчислимая рать скептиков доказывала, что американские космонавты на Луне не были ни разу и даже в принципе быть не могли. Еще большая армия доморощенных специалистов по космонавтике убеждала, что Нил Армстронг и его коллеги все-таки прогулялись по лунной поверхности.

Внимательнейшим образом ознакомившись с аргументами спорящих сторон, я почесал пальцем в затылке, некоторое время задумчиво поизучал засиженный мухами потолок моей комнаты в коммуналке и пришел к твердому выводу, что весь этот информационный шум вокруг реальности посадок на Луну затеян явно неспроста. Эта кутерьма явно устроена кем-то для того, чтобы отвлечь внимание пытливей международной общественности от чего-то действительно важного и крайне скандального в истории американской космонавтики. Так мне подсказывала моя никогда не подводившая меня прежде интуиция.

И какое же “черное пятнышко” может скрываться в сиянии блистательных американских высадок на Луну? Аварию на “Аполлоне-13” Штаты не скрывали - наоборот, представили едва ли не как пример мужества и героизма своих космонавтов. А больше вроде бы и скрывать-то нечего...

Правда, остаются еще полеты без высадок на Луну. Два орбитальных околоземных и два беспосадочных полета вокруг Луны. В орбитальных околоземных полетах “Аполлонов” ничего особенного не обнаруживается: обычные испытательные полеты, в целом даже очень и очень успешные. “Аполлон-8” - первый полет людей вокруг Луны. Там тоже все было “чики-пики”, не подкопаешься.

В остатке у нас теперь только полет “Аполлона-10”. Репетиция высадки на Луну, которую успешно выполнили в мае 1969 года Том Стаффорд, Юджин Сернан и Джон Янг. И тоже все прошло о`кей. Вполне успешная получилась репетиция. Ну, и что тут скрывать?

Кстати, кто бы стал заниматься таким сокрытием? ЦРУ? ФБР? Или какие-нибудь “Люди в черном”? Ну, например, спецкоманда под названием “Люди в черном - Аполлон-10”. Ха-ха... А как это на английском-то будет? “Men in black - Apollo-10”? А если сокращенно? “MiB-A10”?

А теперь представим, что у нашей спецкоманды есть свой собственный сайт в Интернете... Правительственный сайт! Как его назовут?

Некоторое время я размышлял, но в голову ничего толкового не лезло. Я набрал номер телефона моего институтского приятеля Илюши Безумцева – о нем в нашем Полянске уже давно идет слава, как о гениальном изобретателе. Илюха оказался дома. Он внимательно выслушал меня, подумал несколько секунд и сказал:

- Знаешь, лично я бы назвал такой сайт www.mib-a10.gov. Простенько, со вкусом и не забудешь.

Ну, конечно, все гениальное – просто!

Я поблагодарил френда Безумцева и повесил трубку. А потом набрал на клавиатуре ноутбука электронный адрес www.mib-a10.gov и щелкнул клавишей “мышки”.

Конечно, я не был уверен полностью в положительном результате и даже ожидал, что комп тут

же возмутится и пошлет меня по другому и совершенно не электронному адресу, но...

Но на серый экранчик моего компьютерного старичка вдруг действительно выползла черная как смоль заставка с мигающими белыми буквами “MiB-A10”! Надпись на английском языке в маленьком окошке внизу экрана предлагала немедленно ввести пароль.

От удивления я едва не вывалился из кресла. Сайт “MiB-A10” действительно существовал!

Но пароль... Как узнать пароль?

Пароль может содержать неизвестное мне число цифр и букв. А уж вариантов их взаимного расположения могут быть миллионы!

Так что на сайт загадочного “MiB-A10” мне уж точно никак не прорваться. А жаль... Вот бы хоть одним глазком взглянуть на космические секреты дядюшки Сэма!

Я вздохнул и совершенно машинально набрал на клавиатуре имя и фамилию человека, без технического и управленческого гения которого - как я считаю - американский лунный проект никогда бы не состоялся: “Verner-fon-Braun”.

И... Хотите - верьте, хотите - нет, но сайт раскрылся!

Нужно ли говорить, что я немедленно с головой зарылся в сокровищницу загадочной службы “MiB-A10”?

И был вознагражден сверх всякой меры! “MiB-A10” действительно занималась подчисткой “хвостов” американской лунной программы “Аполлон”. И самым главным “хвостом” - тем, который я и обнаружил путем своих интеллектуальных изысков, - оказался именно полет “Аполлона-10”!

Нам ввали. Почти тридцать лет правительства двух сверхдержав - США и СССР - России - кормили нас басней о генеральной репетиции лунной высадки. Да, генеральная репетиция изначально и планировалась. Но потом вмешалось то, что принято называть человеческим фактором. Стаффорду и Сернану не

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

удалось удержаться от соблазна. На высоте примерно 15 километров от поверхности Луны Том Стаффорд выключил телевизионные камеры внешнего наблюдения, систему радиосвязи с Землей и перешел на ручное управление. Это случилось 22 мая 1969 года в 23 часа 45 минут. Ну, а потом... Впрочем, о том, что случилось потом лучше всего расскажет запись переговоров экипажа “Аполлона-10” с Землей, которую я отыскал на сайте таинственного “MiB-A10” и тут же скачал на свой старенький комп.

“23 мая 1969 года, 0 часов 05 минут.

Стаффорд (радостно): Хьюстон, ку-ку!

Центр управления полетом в Хьюстоне (облегченно): Слава Богу, Том! Что случилось? Связь с вами прервалась почти на двадцать минут!

Стаффорд (с легким смешком): Можете нас поздравить, Хьюстон. Мы уже на Луне и как раз собираемся выйти наружу. Сейчас бросим монетку и разыграем, кто выходит первым - я или Юджин.

Хьюстон (раздражаясь): Хватит шутить, Том! Доложите, где вы сейчас находитесь?

Стаффорд (весело хохочет): Мы действительно на Луне, сэр! Хьюстон, вы сейчас сами убедитесь! Включаю внешнюю телекамеру!

(Пауза. Слышен щелчок тумблера).

Хьюстон (потрясенно): Матерь Божья...

Сернан (торжествующе): Ну, что убедились?

Хьюстон (растерянно): Том, Юджин, как вы могли? И, скажите на милость, какого черта вы будете делать на Луне без нашего флага и послания президента всему человечеству?

Сернан (с легкой издевкой): А хотите, я вместо флага на лунной пыли носком ботинка нарисую надпись “Бог любит Америку”?

Хьюстон (скептически): Юджин, у тебя всегда было плохо с правописанием. Да и почерк хромает...

Стаффорд (со злобой в голосе): Насчет послания президента человечеству, ребята, я вот что думаю: пусть

этот полосатый звездюк поднимет свой зад из президентского кресла и пообщается с нами в прямом эфире. И я все ему скажу, что думаю о финансировании нашей космической программы!

Хьюстон (смущенно закашлявшись): Боюсь, Том, что те слова, которые ты приготовил для общения с президентом как-то не принято произносить публично. И потом у президента сейчас легкое недомогание. Э... Легкая диарея в связи с нашими новыми военными успехами во Вьетнаме. Короче говоря, ребята, президент занят.

Стаффорд (решительно): Ну, тогда, сэр, на болте от входного люка я видел и флаг, и вашего президента... Мы бросаем монетку и выходим.

Хьюстон (со злорадством): Том, мы не будем транслировать в прямом телеэфире ваш выход! И вообще не будем! Даже в записи ничего по “ящику” не покажем! Никто и никогда не узнает, что вы ходили по Луне! Вот!

Стаффорд (со смехом): Ха, испугал! Мы вернемся на Землю и все сами расскажем! Как говорится, при большом стечении публики и журналистов!

Хьюстон (скрипя зубами): А мы... Мы собьем вас противоракетой во время спуска в атмосфере! Летите, голуби, летите! Возвращайтесь скорее домой! Мы приготовим вам очень теплую встречу!

Сернан (с чувством оскорбленного человеческого достоинства): Это кто там каркает? Ты, Уэббс? Хочешь я сейчас публично заменю букву “э” в твоей фамилии на шестую букву из русского алфавита?

Хьюстон (задиристо): Слышь, парниша, ты там типа не кипятишь, понял? Ты сам-то кто? Конкретно обозначься в натуре!

Голос из-за Потомака (заинтересовано): Алло, парни, это ЦРУ. С чего это вы стали обсуждать нюансы употребления словесных конструкций в русском языке?

Хьюстон (истерично хохочет): Вы хотите знать, ЦРУ?! Вы действительно хотите это знать?! Так я вам

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

скажу! (кашляет и с чувством декламирует): “Да будь я негром преклонных годов - и то без унынья и лени, я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин!” Ты понял, грязный наймит американского империализма?! (срывается на крик): Да здравствует сотая годовщина со дня рождения великого Ильича! Да здравствует Коммунистическая партия США - организатор и вдохновитель всех наших побед в космосе! Правильной траекторией летите, дорогие товарищи!

Стаффорд (растеряно): Хьюстон, вы там что, переутомились или перепили?

Голос из ЦРУ (облегченно): Так, Уэббс, теперь с вами все ясно. Я уже давно подозревал, что именно вы тайно передали русским секретные чертежи нашего секретного лунного бомбера Н-1. Ну, а вы, Юджин? Стопроцентный и честный американец. Как вы могли клюнуть на дешевую русскую удочку?

Сернан (откашлявшись, проникновенно): Начнем с того, господа, что на самом деле я не Юджин, а Евгений, не Сернан, а Сернин и мой папа был простым юристом в маленьком украинском городе Бердичеве... Моя давняя мечта - побывать на папочкиной родине. Поэтому после полета я собирался попросить политического убежища в Советском Союзе.

Голос из-за Москва-реки (величественно и торжественно): Внимание! Говорит Москва! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза и Центральное телевидение! Сегодня советский космонавт Евгений Сернин успешно высадился на поверхности Луны!

Голос из-за Потомака (с нескрываемым восхищением): Мама дорогая! Как оперативно работают эти кремлевские хлопцы!

Голос из американского госдепартамента (жизнерадостно): Привет, ребята! Говорит официальный представитель президента США. Если вы не поддадитесь на эту бесстыжую коммунистическую пропаганду и останетесь американцами, мы готовы исполнить

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

кое-какие ваши сокровенные желания. Для начала правительство намереваемся выплатить по пять миллионов долларов каждому из вас. И тебе, Том, и тебе Юд... Тьфу! Евгений!

Янг (обиженно): Эй, там, на околкапиталийских холмах! А про меня вы не забыли? Где мои пять миллионов?

Голос из американского госдепартамента (раздражаясь): А вы здесь причем, Джон? Вы же сейчас не на Луне. Крутитесь вокруг планеты на своем корабле и не лезьте в разговор серьезных парней!

Янг (возмущенно): Здрасьте! Как кораблем управлять - так Джон. А как деньги получать - так Том! Ну, раз так, то я сейчас включаю двигатель корабля и возвращаюсь на Землю сам!

Хьюстон (расстроено): Джонни, но ведь Юджин и Том погибнут! Они не смогут сами вернуться на Землю!

Янг (деловито): Вот и замечательно... Готовьтесь объявить их американскими героями. Посмертно. Тогда у нашего любимого президента к постоянной диарее добавится еще и острый энурез!

Хьюстон (с негодованием): Джон, имей совесть!

Янг (цинично): Я свою совесть обменял на жвачку в первом классе церковно-приходской школы. Даю обратный отсчет времени перед запуском маршевого двигателя: десять, девять, восемь...

Голос из американского госдепартамента (истерично): Янг, вы войдете в мировую историю как первый космический террорист!

Янг: Вот и превосходно! (декламирует с торжественными нотками в голосе): Был первым в космосе Гагарин, а террористом - Джонни Янг!

Хьюстон (возмущенно пыхтя): Нет, у меня просто нет слов!

Янг (с удовлетворением): Вот и хорошо, что нет! Помолчите и не мешайте мне считать. Восемь, семь, шесть...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Голос из американского госдепартамента (заискивающе): К-ха, Джонни... Мы здесь посоветовались с президентом... Он нашел время выкроить минутку и оторваться от... Э... От своего занятия. Н-да... Так вот, мы решили дать и вам пять миллионов долларов... Если вы, конечно, не улетите сейчас от Луны и дождетесь возвращения Тома и Жени.

Янг (ликуя): Ур-ря! Наша взяла!

Хьюстон (мрачно): Так, господа... А мне что-нибудь перепадет или как? А то есть данные, что система связи и управления полетом грозит вот-вот выйти из строя...

Голос из американского госдепартамента (взрывается возмущением): Нет, ну какие бессовестные нахалы и вымогатели работают в этом НАСА! А потом налогоплательщики спрашивают, в какую черную дыру проваливаются наши финансы, которые мы выделяем на космос!

Хьюстон (с издевкой): Ой, Вашингтон, а что-то я вас плохо слышу!

Голос из американского госдепартамента (поспешно): Хорошо, хорошо! Вам тоже пять миллионов!

Хьюстон (с надеждой): Каждому?

Голос из американского госдепартамента (подавившись и откашлявшись, обречено): Ладно, уговорили...

Голос из-за Потомака (обеспокоено): А как же ЦРУ, сэр? А как же без обеспечения секретности всей операции, сэр?

Голос из американского госдепартамента (совершенно подавленно): Хорошо, включаем в общую калькуляцию и вас...

Голос из-за Москва-реки (торопливо, скороговоркой): Говорит Москва! Говорит Москва! Всем, всем, всем! Том, Женя! Если вы сейчас выйдете на поверхность Луны и приземлитесь на территории СССР при посадке на Землю, то мы... (голос запнулся, но уже через секунду с энтузиазмом затараторил снова). Мы

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

дадим вам горящую бесплатную путевку в Трускавец, автомобиль “Запорожец” 1965 года выпуска и звезду Героя Советского Союза! Вот!

Хьюстон: А нам что же? За техническое обеспечение полета, а?

Голос из-за Москва-реки (великодушно): И вам тоже - путевка, “Запорожец” и золотая звезда!

Хьюстон (озабоченно): Это на всех или каждому?

Голос из-за Москва-реки (после слегка затянувшейся паузы): К-ха... Скромнее нужно быть, товарищи. Не устраивать, понимаешь, тут всякие волонтеризмы и культы личности. М-да.

Хьюстон (разочарованно): Нет, ну тогда мы так не согласны!

Голос из-за Москва-реки (с нарастающей экспрессией): Эх, была не была! Гулять - так гулять! Летать - так летать! Согласны: даем каждому! Как у нас говорят, от каждого - по способностям, каждому - по заслугам! Вот, товарищи, главный принцип нашего развитого социалистического общества!

Хьюстон (растрогано): Ну, тогда конечно... Тогда мы...

Голос из американского госдепартамента (встревожено): Стоп! Всем - по десять миллионов!

Хьюстон (после секундного замешательства): ...тогда мы не согласны с русскими предложениями. Десять миллионов - они и в Африке десять миллионов. А на какое место цеплять вашу геройскую звездочку, Москва?

Голос из-за Москва-реки (с плохо скрытым отчаянием): Даю всем по две звездочки!

Хьюстон (заливаясь счастливым смехом): О, ну это совсем другое дело! Природа, товарищи, любит симметрию!

Голос из американского госдепартамента (перекрикивая неожиданно включившиеся в Москве “радиоглушилки”): Пятнадцать миллионов! Каждому! Стаффорд, а вам лично - четыре звездочки на погоны за

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

немедленный старт с Луны! Без всяких выходов и выходов!

Стаффорд (браво): Есть, сэр! Слушаюсь, сэр!

Голос из-за Москва-реки (осуждающе): Вот они волчьи законы международного капитализма! У вас даже космонавтика продается за деньги!

Сернан (явно фальшивя): Ах, ах, ах! У меня кружится голова! Ах, я падаю на Луну! Падаю прямо через выходной люк!

Голос из американского госдепартамента (устало): Жень, ну а тебе еще чего?

Сернан (хнычет и в припадке стучит кулаком по крышке выходного люка): Хочу на Луну! Слышите?! Я хочу на Луну!

Голос из американского госдепартамента (надменно): А ху-ху не хо-хо?

Сернан (обиженно шмыгает носом): А хи-хи не ха-ха! И вообще наши гуси сегодня не взлетают!

(Слышится какая-то возня и металлический скрежет).

Хьюстон (встревожено): Том, что это там у вас так мерзко заскрипело?

Стаффорд (с воодушевлением): Юджин открывает входной люк, сэр!

Хьюстон (срываясь на крик): Что?! Том, немедленно остановите его!

Стаффорд (с легким смешком): Поздно, сэр! Он уже снаружи корабля и спускается вниз по лестнице!

Хьюстон (севшим голосом): Мать Божья!

(Слышится сопение, шум, неразборчивый вскрик и громкий шлепок).

Сернан (в сердцах): Фак ю!

Хьюстон (обеспокоено): Том, что случилось?

Стаффорд: Не волнуйтесь, сэр! Юджин уже на поверхности Луны.

Голос из американского госдепартамента (торжественно): Это историческое событие, господа! На Луну ступила нога человека...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Стаффорд (прерывает, смущенно кашлянув): Извините, сэр... Боюсь, что вы заблуждаетесь. Юджин коснулся поверхности Луны... Э... Не ногой, сэр!

Голос из американского госдепартамента, Голос из-за Потомака и Хьюстон (одновременно, с изумлением): А чем же?

Стаффорд (с трудом подбирая нужные слова): На лестнице он поскользнулся на забытой кем-то из монтажников банановой кожуре и... Э... Сэр, в общем, Юджин коснулся лунной поверхности своей пятой точкой!

Хьюстон (озадаченно): Вы хотите сказать, что первый человек ступил на Луну... задницей?

Стаффорд (с явным облегчением): Именно так, сэр!

Хьюстон (почти шепотом): И эти слова... Фак ю... Это первое, что сказал Юджин на поверхности Луны?

Стаффорд (бодро): Так точно, сэр!

Голос из американского госдепартамента (потрясенно): Боже мой... Какой позор... Какой вселенский позор! Истратить двадцать пять миллиардов долларов, чтобы усесться на Луну задницей! И еще выматериться при этом!

Голос из-за Потомака (с абсолютной уверенностью и легкой иронией): Не расстраивайтесь так, господа! Никто, ничего и никогда не узнает о легком конфузе нашего Юджина! Ведь мы контролируем ситуацию! Могу дать вам стопроцентную гарантию: в прессу не просочится ни слова!

Голос из-за Москва-реки (похихикивая): А вот тут вы ошибаетесь, батенька! Вы знаете, какой замечательный репортаж о ваших космических успехах напечатает завтра наша “Правда” на первой странице?

Голос из американского госдепартамента (обречено): Проклятье! Мы забыли об этих русских парнях!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Голос из-за Москва-реки (заливисто хохочет): Ну, теперь вы в наших руках, господа хорошие! Теперь мы покажем вам кузькину мать! Гуд бай, дорогая Америка!

Голос из американского госдепартамента (торопливо): Погодите, погодите, Москва... А как вы посмотрите на вывод наших войск из Вьетнама?

Голос из-за Москва-реки (заинтересовано): Гм, допустим... А что вы хотите взамен?

Голос из американского госдепартамента (с недоумением): Ваше молчание об этом инциденте с Юджином, разумеется!

Голос из-за Москва-реки (поразмыслив): Хорошо, мы даем обещание впредь писать о ваших космических успехах не на первой странице “Правды”, а на четвертой. Или даже на пятой.

Голос из-за Потомака (скептически): Эй, Москва, ну а как быть с русскими радио и телевидением?

Голос из-за Москва-реки (надменно): При социализме со средствами массовой информации не бывает проблем, господа! Мы даем обещание вообще не транслировать вашу высадку на Луну! Никогда!

Голос из американского госдепартамента (удовлетворенно): Вот и славненько! Умные люди всегда могут договориться!

Сернан (кряхтя): Эй, там на Земле! А моя судьба вас не интересует?

Хьюстон (поспешно): Юджин, чего ты еще хочешь?

Сернан (твердо): Я хочу быть среди тех парней, которые прогуляются по Луне.

Голос из американского госдепартамента (удивленно): Какого черта, Женя? Ты же и так стоишь на Луне!

Сернан (с усмешкой): Я хочу побывать здесь официально. С кино- и фотосъемками в качестве доказательства!

Хьюстон (после замешательства и паузы): Хорошо, Юджин, мы включаем тебя в состав экипажа “Аполлона-17”! Командиром! Годится?

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Сернан (удовлетворенно): Приемлемо. И есть еще одна маленькая просьбочка к нашему родному американскому правительству.

Голос из американского госдепартамента (настороженно): Женька, тебе чего, опять денег мало?

Сернан (возмущенно плюется): Тьфу! Да причем здесь деньги! Что за дурацкая манера мерить все долларом?

Голос из американского госдепартамента (обескуражено): Чего же ты еще хочешь?

Сернан (поет с капризными интонациями в голосе): “А я в Россию домой хочу, я так давно не видел маму!” Понятно? На родину меня тянет, на родину!

Голос из американского госдепартамента (обречено): Хорошо, Сернан, поедешь в свою Россию... Сразу же после окончания полета! Прямым в родной Вер... Пер... Бердичев!

Янг (разочаровано и раздраженно): Нет, пацаны, вы тут как хотите базарьте, а я полетел. Покедова. Даю обратный отсчет времени. Десять, девять...

Голос из американского госдепартамента (всхлипывая): А тебе чего, супостатушка?

Янг (капризно): Я тоже на Луну хочу! И на крылатом корабле в космос полететь хочу! Два раза!

Хьюстон (радостно): Джонни, мы включили тебя в экипаж лунной экспедиции “Аполлон-16”! Командиром! Хочешь?

Янг (возмущенно фыркает): И это все?! Не, ну базары у вас в натуре гнилые... Я полетел, братаны... Семь, шесть...

Голос из американского госдепартамента (скороговоркой, поспешно): Джон, Джон! Только что президент подписал указ о начале программы разработки крылатого космического корабля “Спейс Шаттл”! Вы полетите на нем первым! А потом слетаете еще раз!

Голос из-за Москва-реки (ядовито): А позвольте спросить, на чем это ваш президент мог подписать указ, если у него сейчас легкая диарея?

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Голос из американского госдепартамента (с достоинством): У американского президента всегда найдется под рукой бумага, сэ-эр!

Стаффорд (мечтательно): Кстати, о русских... А я вот хочу вместе с ними полететь в космос! (Тихо, чтобы на Земле его никто не услышал, обращается к Сернану, который уже влез обратно в лунный модуль) Может быть, эти русские парни дадут мне пятую звездочку за совместный полет, а, Юджин?

Сернан (тоже почти шепотом): Нет, Том, пятую звездочку русские тебе не дадут. По крайней мере, до тех пор, пока их Леонид Ильич тоже не обзаведется пятью звездочками! Такова уж русская национальная традиция, Том!

Хьюстон (с радостным возбуждением): Том, мы только что включили тебя в состав совместного советско-американского экипажа. Полет состоится лет эдак через пять-шесть! Ты как раз успеешь бесплатно отдохнуть на Гавайях на нашей туристической базе для заслуженных сотрудников НАСА!

Голос из-за Москва-реки (возмущенно): А нас вы спросили, империалисты хреновы? А может мы не хотим, чтобы наши парни летели с вашим Стаффордом на эту раздолбанную Луну? А может орбитальные полеты - это наш магистральный путь в космос?

Голос из американского госдепартамента (поспешно): Хорошо, пусть ваши и наши ребята летят вокруг Земли. Да, и года через три мы будем готовы подписать с вами договор о разрядке и взаимном ядерном паритете! Согласны?

Голос из-за Москва-реки (восторженно): Туды его в качель! Вот это мужской разговор! По рукам!

Стаффорд: Хьюстон, я включаю двигатель лунного модуля! Старт (слышен грохот ракетных двигателей)! Мы летим!

Все вместе - Голос из американского госдепартамента, Голос из-за Потوماка, Голос из-за

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Москва-реки, Хьюстон, Стаффорд, Сернан и Янг - дружно и с душевным подъемом поют:

“Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор!
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца - пламенный мотор!”

Вот, собственно, и все, что я смог узнать на таинственном сайте “MiB-A10” о самой главной тайне проекта “Аполлон”.

Конечно же, я собирался раскрыть эту тайну первой высадки людей на Луну всему человечеству.

Но человек предполагает, а судьба располагает.

Не прошло и суток с того во всех отношениях замечательного вечера, когда я позволил себе прогуляться по секретному космическому сайту, как в дверь моей коммуналки настойчиво позвонили. Я чертыхнулся, оторвал свой зад от кресла перед телевизором и пошел открывать.

За дверью оказалась пара весьма симпатичных ребят в одинаковых антрацитово-черных отутюженных костюмах, черных лакированных туфлях и темных как сама ночь очках. Просто близнецы, если не учитывать их цвета кожи и возраста. Тот, который постарше, как две капли воды был похож на американского актера Томми Ли Джонса, а второй, более молодой, афроамериканец, сильно смахивал на еще одну голливудскую звезду - Уилла Смита.

“Прямо Каннский фестиваль на дому”, - мысленно усмехнулся я.

- Мистер такой-то и такой-то? - осведомился двойник Томми Ли на чистом русском языке с едва заметным английским акцентом.

Я молча кивнул и жестом пригласил неожиданных гостей в квартиру. Дар речи еще не вернулся ко мне. Согласитесь, не каждый день можно увидеть на пороге своей квартиры парней в черном. Тех самых, которые, по слухам, гоняются по всему миру за инопланетянами и

скрывают от прогрессивной мировой общественности следы случайно залетевших на Землю пришельцев.

Двойник Уилла Смита достал из кобуры под пиджаком вороненый “Смит-и-Вессон”, громко зевнул и принялся меланхолично накручивать на ствол пистолета глушитель.

При виде оружия способности соображать и говорить немедленно вернулись ко мне. И я на чистом английском - в рамках пройденного в свое время школьного курса, конечно, - сообщил дорогим гостям, что стенограмма переговоров экипажа “Аполлона-10” не только была скачана мной на старенький ноутбук, стоящий на журнальном столике, но еще и скопирована, а затем разослана ста моим друзьям и знакомым в самых разных странах мира. И в том случае, если я, например, поскользнусь на арбузной корке и случайно окажусь под колесами проезжающего мимо автомобиля, текст стенограммы будет немедленно выложен на самых посещаемых информационных сайтах интернета.

“Уилл Смит” тут же отвинтил глушитель со ствола и сунул пистолет обратно в кобуру. “Томми Ли Джонс” обескуражено крикнул и сходу предложил мне за молчание пять миллионов долларов.

Я скептически улыбнулся.

“Томми Ли” вытер снежно-белым носовым платком враз вспотевший лоб, почесал пальцем переносицу и попытался соблазнить меня суммой, эквивалентной той, которую получили все участники аферы с “Аполлоном-10” за свое коллективное молчание в течение последних сорока лет.

Я расхохотался ему в лицо. А потом назвал свою цену.

Следующие пять минут “Уилл Смит”, восхищенно пялясь на меня, на ощупь искал на грязном полу полутемной прихожей в моей коммуналке вставную челюсть, которая выпала из его раскрывшегося от удивления рта. Тем временем “Томми Ли” извлек из кармана маленький мобильный телефон и начал с кем-то

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

весьма интенсивные и судя по интонациям очень непростые переговоры. Не знаю, кому и куда он звонил, но всего лишь через полчаса все мои условия были приняты.

И вот прошел почти ровно год с того памятного дня, когда я влез на сайт секретной службы “MiB-A10”. Той самой, которая теперь находится в моем непосредственном подчинении.

Мои нынешние имя и фамилия ничем не напоминают прежние. Лучшие пластические хирурги мира немало поработали над моим лицом. На моих счетах в банках сейчас такие суммы, что Билл Гейтс порой представляется мне просто привокзальным нищим.

Но не это главное.

По вечерам, после окончания напряженного трудового дня, я сижу в удобном мягком кресле и не спеша пью апельсиновый сок из высокого хрустального стакана. Отдыхаю и рассматриваю открывающийся взгляду городской пейзаж.

Американский президент не соврал, когда передавал мне свои полномочия после процедуры инаугурации: отсюда, из овального кабинета в Белом доме, открывается действительно замечательный вид на вечерний Вашингтон.

“Политкорректность”

- Дамы и господа! – Берт Паттерсон трижды стукнул деревянным молоточком по специальной дощечке, призывая присутствующих в зале к порядку и тишине.

Зальчик был небольшим и уютным. Паттерсон восседал во главе овального полированного стола, вокруг которого расположились его коллеги.

- Начинаем восемьсот двадцать шестое заседание Комитета по вопросам равноправия при Мировом правительстве.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Берт громко высморкался в клетчатый носовой платок, поправил съехавший в сторону левого уха белоснежный напудренный парик, и изрек:

- Сегодня на повестке дня у нас один вопрос – приближающееся празднование юбилея высадки на Луну экипажа космического корабля “Аполлон-11”.

Мистер Паттерсон раскрыл лежавшую перед ним кожаную папку. Неторопливо извлек из нее большой фотоснимок и поднял его едва ли не на уровень собственного носа, развернув изображением в сторону сидевших за столом членов Комитета:

- Всем хорошо видно?

На фотографии были изображены Нил Армстронг, Эдвин Олдрин и Майкл Коллинз у подножия лунного модуля “Орел”.

- Какое безобразие! – немедленно пыхнула злобой Гертруда Своренберг, прим-патронесса движения женщин-феминисток “Розовые девочки”. – Три самодовольных самца! Да еще в скафандрах!

- Три белых мужчины! – с горьким вздохом подтвердил похожий на развалившегося в мягком кресле темнокожего бегемота президент Форума против расового неравенства Убанга Хобо-Куранашвили. – И ни одного афроамериканца или уроженца Азии!

- Ах, противные... - шлепнул по колену цветастым веером Боречка Отымелов, духовный лидер Всемирного гей-клуба “Цыпочка”. – Любимые мои, кто объяснит мне, что такое “скафандр”? Это такая разновидность презерватива?

- Клевые чуваки! – глядя на фотоснимок, изрек Гвидо Бурмурмакс, шеф Конфедерации музыкальной полифонии. – И в классном прикиде! А в натуре, они на Луне какой музон лабали? Рэп, рок, диско?

- Сын мой! – предосудительным тоном осадил Гвидо пастор Абу-Али Вассерманц, недавно назначенный Общепланетным Папой Союза религиозной толерантности. – Аллах Акбар! Не о музыке нам пристало

нынче думать, а о той вере, которую принесла эта троица на девственные лунные просторы!

- Интересно, а чем они отметили прибытие на Луну: водкой, виски или коньяком? – шумно сглотнув слюну, осведомился Гранд-секретарь Общества анонимных алкоголиков и наркоманов Сунь Хунь-Чай. – Или тогда уже ширялись? А может, “колесики”?

- Увы, - Берт Паттерсон скорбно свел к переносице густые седые брови:

- Армстронг, Олдрин и Коллинз – это три белокожих мужчины нормальной половой ориентации, христиане, без ярко выраженной склонности к спиртным напиткам и какому-либо определенному жанру музыки...

В зале повисла мертвая тишина. Было слышно, как на белом плафоне под потолком, натужно силясь, пытаются вступить в половой контакт друг с другом две мушки-дрозофилы.

- Кошмар! – голос Гертруды Своренберг сейчас больше всего напоминал шипение змеи, которой наступили на хвост. – И все это выясняется в самый канун юбилея! Куда только смотрит Контрольная комиссия Мирового правительства!

- Комиссия смотрит в корень проблемы, - парировал председательствующий Паттерсон, который по совместительству и был главой вышеупомянутой контролирующей структуры. – До юбилея еще целая неделя, и если поднапрячься сегодня, мы вполне успеем скорректировать все мировые базы данных в правильном направлении. Вопиющее проявление неравноправия, имевшее место быть несколько десятилетий назад, будет устранено нами раз и навсегда!

Он решительно хлопнул ладонью по столу.

- Я думаю, нам нужно приступить к работе немедленно, - губы пастора Абу-Али Вассерманца сложились в иезуитскую улыбку. – Свет Великого Будды на нашей стороне, Юпитер завис в созвездии Змееносца, а до православной Пасхи – ровно девять месяцев. Все

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

это знаки того, что наша миссия по корректировке будет на удивление удачной!

- Ах, начнем-начнем-начнем! – сладострастно задышал Боречка, призывно выгибая зад, обтянутый потертыми джинсами. Его штаны ковбойского происхождения делила на две равные половины протянувшаяся от самой поясницы и до основания ног металлическая молния. – Три половозрелых, опытных, уверенных мужчины... Ох, ох, о-о-ох!

Музыкальный полифонист Бурмурмакс заиграл пальцем на нижней губе бодрящий чукотский боевой марш, а анонимный алкоголик Сунь Хунь-Чай украдкой достал из-под левой штанины брюк фляжку с каким-то спиртопахнущим зельем и под общий шумок основательно приложился к ее горлышку.

Семь голов склонились над фотографией экипажа “Аполлона-11”, которую Берт Паттерсон положил на полированную поверхность круглого стола заседаний.

- Этот... Который с краю... Он очень похож на представителя народности юбунга из северо-восточного Габона...

- Побойтесь Бога, уважаемый! Это же классический нордический профиль! Католик, конечно же, католик...

- А пилот, по всей видимости, был не дурак выпить...

- Смотрите, глядите! У него на лице все признаки легкого синдрома Дауна!

- Жесткая линия губ – этот явный сыроежец!

- Святая Дева, это же женщина!!!

- Скрытый гомосексуалист...

- Ха, если судить по форме ушей, этот хмырь всю жизнь слушал только классику...

Консенсус относительно членов экипажа первой лунной экспедиции был найден только к концу второго часа интенсивной творческой работы Комитета. Присутствующие на заседании единодушно и единогласно утвердили, что отныне Нил Армстронг – это чернокожий, гетеросориентированный анонимный

алкоголик, вегетарианец, мусульманин по вероисповеданию и рэпер по музыкальным вкусам. Выяснилось, что Базз Олдрин – незаконнорожденный сын китайки из западных провинций КНР и японца-миллионера из Киото, курящий марихуану и несколько раз пробовавший ЛСД, буддист, гомосексуалист и активный поклонник “металлических” групп, передвигавшийся по Луне в инвалидной коляске, поскольку с детства страдает церебральным параличом. Обнаружилось, что третий член экипажа Майкл Коллинз на самом деле носил имя Микки и был белокожей женщиной, лесбиянкой, любившей курить кальян, слушать диско и еженедельно посещать баптистские собрания.

Берт Паттерсон ввел полученные изменения в свой планшетный компьютер и легким шлепком ладони по пусковому сенсору отправил их во всемирную сеть. В то же мгновение информационные материалы в Интернете стали преобразовываться: настоящих Армстронга, Олдрина и Коллинза сменяли созданные на заседании Комитета виртуальные образы. Специальные курьеры Контрольной комиссии Мирового правительства были подняты по тревоге и тут же отправились во все мировые библиотеки: от крупнейших в Москве, Нью-Йорке и Кембридже и до самых маленьких - в банном комбинате Мухосранска и на втором районном кладбище в Хацапетовке, – изымать книги по истории космонавтики, чтобы через день-другой заменить их новыми, содержащими уже политкорректные описания и изображения экипажа “Аполлона-11”.

- Уф! - пастор Абу-Али Вассерманц отер рукавом сутаны вспотевший лоб. – Сегодня была сложная работа, но – слава Одину! – мы с ней справились!

- Не спешите расслабляться, батюшка, - ехидно ухмыльнулся председатель Паттерсон. – По программе “Аполлон” к Луне летали не только Армстронг, Олдрин и Коллинз. Были и другие экипажи...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Жестом профессионального карточного шулера он извлек из папки еще один фотоснимок:

- Прошу любить и жаловать: Чарльз Конрад, Ричард Гордон и Алан Бин – снова на арене три вызывающе белокожих и абсолютно нормальных мужчины!

Он небрежно швырнул фотографию на середину стола.

Члены Комитета едва ли не в один голос возмущенно взвыли и дружно набросились на экипаж “Аполлона-12”.

- Чур, Конрада зовут Ширли, он одноногая женщина девяноста шести лет, родившаяся в рыбацком поселке на острове Пасхи!

- Алан Бин – это, несомненно, индус, лысеющий с затылка, приверженец культа Вуду...

- Ну, тут же все ясно, как Божий день! Рик Гордон – афроамериканец, тайный коммунист, пьет мартини и закодирован от чрезмерного употребления гашиша!

В самый разгар обсуждения огромный красный телефон рядом с Бертом Паттерсоном разразился басовитой начальственной трелью.

- Тихо! – гаркнул председатель во всю мощь своих легких и бухнул молотком по столу. – Звонят из секретариата!

За столом мгновенно установилась тишина.

Паттерсон двумя пальцами снял подпрыгивавшую от нетерпения телефонную трубку и поднес ее к уху. Секунду спустя его глаза округлились, и взор устремился куда-то в запотолочные дали:

- Я весь внимание, господин Генеральный секретарь...

Члены Комитета окаменели вокруг стола и перестали дышать.

- Да, господин Генеральный секретарь... Понятно, господин Генеральный секретарь... Я хочу вас заверить, что мы все отнесемся с пониманием...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Паттерсон медленно опустил трубку на рычажки, сорвал с головы парик и вытер мокрое от пота лицо напудренными локонами.

- Ну, что? Что там? – Боренька Отымелов нетерпеливо заерзал задом в кресле.

- Говорите же! – истерично взвизгнула Гертруда Своренберг. – Не тяните!

- Господа... - в голосе Берта Паттерсона прорезались трагические нотки. - ...И дамы... Соратники мои...

- Тебя переклинило, чувак? – грозно рыкнул Гвидо Бурмурмакс. – Кончай антракт!

- С нашего Комитета сняли финансирование, - едва слышно произнес председатель, уронив спутавшиеся пряди парика на стол. – В связи с приближением пятнадцатой волны мирового финансового кризиса...

- Матьер Божья, - пастор Абу-Али Вассерманц машинально перекрестился в направлении на Мекку. – И это значит...

- И это значит... - эхом повторил бывший алкоголик Сунь Хунь-Чай.

- ...Что мы теперь будем работать на общественных началах, - горько констатировал Берт Паттерсон. Скупая мужская слеза проползла по его побледневшей щеке, прыгнула вниз с подбородка и маленьким серебристым озерцом улеглась на стол заседаний.

- Пы-у-у-у! – Гвидо издал губами немзыкальный и совершенно неприличный в любом цивилизованном обществе звук.

- Я чувствовал это, я предвидел, - Убанга Хобо-Куранашвили возмущенно затряс тройным подбородком почти бегемотских габаритов.

- Дас ист апокалипсис! – констатировал религиелюб Вассерманц, запуская пальцы правой руки за ставший почему-то удушающе узким ворот сутаны.

- Нас кинули, - нервно хихикнул Сунь и в очередной раз приложился к любимой фляжке.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Отдрючили по самые гланды! – томно вздохнул Отымелов.

- Обманули, как маленькую девочку... - Гертруда шмыгнула носом и всхлипнула. – Маньяки!

Берт Паттерсон окинул коллег тяжелым взглядом:

- Дамы и господа... В сложившейся ситуации я принимаю единственно верное и мужественное решение...

Рука председателя скользнула во внутренний карман пиджака. Члены Комитета затаили дыхание.

Паттерсон извлек из кармана запасной носовой платок, утер большую каплю на кончике носа и бесцветным голосом проинформировал:

- Я слагаю с себя полномочия председателя Комитета и ухожу в отставку...

Пауза длилась ровно полторы секунды – пока присутствующие набирали воздух в легкие.

- Й-йес! – рявкнул Гвидо, сложив губы мегафоном. – Я тоже кладу на все с прибором!

- Одобрямс! – фальцетом проорал Сунь Чунь-Чай и залпом опрокинул в глубь своего бездонного горла остатки жидкости из металлической фляжки.

- А вот вашему Мировому правительству! – Гертруда рубанула ребром левой руки по изгибу локтя правой, одновременной сжав правую руку в кулак.

- Конечно, конечно, - пробулькал щекастый Убанга. – Работать за бесплатно? Вот уж дудки!

- Противные! – выпятил челюсть Боречка Отымелов, сделал козу из указательного пальца и мизинца и показал ее в сторону видневшегося за окном здания Организации Объединенных наций и Мирового Правительства.

- И да прибудет с нами Сила! – воздел руки к небесам пастор Вассерманц, одобряя коллективное решение.

Диетический гамбит

- Святой отец, - голос Клаудиуса Титуса Бовэ чуть дрожит от волнения, - я рад, что вы нашли время и возможность посетить мою обсерваторию...

Я с нескрываемым интересом разглядываю стоящего передо мной человека. Среднего роста, на вид – лет тридцать пять – сорок. В темных, до самых плеч волосах, расчесанных на прямой пробор и перехваченных по высокому лбу синей лентой, уже заметны серебристые прожилки седины. Крупный прямой нос, смолянисто-черные брови над глубоко посаженными карими глазами. И, конечно, блеск в глазах – живой, мерцающий, неугасимый. Искра Божья.

- Сын мой, - я растягиваю губы в улыбке, - Верховная Священная Конгрегация Римской и Вселенской Инквизиции всегда живо интересовалась последними достижениями науки...

“...И сожженный в прошлом году на площади Цветов в Риме еретик Джордано Бруно – лучшее тому подтверждение”, - ехидно добавляю я про себя.

- К тому же поручение встретиться с вами я получил из уст самого Папы Римского Климента Восьмого, - заканчиваю вслух, уважительно склоняя голову.

- Я взял на себя смелость обратиться с письмом к Понтифику, ибо мои научные изыскания открыли новые божественные сущности, - на бледных щеках Бовэ начинает проступать румянец. Чувствуется, что астроном постепенно справляется с волнением.

- Хорошо, что ваше письмо попало именно ко мне, - говорю я как можно более дружелюбно и поясняю:

- Я не люблю бумажную канитель и долгую переписку. Согласитесь, много интереснее своими глазами увидеть те чудеса, которые дарованы нам деяниями Божьими. Всего неделя пути – и вот я у вас, в Париже...

Я окидываю взглядом обсерваторию. Тяжелые шкафы с книгами вдоль стен, столы, на которых громоздятся глобусные часы и трикветрумы, гелиометры и азимутальные квадранты, армиллярные сферы и секстанты – обычное научное барахло. Правда, в обсерватории Клаудиуса Титуса Бовэ его необычайно много.

Высокие окна с чисто вымытыми стеклами, винтовая лестница круто уходит вверх. Там, почти у самого потолка, опирающийся на деревянные леса настил. Ага, вот это уже интересно! На настиле я замечаю две металлические трубы на треножниках: одна длинная и тонкая, а вторая – наоборот, толстая и короткая, с маленькой боковой трубочкой на боку. Неужели...

Клаудиус Титус Бовэ прослеживает за моим взглядом и смущенно кашляет:

- Святой отец, это...

- Не трудитесь давать объяснения, сын мой, - я останавливаю его жестом. Времени в моем распоряжении мало, еще только не хватает, чтобы Бовэ начал сейчас нудно и длинно объяснять мне совершенно очевидные вещи. – Я попробую догадаться сам. Это, видимо, те самые научные приборы, которые вы описали в письме к Папе?

- Да, святой отец, это мои изобретения, - в его голосе звучат нотки гордости и торжества. – Длинная труба – это устройство, основанное на принципе прямой видимости объекта. Я назвал этот прибор линзоскопом. А в короткой трубе изображение образуется путем преломления лучей света зеркалами. Она названа мной зеркалоскопом.

Однако этот Бовэ и в самом деле продвинулся далеко. Недопустимо далеко.

- И что же вы увидели в этих трубах, когда направили их на небо? - интересуюсь я. На моих устах по-прежнему доброжелательная улыбка.

- В это трудно поверить, святой отец, но небо, планеты и звезды – совсем не такие, какими мы, люди,

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

представляли их до сих пор! – горячо и восторженно произносит астроном. – Если бы сейчас была ночь, я бы непременно показал вам...

- Давайте пока ограничимся вашим рассказом, сын мой, - я снова останавливаю его. Время, время торопит! – Ночь впереди, и мы с вами еще сможем насладиться картинами всех прелестей Божественного Мироздания. Сейчас же просто расскажите мне, что вы увидели там, наверху, на пажитях небесных.

- Я знаю, в это трудно поверить, но – клянусь – все, что я сейчас скажу, - правда...

Бовэ делает долгую паузу, собираясь с духом, и, наконец, начинает:

- Святой отец, планета Венера – это не звезда, а маленький шар. И она окружена прозрачной оболочкой, похожей на дым...

- Вы увидели это, когда Венера проходила по диску Солнца?

Удивление в его глазах – безмерно:

- Святой отец, но откуда вы знаете...

- Сын мой, я уже говорил вам, что святой инквизиции известно многое, - я дружески похлопываю его по плечу. – Продолжайте, что вы еще наблюдали на небе?

- У Марса есть спутники... Две маленькие планетки...

- Такие же, как и наша Луна, - киваю я. – Но только намного меньше.

- Да, - потрясенно шепчет он. – Значит, и это вам известно...

- Говорите, что вы еще обнаружили, сын мой, - тороплю его я. Времени у меня уже в обрез. – Другие планеты вы тоже наблюдали?

Он молча кивает, не отводя от меня расширенных глаз.

- Сколько спутников вы нашли у Юпитера?

- Четыре, - Бовэ нервно облизывает губы. – И еще кольцо у Сатурна...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Что еще?

- Я видел несколько малых планет между Марсом и Юпитером...

- Сколько?

- Пять... Или шесть, - быстрым движением руки он смахивает каплю пота с виска. – И еще есть седьмая планета... Там, за Сатурном...

- Как вы ее назвали? – живо интересуюсь я.

- Я дал ей свое имя, - астроном шумно сглатывает нервный ком в горле.

- Неразумно, сын мой, - я укоризненно качаю головой. – Планеты принято именовать в честь богов. Что вы еще открыли?

- Я обобщил наблюдения и вывел законы движения небесных тел, - пальцы Бовэ заметно дрожат. – Все планеты и Солнце подчинены закону планетного влечения...

- Лучше назвать его законом всемирного тяготения, - поправляю его я. – Ему ведь подчинены не только Солнце и планеты, но и дальние звезды, не так ли?

- Да, святой отец, - почти неслышно выдыхает астроном. – И звезды...

Да, он действительно узнал очень много. Гений, настоящий гений! Человечество Земли могло бы им гордиться.

- Но это не самое главное, о чем я хотел сообщить Понтифику... Святой отец, наблюдая за Луной, я пришел к твердому убеждению, что мы, люди, - вовсе не единственные разумные существа в мире Божьем...

- Вы нашли лунитов на спутнике Земли? – я скептически изгибаю бровь.

- Нет, нет, - он поспешно трясет головой. – Сама Луна – это мертвый мир, покрытый круглыми рытвинами и горами. Там, кажется, нет даже воды...

- Тогда что же вы видели?

- Я обратил внимание на синхронизацию движения Земли и Луны, - начинает пояснять Бовэ. – Луна – это шар, но она все время обращена к Земле только одной

стороной. Закон всеобщего влечения... тяготения... Закон не дает ответа, почему это так. Я увидел здесь проявление разумной силы. Это первый вывод...

- А второй? – нетерпеливо наседаю я. В моем распоряжении остался всего десяток-другой минут.

- Солнце и Луна имеют одинаковый диаметр для тех, кто смотрит на них с Земли.

- И что же? – я с недоумением пожимаю плечами.

- Но Солнце много больше Луны! – восклицает астроном. – Если бы Луна была хоть чуть-чуть дальше от Земли, чем сейчас, мы бы видели ее проходящей на фоне Солнца. Если бы Луна была ближе к Земле, она бы иногда закрывала дневное светило полностью. Но Луна находится строго на определенном расстоянии от нас. Самопроизвольно эта расстановка небесных тел вряд ли могла случиться. Значит, Луну могла разместить на таком расстоянии только разумная сила!

А вот это - чушь полнейшая! Чепуха! Я скептически фыркаю и замечаю:

- Сын мой, Луна расположилась так, как мы ее видим, велением Божиим!

- Я тоже так думал, - он чуть склоняет голову. – Но потом я увидел яркие вспышки на лунной поверхности и летящие серебристые диски...

- Там, над Луной? – мое сердце словно окатило ледяной волной. Мы таки доигрались!

- Да, святой отец, - в его глазах лихорадочный блеск. – И я проследил их полет до самых окрестностей Земли... Не знаю, кто эти небесные создания, но они наделены разумом. Ибо существу без разумной воли не суждено подняться к небесам и свободно летать между мирами.

Н-да... А ведь этот будет даже похлеще, чем Джордано Бруно. Тот был простым натурфилософом, а этот еще и экспериментатор. Очень талантливый ученый, настоящий гений. Вот ведь еще беда на наши головы! И как же не кстати!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Я знаю, что вы мне не поверите, - с жаром произносит Бовэ, по своему истолковав мою задумчивость. – Но я готов показать вам город небесных людей на Луне нынешней же ночью!

Час от часу не легче! А вот это уже полный провал!

- Я верю вам, сын мой, - говорю я, стараясь сдерживать захлестнувшие меня эмоции. - Лунный город действительно существует!

- Как, святой инквизиции известно и это? - Клаудиус Титус Бовэ, кажется, потрясен до глубин души. – Вы и об этом знаете?!

- Конечно, - я дарю ему теплую улыбку. – Город на Луне построили пришельцы со звезды, которая известна людям под именем Фомальгаут. Это огромное солнце, вокруг которого тоже есть планеты. Одна из них, пятая по счету от светила, - обитаемая.

Он ошарашено смотрит на меня. Даже, кажется, перестал дышать.

- Жители той планеты, - продолжаю я, мило улыбаясь, - большие гурманы. И во Вселенной, на планетах около других звезд, они, прежде всего, исследуют местные способы приготовления пищи. А знаете, сын мой, когда туземцы более всего склонны создавать кухонные рецепты?

Бовэ глядит на меня широко открытыми глазами и трясет головой.

- Самые изысканные блюда создаются в эпохи доиндустриального развития космических цивилизаций, - говорю я, не отводя от него пристального взгляда. – Именно тогда закладываются основы развитой системы местных кухонь. Поэтому жители Фомальгаута, - точнее, его пятой планеты, - заинтересованы, чтобы придержать развитие разумной жизни на других небесных телах на пару тысконок лет. Вот и Земля не стала исключением. Крах Великого Рима – и мы дополнительно имеем почти тысячу лет на совершенствование ваших местных гастрономических практик.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Святой отец... - лицо Бовэ делается белым, словно его усыпала мучная пыль. – Я не все понял из того, что вы сейчас сказали... Но даже то, что я понял... Нет, вы не можете знать всего этого! Если только вы не...

Он обрывает речь на половине слова и замолкает, неотрывно глядя на меня.

- Что “если только”? – я все так же улыбаюсь этому гениальному ученому, настоящему алмазу в научной короне земной цивилизации. – Договаривайте, сын мой!

- Вы не можете знать всего того, что только что мне рассказали, - собравшись с духом, твердо повторяет астроном, - если только не являетесь одним из тех небесных людей, которые живут около Фомальгаута!

Какой все-таки мощный ум! Какая четкая логика и способность анализировать! Было бы интересно пообщаться с ним еще, но времени больше нет ни минуты. Пора действовать.

- Да, сын мой, - киваю я. – Вы догадались совершенно правильно. – Я – не отец Турильяно, посланец святой инквизиции. Я действительно родом с пятой планеты звезды Фомальгаут. Но земному человечеству, увы, еще рано знать, все то, что вы открыли. Нужно повременить еще хотя бы полстолетия.

- Но почему? – в его глазах растерянность и удивление. – На пути познания не может быть остановок!

- Еще примерно полвека нужно для окончательного становления испанской, итальянской и русской кухонь, - совершенно откровенно признаюсь я. – А ваши небесные изыскания ускоряют научный прогресс, приближают наступление эры индустриального развития. И в итоге могут помешать нашим гастрономическим интересам на Земле!

Мысленная команда – и моя человеческая оболочка раскрывается. Я распрямляюсь во весь рост и вопросительным знаком нависаю над застывшим от ужаса астрономом. Он, однако, довольно быстро приходит в себя, всполошено вскрикивает и стремглав бросается к выходу из обсерватории.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Я легко перехватываю его щупальцами на полпути к двери, приподнимаю вверх и поворачиваю к себе лицом. В карих глазах Клаудиуса Титуса Бовэ теперь читается только страх. Страх за свою жизнь.

Острое жало моего загубника стремительно и аккуратно пробивает его лоб. Вкус у мозга астронома приятный, кисловато-сладкий, чем-то похожий на асметрель, который любят готовить менсы со второй планеты Сириуса.

Я, смакуя, высасываю кровь из обмякшего тела Бовэ. Да, мы, жители “пятерки” Фомальгаута, - известные космические гурманы, но в сыроедении тоже есть и некоторая экзотика, и даже своя прелесть.

Останки астронома я складываю на письменном столе. И тут же, рядом, помещаю маленькую чечевичку плазменной бомбы.

Потом снова сворачиваюсь в человеческую оболочку и торопливо покидаю обсерваторию.

Я уже иду по улице, когда за спиной слышится глухой нарастающий рокот и сумерки освещает мощный столб оранжевого пламени. Но я не оглядываюсь. Мне нужно торопиться. Рейсовый катер уходит в лунный город всего через полчаса, а до окраины Парижа еще шагать и шагать.

* * *

- Какой ужас! – Земцев зябко передернул плечами. – У меня мурашки пошли по спине, когда этот лже-Турильяно принялся высасывать кровь из дыры в голове несчастного астронома!

- Не принимай увиденное так близко к сердцу, Игнатий! – Илья Безумцев взмахнул рукой. - Клаудиус Титус Бовэ был всего лишь биороботом с дистанционным управлением, которого я отправил в прошлое. В его черепной коробке имелся только весовой имитатор человеческого мозга.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- И все же картина не для слабонервных! – Земцев облегченно вздохнул и ухмыльнулся. – Куда там голливудским “ужастикам”!

- Зато в результате этой операции я узнал, что фомальгаутяне действительно около тысячи лет активно тормозили развитие наук на нашей планете. Мне всегда казалось подозрительной “пауза”, которая возникла в мире после падения Великой Римской империи. Конечно, человечество шло вперед и в те века, но как-то уж совсем медленно.

- Я могу использовать эту информацию в своей книге? – поинтересовался Земцев.

- Конечно! – Безумцев энергично закивал. – Более того, я дам тебе еще и дополнительные материалы, чтобы публикация выглядела и эффектно, и весомо. Пора поднять занавес над некоторыми мрачными тайнами Средневековья!

- Илья, тогда позволь задать тебе вопрос, - писатель задумчиво потер подбородок. – А что было дальше? Я имею в виду после обнаружения присутствия фомальгаутян...

- Разумеется, я принял меры, чтобы навсегда избавить человеческую историю от их влияния и как можно скорее изгнать этих “космических гурманов” из Солнечной системы, - Илья Безумцев улыбнулся. – Зачем нам паразиты на теле молодой и развивающейся цивилизации?

- Представляю, каких это стоило усилий, - писатель покачал головой. – Вряд ли они уходили добровольно...

- Ну, не так уж много усилий потребовалось, - в глазах Ильи мелькнули веселые искры. – Уже спустя полгода после того, как я их обнаружил, фомальгаутяне в спешном порядке эвакуировали базу с лунной поверхности и убралась восвояси.

- Но как?.. – Земцев удивленно вскинул брови. – А, понимаю... Звездные войны, да?

- Господи, Игнатий! – Илюша расхохотался. – Да перестань ты мыслить киношными клише! “Звездные

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

войны, война миров”... Какая чушь! Не прозвучало ни одного выстрела, не было ни одного лучевого залпа. Скажу больше: фомальгаутяне так и не поняли, что земляне из будущего смогли их обнаружить!

- Ты хочешь сказать, что они убрались добровольно? – опешил писатель. – После тысячелетия господства на Земле?

- Ну, не совсем добровольно, - Безумцев шуточно нахмурил брови. – Но для изгнания этих кровососущих из нашей планетной системы хватило всего лишь одной написанной мной компьютерной программы. Я тайно загрузил ее в их кулинарную базу данных на лунной станции.

- Вирус в системе управления? – попытался догадаться писатель.

- Нет, вирус – это слишком уж примитивно и грубо, - лицо Ильи расплылось в торжествующей улыбке. – Моя программка просто незаметно внесла коррективы во все гастрономические рецепты, собранные фомальгаутянами на Земле. В результате прием любой земной пищи стал вызывать у них приступы жесточайшей диареи!

Ступить на Луну

1

В кабинете командора Звездного Флота Фиолента Теодоровича Брехуненко-Водолея всегда можно найти совершенно неожиданные вещи.

Вот и сегодня, когда я приехал к герою космоса, чтобы взять традиционное предновогоднее интервью для еженедельника “Галактика”, обнаружил на письменном столе хозяина дома гипсовый слепок следа человеческой ноги. Немой вопрос немедленно нарисовался на моем лице, и Брехуненко-Водолей поспешил с разъяснениями:

- Это, друг мой, оттиск ноги первого человека, ступившего на поверхность Луны.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Нила Армстронга? – я тут же продемонстрировал свою эрудицию в вопросах истории космонавтики. – Вы собираете поместить этот гипсовый оттиск его стопы в домашний музей?

- Причем тут Нил Армстронг? – Фиолент Теодорович слегка поморщился. – Это оттиск моей правой ноги!

Челюсть у меня отвисла едва ли не до земли.

- Уж не хотите ли вы сказать, уважаемый командор, что были первым человеком, который ступил на Луну?

Я был уверен, что Брехуненко-Водолей шутит, но он энергично кивнул головой и подтвердил:

- Именно так! Я ступил на поверхность Луны первым из людей и сделал это ровно десять дней назад.

Воздух затормозился в моих легких. Я закашлялся.

Неужели прославленный космический волк сошел с ума? Человек он уже весьма почтенного возраста, годы постепенно берут свое, да и воздействие перегрузок и невесомости вполне могло негативно сказаться на душевном здоровье.

- Дорогой друг, - Фиолент Теодорович словно угадал мои мысли, - не думайте, что я лишился ума. Поверьте: я действительно первый человек, который ступил на Луну!

- Но позвольте, командор, - я протестующе затряс головой и вновь продемонстрировал свою журналистскую эрудицию:

- Первым все-таки был американец Нил Армстронг! И высадился он на лунную поверхность еще 21 июля 1969 года!

- Чепуха, Армстронг никогда не ступал на Луну, - с лукавой улыбкой на губах сообщил Брехуненко-Водолей. – Более того, по настоящему на естественном спутнике нашей Земли еще никто из людей не был. До меня, конечно.

- Вы заблуждаетесь, Фиолент Теодорович! – с жаром возразил я. – Еще в двадцатом веке на Луне побывали двенадцать американцев! А сейчас на лунной

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

поверхности живут и работают русские, китайцы, европейцы, индусы... В прошлом месяце в кратере Миклухо-Маклая свою базу открыло даже маленькое тихоокеанское государство Мьяуру!

- Все это так, - согласился командор. – Но первым на Луну ступил все-таки я!

- Погодите! – я хлопнул ладонью по лбу. – Кажется, догадываюсь... Вы совершили путешествие во времени! Ваш корабль попал в пространственную аномалию с обратным ходом времени, и вы высадились на Луне раньше Армстронга, так?

- А вот и не так, - весело фыркнул в ответ Брехуненко-Водолей. – Никакого путешествия во времени не было. Первым из людей прошелся по Луне именно я. И сделал это всего декаду назад.

Мне пришлось только развести руками. Я ничего не понимал. Брехуненко-Водолей – честнейший человек, и врать не способен по своей природе.

- Хотите, расскажу, как все было? – Фиолент Теодорович дружески подмигнул. – Вы станете первым представителем прессы, которому суждено узнать всю правду о первой прогулке человека по Луне!

- Конечно, хочу! – ни мгновения не медля, выпалил я.

Кто же из журналистской братии откажется первым получить сенсационную информацию? Даже если не слишком веришь в ее правдивость...

- Тогда слушайте, - Брехуненко-Водолей достал из ящика письменного стола колоду игральных карт и принялся раскладывать некий карточный пасьянс – как он утверждал, карты всегда помогали ему излагать самые невероятные истории. Десятка полтора карт легло на столешницу, прежде чем Фиолент Теодорович начал рассказ.

2

- Две недели назад я и мой штурман Ярополк Иннокентиевич Тихолетов отправились в космос на

грузопассажирском судне “Староживой”... Да, да, судно так и называлось: “Ста-ро-жи-вой”.

- Странное название...

- Стоит ли удивляться? – пожал плечами командор.

– Вы же знаете, друг мой, что к обслуживанию космической техники у нас традиционно привлекают гастарбайтеров. У одного из них были большие проблемы с грамотностью, и он по-своему интерпретировал название корабля “Сторожевой”, когда делал надпись на корпусе судна. Так и пошло с тех пор по всей технической документации – грузопассажирский корабль “Староживой”. Впрочем, к нашей истории название судна не имеет никакого отношения.

Брехуненко-Водолей добавил еще парочку карт в пасьянс и продолжил:

- Итак, мне и Тихолетову предстояло доставить на базу в Море Спокойствия около сотни тонн различных грузов: новый купол для метеостанции, приборы, продукты, гостинцы... Стартовали мы из космопорта Восточный вполне нормально, четко вышли на трассу перелета – даже траекторию корректировать не пришлось. Три дня пути – и вот мы уже над Луной. Стали готовиться к посадке. Но тут выясняется, что лунная база принять нас не может: в поселении засорилась канализация. У экипажа проблемы с удалением отходов, а тут еще мы сваливаемся им на плечи со своими... э... грузами, да. Чистка канализационных труб займет примерно неделю. Нам предложили отложить прилет ровно на семь дней: либо лечь в дрейф на орбите, либо высадиться где-нибудь в другом месте на Луне, чтобы после окончания ремонтных работ перелететь на лунную базу.

Поначалу мы легли в дрейф. Отдыхали, шарились в глобальной сети, смотрели кино, в картишки поигрывали. Скукота, в общем. Тут я Тихолетову и говорю:

- А ведь, Ярик, не тем мы с тобой занимаемся. Рядом с нами девственное небесное тело, на которое еще

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

не ступала нога человека, а мы на орбите валяем, понимаешь ли, дурака...

- Господь с вами, Фиолент Теодорович! – Тихолетов удивленно пучит глаза – примерно так же, как и вы, друг мой, совсем недавно. – Это с какой такой сосульки Луна вдруг стала девственным небесным телом? Да ее же исходили вдоль и поперек! Даже на обратную сторону и на оба полюса давным-давно добрались.

- И все же, - говорю твердо, - на Луну еще не ступал ни один человек.

Штурман тянется к тумблеру экстренной связи с Землей: спятил, мол, командир от безделья и долгого кружения над Луной. Но я останавливаю его решительным жестом и с места в карьер сообщаю:

- Более того, поскольку нам все равно заняться нечем, я намерен первым из людей прогуляться по лунной поверхности.

Тихолетов видит, что я не шучу, интуитивно понимает, что я не сошел с ума, и чешет затылок. В чем заваyka? Какая может быть первая прогулка по Луне, если на ней уже без малого полвека, как основаны человеческие поселения?

- Высаживаться будем завтра, - сообщаю оторопевшему штурману. – Садиться будем в Океане Бурь. Я давно хотел побывать в районе посадки первой лунной автоматической станции.

Бедный Тихолетов только что-то невнятно крикает в ответ.

На следующий день я мастерски сажаю “Староживого” около станции “Луна-9” - метрах в десяти прилунился, не более.

Смотрю в иллюминатор. Утро, солнце висит над горизонтом. Грунт уже успел прогреться после ночной стужи, но еще не нагрелся до обычной температуры лунного дня. В общем, погода что надо. Хоть слет туристов проводи.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Начинаю готовиться к прогулке, - говорю штурману. – Это займет два-три часа.

- А чего готовиться-то? – Тихолетов удивленно пожимает плечами. – Надеваем скафандры - и айда, вперед, можем гулять по лунной поверхности хоть шагом, хоть вприпрыжку.

- Скафандры мы, конечно, наденем, - соглашаюсь, - но чуток попозже. А сейчас я еще кое-чем займусь.

Тихолетов остается в рубке дежурить, я же спускаюсь в грузовой отсек “Староживого” и распаковываю сборный купол метеостанции. С помощью автоматической руки-манипулятора вытаскиваю его наружу и устанавливаю так, чтобы накрыть этой прозрачной полусферой станцию “Луна-9” на лунной поверхности. Пластиковый пол под куполом не раскатываю, ставлю полусферу прямо на лунный грунт. Тщательно проверяю, чтобы края купола вошли в реголит примерно на глубину двадцати сантиметров по всему периметру. Между шлюзом корабля и куполом сооружаю герметичный рукав в человеческий рост, сквозь который тяну изнутри “Староживого” трубопроводы для подачи воздуха.

Закончив приготовления к вылазке, вызываю штурмана:

- Ярик, захвати с собой видеокамеру и быстренько дуй ко мне. Выходим на прогулку.

Не проходит и минуты, как Тихолетов появляется в грузовом отсеке. Мы надеваем скафандры, и я даю штурману последние наставления перед предстоящей высадкой на Луну:

- Сейчас ты возьмешь видеокамеру и выйдешь на лунную поверхность, чтобы оказаться снаружи купола метеостанции. Будешь снимать меня на видео. Постарайся, чтобы съемка получилась качественной.

Тихолетов кивает и тут же отправляется в шлюз. Пара минут – и штурман уже на лунной поверхности, за куполом.

Я выхожу следом и по гибкому рукаву забираюсь внутрь купола.

- Начинай съемку, - командую Тихолетову. А сам дистанционно открываю с пульта на скафандре газовые клапаны на “Староживом”. Не проходит и пяти минут, как прозрачная полусфера заполняется земным воздухом под обычным давлением.

Тщательно проверяю герметичность купола. Все в порядке, утечек воздуха наружу нет.

Щелкаю замком на гермошлеме и сдвигаю защитное стекло вверх. Штурман Тихолетов испуганно ахает, нервно дергается, но тут же вспоминает, что под куполом земная атмосфера и нормальное давление.

Делаю глубокий вдох. Дышать легко. Но в воздухе ощущается едва ощутимый запах – такой бывает обычно на запыленных чердаках старых домов.

- Как там у тебя картинка на видео? – интересуюсь у штурмана. – Хорошая?

- Обижаешь, начальник, - отшучивается Тихолетов. – Фильмец получится что надо! Хоть завтра на премию Оскар выставляй!

- Сейчас будет самое интересное, маэстро Феллини, - говорю я. – Глади во все глаза! Снимай во все объективы!

Наклоняюсь и расстегиваю круговую застежку, расположенную чуть ниже колена на правой “штанине” скафандра. Снимаю высокий сапог, рывком сдергиваю теплозащитный чулок и впечатываю голую стопу в лунный реголит:

- Исторический момент! Нога человека впервые коснулась поверхности Луны!

И правда же, согласитесь! Ведь до сих пор люди ходили по Луне в скафандрах, то есть в ботинках и в сапогах. И никому в голову не пришло пройтись по лунному грунту босяком, чтобы стать первым человеком, который оставит на Луне отпечатки своих ног по настоящему.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

До Тихолетова, наконец, доходит суть происходящего, и он тихо взывает от восторга, ни на мгновение, впрочем, не прекращая видеосъемку.

Я расстегиваю “молнию” на левой “штанине” и мгновение спустя уже стою на лунном грунте обеими ногами. Бросаю короткий взгляд на часы, закрепленные на рукаве скафандра, и торжественно провозглашаю:

- Пять часов пятнадцать минут по мировому времени. Человек на поверхности Луны! Мы пришли с миром и от всего человечества!

Ну, вот собственно и все, вся история... Мы потом, правда, еще пару часов подумались на лунной поверхности. Я прошелся в своих лунных “шортах” до “Луны-9” и попозировал рядом с ней. Около лунной станции обнаружилась самодельная деревянная табличка с надписью “Руками не трогать!” на двадцати шести главных земных языках. От “Луны-9” в сторону далекого горизонта вела хорошо протоптанная туристическая тропка. Потом снова надел сапоги, закрыл гермошлем, и мы с Тихолетовым поменялись местами: теперь я был снаружи и вел видеосъемку, а он разгуливал босиком по лунному грунту. А потом я взял в грузовом отсеке гипс и сделал вот этот слепок, который вы, мой друг, и обнаружили сегодня на рабочем столе.

3

Фиолент Теодорович закончил рассказ. Сгреб со столешницы разложенный пасьянс, сложил карты в колоду и спрятал в ящик письменного стола.

- Командор, - я снова обрел дар речи, - но почему до сих пор о вашей высадке не знает никто? Сенсация ведь мирового уровня! Суперсенсация!

- Возникли кое-какие обстоятельства весьма неприятного свойства, - брови командора слегка сдвинулись к переносице. – Пришлось отложить объявление о первой прогулке по Луне примерно на пару недель...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Брехуненко-Водолей снял домашний тапок и шерстяной носок с левой ноги и приподнял стопу, показывая ее мне. На коже были заметны несколько мелких красноватых пятен.

- На моей правой ноге ничего подобного нет, - сказал командор. – У штурмана Тихолетова тоже на ногах все чисто. Не могу же я демонстрировать мировой общественности свою ногу вот в таком виде? Начнутся всякие догадки и домыслы, поползут панические слухи...

- Вы подхватили какую-то лунную болезнь? – догадался я. – Это опасно?

- Врачи говорят, что сыпь исчезнет примерно через десять дней, - Фиолент Теодорович надел носок и обулся. – Это обычная аллергия, которая появилась после соприкосновения стопы с грунтом на Луне. Медики назвали ее “лунный симптом левой ноги”, а в латинском наименовании добавили еще мое имя, как первооткрывателя – “лунус аллергиус Брехуненко-Водолеюс”.

Вся правда об “Аполлоне-11”

На стене в рабочем кабинете командора Космического флота Фиолента Теодоровича Брехуненко-Водолея висит красивая цветная фотография: космонавт в белоснежном скафандре стоит на тёмно-серой поверхности Луны.

- Хорошие фото, - сказал однажды я, кивая в сторону фотографии. - Первые люди на Луне... Кто это изображён - Нил Армстронг, Базз Олдрин или, может быть, Чарльз Конрад?

- Нет, это мой фотопортрет, - ответил Брехуненко-Водолей, мельком взглянув на фото. - Сделан во время высадки на Луну по программе “Аполлон” в 1969 году.

У меня отвалилась челюсть. Имена и фамилии первых американских астронавтов-участников высадки

на лунную поверхность я знал с детства. И, конечно же, фамилии Брехуненко-Водолей среди них не было.

- Шутите, командор? - фыркнув, предположил я.

- Нисколечко! - Фиолент Теодорович улыбнулся мягкой и доброй улыбкой. - Это моё фото, дорогой мой Мевеземар! Это я стою на лунной поверхности среди камней и маленьких кратеров в Море Спокойствия. И сделана было это фотография в июле 1969 года во время самой первой высадки на Луну.

Я широко распахнул глаза. Меньше всего хотелось заподозрить Брехуненко-Водолея в расстройстве памяти.

- Мне посчастливилось быть участником полета корабля “Аполлон-11” к Луне и пилотировать лунный посадочный модуль “Орёл”.

Перехватило дыхание, и я закашлялся. Неужели и к Брехуненко-Водолею стали потихоньку подбираться старческие умственные болячки?

Наверное, выражение на моём лице было столь красноречиво, что Фиолент Теодорович не выдержал и расхохотался:

- Ладно, дорогой мой Мевеземар, не буду мучить вас загадками. Усаживаясь поудобнее. Я намерен рассказать вам одну весьма занятную историю.

Я плюхнулся в одно из кресел около журнального столика. Командор расположился в кресле напротив.

- Эта история, - начал Брехуненко-Водолей, произошла более трех десятилетий назад. Я тогда только что вернулся из межзвездной экспедиции в планетную систему Проциона...

Отдыхал на северном побережье Австралии, купался, рыбу ловил, наслаждался жизнью, - и вдруг срочный вызов в офис Всемирного космического агентства. И не просто вызов, а к самому директору.

Директором Мирокосмо тогда был Юн Ливэн, старый мой знакомый. На заре космической молодости я дважды или трижды летал с ним в одном экипаже вторым пилотом. Уже в те далекие годы он тогда он был заслуженным космолетчиком, А я ещё числился в

зелёных салагах, новоиспеченных пилотах из института космонавтики.

Юн встретил меня очень приветливо и доброжелательно. Напоил кофе, расспросил о семье и моих “крайних” полетах, и, видя, что я нетерпеливо ерзаю на стуле, перешёл, наконец, к делу.

- Хочь предложить тебе, дорогой Фиолент, - начал директор, поучаствовать в одной довольно сложной космической экспедиции...

- Всегда готов, уважаемый Юн, - немедленно ответил я. - Куда и когда лететь?

- Лететь на Луну!

- На Луну? - Я выпучил глаза. – На нашу Луну?

Полеты на Луну к тому времени уже считались страшной рутинной. Их мог самостоятельно выполнить любой четверокурсник института космонавтики.

- Да, на Луну, - кивком подтвердил Юн. – На Луну - спутник Земли.

- Кгм, - я смущенно кашлянул. – Э... Планируется что-то экзотическое? Полет со сложной научной программой?

- Нет, - ответил директор всё с тем же непроницаемым выражением на лице. – Предстоят обычные посадка и взлет. Несколько часов на поверхности, установка приборов и сбор грунта.

- И это всё? - Я недоумевал. - И это вы называете сложной экспедицией?!

- Фиолент, а ты так и остался всё тем же нетерпеливым мальчишкой! - Юн широко улыбнулся. - И это хорошо! Ладно, не буду тебя больше интриговать. Слушай, какое необычное предстоит выполнить задание...

Он принялся излагать подробности предстоящего полета, и чем больше я узнавал эти подробности, тем выше поднимались мои брови. Такого задания за всю почти двухвековую историю мировой космонавтики действительно не получал ещё ни один экипаж.

Одна из кинокомпаний Голливуда решила снять фильм на историческую тему - о первой высадке на Луну американских космонавтов Нила Армстронга, База Олдрина, и Майкла Коллинза. Последний, напомним, в самой высадке на модуле “Орел” не участвовал, но добросовестно ждал на окололунной орбите возвращения своих товарищей-покорителей Селены и провел множество наблюдений и исследований всего окололунного пространства. О том легендарном полете “Аполлона-11” за два века после его выполнения не единожды уже снимали кино-, видео- и даже мультфильмы. Снимали, конечно же, в студиях Голливуда или на специально для этого подготовленных каменных площадках, которые хоть отдалённо напоминали лунные пейзажи.

А вот новый фильм предполагалось снять “на натуре”, то есть в ходе реального космического полета по трассе Земля-Луна-Земля, в том числе, разумеется, и с настоящей посадкой на лунную поверхность. Для этой цели были изготовлены точные копии ракеты-носителя “Сатурн-5”, космического корабля “Аполлон”, скафандров для космонавтов - в общем, всего полетного оборудования. Влетело всё это, понятное дело, в немалую копеечку. Но, как говорится, большое кино требует больших жертв. Зритель в наше время сделался столь искушенным, что ни в какие компьютерные видеоэффекты больше не верит. Ему подавай настоящую съёмку на настоящей натуре.

Всё шло хорошо, пока перед создателями фильма не возникла еще одна “небольшая проблемка”: пилотировать всю эту космическую машинерию, подготовленную для съемок, могли только настоящие космонавты, а не голливудские актеры. Поэтому было решено, что роли Армстронга, Олдрина и Коллинза в фильме должны были сыграть настоящие покорители космических трасс, профессионалы своего дела.

Двадцать второму веку, дорогой мой Мевеземар, косметология и искусство перевоплощения человека

достигли невиданных высот. Уже не требовались пластические операции, грим, помада и краски для волос, бровей и ресниц. Их полностью заменили мельчайшие нанороботы, которые в несколько слоев наносились на лицо человека или даже на всё его тело. Если самый внутренний слой соответствовал полностью старому лицу, то самый верхний наружный слой уже полностью воспроизводил желаемую вами физиономию. Более того, без микроскопических исследований вообще невозможно было отличить эту новую кожу от натуральной человеческой. Она полностью передавала все тактильные ощущения, температуру тела, и на ощупь была абсолютно неотличима от человеческого эпидермиса. Кроме того, по вашей мысленной команде слои нанороботов могли практически мгновенно перестроиться, и столь же мгновенно менялась ваша внешность.

Конечно, первоначально новая технология создала ряд проблем, в том числе и связанных с криминалитетом, поскольку усложнилось не только распознавание лиц, но и простое снятие отпечатков пальцев стало немалой проблемой. Впрочем, она достаточно быстро решилась за счёт применения для распознавания дистанционного глубокого ультразвукового сканирования.

- Для киносъемки нужны настоящие космонавты, - продолжал объяснение Юн, - и я предложил голливудским продюсером три кандидатуры: твою на роль Нила Армстронга, нашего индийского коллегу Раджива Маматутунутру на роль Эдвина Олдрина, и новозеландца Джона Фраермана в качестве Майкла Коллинза.

- Благодарю за доверие, уважаемый Юн! - выпалил я.

И Раджива Маматутунутру, и Джона Фраермана я знал достаточно хорошо Мы не единожды пересекались на звёздных трассах и встречались на космических базах в самых дальних районах Галактики. Кроме того, Джон

был ещё и моим однокурсником по институту космонавтики.

- Погодите с благодарностями, дорогой Фиолент, - покачал головой Юн. - Вам нужно будет очень тщательно подготовиться к полету.

- Да, пилотировать старичка “Аполлона” нас в институте космонавтики никто не учил! - расхохотался я.

- Ну, Фиолент, вашему экипажу предстоит освоить не только полёты на старой технике, - директор вздохнул. - Есть еще кое-что...

Оказалось, что голливудский мастера экрана хотят достигнуть при съемках фильма полной – то есть абсолютной! - достоверности. Это значит, что во время полета космонавты-актеры должны делать всё точь-в-точь так, как это делали два века назад настоящие Нил Армстронг, Эдвин Базз Олдрин и Майкл Коллинз. Для этого мы должны в точности до секунды произносить все те же слова, которыми обменивались друг с другом и с Центром управления полетом в Хьюстоне космонавты “Аполлона-11”. Более того, самого момента старта и до окончания съемок - а им был обозначен выход экипажа из карантина уже после возвращения на Землю - у нас не будет ни одного мгновения для какого-то иного общения, кроме того, что предписано сценарием фильма. Во всех пилотских отсеках корабля будут установлены десятки миниатюрных видеокамер, которые будут увековечивать каждое наше движение и буквально каждый наш чих.

- Гм, - я задумался. - Уважаемый Юн, а как быть с чисто физиологическими реакциями? Вдруг я или кто-то из моих коллег чихнет в самый ответственный момент?

- Откровенно говоря, дорогой Фиолент, я не знаю, - директор пожал плечами. - Возможно, авторы фильма как-то выкрутятся из таких случайностей при монтаже окончательного варианта картины. Вашей же тройке поставлена задача как можно ближе к реальности воспроизвести все действия экипажа “Аполлона-11” на всём протяжении полета... Конечно, будут суфлеры, но

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

свои роли и последовательность действий от старта и до самого финиша вашей тройке предстоит изучить на зубок.

- Но всё равно полного соответствия не получится, - возразил я. - Мы же не сможем сесть точно в том же месте, что и реальный “Аполлон-11”. Ведь там уже два века стоит настоящий “Орел” Армстронга и Олдрина. Который, кстати, уже давно превратили в мемориал с развлекательным комплексом обслуживания туристов в его ближайшей округе!

- Эта проблема тоже решена. Весь туристический комплекс на время съёмок будет закрыт для посещения и надёжно замаскирован. А в непосредственной близости от него в лунном Море Спокойствия уже сейчас создается съёмочная площадка, полностью имитирующая район прилунения “Аполлона-11”.

- Ого, - я удивленно присвистнул. - В какую же всё это влетит копейку организаторам этого кинодива? Тут нужен миллиардный бюджет для съёмок, не меньше!

- Так оно и есть, - подтвердил Юн. - Уже потрачены и ещё будут потрачены многие миллиарды долларов. Но затея стоит того: впервые снимается фильм, с такой степенью достоверности, с таким реализмом! Скажу тебе даже больше: в период съёмок около Луны и на ее поверхности будет обеспечен режим полного радиомолчания. Будут надёжно замаскированы все объекты искусственной инфраструктуры и на самой Луне, и в окружающем ее о космическом пространстве. У любого зрителя должно сложиться полное впечатление реальности происходящих событий. Даже если он захочет рассматривать эту реальность с помощью электронного микроскопа!

- Н-да, нам придется попотеть. - Я почесал пальцем затылок. - Но затея стоит того! Ни в чём подобном мне и в самом деле еще не приходилось участвовать!

- Значит, я не ошибся, сделав ставку на ваш всё ещё юношеский энтузиазм! - Директор рассмеялся. - Работать начинаем с завтрашнего дня. У нас ровно сто

суток на подготовку. Начало съемок запланировано на 16 июля.

- Если мне не изменяет память, это день старта настоящего “Аполлона-11” с космодрома на мысе Канаверал! - припомнил я.

- И в этой привязке по времени тоже хотят достигнуть полного соответствия, - сказал Юн. - К тому же это всё ещё и глубоко символично: отметить очередную годовщину первой высадки на Луну съёмкой первого реалити - кинофильма!

Нашей тройке - мне, Радживу Маматунутру и Джону Фраерману действительно пришлось немало потрудиться при подготовке к съемкам. Но это были еще только цветочки! Куда большее напряжение - в основном, психологическое, - нам предстояло пережить при осуществлении самих киносъемок.

Человеку, дорогой мой Мевеземар, свойственна свобода воли - свобода принятия решений и свобода выбора способа действий. Мы же практически целый месяц жили в режиме послушных марионеток, которых дергают за веревочки невидимые режиссеры всего этого действия.

Но, с другой стороны, это оказалось еще и весьма интересно - с точностью до малейших движений повторить подвиг великой тройки! Сердце у меня билось, наверное, в том же бешеном ритме, что и у настоящего Нила Армстронга, когда с последней ступени посадочного модуля “Орел” я шагнул на поверхность Луны и произнёс ту же историческую фразу, что и лунный первопроходец:

- Это небольшой шаг для меня, но огромный скачок вперед для всего человечества!

Потом ко мне присоединился Раджив Маматунутру в образе Базза Олдрина. Мы вместе установили американский флаг, расставили приборы и взяли пробы лунного грунта. Ходили, бегали, прыгали между камней и мелких кратеров. В общем, делали всё то же, что и экипаж настоящего “Аполлона-11” двести лет тому назад. Земля отлично подыгрывала нам, повторяя

все реплики настоящих управленцев из Хьюстона во время сеансов связи.

Выполнив всю программу, мы стартовали с Луны, и Джон Фраерман - он же Майк Коллинз в нынешней его ипостаси, - состыковал основной блок со взлетной ступенью. Потом мы включили двигатели корабля и взяли курс к Земле, домой. Три дня обратного полета, спуск в земной атмосфере внутри плазменного облака - и вот уже наш командный модуль качается на океанских волнах, ожидая команду спасателей. Затем ещё были дни карантина, когда мы смогли отоспаться и отдохнуть, хотя врачи и постоянно мешали нам это делать ежедневными и нудными медицинскими обследованиями и процедурами.

И вот настал день, когда съемка фильма завершилась. Иногда я мысленно представлял себе, как это будет: откроются двери карантинного блока, и мы - я, Раджив Маматунутру и Джон Фраерман - выйдем наружу под аплодисменты съемочной команды. Но реальность превзошла все наши ожидания.

Распахнулся входной люк, мы по очереди выбрались наружу и остолбенели. Вместо съемочного павильона внутри одной из студий Голливуда мы оказались на огромной площади, сплошь заполненной встречающими нас людьми. Море цветов, воздушных шаров и огромных лозунгов “Привет покорителям времени!”

- Что-то странное происходит, командир, - прошептал мне на ухо, стоявший справа от меня Раджив Маматунутру. - Вы не находите?

- И причём здесь какие-то “покорители времени”? – в свою очередь удивлённо фыркнул Джон Фраерман, обосновавшийся по левую мою руку. - Что здесь происходит, черт побери?

Я молчал, словно язык проглотил. Молчал потому, что и сам ничего не понимал.

Нас провели на праздничные трибуны, на которых уже стоял не только старина Юн Ливэн, но и самолично

Председатель Мирового Совета, все депутаты Всеземного парламента, министры и руководители управлений Общемирового правительства.

Начался торжественный митинг. Его открыл наш добрый друг Юн. И вот тогда только всё и прояснилось!

Оказывается, наша тройка была не просто участником съёмки реалити-фильма на историческую тему. Одновременно мы оказались ещё и участниками важнейшего научного эксперимента - пожалуй, самого необычного в истории науки.

Лет за десять до описываемых мною событий, мой дорогой Мебвеземар, земная наука впервые взялась за практические эксперименты с пространством и временем. Ну, вы, конечно же, понимаете, о чём речь: это и путешествия в прошлое и в будущее, и в параллельные и альтернативные миры, и во вселенные с другими физическими законами.

Наша “реалити-съёмка” оказалось не просто съёмкой фильма. Шестнадцатого июля, в момент старта ракеты носителя “Сатурн-5”, был впервые осуществлен обмен физическими объектами во времени. Настоящие ракета и корабль с космонавтами из 1969 года были перенесены в наше время. А съёмочный экземпляр “Аполлона” с нашей тройкой отправился в двадцатый век. Армстронг и Олдрин высадились на Луну на тщательно подготовленную съёмочную площадку Голливуда три недели назад. А я и Раджив Маматунутру гуляли по просторам Селены двести лет назад!

В момент приводнение командного модуля “Аполлона- 11” в океане была осуществлена обратная замена объектов: корабли на Земле и на Луне, все отработанные ракетные ступени и научные приборы, образцы лунного грунта и фото киноматериалы вторично поменялись местами во времени. Был осуществлён обратный перенос.

В результате эксперимента ученые доказали, что обмен во времени физическими объектами возможен. Ну, а мастера Голливуда получили в свое распоряжение

двойной набор кинолент - сделанные в настоящее время кадры высадки на Луну Армстронга и Олдрина и кадры моего и Раджива Маматунутру лунного променада два столетия назад. Из них, в конце концов, и был скомпонован “реалити- фильм” об исторической миссии “Аполлона-11”.

Нужно ли говорить, дорогой мой Мевеземар, что фильм имел бешеный успех и невиданные в истории мирового кино кассовые сборы? Фильм получил все мыслимые кинонаграды и призы – от дюжины Оскаров до “Цветочной ветви” Республики Барбадос. Джон Фраерман, кстати, получил Оскара за лучшую мужскую роль и стал актером года. Это поставило жирную точку в его карьере космонавта: Джон сделался профессиональным и очень успешным киноактером, обзавелся целой кучей фанов и страстных поклонниц.

Райджив Маматунутру так увлекся физикой пространства-времени, что тоже забросил космическую карьеру. Он стал профессором университета в Дели и сейчас возглавляет кафедру межпространственной физики, участвует в научных семинарах по всему миру и публикует множество книг и научных статей.

Ваш же покорный слуга сохранил свою верность Его Величеству Космонавтике. На многомиллиардные гонорары я обновил оборудование на моем собственном космическом корабле “Колибри”. Ну, и ещё прикупил антигравитационную дачку над Днепром, в самом центре Киева, - ту самую, на которой мы, мой дорогой Мевеземар, сейчас и находимся.

Командор закончил рассказ. Я сидел как истукан, окаменев от услышанного. История, рассказанная Брехуненко-Водолеем, была столь необычна, что совершенно не укладывалась в голове.

- Командор, - наконец, прошептал я, - но ведь тогда получается...

Я осекся.

Фиолент Теодорович вопросительно взглянул на меня.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Я прокашлялся и уже нормальным голосом выпалил:

- Получается, что именно вы, а не Нил Армстронг были первым человеком на Луне!

Брехуненко-Водолей грустно улыбнулся и покачал головой:

- Нет, мой дорогой Мевеземар. Да, Армстронг высаживался на лунную поверхность в двадцать втором веке, и это была съемочная площадка Голливуда. Но не сам Нил, ни его коллега Базз Олдрин не знали об этом, и действовали так, как должны были действовать настоящие первопроходцы. Я и Маматунутру гуляли по Луне два столетия назад, но внутренне, психологически, были уверены, что работаем над съемками художественного фильма. Армстронг и Олдрин были настоящими героями, а я и Раджив - всего лишь актерами на один фильм.

Он сделал паузу, и тихо добавил:

- Можно поменять местами во времени космические корабли и людей, но подвиг всегда останется подвигом!

Случай в кратере Тихо

Шел по Луне американский астронавт, шел-гулял, камешки всякие собирал. Устал, замерз, проголодался...

Вышел на склон кратера Тихо. Глядь, – а внизу, между камней деревянная избушка стоит, трубой печной дымит.

“Что за чудеса, - думает американский астронавт. – Ну-кась, пойду взгляну чего это там!”

Спустился к избушке, тихонечко приоткрыл дверь, заглянул.

Батюшки святы!

Сидит в избушке за деревянным столом сам Ильич и что-то торопливо пишет. А на коленях у него ящерка зелененькая суетится, прыткая такая, смешная.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Заходите, товарищ, - говорит Ильич, не поворачивая головы. – Не создавайте сквозняк, у меня лампа может потухнуть!

Американский астронавт переступил порог, притворил дверь.

- Присаживайтесь здесь, у печки, - продолжает Ленин, не поднимая взгляда от рукописи. – Пледом укутайтесь, замерзли чай!

Астронавт сел, расположился поудобнее, почувствовал тепло даже сквозь оболочку скафандра.

Кашлянул неловко, спрашивает:

- Как же так, Владимир Ильич? Мы же думали, что вы того... Умерли...

- А я не того, а этого! – весело захохотал в ответ Ленин.

Он закрыл тетрадку, отложил ее на край стола и повернулся к гостю.

- Слухи о моей смерти – это буржуазная провокация, батенька, - веселые искорки сверкнули в темных ленинских глазах. – Выдумка политической проститутки Троцкого! Кстати, как он там поживает?

- Нормально, - машинально ответил астронавт. – Кхе... В том смысле, что умер давно... Лет тридцать назад... Или даже больше...

- Ну, туда ему и дорога, иудушке, - Ильич махнул рукой. – А я вот, батенька, эмигрировал. Здесь, на Луне, - да еще и в кратере имени товарища Тихо, хе-хе, - действительно тихо и спокойно. Никто не беспокоит – ни это полоумное Политбюро, ни ходоки с Поволжья. Благодать! Можно день-деньской работать, работать, работать! Вот мы с Наденькой и не спешим обратно!

Он погладил по голове зеленую ящерку на коленях. Ящерка подняла покрытую бородавками голову, прикрыла веками черные глазки и замурлыкала совершенно по-кошачьи.

Американец подавился воздухом:

- Это... Это – товарищ Крупская? Надежда Константиновна?!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Она самая, - лукаво прищурился, подтвердил Ильич. – Да вы не пугайтесь: это она временно такая. Просто лунных грибочков вчера на ужин перекушала. Ну, да ничего! Денька два ящеркой побудет, потом как царевна-лягушка шкурку сбросит - и опаньки: вот она снова с нами, наш товарищ Наденька!

Астронавт шумно сглотнул нервный комок, застрявший в горле.

- Признаться, я тоже поначалу был не аккуратен, - продолжал вождь мирового пролетариата. – Тоже злоупотреблял местными грибочками под водочку... Хе-хе... Верите, батенька, таким аллигатором здесь разгуливал – самому страшно теперь вспомнить!

Он залился хохотом.

Американец хотел смахнуть со лба холодный пот, но вовремя вспомнил, что его лицо по-прежнему прикрывает стекло гермошлема. Чтобы сменить тему разговора, спросил:

- А вы над чем сейчас работаете, Владимир Ильич? Если не секрет, конечно...

- Над книгой “Вселенная и революция”, - Ленин пружинисто поднялся со стула. – Пролетариат нашего мироздания, батенька, стонет под игом буржуев-рептилоидов! Хотите, я прочту вам по памяти парочку главок из моей новой работы?

Не дожидаясь согласия гостя, он опустил на пол товарища Крупскую, оперся правым коленом на сиденье стула и начал:

- Еще в те времена, когда у нас на Земле жили динозавры...

- “Аполлон”, я – Хьюстон! “Аполлон”, я – Хьюстон! – сквозь треск помех голос мухой жужжал в наушниках скафандра. – Почему не отвечаете?

Американский астронавт открыл глаза. Он сидел на корточках у большого лунного валуна.

- Хьюстон, я – “Аполлон”, - астронавт поднялся, огляделся:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- А где же Ленин? Избушка? Товарищ Крупская?
В эфире повисла тягостная пауза.

- Астронавт Леннон! – рявкнул голос с Земли. – Нам надоели ваши плоские шуточки!

- Хьюстон, но тут действительно был Ильич! И зеленая ящерка Надя... - растерянно пролепетал астронавт. – Которая объелась грибов...

- Это вы, наверное, объелись грибов, Леннон! – взревел басом голос далекой земной Родины. - Шагом марш в лунный модуль! Через час старт, а вас носит черт знает где!

Идущие по мирам

1

Ночь и темная степь смешались за окнами вагона. Изредка за стеклами пролетают огоньки железнодорожных станций и поселков. Горизонта не видно, и наземные огни соединяются с небесными светилami в едином пространстве. Кажется, что поезд мчится где-то на краю Вселенной, мимо редких звезд и созвездий.

- Сейчас космический корабль войдет в сферу покрытия, и мы увидим отца, - тоненькие пальчики Айгуль уверенно скачат по сенсорам планшета.

- Ты уверена, что удастся соединиться? – с сомнением качаю головой. – Расстояние между нашим вагоном и кораблем несколько тысяч километров...

- Ерунда, Кир, - она отмахивается, не отрывая взгляда от экрана. – Когда папа работал на орбитальной станции, мы болтали с ним каждый день. Заранее договорились, что на предпосадочных витках он будет держать свой планшет включенным.

Два часа назад “СоюзМС”, на котором на Землю возвращается отец Айгуль – казахский космонавт Ержан Рустемов, – отстыковался от Международной космической станции. Сейчас космический корабль летит

где-то над Атлантикой и вот-вот должен оказаться в пределах доступности для интернет-связи.

За столиком в вагонном купе мы сидим рядом: Айгуль ближе к дверям, а я - у самого окна. В стекле отражается мое лицо: русые волосы, черные брови, прямой с небольшой горбинкой нос, тонкие губы. Ничего выдающегося, самая обычная внешность. Я бы даже сказал – невзрачная.

- Кстати, я уже бросила заявочку в книгу рекордов Гиннеса, - сообщает Айгуль, искоса мельком взглянув на меня. – Мы сегодня собираемся провести первый сеанс связи между летящим в космосе космическим кораблем и вагоном движущегося поезда.

- Событие, конечно, мирового значения! – иронически фыркаю. – Жаль, что ты не догадалась взять в поезд съемочную группу с центрального телеканала. Мы бы точно стали участниками какого-нибудь телевизионного шоу – “Поговори с космическим папой” или “Привет из созвездия Дракона, дочура!”.

Айгуль смеется, чуть приоткрыв ровные беленькие зубки. У моей соседки по купе темные длинные косы, черные блестящие глаза и соболиный разлет бровей. Небольшой чуть вздернутый носик очень удачно гармонирует с тонкими изящными губами и плавно сужающимся к подбородку овалом лица. Лебединая линия шеи переходит в приподнятые, немного угловатые плечи. Грудь и тонкая талия скрыты толстым серым свитером, а стройные ножки и округлые бедра упакованы в синие облегающие джинсы.

Анечка, еще одна соседка по купе, мягко соскальзывает с верхнего яруса, возится внизу, надевая кроссовки.

- Ты куда это собралась? – бдитительно вскидывается ее мама Елена Петровна. Она отдыхает, лежа на нижней полке напротив меня и Айгуль. Елене Петровне давно за пятьдесят, она полная, дородная женщина. Я уже успел заметить, что дочь — центр ее

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

личной вселенной, причина непрестанных забот и волнений.

- Курнуть схожу, - Анечка хлопает ладонью по карманчику джинсов, из которого торчит пачка лайт-сигарет.

- Анюта, ты стала много курить, - делает замечание Елена Петровна и сердито хмурит брови.

- Мамуль, вторая сигаретка за вечер – это много? – Анечка беспечно отмахивается и выпархивает в коридор. Дверь в купе остается открытой.

Если Айгуль представляет собой тип утонченной восточной красавицы – стройной, черноглазой, с осанкой и пластикой балерины, то Анечка – типичный представитель славянской женской красоты: чуть полновата, но без излишней толстоты, с мягкой походкой и плавными движениями. Румяные щеки на круглом лице и нежно-припухшие губы только подчеркивают озерную глубину синих глаз. Прямой нос, высокий гладкий лоб, русые волосы, подстриженные до плеч, создают законченную гармонию облика девушки – нежного, мягкого, уютно-домашнего.

На экранчике планшета заставка сменяется окошком скайп-вызова. Изображение мгновенно разворачивается, и перед нами предстают лица космонавтов, сидящих в полетных креслах космического корабля. Отец Айгуль держит планшет в левой руке – так, чтобы изображение захватывало весь экипаж “Союза”. На переднем плане оказывается сам бортинженер Ерман Рустемов, потом командир корабля Лев Зайчонок, и с самого края – пилот Чеслав Волянецкий. Все трое в скафандрах, но с поднятыми стеклами гермошлемов.

- Привет, дочка! – Рустемов широко улыбается. – Я на связи, как и обещал.

- Здравствуй, отец! – Айгуль чуть подается вперед.

Рустемов переводит взгляд на меня, – наверное, на его планшете я просматриваюсь так же хорошо, как Зайчонок и Волянецкий на планшетике Айгуль.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Это Кир, мой попутчик, - Айгуль перехватывает взгляд отца. – Он тоже едет на Байконур.

- Кир Макарьев, инженер, - легонько киваю, представляясь. Чувствую себя не совсем в своей тарелке: все-таки Ержан Рустемов, наверное, хотел поговорить только с дочерью. Но на моем участии в разговоре настояла Айгуль. Мы подружились за двое суток путешествия из Москвы в купейном вагоне, и она захотела познакомить меня с отцом.

- Очень приятно, - улыбнувшись мягкой улыбкой, отвечает космонавт и снова обращается к дочери. – Когда твой поезд пребывает на станцию?

- На станции Тюра-Там мы должны быть в половине пятого утра, через семь часов, - Айгуль смотрит на маленькие часики на руке. – Ну, и еще где-то час мне понадобится, чтобы добраться до гостиницы “Космонавт”... Вас же после полета там поселят?

- Угу, - подтверждает Ержан. – Ты особенно не спеши. Посадка у нас через два витка. Это примерно еще часа три полета, не меньше. И то, если поисковая команда вовремя прибудет к месту приземления...

Он задумывается, что-то мысленно подсчитывая, затем поворачивается к Зайчонку:

- Лев, сколько времени обычно занимает эвакуация и перелет на Байконур?

Командир корабля трет пальцем переносицу, прикидывает и изрекает:

- Э... Ну, где-то часа три-четыре в сумме. Если у нас все пойдет нормально, конечно...

- Вот, и считай, дочка, - Ержан снова расплывается в добродушной улыбке. – Мы будем в “Космонавте” часам к восьми утра, как раз к завтраку.

- Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить, - вклинивается в разговор пилот Волянецкий. – Ребята, у нас на корабле есть что-нибудь деревянное? Дайте, я постучу...

Свет в вагоне мигает, вдруг ярко вспыхивает и гаснет.

["Лунное сердце – собачий хвост"]

Хотя наши лица освещаются светом, который исходит от экрана планшета, Рустемов сразу же замечает перемену и усмехается:

- Кажется, космическая техника оказалась надежнее земной?

- Схожу узнать, что там стряслось, - поднимаюсь с полки. Все-таки неловко присутствовать при семейном разговоре. Айгуль торопливо сторонится, чтобы дать мне выйти.

И в это мгновение откуда-то из коридора раздается испуганный крик. Кричит Анечка Бехтерева, наша соседка по купе.

2

Голубоватый луч с экранчика мобильного телефона освещает лицо человека, лежащего на полу в рабочем купе проводников. Темные волосы с заметными прядями седины растрепаны, веки наполовину прикрывают глаза, на бледном лице – застывающая маска удивления и ужаса. На форменной голубой рубашке расплывается ярко-красное пятно. Почти в центре его торчит рукоять ножа в оплетке из разноцветных пластиковых полос. На правой стороне груди к петличке на кармане приколот бейджик с надписью: "Белов Михаил Анатольевич, проводник вагона № 5". Наш проводник...

Склоняюсь над лежащим. Сначала на запястье, потом на шее пытаюсь нащупать пульс. Тщетно, проводник мертв. Но в голос я все же говорю:

- Нужен врач...

Не стоит заранее поднимать панику среди пассажиров вагона. Да и смерть нужно зафиксировать официально.

Рука Анечки Бехтеревой, которая держит мобильный телефон у меня над головой, заметно дрожит. Голубоватый лучик прыгает по лицу и плечам Белова, скользит по впитывающей кровь ткани рубашки. Кажется, что мертвый подмигивает и дышит.

Из первого купе слышен чей-то громкий храп. Словно где-то неподалеку безуспешно пытаются завести трактор.

- Нужно разбудить второго проводника, - спохватывается Айгуль.

Она стоит у меня за спиной, сразу за Анечкой и высоким кучерявым парнем из первого купе. От Анечки и парня исходит легкий запах табака. Наверное, они вместе курили в тамбуре, когда свет в вагоне погас.

- Будите, - пожимаю плечами. – Пусть вызовет врача... И потом - кто-то же, в конце концов, должен включить освещение в вагоне!

Кучерявый парень немедленно начинает барабанить кулаком в соседнюю дверь – спальное купе проводников. За стеной спросонья испуганно вскрикивают, кряхтят, тихо ругаясь по-казахски, – разбуженный человек поднимается с полки. Ворча, ищет в темноте обувь. Добрый десяток секунд ручка на двери дергается с приглушенным металлическим лязгом, – проводник никак не может изнутри открыть дверь.

Наконец, лысая, как бильярдный шар, голова появляется в дверях рабочего купе. Недовольное и испуганное лицо в глубоких морщинах и чем-то напоминает печеное яблоко. Саткан Абылаевич, второй проводник нашего вагона. Я несколько раз заказывал у него чай за двое суток пути и успел запомнить его имя и отчество.

- Извините, что побеспокоили, - кучерявый парень делает шаг в сторону от открывшейся двери, - но вашему коллеге нужна помощь...

Саткан Абылаевич часто моргает, лицо его удивленно вытягивается. Он делает шаг вперед и заглядывает в рабочее купе.

Увидев распластавшегося на полу коллегу с ножом в груди, проводник шарахается назад, и едва слышно вскрикивает.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Айгуль, - голос Ержана Рустемова из динамика планшета звучит встревожено. – Что там у вас происходит?

- Отец, здесь такое... - девушка отзывается почти шепотом. – Я тебе потом расскажу!

- Саткан Абылаевич, - поднимаюсь с корточек, - нужно включить свет. И пусть кто-нибудь сходит в седьмой вагон. Там ведь находится начальник поезда, так? Нам срочно нужен врач. И полицию, пусть вызовут...

- Я пойду за врачом, - немедленно вызывается кучерявый парень. Из пассажиров, которые сейчас столпились около дверей в купе, он один, кажется, не потерял самообладания.

- Ваня, я с тобой, - Анечка Бехтерева тоненько всхлипывает и повисает у парня на плече. Голубой лучик мобильного испуганно мечется по узкому пространству купе.

- Аня, - говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно и спокойно, – Иван найдет дорогу и без вас. Вы лучше посветите Саткану Абылаевичу, чтобы он быстрее разобрался с освещением.

Проводник бочком заходит в купе, - осторожно, чтобы не задеть труп на полу, - и поворачивается к панели оборудования вагона. Анечка поднимает выше светящийся мобильник. Луч освещает полтора-два десятка тумблеров и кнопок.

- Свет или просто выключили, или предохранитель выбило, - через некоторое время сообщает Саткан Абылаевич, щелкает чем-то на пульте и внутри вагона снова зажигаются лампы. – Вагон у нас старый, замкнуло где-то, наверное... Бывает...

Переход от тьмы к свету происходит так резко, что я жмурюсь. Открываю глаза и окидываю взглядом собравшихся около рабочего купе. Невозмутимо-деловитая Айгуль, всхлипывающая толстушка Анечка, мужчина лет семидесяти из первого купе – кажется, соседи называли его Николаичем, -

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

плотный, коренастый, совершенно седой, со слегка обвисшими щеками и болезненно-бледным лицом.

- В седьмой вагон не пройти, - откуда-то справа доносится удивленный голос Ивана. – Да и в остальные купе нашего вагона тоже... Смотрите, какая здесь чертовщина...

3

Иван стоит около чего-то, что отдаленно напоминает стену, равномерно выкрашенную в светло-серый цвет. Преграда перекрыла вагон сразу за дверью во второе купе, в котором едем я, Айгуль, Анечка и ее мама Елена Петровна. Появившаяся стена чуть темнее пластиковых стенок коридора.

- Похоже на очень мягкую, но плотную резину, - сообщает Иван, тыча пятерней в серую преграду. Внимательно рассматривает препятствие, чуть поворачивая голову, и говорит:

– А по форме напоминает часть сферы, которая расположена вогнутой поверхностью к нам. Пройти дальше в вагон совершенно невозможно!

- Ванюша, а нельзя ли потише? – с верхней полки в первом купе в коридор высовывается круглая щекастая физиономия. На вид мужчине уже за пятьдесят. Высокий лоб переходит в круглую лысинку, обрамленную пегими волосами. Пухлые губы тонут среди округлых щек. Глубоко посаженные “пороссячи” глазки метают молнии недовольства.

- Извините, Виталий Юрьевич, - Иван растерянно разводит руками. – Тут что-то странное...

- Что там может быть странного, Ваня? – Виталий Юрьевич недовольно морщится, садится на полке и начинает слазить на пол. Он толстоват и неуклюж, одет в белую майку и спортивные штаны в обтяжку. Натужно пыхтит, опуская ноги в проем между купейными полками. Упирается руками в край постели, матрас под его пятерней предательски съезжает в сторону, и пассажир с

грохотом рушится вниз. Чертыхается, встает на ноги и выбирается в коридор.

– Гм, действительно какая-то хрень... - кругленький и пузатенький Виталий Юрьевич осторожно трогает указательным пальцем стенку, перекрывающую коридор за вторым купе. Чешет пятерней в затылке и поворачивается к нам:

- А ведь и в самом деле не пройти...

- Смотрите, что это... - сипло произносит Иван и указывает пальцем за стекло.

Ночи за окнами вагона больше нет. Все вокруг застилает мутная серо-белесая пелена.

- Похоже на продолжение стены за окном, - говорит Айгуль, всматриваясь в пространство за стеклом.

- Похоже, эта штука окружила весь вагон, - произносит Иван, выглянув в окно и повертев головой. – Она впереди и сзади, сверху и снизу... И везде вогнутая!

Я поворачиваю голову влево и заглядываю в окно рабочего купе проводников. В нем тоже видна серая туманная поверхность, слегка загибающаяся вокруг вагона.

- Куда же это мы въехали? Какой-то туннель в тумане, что ли... – на щекастой физиономии Виталия Юрьевича появляется выражение озабоченности. Он делает по коридору несколько неуверенных шагов в нашу сторону, и его взгляд натывается на труп проводника в рабочем купе:

- Ох... Это же... Ой! Кто же это его, а?

На его лице отражается испуг. Глазки округлились, рот приоткрыт, на щеках проступает белизна.

- Пока ничего не известно, - пожимаю плечами. – Хотели позвать врача и полицию, но теперь, как я понимаю, это вряд ли удастся сделать...

Дотошный толстоватый пассажир из первого купе почему-то не вызывает у меня никаких симпатий. И ведет он себя как-то странно: так словно не слышал ни испуганного крика Анечки Бехтеревой, когда она первой увидела труп, ни нашей шумной суеты около купе

проводников. Хотя, если поразмыслить, вполне может стать, что толстощекий пассажир и в самом деле дремал или спал. Есть же такие “тугоухие” сограждане, которых не то что криком, но и артиллерийской канонадой не разбудишь.

- Нужно немедленно об этом сообщить, - упрямо изрекает Виталий Юрьевич, испуганно и беспомощно моргая ресницами. – Это же убийство!

– Иван как раз собирался пройти в седьмой вагон к начальнику поезда, - поясняю, - но дорогу ему перегородила вот эта серая вогнутая стена.

- Можно связаться с начальником поезда по радиосети, - кашлянув, предлагает Саткан Абылаевич.

Он тут же берет с пульта продолговатый коричневый микрофон и щелкает переключателем:

- Говорит Баянгожин из пятого вагона. У нас чрезвычайное происшествие...

В ответ из динамиков на пульте не слышно ни звука. Даже нет обычного для железнодорожной связи треска помех.

- Наверное, связь повреждена, - проводник мерзляковато дергает плечами и достает из кармана мобильный телефон:

- Попробую так дозвониться...

Близоруко щурясь, он толстыми короткими пальцами набирает номер на клавиатуре, подносит телефон к уху, и несколько секунд спустя, сообщает:

- Гм, абонент недоступен...

- Ой, что это? – Айгуль вдруг стремительно наклоняется вперед.

Мы – я, Анечка и сама Айгуль – стоим рядом с брошенным на пол скомканным куском белой ткани.

Айгуль приседает на корточки и осторожно касается рукой белой материи.

- Это же простыня, - удивленно произносит она пару секунд спустя и двумя пальцами тянет ткань вверх. Простыня разворачивается. С самого края на ней ярко выделяется небольшое красное пятно. Кровь...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Тот, кто ударил проводника ножом, боялся оставить отпечатки на рукояти, - догадываюсь я. – Он держал нож через ткань простыни!

Если детство и юность прошли в семье, где еще дедушка с бабушкой “грешили” ловлей зарубежных разведчиков и диверсантов, папа руководит частным сыскным агентством, а мама еще и пишет романы о сыщиках и шпионах, не стоит удивляться, что у выросшего дитяти прорежутся хотя бы ограниченные детективные способности. Констатирую уже с полной уверенностью:

– А потом убийца бросил простыню за ненадобностью...

Рассматриваю найденную улику и прикидываю, что это довольно неудобно — держать рукоять ножа, обернув ее краем простыни. Простыня могла за что-нибудь зацепиться в момент удара. Но, видимо, убийца очень спешил, и времени, чтобы подобрать что-то другое, меньшее по своим размерам, у него просто не было.

Из первого купе вновь доносится громкий храп.

- Разоспался, товарищ, - недовольно кривит губы пухлощекий Виталий Юрьевич. Он заглядывает в первое купе и начинает тормозить соседа с нижней полки:

- Эй, просыпайтесь... Хорош дрыхнуть...

- Что?! Что случилось? - мужчина отрывает голову от подушки и всполошено таращится в коридор. – Авария, да?

- Тут хрен знает что творится, а вы спите, - Виталий Юрьевич отступает на шаг. – Еще и храпите...

Разбуженный пассажир поднимается с полки, высовывается из купе, водит вокруг еще сонным перепуганным взглядом, силясь понять, что происходит. На вид ему слегка за тридцать. Антрацитово-блестящие волосы, черные, как смоль усы и такого же цвета глаза. Кожа очень темная, словно мужчина провел несколько месяцев то ли на черноморском побережье, то ли в вечно солнечной пустыне Сахара.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Проснувшийся выбирается в коридор, озирается, заглядывает в рабочее купе и сиплым голосом констатирует:

- Жмурик, мать твою так...

- Преднамеренное убийство, - блещет эрудицией зрителя детективных сериалов Виталий Юрьевич. – Труп!

У него такой вид, словно он собирается, не медля ни секунды, заняться расследованием преступления. Тоже мне, Эркюль Пуаро из “Восточного экспресса”. Гм, или там была бабушка Марпл? Только частных детективов домашней выпечки нам здесь и не хватает!

- Если нельзя пройти в седьмой вагон, - поразмыслив, говорю я, - нужно идти в голову поезда, к машинисту тепловоза. Пусть свяжется с ближайшей станцией по радио, вызовет “скорую помощь” и полицию...

- Давай пойдем вместе, - тут же предлагает Айгуль и берет меня за руку. Ладонки у нее холодные.

4

Мы направляемся к тамбуру, но не успеваем сделать и пяти шагов, как дверь распахивается нам навстречу. Ураганный порыв ветра едва не валит нас с ног. Айгуль у меня за спиной испуганно вскрикивает. Я прикрываю лицо ладонью и щурю глаза, вглядываясь вперед.

Плотный, бешено вертящийся вихрь, словно сотканный из ключев светлого-серого тумана, появляется в дверном проеме. Нас всех невидимой силой расталкивает по сторонам коридора, и нечто упругое, серебристое стремительно перемещается мимо прямо к перекрывшей вагон грязно-белесой стене. Ошеломленный Иван пятится в сторону.

Еще несколько секунд бешеного суматошного вращения и вихрь замирает, уплотняется. Мгновение, другое - и туманно-облачная высокая фигура с человеческими очертаниями останавливается около серой стены, так внезапно появившейся в вагоне.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Я пришел покарать убийцу, - трубно-завывающий голос, кажется, звучит отовсюду. Так, словно звук рождается прямо в голове. – Назовите его имя!

Мы молчим. Дыхание, наверное, перехватило не только у меня.

- Имя! – взрывает голос-ветер. – Назовите имя!

- Мы не знаем имени убийцы, - наконец, выдыхаю я.

Снова нарастающий вой. Грохочущие молоты бьют в виски, глаза слезятся, как на ветру, от фигуры веет страхом, но я все же отваживаюсь спросить:

- Кто вы?

Ветер и вой мгновенно стихают. Фигура наливается темнотой, становится темно-серой.

- Меня называют Думрул – шагающий по мирам, - туманный призрак говорит на незнакомом языке, но я почему-то понимаю каждое его слово. Телепатия, что ли?

- Это дух батыра Думрула, - тряским голосом шепчет Айгуль у меня за плечом. – По народным преданиям он появляется всегда, когда нужно восстановить справедливость. На убийц он насылает Алдашы – ангела смерти с красными крыльями...

- Айгуль, дочка, да что же такое у вас там происходит? – снова звучит полный тревоги голос Ержана. Странно, но связь с летящим по орбите “Союзом” по-прежнему есть.

- Ты не поверишь, отец, - девушка поднимает планшет на уровень лица, разворачивая экраном и веб-камерой в сторону туманной фигуры. – Посмотри сам!

- Что это? – за много километров от нашего вагона Рустемов всматривается в изображение на своем планшете. – Я вижу только какую-то тень в тумане...

Словно невидимая сила толкает призрачную фигуру от вогнутой стены вперед. Сотканное из туманных полос лицо приближается к светящейся рамке планшета. Я шарахаюсь в сторону, Айгуль вскрикивает, задыхаясь от ужаса.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Я знаю, как найти убийцу, - трубный глас снова пронзает узкое пространство вагонного коридора.

Снова гул ветра и бешеное вращение серебристых лент. Закручивающаяся в высокий столб спираль плавно уходит вверх, протекая сквозь крышу вагона. Несколько мгновений - и туманного призрака уже нет. Только светло-серая стена по-прежнему перекрывает вагонный коридор.

- Растаяло привидение, - облегченно выдыхает Виталий Юрьевич, робко выглядывая из второго купе. Его лицо приобрело мучнисто-бледный оттенок. – Ну, и слава тебе, Господи!

Он торопливо крестится.

Я делаю пару глубоких вдохов и выдохов, стараясь успокоить колотящееся сердце, и говорю:

- Нужно все-таки попытаться дойти до головы поезда. Айгуль, ты не передумала идти со мной?

Однако мы добираемся только до дверей за тамбуром. Перехода между вагонами больше не существует. Светло-серая вогнутая стена – точная копия той, которая перегородила коридор по другую сторону вагона, закрывает путь.

- Это Думрул нас запер, - сдавленно произносит Айгуль прямо мне в ухо. – И так будет, пока он не найдет убийцу...

- Мне кажется, что мы оказались внутри какого-то большого серого шара, - я киваю в сторону перерезавшей ход стены. – Тогда понятно, почему ничего не видно в окна: за стеклами такая же вогнутая поверхность.

- Что же теперь делать? – голос девушки испуганно дрожит. На ее лице растерянность и смтение.

- Попробуем сами разыскать преступника, - поворачиваюсь к ней и ободряюще кладу руки на хрупкие плечики. - Рана на груди проводника еще кровоточила, когда мы его обнаружили. Значит, убийство произошло недавно. Скорее всего, уже после того, как погас свет... Убийца где-то рядом!

Я вообще-то человек влюбчивый. Конечно, в мои двадцать четыре у меня уже были девушки, интрижки и целые романы. С одной из подружек мы даже почти целый год прожили вместе на съемной квартире, пока не поняли что друг другу не пара.

Но Айгуль... Она какая-то совершенно другая. Неземная, что ли? Что-то есть в ее стройной фигурке, мягкой улыбке, в темных как ночь глазах, что заставляет учащенно стучать мое сердце и перехватывает дыхание. Хочется прижать девушку к себе, обнять, почувствовать теплоту и нежность ее тела. Но я не решаюсь. Просто боюсь, что от одного моего неловкого движения может рухнуть тот маленький мир, в котором я и она оказались.

5

- Стена отрезала нас от остальных вагонов и со стороны головы поезда, - сообщаю всем, когда мы возвращаемся в коридор.

Среди людей, оказавшихся запертыми в зажатой между кривыми стенами части вагона, царят растерянность и полное непонимание того, что происходит. В первом купе о чем-то вполголоса переговариваются седовласый Николаич и круглощекий Виталий Юрьевич. Смуглый храпун торчит у окна в коридоре с отсутствующим и отрешенным взглядом. Елена Петровна покинула свою полку и обеспокоено рассматривает возникшую поперек вагона серую стену, высунув голову из дверей купе. Саткан Абылаевич сидит на корточках около тела Белова, и что-то тихонько шепчет под нос. Наверное, читает молитву. Анечка, присев на откидной стульчик в коридоре, трет красные от слез глаза. Кудрявый Иван стоит рядом с ней и нежно поглаживает ее плечо. В левой руке он держит смартфон.

- Я попробовал дозвониться друзьям в Москву, но сеть пропала, - Иван поворачивается ко мне.

- На моей мобилке тоже нет соединения, - всхлипнув, подтверждает Анечка. Наша милая толстушка,

на первый взгляд такая самоуверенная, оказалась робкой плаксой.

- Интернет почему-то вырубился, - вздыхает Айгуль, постукивая указательным пальчиком по сенсорному экрану планшета.

- Наверное, мы просто вышли из зоны покрытия, - я пожимаю плечами. – Встречаются же еще такие медвежьи углы, где нет никакой сетевой связи...

- А мне кажется, что это серая сфера вокруг вагона экранирует все сигналы, - качает головой Айгуль. – Мы внутри нее, и теперь полностью отрезаны от всего мира.

Иван внимательно смотрит на экранчик смартфона, и его брови медленно ползут на лоб:

- Очень странно... У меня остановилась индикация времени. Я мысленно сосчитал до ста, а время все то же – двадцать один час тридцать четыре минуты...

- Любите вы, молодежь, мудреные штучки. А может, твой агрегат просто разрядился? – ехидно похикивает Виталий Юрьевич и достает откуда-то с верхней полки свой мобильный телефон. – Э... Гм... Пятьдесят четыре часа семьдесят шесть минут... К-ха... Ерунда какая-то...

- У меня механические часы, - смуглый молодой мужчина из первого купе бросает взгляд на циферблат и на лице его появляется озадаченное выражение:

- Время – двадцать один тридцать, но... Секундная стрелка движется назад!

Он стучит ногтем по стеклышку часов с таким видом, словно пытается пальцем остановить включившую обратный ход стрелку.

- Ой, и у меня стрелка скачет назад! – Айгуль показывает мне циферблат маленьких часиков на руке. – Часы сломались!

- Возможно, что мы находимся в сильном магнитном поле, - кашлянув для придания голосу большей уверенности, говорю я. – В мощных силовых полях иногда начинают врать и электронные, и механические часы.

Мое куцее объяснение отчасти удовлетворяет всех. Непонятный факт обрел хоть какое-то логичное объяснение.

Я где-то читал, что в необычной ситуации нужно обязательно предложить людям нечто хорошо знакомое. Или занять всех какой-нибудь полезной деятельностью. Найти общее занятие для всех в “огрызке” вагона, который оказался внутри чего-то, похожего на серый шар, - проблематично. Поэтому начинаю с индивидуальной работы.

Первое, что делаю, – устраиваю “перепись населения”, как тут же метко выражается Айгуль. За двое суток дороги мы с соседями по вагону познакомились чисто номинально. Сейчас же сложившиеся обстоятельства требуют большей информации друг о друге.

Во всем должен быть порядок. Родители приучили меня к этому с детства. Они, кстати, встретились и полюбили друг друга как раз на Байконуре — только тогда, в конце восьмидесятых годов прошлого века, он еще назывался Ленинск. Отец служил лейтенантом-испытателем на космодроме, а мама была ефрейтором-телефонисткой в батальоне связи. Поэтому дисциплина царила в нашем доме всегда, даже после того, как родители уволились из армии и создали в Киеве частное сыскное агентство.

Поочередно прохожусь по трем купе и расписываю всех по занимаемым местам.

Рабочее купе проводников – Баянгожин Саткан Абылаевич. И труп Белова Михаила Анатольевича на полу...

Первое купе: инженеры фирмы “Энергия” - Петровин Сергей Николаевич, Кузин Виталий Юрьевич и Полякин Иван Андреевич. Едут на космодром Байконур готовить к полету очередной космический грузовик. Их смуглый сосед - Довченко Александр Андреевич – частный предприниматель, следует до Кзыл-Орды “по коммерческим делам”.

Второе купе: тоже четыре человека. Айгуль Ержановна Рустемова едет на Байконур встречать отца-космонавта. Это мне уже и без пояснений девушки известно.

Еще в нашем купе едут до Алматы Бехтеревы Елена Петровна и Анна Сергеевна, возвращаются домой после поездки к родственникам в Подмосковье.

Ну, и я, Кир Антонович Макарьев. Еду преподавать в филиале нашего института. Два года назад окончил Санкт-Петербургский институт практической космонавтики и поступил в аспирантуру, подрабатывал инженером в кафедральной лаборатории. Однажды меня вызвал к себе завкафедрой:

- Слушай, Кир, - сказал он, озабоченно хмуря лоб, едва я переступил порог его кабинета. - В нашем филиале на Байконуре неприятности — доцент Сергей Павлович Подлесных сломал ногу. Врачи говорят, что он проведет в гипсе как минимум полгода. А у него в этом учебном году сразу два курса лекций: “Космодинамика” и “Наземные испытания космических аппаратов”. Ты бы не смог его подменить? Не в службу, а в дружбу, а?

Я пожал плечами и согласился. Опыта преподавательской работы у меня не имеется никакого, но если меня считают достойным, чтобы заменить опытного доцента Подлесных, разве же я буду против?

Жены и детей у меня тоже пока нет. Живу в общежитии, вещей имею самый необходимый минимум. Поэтому собрался оперативно. Спустя сутки после разговора с завкафедрой, я уже садился в скоростную электричку “Санкт-Петербург — Москва”, а еще спустя сутки - в купейный вагон поезда “Москва — Алматы”.

Итого в “огрызке” вагона нас девять человек. Если не считать коченеющий труп Белова в рабочем купе проводников.

- Что ты теперь собираешься делать? – спрашивает Айгуль, когда я заканчиваю перепись.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Давай займемся расследованием убийства, - предлагаю я. - Перво-наперво мне хочется узнать, кому принадлежит окровавленная простыня.

Простыня так и висит на поручне напротив купе проводников, куда ее пристроила Айгуль.

- Товарищи, - я прошелся взад-вперед по коридору, стараясь говорить громко, чтобы меня услышали все, - прошу проверить постельное белье. Все ли у вас на месте?

Пассажиры, - словно только и ожидали моих слов, - бросаются пересчитывать наволочки, простыни, одеяла и полотенца. Общую растерянность сменило хоть какое-то коллективное действие, пусть и поспешно-суматошное, но объединяющее людей маленькой общей заботой.

Уже через минуту выясняется, что нет верхней простыни на постели у Сергея Николаевича Петровина.

- Я выходил из купе в туалет, и простыня была на месте, - седовласый Николаич растерянно моргает. В серых глазах испуг. – Вы же не думаете, что это я мог...

- Не думаю, - успокаиваю его, слегка похлопывая по локтю. – Если бы вы были убийцей и воспользовались своей же простыней, чтобы не оставить отпечатки пальцев на ноже - это было бы слишком явно. Просто убийца увидел, что вас нет на месте, и взял простынь. Он двигался в темноте, без обуви, — то есть практически бесшумно. Переместился по коридору к рабочему купе проводников и убил Белова.

- Это хорошо, что вы не считаете меня убийцей, молодой человек, - с сарказмом и заметной обидой говорит Петровин. – Но если простынь взял убийца, как же этого не заметили мои соседи по купе?

- Я спал, - торопливо заявляет смуглый храпун с нижней полки – Александр Довченко.

- Могу подтвердить, – он действительно спал, - пузатенький Виталий Юрьевич ехидно хихикает. – Храпел так, что заснуть было совершенно невозможно! Я

отвернулся к стене вагона, закрыл уши, а задремать так и не смог!

- Вот преступник и воспользовался тем, что один из вас лежал, отвернувшись к стенке, другой спал, а третий – вышел в туалет, - подытоживаю я. – А четвертым, на верхней полке слева, у вас...

- Это мое место, - говорит из коридора Иван. – Когда погас свет, я курил в тамбуре вместе с Анечкой.

- Ваня действительно вышел раньше меня, - подтверждает Петровин. – А дверь в наше купе осталась открытой...

- Я не пойму, зачем преступнику вообще понадобилось брать простыню? – Виталий Юрьевич хитровато щурит глаза. – Если убийца хотел зарезать проводника и не оставить отпечатков пальцев на ноже, можно было просто стащить полотенце у Сергея Николаевича или у нашего соседа – он кивает в сторону Довченко.

- Свое полотенце я взял в туалет, - замечает Петровин.

- А мое – всегда лежит под подушкой, - Довченко скалитяся. – Сохранней будет!

- Простыня понадобилась не только для того, чтобы на рукояти не осталось следов, - терпеливо поясняю я Виталию Юрьевичу. Есть же на свете люди, которые не понимают элементарных вещей, несмотря на то, что по телевизору непрерывной волной идут фильмы и целые сериалы о сыщиках и доблестных полицейских. – Скорее всего, убийца использовал ее еще и для маскировки...

- Белую простыню? В темноте? – Кузин недоверчиво фыркает.

- Именно так, - киваю я. – Если бы убийцу кто-то увидел в темном вагоне, то человеческий взгляд, прежде всего, отметил бы белую простыню. А человек, который держал ее в руках, остался бы “невидимкой”. Кроме того, чужая простыня – это ложный след...

6

- Ты считаешь, что преступник подхватил простыню в первом купе, ударил проводника ножом и сбежал? – шепотом спрашивает Айгуль, когда мы выходим в коридор из первого купе.

- Пока не знаю... Попробуем выяснить, откуда пришел убийца и куда он мог скрыться, - я делаю шаг к Ивану и Анечке, которые стоят у окна и о чем-то тихонько разговаривают. – Ребята, вы никуда не отлучались из тамбура, когда курили?

- Нет, - оба почти синхронно трясут головами, а Иван добавляет:

- Сначала Аня вышла в тамбур, а потом я. Мы курили и разговаривали. Как только стало темно, решили вернуться в вагон.

- Когда вы были в тамбуре, мимо никто не проходил? В вагон или из вагона?

- Мы стояли друг напротив друга, - напоминает Анечка, морща носик. – Нет, через тамбур никто не проходил.

- Это совершенно точно! – поддакивает Иван.

- Кир, когда Аня пошла курить, я лежала на нижней полке, - Елена Петровна выглядывает в коридор. Она слышала наш разговор. – Дверь в купе была открыта. Мимо никто не проходил. Ни в сторону купе проводников, ни оттуда.

Что же получается? Со стороны головы поезда мимо Ивана и Анечки никто не проходил. Ни в наш вагон, ни из нашего вагона. От хвоста поезда в купе проводников мимо Елены Петровны тоже никто не проходил. И не выходил обратно. Значит, убийцей мог быть только кто-то из людей, которые едут в первом и втором купе? Или еще в купе проводников?

- Убийца мог находиться в купе проводника, - Айгуль словно угадывает мои мысли и задумчиво водит пальчиком по серой стене, перегородившей коридор. – Он выключил свет, убил Белова и убежал. Сейчас он где-то там, за этой стеной...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Не вяжется, - секунду поразмыслив, качаю головой. – Откуда тогда у убийцы простыня Петровина?

- А если так... - Айгуль задумывается всего лишь на мгновение и выдает на-гора новую версию:

- Убийца был внутри купе проводника, вышел, взял простыню Петровина, вернулся и зарезал Белова. А потом выключил свет и уже в темноте пробежал по коридору внутрь вагона.

А вот это вполне вероятно... Ай да Айгуль! В логике этой девушке не откажешь! Такая версия убийства тоже вполне возможна. Хотя...

- Аня, - я снова поворачиваюсь к младшей Бехтеревой, - когда вы шли покурить, дверь в купе проводников была открыта?

Анечка снова морщит лобик, припоминая:

- Ну, да... Этот дядечка, Белов то есть, сидел и читал газету.

- Кир, проводник был один в рабочем купе, - Иван сразу понимает, к чему я клоню. – Я же у него еще чай заказывал, когда шел за Анечкой в тамбур! Сказал, что покурю и заберу.

Версия Айгуль сразу же рассыпается, как карточный домик на ветру. Убийца не мог заранее находиться в рабочем купе проводников вместе с Беловым.

- Значит, проводник отложил газету в сторону, и принялся готовить чай, - я окидываю присутствующих взглядом. – А потом погас свет и появился убийца...

Я не успеваю закончить мысль. Пол под ногами проваливается. Тело само собой подпрыгивает, устремляется вверх, и мгновение спустя я весьма ощутимо прикладываюсь темечком об металлический потолок вагона.

- Мамочки, мы падаем! – истошно вопит Анечка и одной рукой впивается в поручень около окна, а другой в рукав куртки Ивана. От этого рывка верхняя часть туловища Полякина наклоняется вперед, а ноги описывают полукруг, разворачиваясь в сторону потолка.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Айгуль испуганно визжит, зажмурив глаза и обхватив обеими руками планшет и плечи. Ее тоже приподняло над полом вагона и медленно сносит к потолку.

Елена Петровна вцепилась пальцами в купейную полку, но и ее ощутимо запрокидывает вперед. Из первого купе доносятся возмущенные вопли: то ли Петровин, то ли Кузин – а, может быть, и оба, - спикировали на смугляка Довченко.

Я выронил блокнот и ручку, и теперь они дрейфуют в воздушном пространстве: ручка вертится колесом, а блокнот самопроизвольно раскрывается. Кажется, что чьи-то невидимые пальцы не спеша перелистывают страницы.

- Это невесомость! – ору я из-под потолка. – Мы в невесомости!

Расстеленная вдоль коридора ковровая дорожка приподнялась и извивается словно живая. Узоры вдоль левого и правого краев придают ей сходство с толстой, лениво шевелящей телом змеей.

- Кир, посмотри в окно! – кричит Иван и тычет пальцем в стекло.

Я перевожу взгляд, и у меня перехватывает дыхание.

За стеклом окна космос, самый настоящий космос! Ослепительно яркое Солнце, серпик Луны в черном небе, а ниже – Земля. Белоснежные облака в голубоватой дымке атмосферы, желто-салатно-коричневая земная поверхность внизу.

И на этом фоне хорошо виден космический корабль “Союз”. Его отделяет от нас едва ли сто метров. Зеленый шар орбитального отсека, ореховых тонов фара спускаемого аппарата, белоснежный цилиндр приборно-агрегатного модуля, из которого в обе стороны раскинулись синие крылья солнечных батарей. Корабль стремительно несется в нашу сторону, увеличиваясь в размерах с каждой секундой.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Неведомая сила стремительно и мощно разворачивает наш вагон в пространстве - тамбуром к летящему навстречу “Союзу”. Анечка испуганно визжит, едва не переходя на ультразвук, в первом купе тоже орут в три мужских голоса.

Удар, резкий толчок, металлический скрежет.

А потом наступает тишина...

7

- По-моему мы только что столкнулись с космическим кораблем, - Иван нервно облизывает побелевшие губы.

Он висит вверх ногами между потолком и полом вагона, одной рукой придерживая за талию белую, как полотно, и почти лишившуюся чувств Анечку, а другой ухватившись за металлический поручень под оконной рамой.

- Кажется, у нас началась коллективная галлюцинация, - я еще стараюсь сдерживать эмоции, хотя сердце уже бухает молотом где-то на уровне ключицы.

Мне удастся обеими руками вцепиться в обрез двери второго купе. Айгуль со спины обхватывает меня за шею, и прижимается всем телом, жарко дыша в левое ухо.

Я смотрю вдоль коридора в сторону тамбура.

- Обрати внимание на окно напротив купе проводников, - киваю Ивану. – Форточка открыта настезь...

- Ты думаешь?.. – белесые брови Полякина сдвигаются к переносице.

- В настоящем космосе воздух из вагона в доли секунды вышел бы наружу, - поясняю я. – В вакууме нас бы уже в клочья разорвала разность давления.

- Если мы не в космосе, - Айгуль, кажется, окончательно пришла в себя и подает голос из-за моей спины, - то откуда тогда невесомость?

- Не знаю, - я пожимаю плечами. – Может быть, и невесомость – это тоже галлюцинация.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Тогда скажи... - начинает девушка, но закончить не успевает.

Дверь, ведущая в тамбур, распаивается настезь и в проеме возникает Ержан Рустемов – собственной персоной. Космонавт одет в белоснежный скафандр с откинутым за плечи гермошлемом.

- Отец! – радостно вопит Айгуль прямо мне в ухо.

Рустемов отталкивается от косяка входной двери и летит в нашу сторону. И тут я замечаю, что с казахским космонавтом что-то не так. Движения его рук механические и порывистые, лицо похоже на застывшую безжизненную маску, а глаза светятся красно-золотистым отсветом, словно внутри головы Ержана кто-то развел костер. Фигуру бортинженера “Союза” окутывает едва заметное облако сизовато-серого тумана.

- Папка, что с тобой? – сдавленно шепчет Айгуль.

- Ержан, ты куда собрался? – в дверях появляется второй космонавт в скафандре, и я узнаю командира “Союза” Льва Зайчонка. За его спиной сквозь распахнутую дверь тамбура виднеется открытый люк космического корабля, из которого выглядывает третий член экипажа - пилот Чеслав Волянецкий.

- Я должен найти и наказать убийцу, - не оборачиваясь, говорит Рустемов странным утробно-трубным голосом, при этом рот его приоткрыт, но губы не двигаются.

Он проплывает мимо нас и останавливается около перекрывшей вагон серой стены.

- Папа, папочка, - высунувшись из-за моей спины, Айгуль тянется к отцу.

Взгляд Рустемова безразлично скользит по лицу девушки:

- Я не знаю тебя, молодая женщина. Но ты не убийца.

Айгуль дергается, словно получила пощечину. Полуобернувшись к ней, я замечаю, что ее лицо искажено гримасой обиды, и она едва не плачет. Не глядя,

перехватываю руку девушки и успокаивающе сжимаю пальцами узкую и холодную ладошку.

- Ержан, - Лев Зайчонок добирается по коридору до серой стены, у которой застыл бортиженер. Осторожно касается пальцами плеча Рустемова. – Нам нужно вернуться на корабль. Пойдем.

- Я должен найти и наказать убийцу, - бесцветным голосом повторяет отец Айгуль и качает головой.

- Ержан, посадка “Союза” на следующем витке, - Зайчонок старается говорить как можно убедительнее и спокойнее. Я вижу, что дается это ему с трудом. - Мы не можем здесь оставаться!

- Возвращайтесь на корабль, - говорю я и киваю в сторону Рустемова:

- Мы за ним присмотрим...

- Я не могу оставить здесь члена моего экипажа, - Зайчонок трясет головой, озирается по сторонам:

- Еще бы только понять, что с нами случилось...

- Ничего особенного: просто ваш “Союз” состыковался с вагоном поезда “Москва – Алматы”, - весело фыркает Иван из-под потолка. – Полнейший бред!

- Может быть, и бред, - соглашается Лев и устало трет пальцами глаза. – Сначала к нам в спускаемый аппарат – прямо через закрытый люк в орбитальный отсек - непонятным образом проникла какая-то туманная фигура и в буквальном смысле вошла в Ержана. Потом в иллюминатор мы увидели в космосе обломок железнодорожного вагона, даже без колес, кстати. “Союз” сам собой развернулся и воткнулся в вагонный тамбур. И Ержан полез из корабля наружу... Вот это все – разве не бред?

- Смотрите, космоса больше нет! – Иван кивает в сторону окна.

Землю, Луну, Солнце и черное пространство Вселенной снова сменила светло-сизая пелена тумана. Я поворачиваю голову в сторону тамбура. За распахнутой дверью вагона теперь не виден пристыкованный “Союз”, там снова серая стена. Начинаю чувствовать, как

руки и ноги постепенно наливаются тяжестью, а тело неодолимо тянет книзу.

- Осторожно, невесомость пропадает, - успеваю крикнуть, прежде чем сила тяжести окончательно вступает в свои права и властно утаскивает нас вниз. Иван едва успевает сделать полусальто в воздухе и развернуться ногами к полу.

Ержан садится на корточки рядом с серой стеной. На его лице по-прежнему маска полного безразличия. Лев Зайчонок присаживается рядом с Еленой Петровной на нижнюю полку во втором купе, устало откидывается на спину и тыльной стороной перчатки скафандра вытирает со лба серебристые бисеринки пота:

- Так... Я, кажется, только что отстал от собственного корабля. Волянецкому придется сажать “Союз” в одиночку...

У Зайчонка круглое лицо, волнистые темно-русые волосы и карие глаза. Слегка оттопыренные уши, курносый нос и пухлые губы придают его лицу выражение детскости, шаловливой несерьезности и абсолютной негероичности. Хотя Лев – насколько я помню, – уже перешагнул в четвертый десяток и является достаточно опытным космонавтом: две полугодовые экспедиции на Международную космическую станцию что-нибудь да значат. Сейчас ему вдвойне нелегко – к резкому переходу от шестимесячного пребывания в невесомости в условия земной гравитации добавилась психологическая проблема: шутки – шутками, но Зайчонок действительно стал первым земным космонавтом, который отстал от своего космического корабля!

Немного отдышавшись, Лев окидывает всех нас взглядом и спрашивает:

- Кто-нибудь может мне объяснить, что происходит, а?

- У нас в вагоне произошло убийство, - начинаю пояснения, присаживаясь напротив Зайчонка. Рядом

немедленно втискивается Айгуль. – Зарезан проводник Белов. А после этого появился туманный призрак...

- Это дух батыра Думрула, который по преданиям ищет и карает убийц, - добавляет Айгуль. Она уже совладала с эмоциями, хотя нет-нет, да и косится в сторону присевшего в коридоре на корточки отца.

- Дух, значит? – лицо Зайчонка кривится в скептической ухмылке. – И что же, он всегда так карает убийц - ловит на орбите пролетающие мимо космические корабли и вселяется в космонавтов?

- Нет, конечно, - Айгуль качает головой. – Это предание считалось обычной народной сказкой, выдумкой...

- Выдумка, однако, стала реальностью, - замечаю я. – Почему-то...

- Кажется, я могу объяснить, что произошло, - после долгой паузы произносит Айгуль. – По легендам дух батыра Думрула не может сам увидеть убийцу. Ему нужна подсказка людей. Он должен воплотиться в кого-то из потомков своего рода, чтобы найти и покарать преступника.

- Ага, - догадываюсь я. – И ты считаешь, что Думрул воплотился в твоего отца?

Айгуль кивает.

– А почему этот ваш Думрул пробудился именно сейчас? – скептически кривится Иван. Он стоит в коридоре напротив открытой двери в купе. – Убитый Белов – не герой, не общественный деятель, не известный ученый. Он – обычный проводник.

- Могила батыра, если верить преданиям, находится именно в той местности, по которой мы проезжаем, но почему он проснулся именно сейчас... - девушка растерянно пожимает плечами.

- Возможно, сработал какой-то внешний фактор, - Виталий Юрьевич Кузин заглядывает в наше купе. Он, смуглый Довченко и старик Петровин тоже выбрались в коридор. – Этот фактор просто совпал по времени с моментом убийства.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Мне в голову приходит довольно интересная мысль, и я говорю:

- Кажется, можно объяснить, почему дух батыра Думрула проснулся именно сейчас.

Все немедленно оборачиваются в мою сторону.

- Дух могло воскресить электромагнитное излучение, - начинаю пояснять я. – Помните, Айгуль разговаривала с отцом по скайпу. Могила батыра оказалась как раз в сфере покрытия. Поэтому излучение пробудило призрак. И когда случилось убийство, дух прямиком отправился в наш вагон!

- Сомнительно, молодой человек! – Кузин оттопыривает нижнюю губу. – С научной и инженерной точек зрения – крайне сомнительно!

- Ну, ты даешь, Кир! – гогочет Иван Полякин и хлопает меня по плечу. – Мобильный интернет – как стартовый ключ для пробуждения духов! Это круто!

- А потом Айгуль решила показать отцу появившегося в вагоне батыра Думрула и навела на него видеокамеру планшета, - невозмутимо продолжаю я. – Ержан Рустемов увидел Думрула, но и батыр тоже увидел Ержана. И решил в него вселиться, чтобы найти и покарать убийцу. Помните, как дух улетел вверх прямо сквозь крышу вагона?

- Чепуха! – фыркает из коридора Иван. – Неужели вы и в самом деле думаете, что дух батыра поднялся в космос и потащил следом наш вагон, чтобы вселиться в тело космонавта? Ну, бредятина ведь, товарищи!

- Ваня, у тебя есть другое объяснение? – ледяная улыбка появляется на лице Айгуль. Девушка в споре принимает мою сторону.

Иван молча супится.

- Ладно, примем предположения Айгуль и Кира в качестве рабочей гипотезы, - примирительно произносит Зайчонок. – Пусть эта сказка хоть как-то объясняет стыковку “Союза” с вашим вагоном. Что будет делать дух дальше?

Вопрос адресован Айгуль.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Искать убийцу во всех землях, которых достигли люди, - она не медлит с ответом. – Или куда долетали их стрелы.

- А перемещаться по землям дух Думрула будет внутри этой сферы, которая отрезала часть нашего вагона от внешнего мира! – с лукавой подначкой подытоживает Иван. Полякин вовсе не намерен сдавать свои позиции без боя. – Красивая выдумка, ребята, ничего не скажешь!

- Это не выдумка, а правда, - произносит Айгуль напряженным голосом. – Ну-ка, взгляните в окно!

8

За оконным стеклом – степь, нескончаемый ковер высокой пожелтевшей травы. Краешек солнца еще только показался из-за горизонта. Малиновые отсветы зари скользят по редким облачкам, застрявшим на бело-голубом куполе неба почти в зените.

Ержан резко поднимается с корточек и, не проронив ни слова, пружинистой походкой направляется к тамбуру, шествуя мимо поспешно сторонящихся пассажиров. Глядя на уверенные шаги Рустемова, и не скажешь, что он только что вернулся из космоса, проведя в невесомости более полугода. Его движения размерены, точны и хорошо скоординированы. Впрочем, вполне возможно, что все это – влияние вошедшего в него духа батыра Думрула.

- Я - за Ержаном, - Лев Зайчонок тяжело поднимается с полки. Ему в отличие от бортинженера еще предстоит снова привыкать к земным условиям.

- Давайте помогу, - вскакиваю с места, чтобы придержать Зайчонка под руку, но он останавливает меня решительным жестом:

- Я - в порядке, Кир. И вообще: хочешь научиться плавать, – прыгай в воду и плыви!

Он весело подмигивает и выходит из купе. Мне нечего ему возразить. Я только смотрю вслед космонавту, мысленно отмечая, что по коридору он идет

не качаясь, размеренной походкой, хотя и придерживается за поручни внизу вагонных окон.

Судя по звукам, доносящимся из тамбура, Рустемов распахивает дверь вагона, поднимает защитную крышку и по ступенькам спускается на землю. Я выглядываю в окно и вижу, что Ержан неторопливо идет прямо в степь. Зайчонок отстает от него шагов на десять. Шагает вполне уверенно, хотя и широко расставляя ноги, – словно моряк во время качки на судне.

- Я тоже хочу выйти, - заявляет Айгуль и поворачивается ко мне:

- Кир, составишь компанию?

- С удовольствием! Нужно попытаться узнать, куда это нас занесло!

Мы едва ли не вприпрыжку мчимся по коридору. Я спускаюсь на землю первым и подхватываю прыгнувшую следом Айгуль.

Снаружи вагона еще ощущается ночная прохлада. Ветра нет, в воздухе разлит тонкий аромат выгоревшей на солнце травы и каких-то полевых цветов.

- Ух, ты! Смотри! – Айгуль дергает меня за рукав.

Оглядываюсь назад и удивленно охаю: вагон, со ступенек которого Айгуль и я только что спустились, висит в пространстве над травяным ковром, ни на что не опираясь. Точнее говоря, висит только та его часть, которую отсекли светло-серые торцевые стены в районе тамбурного перехода и второго пассажирского купе, - “огрызок” вагона.

- Магия, не иначе. Или же... - я чешу пальцем затылок и смеюсь:

- Айгуль, а в народных сказаниях ничего не говорится о том, могут ли духи овладеть антигравитацией?

- Кир, я даже особенно и не удивляюсь, - на губах Айгуль возникает ироническая усмешка. – Если мы побывали в космосе, остались живы в вакууме и состыковались с “Союзом”, то антигравитация на Земле – это, согласись, уже сущая мелочь!

Оглядываюсь по сторонам. Степь окружает вагон со всех сторон, до самого горизонта.

В передвижении Ержана Рустемова произошла перемена. Если сначала он шагал напрямик в степь, то теперь повернул почти под девяносто градусов к прежнему курсу, постепенно закругляя путь вокруг повисшего в воздухе огрызка вагона. Двигаться в бок, по часовой стрелке, он начал на расстоянии примерно ста метров от нас. Я мысленно прикидываю, и получается, что Ержан, перемещаясь с той же скоростью, что и сейчас, замкнет круг вокруг вагона минут через двадцать пять – тридцать. Взгляд Рустемова по-прежнему устремлен вдаль.

- Дух, вселившийся в отца, ищет убийцу по всем сторонам света, - произносит Айгуль со вздохом. – И так будет на всех землях, куда он доберется...

- И сколько же земель Думрул намерен посетить? – интересуюсь я. - В преданиях об этом ничего не сказано?

- Он может скитаться вечно... Пока не найдет и не покарает убийцу.

- В каких бы землях не побывал Думрул, но убийца все же среди нас, - говорю я. - Может быть, поэтому дух батыра и тащит за собой внутри сферы ту часть вагона, в которой произошло убийство. Чувствует, что преступник рядом...

- Почему ты думаешь, что убийца еще здесь? – Айгуль резко поворачивается ко мне.

- Потому, что из вагона в сторону купе проводников никто не проходил и от головы поезда в вагон тоже никто не заходил. Потому, что до самого момента убийства, - до того, как погас свет, - Белов в рабочем купе был один. Значит, убийца среди тех девяти человек, которые оказались в отрезанной духом части вагона. Если из этого перечня вычеркнуть нас с тобой, остается семеро.

Во взгляде девушки я читаю понимание и... И еще что-то, от чего сердце сладостно замирает.

Кашлянув, смущенно отвожу взгляд и спрашиваю:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Как ты думаешь, если мы разыщем преступника, твой отец освободится от духа Думрула?

- Конечно! Духу батыра нужна только подсказка. Он покарает убийцу и оставит тело отца!

Она медлит и тихонько добавляет:

- Я надеюсь...

Сзади нас слышны удивленные вопли. Это вся честная компания - Иван с Анечкой, троица из первого купе – Кузин, Петровин и Довченко, - вывалила из вагона и обнаружила, что огрызок поезда висит в воздухе, не касаясь земли. В вагоне остались только проводник Баянгожин и Елена Петровна.

Я ищу взглядом Зайчонка. Лев отстал от Рустемова и внимательно разглядывает какие-то металлические обломки, торчащие из травы всего метрах в сорока от зависшего в воздухе вагона.

- Лев Трофимович, что вы там нашли? – интересуюсь я, припомнив отчество Зайчонка.

- Хотите, – верьте, хотите – нет, - космонавт оставляет обломки и идет к нам, - но это искореженные останки первой ступени ракеты-носителя. Боковой ускоритель, который падает обратно на Землю в специально отведенном районе отчуждения.

- И где же этот район расположен? – спрашивает Айгуль.

- На северо-востоке Казахстана, - Зайчонок щурит глаза, осматривая степь. – Судя по всему, мы сейчас именно там и находимся!

- А как вам антигравитация? – я киваю в сторону повисшего над степью “огрызка” железнодорожного вагона.

- Впечатляет. Хотя... Может быть, это все-таки не антигравитация? Скажем, сильное магнитное поле могло бы дать похожий эффект. Вагон ведь металлический.

- Это легко проверить! – откликается Иван. Он слышал слова Зайчонка.

Полякин нагибается, берет небольшой ком сохшейся земли, и, размахнувшись, бросает его под

вагон. Ком пролетает под днищем вагона и падает среди травы на той стороне.

- Ну, и что это должно значить? – спрашивает Айгуль.

- Неужели не понятно? – Иван снисходительно улыбается. – Ком должен свободно пролететь сквозь магнитное поле. А искусственная гравитация обязательно изменила бы его траекторию.

- Не факт, - возражаю я. – Искусственное гравитационное поле под вагоном может компенсировать естественное земное поле тяготения. Тогда под вагоном будет невесомость. Через которую ком пролетит, не меняя траектории.

- Невесомость, говоришь? – мы не успеваем опомниться, как Иван в два шага оказывается около вагона, становится на четвереньки и в таком положении пытается пролезть под повисшим над землей “огрызком” поезда. Ему, однако, удается переместиться вперед только на десяток-другой сантиметров. А далее словно кто-то невидимый останавливает тело Ивана, разворачивает его, чуть приподняв в воздух, на сто восемьдесят градусов и мягко, но решительно отбрасывает прочь в траву. Охнув, Полякин приземляется на пятую точку.

- Ну, братцы... - он встает с земли и отряхивает джинсы. – Это точно не невесомость... А может попробовать...

- Хватит экспериментов, - Зайчонок останавливает Ивана, подняв руку. – Ваня, что бы там ни было, это может оказаться небезопасным.

- Скорее всего, здесь под вагоном не антигравитация, и не магнитное поле, - делает вывод Айгуль. – Произошло уже столько чудес, что их можно объяснить только магией.

- Ох, магия-шмагия, - недоверчиво кривит губы Иван. – Бабушкины сказки и дедушкины присказки!

...Я не ошибся в расчетах и предположениях. Описав круг примерно за полчаса, Ержан снова

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

направляется к нам, останавливается у ступенек и бесцветным голосом произносит:

- На этой земле нет убийцы! – и, не проронив больше ни слова, поднимается внутрь вагона.

- Быстро за ним! – командует Зайчонок. – Кажется, нам снова предстоит перемещение...

Мы поспешно карабкаемся по ступенькам. Как только я захопываю входную дверь, стень исчезает, и за стеклами вагонных окон снова воцаряется сизая мгла.

9

- Вернемся к нашим барашкам, - я придерживаю Айгуль в тамбуре, осторожно взяв под локоть. – У нас на подозрении остается четыре человека: Довченко, Кузин, Петровин и Баянгожин.

- Гм... А почему же остальные вне подозрений? Всего в вагоне девять человек, без нас – семеро. Ты же сам только что говорил.

- Давай рассуждать логически, - начинаю загибать пальцы. – Ты и я. На момент убийства у нас обоих есть алиби: ты видела меня, я видел тебя. Значит, ни один из нас не может быть убийцей.

- Тогда алиби есть и у Елены Петровны, - Айгуль встряхивает черными косами. – Она лежала на нижней полке и не выходила из купе.

- Правильно мыслишь, – киваю я. – Кроме того, Елена Петровна – тучная и пожилая женщина, передвигается с трудом. А убийца должен был в темноте действовать быстро и ловко: добежать до рабочего купе, ударить ножом Белова и вернуться обратно.

- Тогда под подозрение попадают все молодые люди, которые на момент убийства оказались в вагоне: этот смуглый крепыш Довченко, Иван, Анечка...

- Довченко храпел на своей полке, - так громко, что это все слышали. У Ивана и Анечки – тоже есть алиби: они вместе курили в тамбуре, и не выпускали друг друга из виду ни на секунду...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Не согласна, уважаемый Шерлок Холмс, - в черных глазах Айгуль вспыхивает огонек смеха. – А если они соучастники? Если Иван и Анечка заранее договорились убить Белова?

Ее вопрос повергает меня в состояние легкой прострации.

Я не предполагал, что убийца может оказаться двое. Точнее говоря, убийца все же один, но у него есть сообщник, который обеспечивает преступнику алиби.

- Вот смотри, - Айгуль начинает водить пальчиком по стеклу окошка на двери в тамбуре, словно что-то рисует. – Иван вполне мог дожждаться пока Петровин зайдет в туалет – в тамбуре слышно, когда закрывается дверь. Он быстро вернулся в свое купе, взял простыню с постели Петровина, убил Белова, выключил свет и снова вышел в тамбур. Там его уже дожидалась сообщница – Анечка.

Я начинаю мысленно прорисовывать маршрут Полякина в роли убийцы. Здесь с Айгуль можно согласиться, здесь – тоже. А здесь...

- Ничего не получается, мой милый доктор Ватсон, - я растягиваю губы в торжествующей улыбке. – Скажи, если Иван – убийца и зарезал Белова, зачем ему понадобилось уже после убийства гасить свет? Ударил бы ножом проводника, закрыл дверь в рабочее купе, и вернулся к Анечке. Зачем же свет гасить? Чтобы убитого быстрее обнаружили возмущенные наступившей темнотой пассажиры? Нет, преступник сначала выключил свет, а уже потом убил Белова!

- Наверное, убийца хорошо видит в темноте, - высказывает еще одно предположение девушка.

- Совсем необязательно, - возражаю я. - Силуэт Белова был хорошо виден на фоне окна в рабочем купе проводников. Видимо, когда убийца появился из коридора, проводник стоял боком к дверям и лицом к пульту оборудования вагона — старался понять, почему погас свет. Преступник схватил Белова за плечо, резко

развернул к себе и нанес точный удар ножом прямо в сердце.

- Вполне может быть, - соглашается Айгуль. - Итак, у нас на подозрении действительно остаются четверо...

Девушка делает паузу и перечисляет:

- Петровин, Кузин, Довченко и Баянгожин. Если учесть, что у Довченко есть алиби...

- Вот и давай разберемся с этой тройкой или четверкой, - киваю я. – Помозгуем вместе!

Айгуль не успевает ответить. Легкий толчок откуда-то снизу и серая пелена за стеклянным окном во входной двери снова исчезает.

10

...Огрызок вагона висит над покатым горным склоном. Гора постепенно переходит в поросшую густым лесом долину. Солнце едва показалось из-за верхушек деревьев, и мир заполнен длинными и тонкими тенями. Шаловливый ветерок перебирает стебельки в островках травы, там и сям разбросанных среди каменной россыпи.

Ержан Рустемов снова идет по кругу вокруг вагона, всматриваясь в даль.

- Лев, как вы думаете, где мы сейчас находимся? – спрашиваю у Зайчонка, который выбрался из вагона следом за бортинженером и сейчас внимательно оглядывает окрестности, прикрывая ладонью глаза от слепящего солнца.

- Трудно сказать, Кир, - космонавт качает головой. – Северное полушарие, средние широты... Большого пока сказать не могу. Хотя...

Он быстрым шагом перемещается к ближайшей россыпи камней. Наклоняется, разгребает грунт, и извлекает на свет трубчатый изогнутый кусок металла.

- Очень похоже на часть рамы от переходника со второй ступени ракеты, - Зайчонок вертит выгнутую трубу перед глазами, внимательно разглядывая. – Ага, так и есть! Вот и маркировка сохранилась!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Рассмотрев со всех сторон, он небрежно отбрасывает обломок металлической конструкции:

- Теперь могу примерно сказать, где мы находимся. Это горный район на северо-восток от Байконура. Может быть, даже Алтай. Район падения вторых ступеней ракет-носителей.

- В степи вы нашли обломки первой ступени, здесь – второй, - замечаю я. – Дух, вселившийся в Рустемова, выбрал очень странный маршрут!

- Дух батыра Думрула должен пройти по всем землям, до которых могут добраться люди, живущие на его земле, или долететь их стрелы, - напоминает Айгуль.

- Тогда следующая остановка будет где-нибудь на Камчатке или еще где-то – там, где обычно падают третьи ступени ракет! – хохочу я.

- Поживем, – увидим, - философски изрекает Зайчонок. – Вот на третьей остановке и проверим твою гипотезу!

Пассажиры из вагона снова высыпали наружу – теперь вышли даже Баянгожин и Елена Петровна.

- Какой свежий воздух! – Кузин вдыхает полной грудью, потягивается. – Вот бы здесь задержаться на пару недель! Отдохнуть, погулять...

- Может и вправду остаться? – усмехается Довченко, топорща черные усики. – Собрать вещи и пойти, куда глаза глядят. Рано или поздно обязательно наткнемся на какое-нибудь человеческое жилье. Всяко лучше, чем на хвосте и у призрака путешествовать...

- Если только дух батыра даст нам возможность уйти, - Петровин кивает в сторону шагающего вдали Рустемова. – Мне почему-то кажется, что мы не свободны в передвижениях.

- А вот это мы сейчас проверим! – немедленно откликается Иван. – Пробегусь-ка я куда-нибудь!

Нет, все-таки Полякин – неудержимый экспериментатор!

Он крутит головой, выбирая маршрут:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Вон там, метрах в двухстах от нас, большой валун видите? Я туда и обратно!

Иван трусой бежит в сторону валуна. Мы молча смотрим ему вслед.

Добежать до камня у Полякина не получается. Он удалился от вагона примерно на сто двадцать – сто тридцать метров, когда невидимая рука поднимает его над землей, разворачивает в воздухе и толкает обратно. Иван приземляется на четвереньки, поднимается, снова поворачивается лицом к валуну и вытягивает вперед руки, словно ощупывая что-то.

- Очень похоже на стену внутри нашего вагона, - говорит он спустя несколько секунд. – Только у нас внутри стена серого цвета, а здесь – невидимая!

- Горная прогулка на свежем воздухе отменяется! – с сарказмом изрекает Зайчонок. – Придется нам, товарищи пассажиры, попутешествовать вместе с духом!

...Дух батыра Думрула не нашел убийцу Михаила Белова и на землях Горного Алтая. Рустемов вернулся к вагону, и перед тем, как забраться внутрь, повторно изрек:

- Я не нашел здесь убийцу!

И снова мутная пелена растеклась за окнами вагона.

11

Люди постепенно начинают жить привычной жизнью даже в самых необычных условиях.

Баянгожин аккуратно накрыл труп Михаила Белова старыми простынями и возится в спальном купе проводников. Троица из первого купе – Петровин, Кузин и Довченко - о чем-то тихо беседует. Елена Петровна прикорнула на нижней полке. Иван и Анечка отправились “курнуть” в тамбур. Лев Зайчонок подремывает у дверей купе, – в полуметре от сидящего на корточках под серой стеной Ержана. Мы – я и Айгуль – шепчемся сидя за столиком около окна.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Итак, попробуем разобраться с четверкой подозреваемых, - я достаю из кармана джинсов свернутый вчетверо листочек бумаги, на котором всего пару часов назад сделал “перепись населения”. – Так, Петровин Сергей Николаевич... Возраст – сильно за шестьдесят, консультант на фирме “Энергия”. Теоретически он, конечно, мог убить Белова. Идет из купе в туалет, по дороге убивает проводника, гасит свет в вагоне и прячется. Простыня с его койки на месте преступления – это улика...

- Наоборот, - Айгуль тихонько смеется. – Это доказательство его невиновности!

- Не понимаю...

- А ты вспомни свои рассуждения, когда речь шла об Иване и Анечке! – она не перестает хихикать. – Зачем убийце гасить свет, если он уже убил проводника? Это во-первых. Во-вторых, если Петровин не хотел, чтобы на ноже остались его отпечатки пальцев, то зачем ему простыня? Он шел в туалет, и у него было с собой полотенце! Логично, товарищ Жеглов?

- Логично, товарищ Шарапов, - я вынужден согласиться. – Кроме того, Сергей Николаевич Петровин - староват и к тому же носит очки. Вряд ли он может быстро передвигаться в темноте.

Ставлю на листе прочерк рядом с фамилией Петровина.

- Номер два в нашем списке – Кузин Виталий Юрьевич. Начальник отдела с той же фирмы “Энергия”. Слазит с полки, берет простыню Петровина, убивает Белова, гасит свет и – бегом снова на свою полку.

- Сомневаюсь, что у Кузина получилось бы бесшумно слезть со второй полки, чтобы убить проводника, - Айгуль трясет косами. – Вспомни, как он слазил, когда нашли тело Белова и снова зажгли свет. Он же сорвался вниз и упал!

- Да, толстоват Виталий Юрьевич для акробатики да еще и в темноте... Третий номер списка – Довченко

Александр Евгеньевич. Коммерсант, едет в Кзыл-Орду заключать какой-то договор.

- Я хорошо помню его храп еще до того, как погас свет, и уже в темноте, - Айгуль смеется. – Этот Довченко проспал и убийство, и все, что за ним последовало!

- Ладно, перейдем к четвертому номеру. Проводник вагона Баянгожин Саткан Абылаевич. Открывает дверь спального купе проводников, гасит свет, убивает Белова, возвращается обратно в купе и делает вид, что спит... Нет, тоже не получается! Помнишь, когда Иван в темноте стучал в дверь спального купе, чтобы Баянгожин проснулся и зажег свет? Я совершенно ясно слышал, как Саткан Абылаевич тихонечко в сердцах ругался за стенкой вагона. Если бы он это делал на публику, то обязательно ругался громче. Теперь вспомни, как он долго и с грохотом открывал дверь спального купе. Там действительно плохая дверь. В темноте и очень быстро Баянгожин не смог бы ее ни открыть, ни закрыть. Кроме того, зачем ему воровать простыню Петровина, если под рукой полно другого тряпья – старые полотенца, наволочки?

- Так что же получается? – Айгуль удивленно округляет глаза. – Ни один из четверки подозреваемых не может быть убийцей?

- Мистика какая-то! – я вздыхаю. Устремляю взгляд в серую пелену за окном.

И почти в то же мгновение серая стена за стеклом тает.

Яркий солнечный день. Солнце в выгоревшем до белизны небе. И темно-зеленое зеркало воды до самого горизонта...

12

- У кого-нибудь есть фотоаппарат? – Зайчонок реагирует раньше всех нас. Вот что значит тренированный космонавт!

- У меня на планшете встроенная камера, - Айгуль выглядывает из-за моего плеча.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Отлично, - радуется Лев. – Тогда снимай!

Я прикладываю козырьком ладонь ко лбу, защищая глаза от солнца, и вглядываюсь в океан. Ержан Рустемов уверенно шагает от вагона прямо по воде. Его ноги примерно на сантиметр или полтора не касаются сине-зеленой, чуть колышущейся глади.

- Свят-свят-свят, - шепчет из тамбура Кузин. – Кто бы рассказал, – ни в жизнь не поверил. Библейский сюжет, да и только!

- Может, здесь над водой есть какая-то невидимая пленка, - старый инженер Петровин никак не хочет поверить очевидному. – Или что-то вроде крепкого стекла... Ну, не может же в самом деле он идти по воде!

- Предлагаете проверить? – Зайчонок опускает ногу на последнюю ступеньку лестницы. – Сейчас позэкспериментируем...

Экспериментаторские порывы Ивана Полякина на прошлых “остановках” явно оказались заразительны.

- Погодите, Лев Трофимович, - я останавливаю космонавта. – Если опыт не удастся, – только скафандр намочите. А он еще может пригодиться. Давайте я попробую!

- Вообще-то скафандр рассчитан на пребывание в воде, - Зайчонок отступает в сторону, давая мне дорогу. – Но это уже чрезвычайный режим. Ладно, пробуй ты!

Я, конечно, не такой рьяный экспериментатор, как Ваня Полякин, но тоже терпеть не могу болтать попусту и строить пустые теории. Лучше один толковый эксперимент, чем десяток красивых гипотез — этот житейский принцип стал моим кредо еще со времен факультативных занятий в школьной физической лаборатории.

Я быстро снимаю туфли, стаскиваю носки и до колен закатываю джинсы. Замираю над водной гладью. Зайчонок подхватывает меня под мышки и говорит:

- Попробуй коснуться ногой воды.

Я тут же опускаю вниз правую ногу. Пальцы моментально уходят под воду. Вода – как парное молоко, теплая.

- Теперь перенеси центр тяжести, - продолжает командовать Лев. – Только не спеши!

Послушно наклоняюсь вправо. Касаюсь ступней воды и теряю равновесие. Нога немедленно уходит под воду едва ли не по колено. Я успеваю ухватиться рукой за поручень вагона, а Зайчонок удерживает меня под мышку. Подтягиваюсь обратно на ступеньку лестницы.

- Вот и ответ, - комментирует космонавт. – Люди по воде ходить не могут!

- Стоило ноги мочить, - снисходительно замечает Довченко. Он наблюдает за нашими опытами из открытого окна напротив купе проводников. – Это не человек ходит, а призрак. Нам надо что-то придумать, чтобы от него избавиться.

- Он отыщет убийцу и уйдет сам, - немедленно реагирует Айгуль. Стоя в тамбуре, она добросовестно ведет планшетом следом за идущим по кругу Ержаном. – Уйдет, и человек, в которого он вселился, снова будет свободен. Так говорится в преданиях.

- Ваши предания говорят, что дух должен искать убийцу на разных землях, - язвительно замечает Кузин. – А где вы тут видите землю, милая девушка? Кругом одна вода!

- Скорее всего, имеется в виду философское понятие земли, - я решительно становлюсь на защиту соседки по купе. – Дух ищет преступника в тех местах, где побывали люди. Или творения их рук.

- А что, кто-то побывал именно в этом районе океана? – лицо Виталия Юрьевича излучает глубокий скептицизм. – А почему не в других?

- В степи мы нашли остатки первой ступени ракеты, в горах – обломки второй, - Лев Зайчонок присаживается на ступеньку рядом со мной. – Сейчас мы где-то в южной части Тихого океана – судя по положению солнца на небе. А это как раз район падения третьих ступеней.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Очень мило! – возмущенно пыхтит Кузин. – Значит, следующая остановка будет там, куда падает четвертая ступень? Где? В Австралии? В Америке?

- В Америку и Австралию четвертые ступени не падают, - возражаю я. – Они, как правило, остаются на околоземной орбите.

- Что, опять в космос? – глаза Виталия Юрьевича лезут на лоб. – Ну, уж увольте! Хватит с меня этой вашей невесомости!

На память о стыковке с “Союзом” на лбу Кузина осталась приличных размеров сизо-красная шишка.

- Даже если вы сейчас захотите сойти, - Зайчонок лукаво щурится, - боюсь, у вас ничего не получится! Помните, опыт Ивана на прошлой остановке? Дух батыра не позволил ему выйти за пределы невидимой сферы. Уверен, что уплыть нам тоже не позволят. Да и в какую сторону плыть? Кругом океан, точную привязку на местности сделать не удастся...

- Даже часы по-прежнему барахлят, - говорит Довченко и тычет пальцем в циферблат наручных часов. – Секундная стрелка прыгает назад, а маленькая стрелка стала крутиться быстрее, чем минутная!

- У меня вообще уже восемьдесят четыре часа двадцать три минуты, - Кузин достает из кармана спортивных штанов мобильный телефон. – Время и в самом деле сошло с ума!

...Ержан Рустемов возвращается к висящему над водой вагону через десяток минут и снова заявляет, глядя в пространство перед собой пустым взглядом:

- Здесь нет убийцы!

Серая муть за оконными стеклами...

13

- Кажется, наше расследование, уважаемый Эркуль Пуаро, зашло в тупик, - в черных глазах Айгуль грусть и растерянность. – У нас есть труп, но так и нет ни одного подозреваемого.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Значит, что-то упускаем из виду. Какое-то обстоятельство, которое меняет всю картину преступления. Какую-то малость...

Мы по-прежнему стоим в тамбуре. В куцем “обрубке” железнодорожного вагона это единственное место, где можно пообщаться наедине.

- Давай подойдем к делу с другой стороны, - поразмыслив, предлагаю я. – У каждого умышленного убийства должен быть мотив. Какой мотив у убийцы Белова?

Айгуль морщит хорошенький носик, складывает бантиком губки и думает.

- Ну, предположим, месть...

- Мечь? – я выгибаю брови. – Гм, в общем-то допустимо... Хотя... Садиться в поезд, чтобы отомстить проводнику? Сделать это на третий день поездки? И сразу попасть в круг подозреваемых в убийстве? Согласись, все это выглядит не очень логично.

- А если убийца просто поссорился с Беловым? – тут же выдает новую версию Айгуль. – И в эмоциональном порыве ударил его ножом!

- Ссора – это конфликт, как правило, на повышенных тонах, - я трясую головой. – Никто не слышал, чтобы Белов с кем-то ругался.

- Он мог поругаться с убийцей раньше...

- Тогда это уже не ссора, а месть за ссору. Ты помнишь, чтобы были какие-то конфликты во время нашей поездки?

Айгуль отрицательно качает головой. Снова задумывается.

- Может быть, Белов узнал какую-то тайну убийцы?

- Какую тайну в поезде мог узнать проводник? – я не сдерживаюсь и скептически фыркаю. – Где он мог пересечься с убийцей так, чтобы уличить его в чем-то тайном?

- В купе ничего тайного не обнаружишь, - соглашается Айгуль. – Там едет по четыре пассажира... Все у всех на виду. А если за пределами вагона, во время

остановок? Убийца с кем-то встретился на перроне, а проводник увидел?

- Вряд ли... Что тайного можно сделать на перроне? С кем встретиться, чтобы вызвать подозрение со стороны проводника?

- С каким-нибудь другим преступником, например.

- Ну, тогда Белов должен был знать, что это преступник, - я усмехаюсь. – И дальше что? Встреча любого пассажира на перроне с преступником, еще не делает пассажира нарушителем закона.

- Ну, а если преступник на перроне что-то передал пассажиру, а Белов увидел? – Айгуль достает из колоды предположений новую карту.

- И этот вариант не годится, - с ходу решительно отмечаю ее версию. – Тогда передаваемая вещь заранее должна была быть такой, чтобы вызвать подозрение у проводника. Например, автомат Калашникова без упаковки... Нет, я думаю, что если Белов и узнал что-то тайное, то это могло случиться только в вагоне...

- Кроме купе, в вагоне есть только коридор, тамбуры и туалеты, - Айгуль загибает пальцы. – И больше ничего!

- В коридоре ничего тайного не сделаешь, - отмахиваюсь я. – В тамбуре – тоже: одна дверь ведет в вагон, вторая – в соседний вагон; из обеих дверей в любой момент может кто-нибудь появиться.

- А в туалет вообще ходят поодиночке. Убийца и проводник никак не могли появиться там вместе, - с ухмылкой заключает Айгуль.

- Вот видишь... - я согласно киваю. – Хотя...

Мне в голову приходит неожиданная мысль. Я решительно беру девушку за руку:

- Ну-ка, идем!

- Куда? – на лице Айгуль читается удивление.

- В туалет!

- Кир, ты сошел с ума? – ее глаза едва не вылезают из орбит.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Это не то, что ты думаешь! – хохочу я. – Просто нужно проверить одну гипотезу.

Мы оказываемся в коридоре вагона. Туалет открыт.

- Сейчас я зайду внутрь, а ты останешься снаружи, - говорю я и скрываюсь за дверью.

Защелкиваю собачку замка и, наклонившись, внимательно рассматриваю язычок запорного механизма. Потом разгибаю спину, делаю полшага назад и громко говорю:

- Айгуль, опусти рукоятку вниз и попробуй резко открыть дверь.

Не проходит и секунды, как дверь распахивается.

- Объясни, что все это значит? – на лице девушки выражение недоумения.

- Здесь очень плохой замок, - мы выходим из туалета в коридор, и я киваю на дверь. – А снаружи обнаружить, закрыт туалет или открыт, можно только одним способом: нажать ручку вниз и толкнуть дверь.

- Ну, и что?

- Белов вполне мог узнать какую-то тайну убийцы именно в туалете! – с уверенностью говорю я. – Больше никаких мест, чтобы проделывать что-то тайное внутри вагона, попросту нет!

- И что же такого тайного мог узнать в туалете Белов? – девушка прыскает со смеху. – Ну, если преступник занимался чем-то не совсем приличным, а проводник хотел его разоблачить...

- Я не это имел в виду, - краска смущения заливает мое лицо. – Преступник мог что-то прятать в туалете или спускать в унитаз, например. А Белову тоже понадобилось в туалет. По естественной надобности или же он просто хотел в нем убраться. Проводник не знал, занят ли туалет. Подошел, нажал на ручку, дверь распахнулась, и он застучал преступника на горячем.

- Почему же Белов сразу не поднял шум? – Айгуль задумчиво щурит глаза.

- Не знаю, - я развожу руками. – Может, растерялся. Или просто решил не вмешиваться. А убийце свидетель

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

ни к чему... Еще вот что не могу понять: почему в вагоне погас свет? Если Белов сам его выключил, то зачем? А если было короткое замыкание, то почему? Нам нужно узнать, почему погас свет в вагоне!

- Смотрите, смотрите! – из коридора доносится испуганный вопль Александра Довченко. – Там, за окном...

Серая пелена тумана за стеклом снова исчезла.

14

- Тишина! – громко командует Зайчонок.

Возбужденный гомон голосов в вагоне прекращается почти мгновенно. Несколько секунд космонавт вслушивается в пространство, потом облегченно вздыхает:

– Свиста нет. Значит, воздух наружу не выходит. Неужели вагон герметичен?

- Лев Трофимович, - я не могу сдержать улыбку, - форточка на окне около купе проводников открыта. Если бы за стенами вагона был вакуум, мы бы уже были мертвы!

Зайчонок озадаченно чешет затылок:

- А ведь действительно...

Ержан Рустемов с каменным лицом шествует мимо нас. Распахивает дверь тамбура и по ступенькам выбирается наружу. Лев немедленно следует за ним, останавливается на последней ступеньке и оборачивается к нам:

- Знаете, ребята, я хоть и космонавт, но никак не рассчитывал побывать на Луне. Есть перспективная международная программа – окололунная станция, лунная база... Но это лет через десять, а то и все пятнадцать, не раньше!

Я выглядываю из тамбура. Темно-серая поверхность испещрена большими и малыми кратерами, на необычно близком горизонте видны острые пики каких-то гор. В черном как антрацит небе висит

ослепительно яркое солнце и бело-голубой ломтик – наша Земля.

Рустемов идет прочь от вагона. У духа программа, как у робота. На каждой “земле” он отходит от вагона метров на сто, делает круг, возвращается и сообщает, что убийцу не нашел. И мы отправляемся дальше. Сейчас Ержан действует все по тому же алгоритму.

- Как там говорил Нил Армстронг во время первой высадки на Луну? – Зайчонок супит брови, припоминая. – “Это маленький шаг для меня...” Ага, и еще... “Мы пришли с миром от всего человечества”.

Он приноравливается, мягко спрыгивает вниз со ступеньки и с наигранным пафосом произносит:

- Здравствуй, Луна! Мы вернулись с миром от всего человечества!

- Исторический момент! – Айгуль заливается смехом и наводит планшет на Льва. – Люди снова на Луне!

- “Мы все хотим побывать на Луне! Эх, на Луне, да, на Луне!” - на ум приходят слова старой разухабистой песенки, которую слышал от отца еще в детстве, и я пою, едва сдерживая смех. – “Мы там бывали, но только во сне, только во сне, на Луне!”

Прыгаю следом за Зайчком. Прыжок неожиданно получается очень длинным. Наверное, удивление так явственно отражается на моем лице, что Зайчонок спешит с разъяснением:

- Кир, здесь одна шестая часть земного тяготения. Поэтому можно выполнять самые немыслимые акробатические этюды.

- Лев Трофимович, а как вы объясните, что мы здесь можем дышать свободно? На настоящей Луне нет атмосферы, там почти чистый вакуум. Да и солнце почему-то светит слишком уж мягко...

- И радиации нет совершенно, - продолжает Зайчонок и щелкает пальцем по индикатору счетчика Гейгера на рукаве скафандра. – А что касается объяснений... Кир, а нужно ли объяснять чудо? Видимо,

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

дух батыра Думрула каким-то образом создает на некотором расстоянии от себя вполне земные условия. Правда, гравитации это почему-то не касается.

- Смотрите, что это там? - Айгуль указывает рукой на серебристый предмет метрах в тридцати от вагона и тоже спрыгивает на лунную поверхность. Получается это у нее немного неуклюже, и я подхватываю ее за талию. На секунду девушка оказывается в моих объятиях. Взгляд глаза в глаза. Наши губы совсем рядом. Сердце сладостно замирает. Потом Айгуль опускает взгляд и мягко, но решительно отстраняется.

- Действительно, что-то интересное, - Зайчонок тем временем немедленно отправляется в ту сторону, куда указывала девушка, а мы движемся за ним.

Ходить по Луне очень легко. Нужно только не отталкиваться ногами “поземному”, резко, а делать плавный шаг, с постепенным перекатом на носок.

Предмет, который лежит на лунном грунте, больше всего похож на крупный серебристый шар с торчащими из него усиками. Вокруг шара развернуты четыре металлических лепестка.

- Мама дорогая! – Лев удивленно присвистывает. – Это же “Луна-9”! Первый космический аппарат, который сел на лунную поверхность. Лет этак пятьдесят назад!

Он приседает на корточки около лунной станции и перчаткой проводит по ее поблескивающему в лучах солнца выпуклому боку:

- Кто бы мог подумать...

- Она немного похожа на металлический цветок, - Айгуль берет меня под руку и тихонько произносит:

– Кир, знаешь, что означает мое имя в переводе с казахского? Лунный цветок!

- Теперь буду знать, лунолика! – я с улыбкой склоняю голову.

Зайчонок выпрямляется и оборачивается к нам:

- Ребята, планшет у вас с собой? Включайте камеру и снимайте! Иначе на Земле нам не поверят!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Айгуль принимается за работу, и мы по очереди фотографируемся около старого лунного робота.

- Надо бы сувенирчик взять на память! – я наклоняюсь и подбираю с поверхности небольшой, - сантиметра три, не больше, - камень.

- Хорошая мысль, Кир! – Лев поднимает вверх указательный палец. – Сделаем забор лунного грунта! Нужна тара!

Мы скачками возвращаемся к вагону.

На Луну уже вышли все пассажиры - даже полная и тучная Елена Петровна. Ее лицо озарено счастливой улыбкой и украшено румянцем:

- Никогда бы не подумала, что снова смогу почувствовать себя молодой!

Она боязливо подпрыгивает на месте, поднимается сантиметров на тридцать над грунтом и сообщает:

- Здесь даже можно поиграть в классики! Совсем, как в детстве!

- А еще можно потанцевать! – Петровин мигом оказывается рядом с Еленой Петровной и галантно кланяется:

- Разрешите вас пригласить?

Иван и Анечка тоже начинают кружиться в паре, высоко, совершенно не по земному поднимаясь вверх.

Кузин и Довченко прохаживаются вдоль вагона и о чем-то беседуют. Виталий Юрьевич достает из кармана пачку сигарет и закуривает.

Окинув взглядом всех пассажиров, Айгуль заливается смехом:

- Еще один рекорд! Могу спорить, что на Луне никогда не было такой массовой экспедиции – одиннадцать человек сразу!

- Саткан Абылаевич, - Лев обращается к Баянгожину, который замер около ступенек висящего над лунной поверхностью вагона с таким видом, словно собирается проверять билеты у пассажиров, желающих подсесть в вагон на станции “Луна”, - нужен совок или лопата и несколько мешков...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Сейчас, сейчас, - проводник кивает, резво взбирается по ступенькам, и минуту спустя в нашем распоряжении оказываются совок для угля и два мешка из-под розданного пассажирам постельного белья.

Мы, не медля ни минуты, с энтузиазмом первооткрывателей принимаемся собирать лунный грунт: россыпные фракции, похожие даже не на песок, а на измельченный гипс, и камни – большие и маленькие. Потом поднимаем все это в тамбур вагона.

- Жаль, что у нас нет буровой установки, - Зайчонок смахивает пот со лба. После многомесячной невесомости его, похоже, утомила работа даже при пониженной силе тяжести. – Сейчас бы взяли пробы грунта с глубины!

Я отыскиваю взглядом Ержана. Рустемову осталось пройти еще с четверть круга. На Луне он передвигается очень уж не спеша, мелкими осторожными шагами. У духа батыра Думрула, который вселился в отца Айгуль, явно нет опыта хождения по лунной поверхности. Да и вообще, вряд ли раньше он покидал Землю. Это наше вмешательство – может быть, электромагнитное излучение планшета Айгуль, а может быть, и что-то еще, - плюс убийство Белова пробудило его из многовековой спячки и заставило отправиться в путешествие по иным мирам.

- Давай пробежимся, - я весело подмигиваю Айгуль. – А то когда еще снова повезет побывать на Луне!

И мы вприпрыжку мчимся среди камней и кратеров, кружась вокруг вагона. Айгуль заливается радостным смехом.

Бежать очень приятно. Главное, следить, чтобы камень не попал под ноги. Лунная пыль после прыжка забавно поднимается за ступнями – словно тянется следом. Следы на ней остаются четкие, как на мокром песке.

Останавливаемся передохнуть. Я достаю из кармана шариковую ручку, сажусь на корточки и, не снимая пластмассовый защитный колпачок, печатными буквами вывожу на лунной пыли:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

“Айгуль + Кир =...”

И после знака “равно” рисую контур сердечка.

Айгуль вдруг краснеет и надувает губки:

- Кир, я думала, что ты серьезный парень, а ты просто балбес!

Но глаза ее смеются и так и сыплют веселыми искрами.

- А если кто-нибудь это увидит?

- Пусть видят! Все — астрономы с Земли, инопланетяне, жители других галактик!

- Ты сумасшедший!

- На Луне нет ветра и нет воды. Эта надпись останется здесь на миллионы и миллиарды лет!

Я хохочу, хватаю девушку за руку и тащу за собой:

- Бежим дальше!

Мы снова несемся вприпрыжку по Луне, и уже почти замыкаем петлю вокруг вагона, когда Айгуль вскрикивает:

- Ой, смотри! Там какой-то странный камень!

Она указывает на что-то черное, небольших размеров, лежащее метрах в десяти в стороне от нашего маршрута. Я в два прыжка оказываюсь около необычного предмета, наклоняюсь и беру его в руки. Девушка “прилуняется” рядом. От быстрого бега она немного запыхалась.

В руках у меня оказывается вовсе не камень. Это обычное зарядное устройство от мобильного телефона с обмотанным вокруг него шнуром.

- Наверное, кто-то из наших соседей обронил, - говорит Айгуль. – Вернемся в вагон и отыщем хозяина.

- Обронил, говоришь? - я внимательно осматриваю окрестности. Мы находимся примерно в тридцати метрах от вагона, с обратной стороны от входа. – А следов обуви, кроме наших, вокруг нет...

Айгуль тут же начинает вертеть головой и шарить взглядом по лунной поверхности. Удивленно хмыкает:

- И вправду, нет... Как же сюда могло попасть зарядное устройство?

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Его могли забросить от вагона, - предполагаю я. – Сила притяжения здесь меньше земной, поэтому бросавшему даже замахиваться не пришлось. Поднял руку - и бросил зарядник сразу на три десятка метров.

- Но зачем его выбрасывать, он что, неисправный?

- Не знаю, - я достаю носовой платок, тщательно заворачиваю в него зарядник и прячу в карман. – О нашей находке пока никому ни слова!

Айгуль округляет глаза:

- Ты думаешь, что это как-то связано с убийством?

- Вот уж не знаю, - неопределенно пожимаю плечами. – А теперь давай вернемся назад!

Мы в несколько прыжков оказываемся около вагона. Наклоняюсь и внимательно осматриваю грунт.

Вокруг висящего над лунной поверхностью “огрызка” тянутся две цепочки следов – кроссовок и остроносых мужских туфель. Кто-то из пассажиров прогуливался вокруг.

Еще одни следы – с затупленным носком – четко видны у заднего крыльца. Некто спустился со ступенек на противоположном боку вагона, обошел его со стороны тамбура, потоптался у закрытой двери и вернулся обратно той же дорогой.

Дверь над нашими головами приоткрывается и высовывается голова Зайчонка:

- Ребята, бегом обратно в вагон! Ержан возвращается!

15

На Луне Рустемов, конечно же, тоже не нашел убийцу. Пелена тумана снова заволакивает окна. Мы отправляемся в путешествие к очередной “земле”.

Заботливый проводник Баянгожин организует массовое чаепитие. Удивительно, но в “огрызке” вагона по-прежнему есть и вода, и свет, и даже работает канализация. К чаю все достают съестные припасы. У меня в наличии есть еще килограммовый пакет с крекерами, и сейчас он приходится очень кстати.

- Айгуль, а вы не могли бы поточнее припомнить предание о батыре Думруле? – спрашивает Лев Зайчонок, когда мы заканчиваем перекусывать. – По каким землям в поисках преступников путешествует его дух?

- Дословно я, конечно, не помню, - черные тонкие брови Айгуль сходятся к переносице. – Обычно он искал убийц во всех землях, куда добирались люди. И еще там, куда долетали их стрелы.

- Долетали стрелы... - Лев задумчиво обхватывает пальцами подбородок. – Если считать, что космический аппарат дух воспринимает, как стрелу...

Он замолкает и погружается в размышления.

Я поднимаюсь с полки и выхожу в коридор. Мне тоже нужно пораскинуть мозгами. Сейчас меня волнует не то, где будет следующая остановка нашего “экспресса”, а вопросы куда более прозаические. Кто и зачем выбросил зарядное устройство от мобильного телефона на Луне? И кто оставил следы около вагона?

На первый вопрос я ответить не могу. По крайней мере, пока. А вот на второй... Прохаживаюсь по коридору. Шесть шагов от серой стены до купе проводников, шесть шагов обратно.

Ержан Рустемов по-прежнему сидит на корточках у стены с отрешенным взглядом. Духу батыра Думрула, вселившемуся в космонавта, нет дела до людей.

Во втором купе у окна воркуют Анечка и Иван. У ребят, кажется, всерьез намечается роман. Но меня сейчас больше интересуют не тонкости их личных отношений, а обувь у них на ногах. Ноги Ивана обуты в мягкие мокасины с плавно закругленными носками. У Анечки – кроссовки, но даже из коридора мне видно, что размер их намного меньше тех, которые прошлись вокруг вагона на Луне.

Зайчонок в глубокой задумчивости. Елена Петровна и Айгуль о чем-то оживленно беседуют. Обувь Зайчонка и Айгуль меня не интересует – они вне подозрений. А у Елены Петровны на ногах обычные босоножки.

В первом купе подремывает около окна Петровин. На ногах у него туфли с закругленными носками. Однако по размеру они больше тех, которые топтались на лунной поверхности возле заднего выхода из вагона.

А вот у Виталия Юрьевича Кузина, который сейчас листает какой-то журнальчик, туфли с острыми носками. Так, есть номер один.

Александр Довченко лежит на нижней полке, глаза закрыты. Его кроссовки стоят рядом с дверью в коридор. По размеру это те самые кроссовки, которые прошлись на Луне вокруг вагона. Есть номер два.

Номер три в лице проводника Баянгожина понуро сидит в спальном купе проводников. Старик, кажется, так толком и не пришел в себя после убийства коллеги. На ногах Баянгожина растоптанные фирменные ботинки с закругленными носками. Именно они оставили следы на лунном грунте около запасного выхода из вагона.

Значит, зарядное устройство от мобильного мог выбросить кто-то из этой троицы: Баянгожин, Кузин, Довченко.

Хотя есть и еще один вариант: зарядник могли швырнуть из тамбура вагона. Кто-то открыл дверь и, не выходя на Луну, просто забросил зарядное устройство подальше.

Я вздыхаю. Следы, оставленные на Луне, никуда не ведут. Расследование, кажется, окончательно зашло в тупик.

16

На очередную “землю” наш “космический экспресс” пребывает примерно спустя полчаса после отбытия с Луны.

Я стою в тамбуре, когда это происходит. Серая пелена за стеклом на входной двери рассеивается, и взору открывается каменистая пустыня и бегущие по небу низкие грязно-серые тучи, сквозь которые иногда проглядывает кусочек неба оранжево-закатного цвета. За бортом пасмурно и сумеречно, как будто наступил вечер.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

“Кажется, мы снова вернулись на Землю”, - я распахиваю дверь, поднимаю защитный щиток над ступеньками и спускаюсь вниз.

Снаружи очень жарко и душно, но воздух не влажный, а непривычно сухой, словно пропитанный бумажной пылью. Мне приходится немедленно снять джинсовую куртку, но даже в одной футболке переносить такую жару почти немогуту.

Ержан Рустемов молча спрыгивает со ступенек и уходит в очередной круговой вояж.

- Кир, вы как там себя чувствуете? – Лев Зайчонок появляется в дверях вагона. Из-за его плеча выглядывает личико Айгуль. Она чем-то взволнована или испугана.

- Жарковато здесь, - достаю платок из кармана джинсов и вытираю пот со лба.

- Айгуль, немедленно снимайте его на видео, - распоряжается Зайчонок, не оборачиваясь. – Лучше панорамной съемкой.

Девушка поднимает над головой планшет, ловя меня в сектор обзора видеокамеры.

- Кир, - Лев медленно спускается по ступенькам и оказывается рядом со мной, - как вы думаете, где мы сейчас находимся?

- Сила тяжести - земная. Дышится нормально, хотя и душновато. Вот только очень жарко, - я оглядываюсь по сторонам. – Скорее всего, мы снова вернулись на Землю. Это, наверное, пустыня Гоби. Или какая-нибудь Долина смерти в Атакаме...

- По моим прикидкам мы забрались немного дальше, - в глазах Льва блещут веселые искорки. – Это Венера, Кир!

- Разыгрываете, Лев Трофимович? - я скалюсь. – Не выйдет! На Венере давление – сто атмосфер, температура на поверхности как в плавильной печи – полтысячи градусов. И в атмосфере кислорода практически нет!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Все это так, - соглашается Зайчонок. – Но вы вспомните Луну. На безжизненной планетке оказалась атмосфера и условия, как на пляже в Ялте...

Айгуль спускается по ступенькам из тамбура и становится рядом со мной:

- Нужно найти какое-то доказательство, что мы находимся на Венере.

- Какие же тут могут быть доказательства? – я скептически фыркаю. – Пустыня она и есть пустыня. Хоть на Земле, хоть на Венере...

- Дух батыра Думрула идет следом за стрелами, которые выпустили люди, - чуть насупив бровки, поясняет Айгуль. - Если предположение Льва Трофимовича верно, то стрелами он считает и созданные человеком ракетные ступени, и космические аппараты. На Земле это были разгонные ступени ракет, на Луне – автоматическая станция. Значит, и здесь, на Венере, должна найтись какая-нибудь “стрела”...

Внимательно осматриваемся вокруг. Пустыня, усыпанная камнями, тянется до самого горизонта, который чуть приподнят, словно мы оказались на дне неглубокой чаши или блюдца.

- Я, кажется, кое-что вижу, - Зайчонок поворачивается направо и идет вдоль вагона в сторону тамбура.

Метрах в пяти от нашего “экспресса” находится небольшой каменистый холм. Из него торчит что-то, похожее на металлический остов – ржавое, искореженное и оплавленное. Оказавшись рядом, Лев принимается руками разгребать камни. Я и Айгуль начинаем ему помогать. Камни теплые, но в глубине попадаются и очень горячие. Прикидываю, что долго так копать руками мы не сможем. Магия – магией, но остудить венерианскую поверхность от полутысячи градусов до земных температур даже у духа батыра Думрула полностью не получилось. Даже с магией против законов физики не попрешь!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Ну, вот то, что мы ищем, - Лев указывает пальцем на какой-то прямоугольник на поверхности ржавого остова, протирает его перчаткой скафандра:

- Ну-ка, смотрите!

Айгуль наклоняется вперед и читает, с трудом разбирая буквы на обгоревшей табличке:

- “Эс-эс-эс-эр, Зем-ля - Ве-не-ра”...

- Что и требовалось доказать, - Лев победно улыбается. – Это одна из наших станций серии “Венера”. Лет сорок уже здесь торчит, не меньше...

Айгуль активирует на планшете видеокамеру и принимается за съемку.

- Нужно взять пробы грунта, - предлагаю я. – На Луне люди и до нас высаживались, а на Венере – мы первые!

...Грунта мы набираем целых два мешка, еле поднимаем их в тамбур. Из пассажиров вагона, кроме Рустемова, Зайчонка, Айгуль и меня, на венерианскую поверхность выходят только Иван и Анечка – остальные не захотели: уж очень жарко и душно. И потом: все-таки Венера – это не Луна, это уже намного серьезней, значительнее. И опасней.

На Венере испытываешь странные ощущения. Из-за искривления лучей света в плотной атмосфере, все время кажется, что ты находишься на дне гигантской каменной чаши. Куда не посмотришь – даль у горизонта постепенно задирается вверх. Где-то над головой воет ветер, несет клубящиеся в бешеном танце темно-серые с синюшным отливом тучи – на Земле они несутся с такой скоростью только во время сильнейших штормов и разрушительных ураганов. Вдруг начинает казаться, что ты находишься внутри гигантского кипящего котла: там, вверху, за тучами, плотная крышка, а внизу, под каменными россыпями, пылает огромный жаркий костер. И сразу мороз ужаса бежит по спине. Сердце душит страх, и задумываешься: может быть, неспроста в древности Венеру называли Люцифером и даже помещали на нее ад?

А еще твоя голова наполняется музыкой. Она звучит, мелодичная и торжественная, проникая в каждую клеточку тела, в самую душу, заставляет в унисон биться твое сердце. Музыка небесных сфер, симфония утренней и вечерней звезды.

Я не могу описать эту музыку. Представьте, что вас попросили переписать в тексте симфонию Бетховена или Штрауса, Чайковского или Шостаковича. Переписать так, чтобы каждый аккорд, малейшие изменения тональности и звучания были подробно и ясно описаны. Наверное, если очень уж постараться, это можно сделать. Но на настоящую музыку эта текстовая запись будет похожа в той же мере, в какой нарисованный внутри круга треугольник или квадрат передает формы окружности.

И под этот гимн инопланетных пространств с опозданием приходит понимание того простого факта, что сейчас ты стоишь на поверхности Венеры - другой планеты, иного мира. Сюда еще никогда не ступала нога человека. И ты первым из людей оказался среди этих камней, под этим свинцово-суровым небом. Первым!

...Ержан идет по обычному “кругу”. Иван с Анечкой минут пять постояли на жаре, покурили и ушли в вагон. Зайчонок присел на ступеньки у входной двери. Я и Айгуль еще бродим по венерианской поверхности. Я просто разглядываю окрестности, а моя спутница добросовестно водит планшетом по сторонам, чтобы запечатлеть местные пейзажи. Хотя каких-то особенных картин не видно: местность очень однообразная и достаточно унылая. Во все стороны к горизонту уходит ровная, как стол пустыня, усеянная каменными россыпями. Камни встречаются и острые, и сточенные ветром, похожие на морскую гальку. Размеры камней самые разные. В большинстве, конечно, мелочь, но среди этого “каменного гороха” попадаются очень крупные экземпляры, размером с автомобиль. Слева от вагона, метрах в двухстах, - кажется, уже за границей “ержановского круга”, виден огромный булыжник, очертаниями похожий на оплавленный огнем фашистский

“тигр” - только дула и гусениц не хватает. В некоторых местах камни образуют небольшие насыпи, каменные холмики.

- Смотрите, что это? – Айгуль испуганно вскрикивает. Ее взгляд обращен куда-то в правую сторону от тамбура. – Вон там, где крупные камни...

Она указывает направление тонким пальчиком.

- Ничего себе! – глаза Зайчонка округляются, и он в мгновение ока слетает со ступенек вагона снова на венерианскую поверхность. – Быть такого не может!

По каменной насыпи, двигаясь слева направо, не спеша ползут несколько существ. Впереди – крупное, - сантиметров тридцать в длину или около того. А за ним меньшие: раз, два, три... - семь. Семь существ раза в три меньших, чем крупное.

Мы – я, Айгуль и Зайчонок – срываемся с места и стремглав бежим к каменной насыпи. Останавливаемся примерно в метре от не торопливо ползущей среди камешков процессии.

Если не считать размеров, то все восемь существ похожи друг на друга, как водяные капли. Продолговатые тела оранжево-коричневой расцветки, более темные сверху, и светлые снизу. Спереди что-то похожее на голову: чуть сплюснутая полусфера, переходящая в нечто, напоминающее по форме воротник, состоящий из кожистых треугольных лоскутов. На голове нет ни глаз, ни рта, только небольшой цилиндрический выступ – словно маленький рог со спиленным острием. Из-под “ошейника” из лоскутов видны две толстые ножки, которые внизу расходятся на шесть или семь кургузых выростов-пальцев. Перебирая ножками, существа перемещаются среди камней. Тела их похожи на вытянутые морковки с чем-то вроде круглых бляиб на кончиках-хвостах. На нас восьмерка не обращает ни малейшего внимания: подумаешь, мол, явились невесть откуда двуногие прямоходящие! Эка невидаль! У нас на Венере еще и не то бывает!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Мама и дети, - с нежностью в голосе Айгуль вслух произносит то же, что пришло на ум и мне. – Выводок инопланетных животных на прогулке!

Она поднимает планшет и начинает снимать. Какая деловитая девушка, однако!

- Жизнь на Венере! – едва слышно восторженно шепчет Лев и качает головой. – Кто бы мог подумать! Мы искали живых существ на Марсе, на Европе и на Титане. Но Венера... Всерьез никто и предположить не мог, что в этом горячем аду может существовать что-то живое!

- Нужно взять для исследования на Земле хотя бы один экземпляр этих “морковок”! – говорю я и тянусь рукой вперед, к ползущим по каменной насыпи существам.

- Осторожнее, Кир! – успеваешь вскрикнуть Зайчонок. – Стой!

Но поздно. Крупное существо мгновенно поднимает хвост над камнями, и зигзагообразная молния срывается с его хвостовой блямбы. Электрический удар не сильный, но совершенно неожиданный для меня, приходится прямо в грудь. В глазах вспыхивают огни, перехватывает дыхание. Я делаю полшага назад, пяткой попадаю на камень, и, потеряв равновесие, бухаюсь на венерианскую поверхность, ощутило ударяясь “пятой точкой”.

Айгуль и Зайчонок немедленно бросаются ко мне.

- Ты в порядке? – Лев трясет меня за плечо. Испуганная Айгуль заглядывает в глаза.

- Более или менее, - я, кряхтя, поднимаюсь на ноги, потираю ушибленное место, и принимаюсь отряхивать джинсы от венерианского песка и мелкой каменной крошки. – У венерианских аборигенов оказалась очень простая и эффективная система защиты!

- Материнский инстинкт, как видишь, работает и на Венере! – Зайчонок похлопывает меня по спине.

- Авантюрист и балда, ты же мог погибнуть! - Айгуль в сердцах лупит меня острым кулачком в грудь. Ее ноздри дрожат от гнева.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Чепуха, - отмахиваюсь я и с улыбкой добавляю:

- Правда, теперь чуть ниже спины слегка побаливает!

- Сам виноват! – со смешком облегченно фыркает девушка. – Нечего было детенышей трогать, дуралей!

Она снова шутливо замахивается.

Я перехватываю ее руку и целую кончики пальцев:

- От всех болячек есть верное средство!

- Неисправимый балбес и болтун, - прыскает смехом девушка, бросая в сторону Льва смущенный взгляд.

Лев Трофимович, однако, не обращает на наши нежности ни малейшего внимания и по-прежнему занят наблюдением за ползущей среди камней процессией венерианских зверушек.

- Брать с собой этих животных не будем. Земным зоопаркам придется подождать до следующего прилета людей на Венеру, - решает он, наконец, и вытирает тыльной стороной ладони вспотевший лоб. – Мы не знаем, чем эти существа питаются, чем дышат и как живут. Поэтому вряд ли стоит сейчас тащить их в вагон в качестве трофея.

Айгуль снова принимается за съемку, но старается не слишком приближаться к мамочке и ее детенышам.

- Пора возвращаться, - говорит Лев, поозиравшись по сторонам. – Ержан повернул к вагону.

17

- Мы никогда не найдем убийцу, - в глазах Айгуль блестят серебристые бисеринки слез. – Дух не оставит отца. И мы будем вечно скитаться по разным “землям”...

Мы сидим в нашем купе около окна. За стеклом снова туманно.

Иван и Анечка ушли перекуривать и любезничать в тамбур. Елена Петровна спит на нижней полке, отвернувшись к стенке. Лев Зайчонок залез на полку Айгуль и, кажется, тоже задремал. Голоса в соседнем купе умолкли – наверняка, и там улеглись отдыхать.

Сразу после “отлета” с Венеры проводник Баянгожин прошелся по купе с предложением горячего чая и тоже затих. Приключения - приключениями, а усталость берет свое. Я мысленно прикидываю: по нормальному земному времени сейчас должна быть примерно половина третьего ночи. Давно пора спать. Но спать мне почему-то не хочется. Айгуль тоже пока не высказывает желаний отдохнуть.

- Давай еще подумаем. Мы наверняка что-то упустили из виду, - неожиданно для самого себя, я беру ладонь Айгуль в руки и целую ее тонкие и нежные пальцы. Девушка улыбается в ответ; мне кажется, что в ее глазах пляшут веселые искорки.

Я вдруг почему-то чувствую жар на лице, смущаюсь и поспешно отпускаю руку Айгуль. Кашлянув, деловито достаю из сумки блокнот и, упершись взглядом в лист бумаги, начинаю рисовать. Тамбур, туалет, рабочее и спальное помещения для проводников, два пассажирских купе. Ниже рисунка пишу список из девяти фамилий. Наша песня хороша, – начинай сначала!

- Вот смотри, - подвигаю блокнот к девушке, по-прежнему не поднимая глаз. – Мы точно знаем, что из нашего купе в момент убийства не выходили ни я, ни ты, ни Елена Петровна.

Зачеркиваю в списке три фамилии.

- Иван и Анечка были в тамбуре, - продолжаю я. – Познакомились только в поезде, на наших глазах. По одиночке убить они не могли – разговаривали друг с другом даже тогда, когда погас свет. А совершить преступление вдвоем, вместе... Не думаю, что за два дня они “дозрели” бы до сообщничества в убийстве.

Еще минус две фамилии.

- Будем полагать, что Баянгожин все-таки спал в своем купе во время смерти Белова. Поверь, у него нашлась бы масса возможностей, чтобы зарезать коллегу без всякой экзотики с выключением света и пробежками в темноте. Да и староват он для таких дел.

Вычеркиваю Саткана Абылаевича.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Петровин еще старше, - со вздохом робко замечает Айгуль.

Еще один минус.

- Тогда остаются только двое подозреваемых - Кузин и Довченко, - я подчеркиваю две фамилии. – Кто из них? Довченко все время храпел, как трактор. Кузин дремал, лежа на верхней полке. Кто?

- Кир, помнишь, мы говорили, что преступник должен был как-то пересечься с Беловым незадолго до убийства? – на лице Айгуль снова обозначается румянец, взгляд оживает. – Это значит, что он раньше, - до того, как погас свет, - выходил из купе... Нужно узнать, кто из двоих выходил: Кузин или Довченко?

- Айгуль – ты гений! – вскакиваю с места и тащу девушку за собой.

Судьба делает нам маленький подарочек. Петровин не спит. Он сидит в коридоре на откидном стульчике напротив первого купе и читает “Науку и жизнь”.

- Не спится, Сергей Николаевич? – мы останавливаемся рядом.

- Увы, - он отрывает взгляд от текста. Очки в толстой тяжелой оправе немедленно съезжают к кончику носа. – Душновато в купе. Не могу заснуть...

- Сергей Николаевич, вы не могли бы вспомнить, кто и когда выходил из вашего купе до убийства? – я решаю без излишних церемоний сразу взять быка за рога.

- Ах, вы по-прежнему хотите найти мерзавца, который зарезал проводника? – серые глаза старика окружает сетка скептических морщинок. – Мне все-таки кажется, что он успел убежать в другой вагон...

- И все же, Сергей Николаевич...

- Да, пожалуйста... - он закрывает журнал и кладет его на колени. – Вас за какой период интересуется информация?

В голосе его чувствуется легкая ирония.

- Примерно часа за два до убийства, - мысленно прикидываю я. Вряд ли преступник стал тянуть с

расправой, если Белов и в самом деле узнал какую-то его тайну.

- Так... Виталий Юрьевич выходил перед тем, как забраться к себе на верхнюю полку. Это было часа за полтора до того, как погас свет. И с полки он больше не слазил. Ваня Полякин пошел курить... А перед этим в тамбур мимо дверей прошла эта симпатичная девушка из соседнего купе. Аня, кажется, - Петровин улыбается. – Ваня вернулся где-то через полчаса... Потом еще выходил сосед с нижней полки, Саша. С каким-то пакетом в руках. Наверное, мусор выносил, потому что вернулся без пакета. Сразу спать он не лег. Посидел молча около окна, потом стал возиться с зарядным устройством от мобильного. Кажется, оно у него сломалось.

Я переглядываюсь с Айгуль. В ее глазах обозначается разочарование. Вот и стало ясно, кто выбросил зарядник на Луне. Только к убийству это, наверное, не имеет ни малейшего отношения...

- Потом Александр лег спать, - продолжает Петровин. - Накрылся простыней с головой, и почти сразу стал похрапывать. Вот и все...

- Спасибо, Сергей Николаевич, - я благодарно киваю и растягиваю губы в улыбке.

Хорошая мина при плохой игре. И Кузин, и Довченко выходили из купе до того момента, как выключился свет. Мы вновь не приблизились к разгадке ни на шаг.

Айгуль нервно сжала мне руку и уткнулась лицом в плечо.

18

- Так и знал, что это будет Марс, - говорит Лев Зайчонок.

Он стоит на небольшой возвышенности, похожей на покатый холм. Все пространство до горизонта усеяно оплывшими горбами, которые напоминают застывшие волны коричневатого-бурого песка. Из марсианских барханов там и сям торчат камни разных размеров и

формы, острые и скругленные, такие же темно-оранжевые, как и песок, - и совершенно других расцветок: черные, серые и даже малахитово-зеленые. Небо над головой желтовато-белое, совершенно без облаков. Солнце выглядит маленьким румяным шариком, на который можно смотреть, не жмуря глаз. Чувствуется, что атмосфера здесь более разряженная, чем на Венере, но дышать можно свободно. И это очень забавно, если учесть, что ни венерианская, ни марсианская “атмосферы”, окружавшие огрызок вагона и на Венере, и сейчас на Марсе, по своему химическому составу и плотности не имеют ничего общего с настоящими атмосферами этих планет. Видимо, дух батыра все-таки как-то “учитывает” в построении пространства вокруг вагона реальные природные условия миров, в которые мы попадаем.

Первой на марсианский грунт десантируется Айгуль. Последние пару-тройку десятилетий в прессе и на сайтах в интернете часто возникали споры: кто же первым высадится на Марсе: американцы, русские или китайцы? Но вряд ли кто-то из высоколобых аналитиков и записных интеллектуалов от космонавтики мог предположить, что марсианской поверхности первой коснутся стройные ножки двадцатилетней девушки, гражданки Республики Казахстан. Ержан Рустемов и Лев Зайчонок “вернули” человечество на Луну, я стал первым человеком, ступившим на Венеру, а Айгуль волей судьбы выпало первой коснуться ногой поверхности “красной планеты”.

Ержан уходит совершать свой обычный “обход окрестностей”. Потом один за другим из вагона выбираются остальные пассажиры. Сила тяжести на Марсе меньше, чем на Земле, но больше лунной. Наверное, поэтому здесь, на марсианской поверхности, танцев и плясок уже никто не устраивает. Пассажиры степенно прогуливаются вдоль “огрызка” вагона, с таким обыденным видом, словно поезд стоит у перрона какого-нибудь провинциального земного вокзальчика.

Перво-наперво я, Айгуль и Лев набираем в выданные Баянгожиным мешки побольше камней и песка. Поднимаем их в тамбур и складываем у задней двери рядом с образцами с Луны и Венеры. Зайчонок берет у Айгуль цветной маркер и аккуратным почерком надписывает все мешки, – чтобы не перепутать, с какой планеты взяты пробы грунта. Очень хочется верить, что мы обязательно вернемся на Землю, и образцы пород с трех миров окажутся в руках ученых.

Мы снова выходим на поверхность Марса.

- Дух ведет Ержана по тем местам, куда долетали стрелы, которые запускали люди, - Зайчонок, стоя на вершине холма, вертит головой, осматривая окрестности. – Стрелами батыр Думрул считает земные космические аппараты. Поэтому где-то поблизости должна оказаться наша марсианская станция...

- Лев Трофимович, кажется, я ее вижу, - указываю рукой в сторону подножия соседнего холма. Там действительно из рыжевато-коричневого песка виднеется нечто округло-металлическое.

- О, похоже, это действительно космический аппарат, - Зайчонок поспешно, большими “марсианскими” шагами начинает спускаться по склону. Я и Айгуль тоже отправляемся к торчащему в песке металлическому предмету. За нами постепенно подтягиваются и остальные пассажиры. Каждому интересно взглянуть на робота, высадившегося на “красную планету” задолго до нашего прибытия.

- Станция “Марс”, - уверенно констатирует Лев, бегло осмотрев наполовину засыпанную бурным песком конструкцию. – Если мне память не изменяет, совершила здесь посадку в начале семидесятых годов прошлого века. Сразу включила фотокамеры и начала передачу “картинки” – и вдруг замолчала. Причину аварии так и не установили.

Он склоняется над станцией, поочередно открывая маленькие и большие лючки, касается пальцами проводов и микросхем внутри аппарата:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Все оплавленное и обгоревшее. Такое впечатление, что произошло обычное короткое замыкание. Пух! – и свет погас...

“...Короткое замыкание... Пух! – и свет погас...”

Меня словно окатывает ледяной волной. Множество пазлов в голове приходят в движение, и мгновенно складываются в единое целое, в четкую и ясную картину.

У меня всегда так бывает: мучаюсь, не могу решить какую-нибудь задачу или проблему. Перебираю варианты, строю гипотезы, ночами не сплю — и ничего все равно не получается. Тупик, мгла крошечная, нет никакого решения, никакого результата. А потом, когда уже совсем отчаешься, почти уже опустишь руки, расслабишься, вдруг ниоткуда молнией сверкнет догадка — вот же оно решение! Простое, логичное и очевидное! И удивляешься — как же я раньше проходил мимо? Почему не видел самого простого допущения сразу?

Вот так было и сейчас. Догадка пришла внезапно.

Короткое замыкание не сложно устроить... Главное, чтобы рядом оказалась розетка. Ну, и приспособление, которое замкнет сеть.

Это и есть та малость, которую я все время упускал из вида, расследуя убийство Белова, и которая точно указывает на преступника.

Где в поезде располагаются розетки?

Розетка есть в каждом купе. Но в купе проводников за закрытой изнутри на замок дверью спал Баянгожин.

Во втором купе были я, Айгуль и Елена Петровна – и никто из нас замыканий не устраивал. Это я могу гарантировать.

А вот в первом купе возможность легко дотянуться до розетки была только у одного человека...

Я откашливаюсь и громко говорю:

- Прошу внимания!

Все оборачиваются в мою сторону. Я перевожу взгляд на убийцу, стоящего среди остальных пассажиров. Может мне это только кажется, но в его глазах

непроглядная темень – словно черная бездна открыла свой зев.

- Александр Довченко, я обвиняю вас в убийстве проводника поезда Михаила Белова!

Мир вокруг на невероятно долгое мгновение замирает, исчезают звуки и движение.

19

А потом снова начинается жизнь...

- Ничего себе... - потрясенно шепчет Иван.

Смуглое лицо Довченко багровеет, становится еще темнее. Глаза сужаются, рот перекашивает гримаса злости и ненависти.

- Да ты спятил, придурок! – сдавленным шепотом выдыхает он. - Все Шерлока Холмса из себя корчишь, пацан?

- Пожалуйста, покажите зарядное устройство от вашего мобильного телефона, – совершенно спокойно произношу я. Мне вдруг начинает казаться, что у меня на лице появилась каменная маска.

- А больше тебе ничего не показать?! – неожиданно голос Довченко срывается на визг. – Иди ты знаешь куда со своими дурацкими выдумками?!

- Действительно, Кир, - неловко кашлянув, произносит Кузин. – Вы бы все-таки поосторожней-то с такими обвинениями... Зарядник к мобилке у Александра сломался, и он его выбросил на Луне. Я это видел своими глазами, и могу подтвердить!

- Он его выбросил, а я нашел, - достаю из кармана куртки завернутое в платок зарядное устройство, разворачиваю и беру зарядник двумя пальцами. – Хотите знать, что там внутри?

Довченко рычит – совершенно по-звериному, - и делает рывок ко мне. Иван, который стоит рядом с ним, молниеносно выставляет вперед ногу. Споткнувшись, убийца растягивается на песке. Пытается встать, но Иван ногой припечатывает его к марсианскому песку:

- Лежать!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Уверен, что внутри зарядника сделана проволочная перемычка, - говорю я. – Перед тем как резать Белова, Довченко дождался, пока Иван и Сергей Николаевич вышли из купе, а Виталий Юрьевич задремал. Он вставил эту самоделку в розетку, которая расположена внизу, рядом с его полкой. Этого хватило для замыкания. Свет в вагоне погас. Нож у него уже был наготове. Довченко обернул рукоять простыней, взятой с полки Сергея Николаевича Петровина, и выскочил в коридор. До рабочего купе, в котором был Белов, всего пара шагов...

Человек у наших ног конвульсивно дергается и гребет руками, словно пытается зарыться в песок. Иван убирает ногу со спины Довченко.

- А потом он вернулся в купе, накрылся с головой простыней и начал храпеть, - я замолкаю на секунду. - Этот храп долго сбивал меня с толку. Виталий Юрьевич, - я поворачиваюсь к Кузину, - вспомните, пожалуйста, храпел ли Довченко в предыдущие две ночи?

- Н-нет, - чуть запинаясь, произносит Кузин. На его лице выражение растерянности и испуга. – У меня очень чуткий сон... Не храпел...

- Храп понадобился, чтобы создать алиби, - мои губы сами собой растягиваются в торжествующей улыбке. – Довченко храпел, чтобы все были уверены, что он ни на минуту не покидал своей полки. И у него все бы получилось самым замечательным образом. Любой следователь решил бы, что убийца пришел откуда-то из другого купе или даже из другого вагона. Но вмешался дух батыра Думрула и отделил ту часть поезда, в которой произошло убийство. Пока мы путешествовали по мирам, зарядное устройство с перемычкой лежало у Довченко под подушкой. Когда он случайно подслушал мой разговор с Айгуль в коридоре, – мы хотели понять, почему в вагоне погас свет, - то всерьез забеспокоился. Решил выбросить испорченный зарядник на ближайшей же остановке - на Луне.

Существо, бывшее когда-то человеком, резко приподнимается на локтях, подтягивает колени и так, на четвереньках, лавируя между наших ног, суетливо перемещается к холму. Его горло исторгает невнятное бормотание. Неловко приподнявшись, он встает на ноги и начинает карабкаться вверх по крутому склону – торопливо, оскальзываясь, то и дело съезжая по песку назад.

- Послушайте, Довченко, - произносит Зайчонок с откровенным презрением, - я хочу вам напомнить, что мы находимся на Марсе. Вам некуда бежать!

Существо, карабкающееся вверх по холму, издает невнятный рык и делает натужный рывок вперед.

- Он сошел с ума, - шепчет срывающимся голосом Петровин. – Его нужно немедленно остановить!

Трубный победный рев раздается за нашими спинами. Я стремительно оборачиваюсь. Ержан Рустемов широкими шагами идет к нам, прямо к подножию холма. Дух батыра Думрула узрел убийцу человеческими глазами...

Мы расступаемся, давая ему дорогу. Но Ержан вдруг останавливается. Клекот, пронзительный вой, давящий на барабанные перепонки, рождается в пространстве. Серебристый бешено крутящийся вихрь медленно выходит из тела Рустемова, и, увлекая за собой песок и мелкие камни, начинает подниматься к вершине холма следом за Довченко.

Глаза Ержана закрыты. Он на секунду замирает и начинает оседать, но Зайчонок и Иван, – слева и справа, - в мгновение ока оказываются рядом, подхватывая Рустемова под руки. Голова космонавта дергается, на лице появляется выражение боли и страдания, он открывает глаза.

- Где я? – голос у Ержана срывающийся, хриплый. Он окидывает нас суматошно-испуганным взглядом, останавливает взор на Зайчонке, потом на Айгуль:

- Лев... Доченька...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Отец! – девушка заключает космонавта в объятия, прижимается лицом к груди.

- Ержан, мы – на Марсе, - нервно хохотнув, произносит Зайчонок. – Все объяснения – потом. Ты идти сможешь?

- Смогу, - Рустемов становится на ноги, стоит чуть покачиваясь.

Его удивленный взгляд скользит по лицам вокруг, по марсианской пустыне и барханам коричневого песка и останавливается на карабкающемся к вершине холма Довченко и уже почти настигшем его серебристом вихре.

Человек на четвереньках на склоне испуганно озирается, словно его ударили плетью, и всего лишь мгновение я вижу свисающую на лоб челку темных волос, округлившиеся от страха глаза, острые черные стрелки усов над перекошенным от ужаса ртом. Довченко издает душераздирающий вопль и почти уже ползком рвется вперед. Туда, где ему суждено умереть.

Вихреобразная фигура Думрула начинает дрожать. Вращение вихря убыстряется. Вверх взлетают пыль и мелкие камешки.

Перед ползущим Довченко на самой вершине марсианского бархана появляется красное свечение. Словно два огромных алых крыла развернулись в пространстве над песками.

- Пришел Алдашы – ангел смерти, - едва слышно испуганно выдыхает Айгуль.

Красные крылья стремительным движением охватывают фигуру убийцу, резко поднимают его вверх. И секунду спустя алая круговерть молнией уходит в небо, утягивая за собой что-то непроглядно темное, клубящееся и мрачное. Тело Довченко словно взрывом отшвыривает обратно к подножию холма, к нашим ногам. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, – убийца мертв: в стекленеющих глазах навеки застыл ужас, лицо похоже на покрывшуюся мельчайшими трещинками глиняную маску.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Ангел смерти забрал его душу... - шепот Айгуль набатом звучит среди наступившей тишины.

С легким клекотом серебристый вихрь духа батыра Думрула начинает перемещаться к вагону.

- Быстро назад! – командует Зайчонок. – Иначе останемся на Марсе!

- А с этим что делать? – Иван кивает на распростертое на камнях тело Довченко.

- Забираем с собой! – рычит Лев. – Не оставлять же на Марсе эту грязь!

Мы вчетвером – я, Иван, Зайчонок и Кузин – хватаем труп за руки и ноги и тащим в сторону вагона. Свитер на теле Довченко задирается вверх, становится виден широкий пояс с прозрачными карманчиками из полиэтилена, в которых аккуратно сложены столбиками золотые монеты.

Картина преступления окончательно складывается у меня в голове.

- Вот и мотив для убийства, - на ходу говорю я. – Скорее всего, Довченко перевозил контрабанду. Прятал ее где-то в багаже, а вчера вечером решил надеть пояс на себя и пошел со свертком в туалет. Но там, в двери, очень плохой замок. Белов случайно открыл дверь и все увидел. Тогда Довченко и решил его убить - как можно скорее, чтобы проводник никому не рассказал о золотых монетах на поясе у пассажира...

20

...Исчезают вогнутые серые стены со стороны вагонного коридора и тамбура. Туманную пелену за окнами вагона сменяет вид малиново-оранжевого рассветного неба над бескрайним степным простором. Земля...

Серебристый вихрь обретает очертания человеческой фигуры. Дух батыра Думрула. Мне кажется, что я вижу его лицо – человеческое, доброе, улыбающееся.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Спасибо, люди, - в его трубном голосе слышатся и торжество, и усталость. – Мы вместе нашли и покарали убийцу. Пусть всегда побеждает справедливость!

Серебристый смерч закручивается в тонкую колонну и уходит вверх, просачиваясь сквозь крышу вагона.

Мы все – я и Айгуль, Иван и Анечка, Зайчонок с Рустемовым, Елена Петровна с Баянгожиным, Кузин и Петровин – толпой стоим в коридоре вагона и растерянно смотрим друг на друга.

- Вот и все, - с кривой ухмылочкой произносит Иван. – Приключение закончилось!

- А было ли оно вообще? – Виталий Юрьевич скептически отвешивает нижнюю губу. – Может быть, нам все это просто привиделось? И Венера, и Марс...

- ...И я на пару с Ержаном тоже привиделся, - со смешком продолжает Зайчонок. – И килограммов двести грунта с разных планет, который в мешках стоит в тамбуре...

- ...И два трупа в купе проводников, - со вздохом добавляю я.

- Ну, знаете, - Кузин, смутившись, разводит руками. – Я всего лишь высказал предположение...

- Однако все не так просто, товарищи, - озадаченно говорит Сергей Николаевич. – Ну-ка, посмотрите на свои часы.

Мы дружно смотрим – кто на часы, а кто на экранчики мобильных и смартфонов.

- Двадцать один час сорок пять минут, - продолжает Петровин. - Если верить часам, то наше космическое путешествие заняло всего пятнадцать или двадцать минут. С того самого момента, как в купе был обнаружен труп проводника и появился Думрул.

- Ну, уж этого никак не может быть, Николаич! - скептически кривит губы Кузин. - Есть же все-таки субъективные ощущения. Прошло не менее восьми часов!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Виталий Юрьевич, - громогласно хохочет Иван, - сами же только что говорили: все могло нам просто привидеться!

- Я решительно отказываюсь что-либо понимать! - возмущенно пыхтит инженер и трясет полными щеками. - Это все за пределами логики, товарищи!

- Можно вот что предположить, - говорю я, - внутри серой сферы, которая отсекла часть вагона от остального поезда после убийства проводника и вмешательства Думрула, время шло как-то иначе. А теперь мы снова соединились с поездом, и временной поток стал единым, как и прежде.

- Пожалуй, это самое логичное объяснение, друзья, - кивает Ержан Рустемов. Он уже полностью пришел в себя после тесного “общения” с Думрулом и, кажется, окончательно разобрался в ситуации. - Мы с вами путешествовали внутри некой локальной вневременной зоны. А сейчас вернулись в нормальный поток времени.

- Поздравляю всех! - снова заливается смехом Иван. - Мало того, что мы первыми из людей были на Венере и Марсе, мы еще и стали первыми путешественниками во времени! “Временщиками”!

Мы дружно смеемся над шуткой. Анечка восторженно чмокает Полякина в щеку.

- Мне кажется, уважаемая Елена Петровна, - Сергей Николаевич лукаво подмигивает Бехтеревой, - что кто-то очень скоро станет тещей!

- Ну, это мы еще посмотрим, - шутливо хмурит брови Елена Петровна, едва сдерживая улыбку. Кажется, Ванька в качестве будущего зятя ей тоже приглянулся.

Мы снова смеемся. Почти тотчас же в одном из купе, которые еще минуту назад были отделены от нас серой стеной, пространством и временем, распахивается дверь и в коридор высовывается чья-то взлохмаченная голова:

- Нельзя ли потише, граждане? Спать совершенно невозможно!

- И в самом деле, ребята, - Елена Петровна устало позевывает. - А не пора ли нам отдохнуть?

21

Но поспать в ту ночь нам так толком и не удастся. Зайчонок вдруг соображает, что раз произошел обратный сдвиг по времени, то “Союз” с пилотом Чеславом Волянецким должен до сих пор быть на околоземной орбите. Планшет Ержана остался на космическом корабле, и Айгуль немедленно связывается с летящим вокруг Земли “Союзом”. У Волянецкого на борту полный порядок, но уже часов восемь, как пропала связь с Землей по всем каналам. Зайчонок быстренько объясняет пилоту, что эту треть суток мы внутри “огрызка” вагона — и, видимо, Чеслав Волянецкий на “Союзе” тоже - были вне всеобщего временного потока, а теперь вернулись обратно. У пилота крепкие нервы и хорошее воображение, и поэтому он понимает Льва Трофимовича с полуслова. Общими усилиями, из космического корабля и из вагона, мы связываемся с Центром управления полетом в Москве. В ЦУПе сначала принимают сообщение Зайчонка о досрочном возвращении двух из трех членов космического экипажа на Землю за шутку, но когда космонавт с помощью веб-камеры демонстрирует управленцам рядом с собой и Рустемовым меня, Айгуль и всех остальных членов “вагонной” космической экспедиции, в Москве начинается форменный переполох.

Переполох начинается и внутри вагона, когда по вызову Баянгожина появляются начальник поезда — невысокий кривоногий казах в форменной синей одежде - и молоденький сотрудник полиции в темно-сером мундире, с погонами сержанта на плечах: два трупа в рабочем купе проводников — это тоже результат нашего мистическо-космического приключения. О трупах, однако, на некоторое время забывают, поскольку хлебосольный начальник поезда, увидев одетых в скафандры космонавтов Рустемова и Зайчонка, немедленно

распоряжается устроить ужин для дорогих гостей и “сопровождающих их лиц” в вагоне-ресторане. Поздний ужин оказывается очень кстати: мы все не только устали, но и хорошенько проголодались.

И только после ужина, когда мы возвращаемся в вагон, трупы Белова и Довченко куда-то уносят, а сержант полиции принимается за опрос свидетелей и составление каких-то протоколов. На это уходит еще пара часов.

Потом по командам с Земли Чеслав Волянецкий в одиночку успешно сажает “Союз” где-то на севере Казахстана, в степи под Аркалыком, а мы дружно морально поддерживаем пилота космического корабля, следя за посадкой по интернет-связи.

И только к утру, когда тьма за окном сгустилась в предрассветном ожидании, все расходятся по своим купе. Зайчонка и Рустимова устраивают на отдых в купе для проводников.

Я и Айгуль остаемся в коридоре одни. Мы стоим около окна, за которым по-прежнему несется мимо причудливая смесь из огней далеких поселков и звездных систем, объединенная в единую Вселенную. Наши лица отражаются в стекле на фоне этого совмещения земного и небесного миров.

Мягкая и теплая ладошка Айгуль вдруг ложится на мои пальцы, обхватывающие поручень у окна. Я поворачиваю голову, и мы встречаемся взглядами. В ее глазах лучатся теплота и нежность, словно далекие галактики, вспыхивают и гаснут веселые искры. Мгновение, и наши губы находят друг друга, сливаясь в первом поцелуе — в том, который люди запоминают на всю жизнь.

Мы целуемся у окна, а за стеклом проносятся мимо звездные миры, по которым мы обязательно когда-нибудь пройдем. Там будут счастье и радость, веселье и светлая грусть, путешествия и приключения. И там будет то, что свяжет все эти вселенные в единое целое — наша любовь.

Сын гения

1

Он проснулся внезапно и резко. Почудилось сквозь сон, что кто-то толкнул его в плечо.

Вскинулся испуганно, скосил взгляд влево. Нет никого. Да и кому быть ранним утром в комнатухе на третьем этаже грязной московской мебелишки?

Полежал расслабленно, разглядывая светлые блики на потолке.

Утро было раннее; наверное, часов пять, не больше. Уличные фонари еще горели, и окно отпечаталось на потолке трапецией с размытыми контурами.

Какой славный сон ему приснился под утро! Он с Катенькой гулял в солнечный теплый день по огромному полю, сплошь до самого горизонта покрытому высокой травой, среди которой там и сям поднимались разноцветные головки цветов. На лазурном пространстве неба ни облачка, солнышко ласкает лицо нежными лучами, весело щебечут невидимые птицы.

Они смеялись, дурачились, собрали огромный букет цветов. Вышли к речке, извилистой темно-серой лентой изгибавшейся среди полей. За рекой обнаружили белые домики какого-то села. Чуть ниже по течению дымил трубой маленький пароходик.

Катенька обхватила руками за шею, прижалась всем телом и со смехом чмокнула в губы – в одно легкое касание, нежно, так, как умела делать только она. Он обнял ее, носом зарылся в дивные волосы, пахнувшие свежим сеном, травой и цветами...

И тут его толкнули в плечо.

“Вот и все, - подумал он вяло. – Пора собираться. Нечего тянуть, если уж решил”.

Поднялся с кровати, босиком прошелся к окну по холодному дощатому полу.

Небо постепенно синело, но звезды были еще видны. Серпик Луны серебрился над крышей соседнего дома. Внизу процокала копытами лошадь – ранняя пролетка отправилась в центр Москвы.

Он налил из ведра воду в медный таз и тщательно умылся – до пояса, пофыркивая от ледяного прикосновения жидкости. Насухо вытерся свежим полотенцем.

Побрился и вымыл голову он еще с вечера, когда окончательно все решил. Теперь оставалось только причесаться.

Зажег толстую свечу на столе, металлическим гребнем расчесал вихрастые кудри, стоя перед повешенным на стене зеркалом.

Белую рубаху купил тоже намедни. Потратил последние деньги, даже на ужин уже не хватило, пришлось доедать сухую коврижку, запивая пустым кипятком. Ну, и ладно. Теперь уж все равно...

Рубашка была хороша – мягкая, свежая, ладная. В самый раз, как специально на него сшитая.

Потом надел брюки – ношенные, но вполне еще приличные, без пузырей на коленях, и стрелочки наличествуют. Сойдет.

Ботинки тоже не новые, но начищенные с вечера едва ли не до зеркального блеска. Даже щетку с ваксой не поленился взять у дворника Фомы Кузьмича.

Взглянул на иконы в правом углу комнаты. Нет, молиться сегодня не стоит. Как-то это будет не по-божески, кощунственно. А вот крестик серебряный на цепочке надеть нужно. Он же не нехристь какая-нибудь, и уходить с этого света нехристю не будет. А там уж пусть Господь сам рассудит, достоин ли Игнатий, сын Константинов, священного креста али нет.

Конвертик серенький с предсмертной запиской внутри тоже был заготовлен еще со вчерашнего дня, лежал на столе. Тут же был и наган, снаряженный шестью патронами.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

“Впрочем, для моего дела хватит и одного, - невесело улыбнулся кончиками губ. – Нужно только поточнее прижать дуло к виску”.

Взял наган. Рукоять точно легла в руку. Металл охлаждал ладонь.

Мурашки толпой прошлись по позвоночнику. Лицо почему-то сделалось деревянным, предательски задрожали пальцы.

“Нельзя расслабляться, - решительно остановил себя. – Нужно сделать все быстро, без нюней: раз – и все”.

Глубоко вдохнул, стараясь успокоить грохотавшее сердце. Резким движением вскинул наган к правому виску, ткнул дулом в кожу перед ушной раковиной. Дернул указательным пальцем спусковую скобу.

Оглушительно щелкнуло около уха.

Мир остался прежним – утренним, тихим. Живым.

Осечка?!

“Может, это судьба? – молнией сверкнула мысль. – Может, не стоит?”

“Нет, - жестко осадил самого себя. – Нужно. Чтобы быть там вместе с Катенькой”.

Наган в пальцах ходил ходуном, но он собрался, крутанул барабан, снова упер дуло в висок.

Металлический щелчок – и тишина.

Да что же это такое? Что-то не так с патронами или, может быть, боек неисправен?

Он повертел барабан, зачем-то заглянул в темный зрачок дула.

- Не трудитесь, Игнатий Константинович, - голос с легким смешком раздался у него за спиной. – Наган стрелять не будет!

Испуганно шарахнулся, резко обернулся.

У левой стены комнаты, рядом с высоким дубовым шкафом, стоял незнакомец. На вид – лет сорок-сорок пять. Высокий, широкоплечий. Усы острыми стрелками под крупным прямым носом, в карих глазах отражается огонек свечи. Одет был странно: серебристые сапоги с

голенищами едва ли не до колен, такого же цвета облегающий комбинезон с плотным валиком вокруг шеи. На голове округлый металлический шлем. Нечто, похожее на рыцарское забрало, но по виду из темного стекла, сдвинуто с глаз на лоб.

- Я преобразовал порох в патронах в обычный песок, а капсулы – в керамику, - улыбаясь, сообщил гость в серебристых одеждах.

- Вы кто? – У Игнатия мигом пересохло во рту. Комнату он перед отходом ко сну запер изнутри на засов. – Как вы сюда попали?

- Как обычно: прилетел на антиграве и прошел сквозь стену, - незнакомец лукаво прищурился. – Есть в моем арсенале такой способ перемещения. Исключительно для частных визитов.

- Понятно, - Игнатий сглотнул образовавший в горле нервный ком. – Я просто свихнулся...

- Глупости, Игнатий Константинович! Вы в своем уме, - весело фыркнув, успокоил собеседник. – С вашим душевным здоровьем все в полном порядке, можете мне поверить. Просто я действительно располагаю средствами, еще неизвестными местной науке. Почти мистическими.

- Так значит вы призрак... - Игнатий облизал губы. Сердце грохотало где-то под горлом.

- К нечистой силе я тоже не имею никакого отношения, - гость улыбнулся широко и успокаивающе. – Хотите, докажу?

Он повернулся и перекрестился на образа. Покосился на Игнатия:

- “Отче наш” читать или так поверите?

- Да кто же вы такой? – Игнатий не узнал собственного голоса – сдавленный, сиплый, испуганный.

- Чеслав Сэмюэль Воля-Волянецкий, - собеседник четко, по офицерски, дернул подбородком. – По национальности – русский, хотя в роду были и поляки, и румыны, и даже американцы. Кстати, полтора века назад в Восточной Польше земельные угодья моих сородичей

Волянецких граничили с поместьем ваших предков Циолковских. Говорят, мой прадед был даже влюблен в вашу прабабушку, но Беата, в конце концов, предпочла пойти под венец с другим...

Игнатий почувствовал дрожь во всем теле. Ноги сделались какими-то ватными.

- Ну, а по профессии я – миростроитель...

- Миростроитель, - губы Игнатия задвигались, словно сами собой. В голове за клубился туман. – Не понятно... Чем же вы занимаетесь?

- Давайте-ка присядем, Игнатий Константинович, - Волянецкий шагнул к столу, ногой пододвинул деревянный стул и уселся, положив ногу на ногу.

Игнатий молча двинулся следом и опустился на табурет напротив гостя.

Как-то сразу полегчало. В голове прояснилось, хотя сердце все еще колотило в грудь тревожным колоколом.

- Миростроители строят миры. Целые вселенные самых разных миров, - сказал Волянецкий, расслабленно откинувшись на спинку стула. Рассохшаяся спинка протяжно заскрипела. – Если представить ваш мир как огромное дерево, то мы всего лишь отделяем от его ствола отдельную веточку и постепенно растим из нее полноценную ветвь. То есть, строим еще один мир, параллельный вашему в многомерном континууме. И так множество раз.

- Угу, - Игнатий смотрел на гостя остекленевшим взглядом. – Ствол и веточка, значит...

- Сейчас вы, конечно, слишком возбуждены, чтобы полностью понять и принять то, что я говорю, - Чеслав Сэмюэль вздохнул. – Но потом разберетесь. Вы же в университете штудлируете математику и механику, не так ли?

- Так, - Игнатий кивнул почти машинально. – Ствол и веточка... Мы, стало быть, сейчас в веточке?

- В одной из веточек. Потом, когда-нибудь в будущем, множество ветвей составят крону. Представьте

себе Вселенную, в которой имеется огромное звездное скопление – десятки или даже сотни тысяч Солнц, а около них - Земли, населенные людьми. Человеческий мир, но из разных, отличающихся друг от друга по пройденному историческому пути и культуре планет.

- Красивая мечта, - прошептал Игнатий. – Фееричная...

- Пока мечта, - согласился Волянецкий. – Но мы для того и строим миры, чтобы она стала явью.

Он окинул Игнатия взглядом, словно еще раз присматриваясь к собеседнику – цепко, внимательно и оценивающе.

- Не буду скрывать, у нас есть виды и на вас, Игнатий Константинович. Вам предстоит немало сделать вот в этой самой вашей веточке...

- Вот как? – Брови Игнатия поползли на лоб. – И что же я должен, по-вашему, совершить?

- Давайте-ка вы положите оружие на стол, - Чеслав Сэмюэль кивнул на наган, который Игнатий по-прежнему вертел в руках. – Ваш пистоль сейчас хоть и совершенно безвреден, но все равно неприятно, когда вы машинально направляете его мне в живот и дергаете пальчиком около спусковой скобы. Рефлексы, знаете ли....

Игнатий покорно положил наган на стол, пальцами отодвинул в сторону свечки.

- Ну, вот и ладненько, - удовлетворенно кивнул Волянецкий и продолжил:

- А виды на вас простенькие. Хотелось бы, чтобы вы окончили курс обучения в университете и, сделавшись инженером и математиком, продолжили дело вашего батюшки – Константина Эдуардовича Циолковского, гения российской науки.

- Тут какая-то ошибка, - Игнатий тряхнул кудрями. – Недоразумение... Мой отец – обычный учитель в гимназии. Преподает основы физики, математику и чуть-чуть астрономию. В Калуге все общество считает его

человеком чудаковатым, если не сказать большее – блаженным.

- Ваш отец – не городской сумасшедший, Игнатий Константинович, - покачал головой Волянецкий. – В этом году он издаст книгу, которая навсегда впишет его имя в мировую историю, как основателя нового направления в науке и технике. Космонавтика – так лет через тридцать-сорок назовут то, что сейчас именуется междупланетными сообщениями.

- Жюль Верн, “Из пушки на Луну”. Я читал.

- Не из пушки, - возразил Чеслав Сэмюэль. – Книга вашего батюшки будет называться “Исследование мировых пространств реактивными приборами”. Реактивные приборы – это ракеты. Ракеты, похожие на те, которые сейчас используют для фейерверков и шутовства, и совсем иные, другой конструкции, на жидких топливах.

Гость сделал паузу, продолжил:

- Хорошо было, если бы вы пошли по стопам Константина Эдуардовича. Его идеи – ваша реализация. В будущем такая цепь развития событий должна придать вашему миру особый колорит и содержание.

- В будущем... - задумчиво произнес Игнатий. Он уже успокоился, хотя в то, что сейчас говорил пришелец, верилось с трудом. – А вы, значит, знаете, каким будет будущее? Ну, да, конечно, вы же сами его строите... Погодите, но если вы строите множество миров из одного исходного ствола, то, наверное, можете перемещаться и во времени? Можете попадать в прошлое и менять его... И значит, вы можете...

Он запнулся, уставился на Волянецкого округлившимися глазами.

- Не могу, - сказал Чеслав Сэмюэль бесцветным голосом. – Я не могу отправиться в прошлое в этой временной ветви и остановить бомбиста Василия Кириллова, который покушался на жизнь губернатора. И не могу уберечь вашу невесту Екатерину Сергеевну от взрывной волны и разящих осколков... Точнее так: я могу

переместиться во времени и проделать все это, но это будет уже другая ветвь пространственного “дерева”. А ваше настоящее останется прежним.

- Значит, помочь мне никто не в силах, - сухо констатировал Игнатий. – Ни вы, миростроитель, ни сам Господь... Вот поэтому мне нечего делать на этой ветке вашего дерева. Пусть у батюшки будут другие продолжатели его славных дел.

- Вы говорите так потому, что живете своим горем, - сказал Волянецкий. – Наверно, это действительно выглядит мужественно и красиво: умереть ради любви.

- Вы иронизируете! – Игнатий возмущенно выдохнул. – Не смейте!

- Нисколько не иронизирую, - Чеслав Сэмюэль чуть подался вперед, заглядывая собеседнику в глаза. – Но умереть из-за любви – это очень уж просто. Собрался с духом, приставил дуло к виску, дернул пальцем спусковую скобу – и все. Решил все проблемы одним махом. А воссоединишься ли с любимой в иных мирах – это уж Бог весть... Игнатий Константинович, а если все-таки попытаться иначе: жить ради любви?

Он помолчал, разглядывая лицо собеседника, потом продолжил:

- Что, если попробовать жить так, чтобы каждый свой шаг, любое дело, все свершения посвящать любви – вашей Екатерине Сергеевне?

- Звучит патетично. “Жить во имя любви”... Красивая фраза, - Циолковский криво усмехнулся. В глазах зашипало. – Вы всех своих марионеток на ветвях времени вот так наставляете, да?

Тень обиды скользнула по лицу Волянецкого.

- Не всех, - произнес он, поджав губы. – Обычно все много проще: мы во сне ретранслируем в человеческую психику все то, что хотим донести до конкретного субъекта, который нас интересует. Обычно эти трансляции – простая калька событий из ранее построенных миров. Разумеется, с некоторыми

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

корректировками по содержанию, – чтобы внушение подействовало именно так, а не иначе.

- Ловко! Вы двигаете нас, живущих на ветвях времени, как шахматные фигуры! Как оловянных солдатиков, расставленных на столе!

- Не совсем так, - Волянецкий по-прежнему пытливо смотрел в лицо собеседника, чуть наклонив голову влево и прищунив глаза. – За субъектом внушения все равно остается свобода выбора. Наши “ночные картинки” - всего лишь рекомендация, яркое описание одного из возможных способов действий. А далее человек волен выбирать свой жизненный путь сам.

- Значит, все-таки выбор есть, - Игнатий чуть смягчился, опустил голову.

- Кроме того, такие внушения применяются чрезвычайно редко, только в кризисных жизненных ситуациях, - продолжил Чеслав Сэмюэль. – Мы ценим право человека быть самим собой.

- Но ко мне вы решили явиться лично, - Циолковский снова поднял взгляд на гостя. – Почему?

- Потому что однажды, много лет назад, со мной случилась похожая история, - тихо сказал Волянецкий и грустно улыбнулся. – И я едва не наделал глупостей...

Некоторое время они сидели молча.

- Извините, - сказал Игнатий. – Я, кажется, был излишне дерзок.

- Да нет, ничего, - Волянецкий пожал плечами.

- Жить ради любви, - произнес Игнатий почти шепотом. – Ради памяти Катеньки...

Он уставился отсутствующим взглядом куда-то в пространство над головой гостя.

- Вот так обстоят дела, Игнатий Константинович, - Чеслав Сэмюэль пружинисто встал со стула и шагнул к окну. Выглянул наружу и констатировал:

- Уже почти расцвело. Мне пора уходить.

Циолковский вскинулся, поднялся с табурета:

- Так быстро? И вы мне больше ничего не скажите?

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- А что я могу вам еще сказать? – Волянецкий обернулся к собеседнику. – Дать инструкции? У вас полная свобода выбора. Право строить свою жизнь так, как вы захотите. А мне следует исчезнуть, не оставив следов. Я даже патроны в вашем нагане вернул в исходное состояние.

- Это, наверное, чрезвычайно интересно – строить разные вселенные, - сказал Игнатий задумчиво.

- Это очень трудно, Игнатий Константинович, - Волянецкий вздохнул. – Все равно, что прожить жизнь.

Он улыбнулся, широко и дружески:

- У вас сейчас есть шанс создать новый мир. Такой, какой вы захотите. И я верю, что у вас это получится! Ну, а теперь до свидания!

- Мы еще встретимся?

- А это всецело зависит от вашего выбора, - Чеслав Сэмюэль лукаво прищурился. – У нас же, у миростроителей, не принято оставлять на произвол судьбу тех, кто смог удачно построить свой собственный мир. До встречи!

Волянецкий быстро шагнул вперед и совершенно бесшумно вошел в стену. Что-то большое тенью мелькнуло за окном.

Игнатий рванулся вперед, выглянул наружу, пошарил глазами по небу, но ничего не увидел. Гость из ниоткуда бесследно растворился в пространстве и времени.

Циолковский вернулся к столу, взял наган, повертел в руках.

- Жить во имя любви, - сказал почти шепотом. – Во имя моей Катеньки...

За окном над крышами домов оранжево-розовым пожаром разгорался рассвет.

2

На огневую позицию выдвигаться начали еще за полночь.

Бронепоезд двигался скрытно: не зажигая огней, неспешно, лишь иногда постукивая колесами на стыках рельс.

Игнатий Константинович нервничал ужасно. Сначала бледный, напряженный, как струна, ходил из угла в угол в оружейном отсеке. Как маятник в часах на стене: туда-сюда, туда-сюда. Потом не выдержал, отправился лично проверять все шесть установок в соединенных общим коридором бронированных вагонах. Ни за что, ни про что, из-за сущего пустяка, обругал по матери прапорщика Ворошилова. Тут же извинился, дружески потрепал по плечу.

Клим Ворошилов только рукой махнул: понимал, что капитан Циолковский сейчас слегка не в себе. Оно и понятно. Испытание предстоит весьма серьезное: первое боевое применение установок “К-1”. Труд едва ли не десятка последних лет. Бессонные ночи в конструкторском бюро и цехах паровозного завода. Бесчисленные испытания на секретном полигоне около Луганска, в жару, в дождь и в холод. Эх, да разве ж все вспомнишь?

И вот она, голубушка наша, “Катюша”, - так прозвали установку ребята-сборщики на заводе, - готова, смонтирована по шести комплектов на трех бронепоездах и отправлена на германский фронт – для натурных испытаний и боевого применения, для прорыва вражеской обороны. За которым должно воспоследовать мощное движение пехотных частей и кавалерии на север Германии, а потом – на Берлин, стрелой в самое сердце проклятой кайзеровской империи.

Разумеется, все шесть установок на бронепоезде оказались в полном порядке: снаряжены как надо, запасные боевые комплекты наличествуют, расчеты бодрствуют и начеку, солдаты выспались и отдохнули днем – свежи, как огурчики, взятые напрямиком с грядки. Все вычищено, вылизано, готово к бою.

Циолковский придирчиво осмотрел ракетные комплексы лично, заглянул в каждый угол, проверил

наводку и запалы. Рванулся по коридорам поезда обратно, в оружейку – еще что-то, наверное, замыслил. Клим, само собой, двинулся следом: уж, почитай, десять лет он вместе с Константинычем, привык быть рядом.

Вдруг вспомнилось почему-то, как в девятьсот пятом Циолковский вытащил его почти из самых лап жандармерии. Кровавые январские события в Питере эхом отозвались в провинциальном Луганске. Клим тогда связался с социал-демократами, и ему грозили крупные неприятности – ссылка в Сибирь, а то и каторга.

Инженер Циолковский лично явился в жандармерию и потребовал немедленного освобождения мастерового Ворошилова.

“Голубчик мой, Игнатий Константинович! – взвился жандармский подполковник, начальник луганского сыскного отделения. – Да он же бунтарь! Социалист!”

“Прежде всего, он – толковый мастер и хороший организатор рабочих, - твердо парировал Циолковский. Взглянул в лицо жандарму с лукавым прищуром. – Или вы, милостивый государь, готовы взять на себя ответственность за срыв секретной государственной программы военного значения?”

Конечно же, жандармский подполковник не был готов противодействовать разработкам инженера Циолковского, лично санкционированным самим государем. Так и стал мастеровой Клим Ворошилов ближайшим помощником Главного конструктора “К-1”. С революционерами и подпольем пришлось распротиться – какая там революция, если дни и ночи проводишь на заводе да на испытаниях?

Ну, а когда год назад начался нынешний шухер – войнушка с германцами и австрияками, - Игнатий Константинович получил капитанское звание, а для Клима Ворошилова выхлопотал погоны прапорщика: ажно к самому министру обороны обращался, да...

Но вернуться в оружейку у Циолковского не получилось. По дороге, в проходе между вагонами, капитана поймал за ремень полковник Стрельников,

начальник поезда. Потасил за собой, махнул рукой Климу – давай, мол, за нами.

Пришли в полковничью “келью”. Стрельников без лишних церемоний достал из шкафчика три пузатых рюмашки, бутылочку “шустова”. Плеснул каждому коньяку по два пальца:

- А давайте-ка, господа, за удачу! За то, чтобы у нас сегодня все получилось!

- За победу! – поддержал Клим.

Пивал с господами он, конечно, редко, но тут сердцем понял, что полковник хочет не просто выпить, а старается успокоить Игнатия Константиновича.

Чокнулись, выпили, не закусывая. Щеки Циолковского тотчас же порозовели. Фигура как-то сразу обмякла.

- Ну, вот и хорошо! – полковник окинул взглядом капитана, весело подмигнул Климу. Достал из нагрудного кармана “Павла Буре” на серебряной цепочке. – А теперь пора на командный пункт. До залпа осталось десять минут.

Друг за дружкой они отправились в головной вагон, по металлическим ступенькам поднялись в обзорную башенку.

Ночь была темной, не видно не зги. Впереди, всего в полутора километрах, начинались германские позиции, за ними – подтянувшиеся к фронту обозы и склады. Немец готовился атаковать послезавтра. Но разведка прознала об этом, и в ставке Верховного было решено упредить врага, мощным ударом атаковать первыми сразу в трех направлениях. Смести внезапными залпами “Катюш” фронт германцев и ударить в образовавшиеся прорехи всеми силами, пока кайзер не очухался.

Стрельников снял телефонную трубку, покрутил рукоятку динамо на стене, рывкнул в конус на мембране:

- Команда “Готовь”!

Клим украдкой перекрестился. Начинаем, Господи.

Секунда, вторая, третья...

Металлические крыши на вагонах стали раздвигаться, одновременно все шестеро. Открылись темные зевыща, и оттуда, синхронно, как на смотре, и совершенно бесшумно стали подниматься платформы с установками, боевыми расчетами и ящиками ракетных снарядов.

Первый залп уже был снаряжен. Шесть установок, по двадцать четыре ракеты на каждой, установлены в три ряда. В темноте на рельсовых направляющих едва угадывались остроносые снаряды с маленькими крылышками по бокам.

- Поездной группе “Стоп машина”! – сказал Стрельников в телефон.

Бронепоезд нервно дернулся, останавливаясь. Приглушенно лязгнула сцепка.

- Команда “Прицел”! Группа целей “А”!

Засуетились расчеты, чуть качнулись установки, наводимые механическими тягами на цель.

Игнатий Константинович словно окаменел весь. Руками обхватил предплечья, нервно покусывал губы, всматривался в темень – все ли в порядке с установками? Будто и не армейский капитан теперь, а по-прежнему рефлексирующая интеллигенция!

Минута на прицеливание. Строго по нормативу. Мигнули один за другим шесть фонариков со всех вагонов – есть прицеливание, готовы.

- Ну-с, господа, с Богом, - прошептал Стрельников, а в телефон гаркнул что есть мочи:

- Первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой! Поочередно, полным залпом, огонь!

Полыхнули вспышки запальников. С нарастающим шипением рванули в небо ракеты первого ряда. Протяжно запели “тю-у-у”, набирая высоту. Легли на курс, обозначившись в небесах огненными полосками, победно и громогласно запели “вау-у-у”, пикируя, словно углядели впереди искомые цели.

А следом уже пошла вторая волна ракетных снарядов, за ней тут же рванула и третья.

Впереди, за линией фронта, расцвели грядки огненных цветов. Бабахнуло, загрохотало, жажнуло звуковой волной в уши. Небо озарилось разгорающимися пожарами. Повалил дым.

- Молодцы, орелики! – Стрельников сдвинул фуражку едва ли не на затылок. – Накрыли немчуру первым же залпом!

Игнатий Константинович стоял молчаливый, снова побелевший лицом. Во все глаза глядел на пожарище за фронтовой линией.

- Второй залп готовсь! – скомандовал Стрельников.

...А утро потом выдалось хорошее, солнечное и теплое. Словно и не было ночного огненного кошмара.

По телеграфу сообщили, что и другие бронепоезда успешно отстрелялись. Все в самое яблочко и в ракетных установках ни одного отказа. В образовавшиеся бреши пошли прорывные части Брусилова, Корнилова и Юденича, растеклись на всю ширину фронта, громя противника.

Стрельников распорядился всем отдыхать после ночных стрельб. Но Игнатий Константинович спать не захотел, а вознамерился лично пребыть в полевой штаб, который расположился в двух километрах к северо-востоку, в только что занятом городишке Вирзиц: хотел убедиться, что обозы с запасными залпами уже подтягиваются от Ревеля. Клим, конечно же, отправился с ним – как Шерочка с Машерочкой. А если без смеху, то с опаской: территорию только что взяли, мало ли что, вдруг нарвется капитан на какого-нибудь недостреленного фельдфебеля.

Шли неспешно, у самого Вирзица их нагнал караульный взвод под командованием поручика Дебольского.

- Взвод, равнение направо! – скомандовал поручик, углядев их на обочине дороги. Молодцевато вскинул ладонь к виску в военном приветствии, распорядился громогласно:

- Песню запевай!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Взвод словно только и ждал команды.

- Расцвели яблони и груши, - начал молодой и задорный голос, и тут же многоголосие подхватило:

- Поднималось солнце над рекой.

И бежали немцы от “Катюши”,

От российской мощи огневой!

Игнатий Константинович остановился столбом, удивленно выкатил глаза.

- Это... Это что же такое? – спросил приглушенно, когда взвод, подняв завесу пыли, промаршировал мимо. – Кто песню сочинил?

- Музыку под гармонь Ленка Дербенев подобрал, из хозроты который, - Ворошилов заулыбался довольно. – А слова... Слова, знамо дело, народные!

Ну, не будешь же рассказывать капитану, что третьего дня всю ночь промучился, сочиняя поэзию?

В Вирзице с делами управились только к трем по полудни. Отобедали при штабе, вышли пройтись, взглянуть на городишко. Ничего особенного: кирха, банк, местная управа, дома господские. Прошлись до самой окраины – дальше только степь. У крайнего каменного дома заметили группу людей, все в черном, батюшка католический, катафалк с запряженной лошадкой.

- Хоронят кого-то, что ли? – Игнатий Константинович остановился. – Ну-ка, Климушка, сбегай, узнай.

Сбегал, узнал.

- А так хоронят, Игнатий Константинович, - сообщил, вернувшись. Кивнул в сторону дома на краю городка:

- Здесь семейство фон Браунов обитает, местного помещика. Вот ихнего сыночка сегодня ночью шальным осколком и убило. Аккурат когда мы стрельбу начали, он проснулся, подбежал к окну. Верно, думал, что фейерверк праздничный устраивают. Ну, его прямо в голову и шарахнуло... Всего-то три годика от роду мальцу было. Вернером звали...

3

Десантный модуль “Галеон” завис над лунной поверхностью в невидимом режиме на высоте сто метров. Чеслав Волянецкий и Игорь Лосев могли видеть все, а их увидеть было невозможно.

Полтора часа назад “Святая Екатерина” мягко опустилась на четыре металлических ноги у северо-западной границы Океана Бурь. Алексей Леонтьев мастерски посадил лунник. Едва заметное облачко пыли лишь на несколько секунд поднялось под днищем корабля.

- Кстати, Чеслав, - Лосев полуобернулся к сидевшему в соседнем кресле Волянецкому, - а почему русские назвали свой посадочный аппарат “Святая Екатерина”? Помните, в других мирах – “Орел”, “Родина”, “Заря”? А здесь – не “Россия”, не “Русь”, а почему-то “Святая Екатерина”. Ну, не странно ли, а?

- Решение Главного конструктора, Игнатия Циолковского. Мотивов – не знаю, - Чеслав Сэмюэль пожал плечами. Почему-то не хотелось открывать Лосеву маленькую личную тайну давно уже превратившегося в солидного академика парнишки-студента из маленькой квартирki на третьем этаже московской мебелирашки.

“Святая Екатерина” со стороны была похожа на домик из золоченой фольги, приютившийся среди лунных камней и холмов. Солнце светило ярко, звезд на черном небе видно не было, только бело-голубая округлая блямба Земли висела над необычайно близким горизонтом.

- “Вымпел–один”, “Вымпел–два”, - высокий женский голос раздался из динамиков сквозь легкое потрескивание радиоэфира. – Прошла терминатор, минут через сорок буду над вами. Пора выходить, мальчики!

- Ага, все идет по графику, - Лосев мельком взглянул на часы. – Сейчас будут высаживаться!

Орбитальный корабль “Сергий Радонежский”, который пилотировала третий член экипажа Анна-Жаннет Ерченко, вышел из лунной тени и теперь, двигаясь по

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

орбите, приближался к луннику: играл роль ретранслятора для надежной радиосвязи с Землей.

- Поняли тебя, Аннушка, - отозвался Леонтьев изнутри “Святой Екатерины”. – Мы готовы, открываю люк.

Не прошло и минуты, как кругляш на выходе из лунника провернулся внутрь, образовав темный проем, и Леонтьев ногами вперед принялся неуклюже выбираться наружу.

- Я – “Вымпел–первый”, - Леонтьев переступил на ступеньки. – Начинаю спуск!

- Не спеши, Алексей, - в динамиках раздался новый голос - баритон, хорошо известный всей планете: князь Георгий Гагарин десять лет назад первым из людей облетел Землю на космическом корабле “Рассвет”. – Теперь уже некуда торопиться. Вы у самой цели.

Леонтьев осторожно, медленно переставляя ноги, спустился по ступенькам. Замер на последней.

- Готов к высадке, Земля, - командир “Святой Екатерины” говорил спокойно и уверенно, как на наземной тренировке.

- Дерзай, Блондин, - разрешил Гагарин – он сейчас сидел в кресле главного оператора в наземном Центре управления полетом. – С Богом!

“Блондином” князь прозвал Алексея Леонтьева еще в самом начале их общей космической карьеры – за редкий рыжеватый чубчик. За десяток лет от чубчика, увы, остались одни воспоминания, но прозвище сохранилось.

- Маленький шаг для одного человека, но огромный шаг для всех людей, - сказал Леонтьев в микрофон. – Вперед, Россия!

Нога в ботинке осторожно опустилась на лунный грунт.

- Твердая поверхность, - констатировал космонавт и стал на серый грунт обеими ногами. – Ребята, я на Луне!

- Земля, я - “Сергий Радонежский”, - скороговоркой затараторил динамик голосом Ерченко. – Человек на

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Луне! Повторяю, человек на Луне! Девятое мая сорок пятого года, шесть часов сорок семь минут по Москве!

- Да не разорайся ты так, Анютка, - захохотал Леонтьев. – Растрещалась на весь космос, как сорока!

- Алексей Архипович, как самочувствие? – в эфире прозвучал низкий, хрипловатый голос.

- Это еще кто? – поинтересовался Лосев. Почему-то спросил шепотом, словно их могли услышать.

- Профессор Циолковский, - Волянецкий кашлянул. – Он сегодня тоже на связи.

- Самочувствие отличное, Игнатий Константинович, - весело ответил Леонтьев. – Голова не кружится, легкость в теле неимоверная. Хочется петь и танцевать!

- Молодец! Клим Ворошилов вам привет шлет.

- Ну, и ему наше с кисточкой!

Тем временем с борта лунника по ступенькам осторожно спустился Олег Макарин – бортовой инженер, второй член экипажа. Прыжком спрыгнул на Луну, качнулся и замер, широко расставив ноги:

- Земля, я - “Второй”. Присоединился к “первенцу”. Начинаем работу!

Бело-сине-красный флаг России развернулся среди лунных пейзажей. Рядом установили голубое полотнище Лиги наций.

- Парни, - в голосе князя Гагарина прорезались официальные нотки, - с вами хочет поговорить Его Императорское Величество.

- Здравствуйте, господа, - поздоровался Алексей Николаевич. – Рад приветствовать вас от всего российского народа!

...Через три часа программа лунной высадки была завершена, Леонтьев и Макарин вернулись в лунник, и взлетная ступень “Святой Екатерины”, бесшумно отделившись от посадочного модуля, круто пошла вверх, в космос. Чеслав Волянецкий выключил видеозапись и распорядился:

- Игорь, давай-ка на минутку прилунимся. Хочу прогуляться наружу.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Приспичило, командир? – фыркнул Лосев.

- Есть одно маленькое дельце, - нахмурившись, отмахнулся Волянецкий.

Он спустился в донный отсек, надел скафандр и сквозь шлюз вышел на лунную поверхность. В руках держал маленький бумажный сверток.

Отошел на несколько шагов от десантного модуля. Развернул бумагу. Внутри оказалось фото в простенькой деревянной рамке. С черно-белой, слегка уже пожелтевшей фотографии улыбался трехлетний карапуз в матросском костюмчике.

Вернер фон Браун, мальчишка, сраженный шальным осколком три десятка лет назад.

В этом мире не было СС-штурмбанфюрера фон Брауна. Не строились концлагерь “Дора” и подземный ракетный завод “Нордхаузен”. Не создавалось “оружие возмездия” “Фау-2” и не падали ракеты на Антверпен и Лондон.

Но в этом мире восторженный юноша из германской провинции уже никогда не будет рассматривать в телескоп Венеру и Марс, мечтая о межпланетных полетах. Белокурый молодой человек не потащит на плече свою первую жидкостную ракету на маленький испытательный полигон под Берлином. Седовласый конструктор не вытрет украдкой слезы радости, когда могучий носитель “Сатурн-5” отправит в полет к Луне первую пилотируемую экспедицию на “Аполлоне-11”.

Чеслав Сэмюэль Волянецкий опустился на правое колено и аккуратно положил фото в рамке на лунный грунт. Мальчишка в матроске взирал полными удивления глазенками на антрацитово-черное небо, на палящее Солнце и наполовину затянутый облаками шар Земли.

Чеслав Волянецкий провел пальцами в перчатке скафандра по фотографии и одними губами прошептал:

- Прости...

4

Он проснулся резко и внезапно. Вскинулся всполошено, отбросил одеяло, сел на кровати, опустив ноги на пол.

Раннее утро. Часов пять, не более. Фонари на улице еще не потушили. Зеленовато-желтый свет проникает в комнату через окошко, отпечатывается на потолке трапецией с размытыми краями.

Какой странный сон ему приснился!словно фильма из синематографа. Разве что в цвете и со звуком. Гм, никогда раньше такого не снилось.

Сначала он беседовал в этой комнатухе со странным пришельцем в серебристых одеждах. Волянецкий, кажется? Да, да, Чеслав Сэмюэль, вспомнил! Русский, это при такой-то фамилии и имени, надо же...

Потом он вдруг перенесся примерно лет на двенадцать вперед. Сделался инженером и военным. Но на мир смотрел как-то странно. Словно он – вовсе и не он, а кто-то рядом. Прапорщик Клим Ворошилов, ага! Чудно... Снаряды остроносые, “Катюша”... Гм, а вот хоть сейчас можно все нарисовать прямо в чертежах, по памяти!

А потом он уже стал самим Чеславом Волянецким, будто переселился в его тело. Луна, “Святая Екатерина”, Леонтьев и Макарин, фотокарточка Вернера фон Брауна на сером лунном песке...

Игнатий встал, подошел к столу.

Наган, снаряженный с вечера, поблескивал металлическим блеском. Рядом лежал конвертик с предсмертным письмом.

Повернул голову к окну. Над крышами застыл серпик Луны, точками сияли огоньки звезд.

Как там сказал Волянецкий в этом красочном сне? “Умереть из-за любви или жить ради любви”...

Почти по-шекспировски: “Быть или не быть? Вот в чем вопрос”.

“А если сместить район прицеливания ракет чуть левее, в сторону от Вирзица? - вдруг подумалось. - Мальчишка фон Браун наверняка останется в живых. Гм,

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

а вот интересно, кто тогда окажется на Луне первым – мы, русские, или германцы?”

Он взял со стола наган. Рукоять легла в ладонь, металл охолодил кожу.

Игнатий Константинович Циолковский, будущий Главный конструктор российских ракетных и космических систем, выдвинул ящик письменного стола и сунул в него оружие – с глаз долой, в самый угол, подальше.

Жить ради любви.

Космолет “Очумелые ручки”

1

Запись переговоров между Центром управления полетом “Москва” и интернациональной орбитальной лунной станцией:

– ЦУП “Москва”, “Инолус” на связи, ответьте!

- Привет, Лёва! Что за срочность?

- Здравствуйте, шеф! У меня вопрос по установке для кристаллизации “Сплав”. В нее действительно были загружены одинаковые ампулы?

- Э... Насколько я знаю, да. А в чем дело?

- Я забирал в модуле “Уэллс” инструменты и увидел, что крышка “Сплава” немного сдвинулась. Видимо, замок открылся из-за толчка при стыковке со станцией. Заглянул внутрь... Три ампулы из двадцати имеют не серую окраску, а красновато-оранжевую. Я не утерпел и взял одну ампулу на исследование.

- Лёва, хочу тебе напомнить, что у вас со Стеллой послезавтра выход в космос. Еще нужно подготовить скафандры... Ты бы не отвлекался на мелочи, а?

- Хорошо, шеф. Я займусь анализом ампулы после выхода. Но пусть она пока полежит в моей каюте”.

2

Перехват разговора объекта “Фирмач” с неизвестным лицом:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

“- Какого черта ты звонишь на этот номер, мой дорогой? Мы же оговорили с тобой систему связи...

- Есть проблема... Зайчонок обнаружил наши ампулы.

- Так... Он уже знает, что внутри?

- Нет, он собирается заняться анализом после выхода в космос.

- Ты получишь деньги за эту операцию, дорогуша, только при условии, что она закончится успешно. Поэтому будь добр: сделай так, чтобы Зайчонок ничего не узнал”.

3

Отсюда, со стороны грузового корабля “Кентавр”, “Инолус” - интернациональная орбитальная лунная станция – очень похожа на огромный зонт с толстой и короткой ручкой.

Перекрестье из четырех состыкованных под углом девяносто градусов друг к другу исследовательских модулей насажено на ступицу, образованную сцепкой бытового и базового блоков. К левому исследовательскому модулю пристыкован наш “Лунник” – лунный научно-исследовательский корабль. К правому – короткохвостый и крупноголовый американский “Мудр”, “Мун Драгон”, сиречь “Лунный Дракон”. На зенитном модуле продолговатой сосиской с фарой спускаемого аппарата на конце торчит автономный грузовой корабль “Герберт Уэллс” Европейского космического агентства, зашедший на пару недель к нам в гости с партией грузов.

Внизу, на надирном модуле, для полной симметрии не хватает бесформенной громады “Селенита”. Лунный корабль три дня назад ушел на базу “Селена” в Океане Бурь. Исследовательская программа для Маши Серовой, Гжегожа Ступака, Чарли Робертсона и Гао Лювэя рассчитана на два месяца работы на лунной поверхности.

Выше модульного перекрестья “Инолуса” располагается ферменная зона – на металлических

конструкциях, установленных на верхнем торце станции, развернуты сиреневые поля солнечных батарей. Они-то и довершают полностью картину огромного четырехугольного космического “зонта” с короткой толстой ручкой.

- Спишь, Трофимыч? – с легкой насмешкой в голосе спрашивает Стелла “Ночка” Уилсон. Мое отчество звучит в устах бортинженера мягко и по-домашнему, почти интимно.

Она уже погрузила внутрь шлюза базового блока снятый мною комплект стыковочной аппаратуры с “Кентавра”, и теперь проворно перебирая руками по поручню, вновь приближается к грузовичку. Стелла - пышнотелая и весьма активная афроамериканка, сама себя прозвавшая “Ночкой”, как она выразилась, “в целях окончательной расовой толерантности”, - наловчилась очень ловко и быстро работать в выходном скафандре. Я же, напротив, не сучусь и делаю свое дело, может, и несколько медлительно, но зато основательно и надежно.

- Отдыхаю, - нехотя отзываюсь я. – Мы с тобой практически полностью закончили демонтаж. Осталось снять крепление антенны.

За те пять часов, которые длится наш выход в космос, я действительно устал. Если Стелле заранее была отведена роль подмастерья, таскающего для мастера инструменты и уносящего снятые с “Кентавра” грузы, то основная слесарная работа выпала мне. А крутить гайки - пусть даже и в невесомости, и с помощью универсального шуруповерта – далеко не так уж легко, как может показаться. Кисти рук и предплечья постепенно налились свинцовой тяжестью усталости.

Меня от “Ночки” отделяет всего каких-то три метра. Я завис в пространстве почти у середины “Кентавра”, над грузовой рамой между стыковочным и топливным отсеками. Грузовичок с Земли пришел к нам неделю назад. Мы быстренько перетаскали из него все грузы внутрь станции, перекачали доставленное топливо, и теперь осталось только снять с поверхности

стыковочного отсека ненужное больше оборудование для сближения “Кентавра” с “Инолусом”. Через несколько дней грузовик разделится надвое: стыковочный отсек останется в составе лунной станции, чтобы после дооснащения принять еще парочку модулей с Земли, а хвост “Кентавра” - топливный и агрегатный отсеки – отправятся в путешествие к Солнцу.

- Как у русских говорят: умучился после трудов правильных? – глядя на мою расслабленную позу, интересуется миссис Уилсон.

- Умаялся после трудов праведных, - почти автоматически поправляю я. Еще в начале полета мы со Стеллой условились, что она при необходимости будет корректировать мой английский, а я – следить за ее русским. Учиться всегда полезно, даже во время полугодовой лунной экспедиции.

- Отдыхай, мой Зайчонок, - с игривым хохотком разрешает “Ночка”.

“Мой Зайчонок”... При таком великолепном сочетании имени и фамилии - Лев Зайчонок, - дабы попытаться отделаться от тянувшегося за мной от рождения шлейфа плоских шуточек, мне ничего иного в жизни не оставалось, как выбрать себе какую-нибудь оригинальную профессию из числа тех, которые принято называть мужественными, и добиться в ней немалых успехов. Кажется, мне это удалось: я совершаю уже шестой космический полет, а до пенсии мне еще очень и очень далеко.

- Ребята, через минуту мы уйдем на неосвещенную часть орбиты, - нежным голосом напоминает из динамиков скафандра Астрид Йенсен. Она сегодня дежурит на пульте управления “Инолуса”, контролируя наш выход. – Устроим перекур?

Я бросаю взгляд на планш-компьютер, закрепленный на левом рукаве скафандра. Полчаса “курить” в лунной тени – это многовато. Лучше уж закончить работу “при фонарях” и вернуться в станцию.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Мы продолжим работу, Астрид, - говорю я. –
Осталось сделать совсем немного. Две гайки отвернуть...

Вот именно в этот момент все и началось.

- Дым... Дым слева из-под приборной панели, -
удивленно произнесла Астра, и тут же испуганно
вскрикнула:

- Пожар в базовом блоке!

В наушниках протяжно заняла сирена, загоняя в
сердце острый коготь тревоги. Но почти сразу смолкла,
оборвалась после громкого и резкого щелчка. Наступила
тишина - ватная, как тяжелое и плотное одеяло, которым
можно укрыться с головой и разом перестать слышать
все звуки.

Связь пропала.

Бормоча что-то из чертовско-материнской лексики,
я устремился в сторону открытого люка на базовом
блоке. При аварийной ситуации космонавтам
предписывается как можно быстрее вернуться на борт
“Инолуса”.

Я почти достиг стыка между “Кентавром” и
станцией, когда мир раскололся на две неравные части.
Цилиндрическое тело грузового корабля подо мной резко
дернулось, и, заваливаясь на бок, устремилось прочь от
ствола и раскидистой кроны “Инолуса”. Выглядело это
так, как будто порыв ветра вырвал огромный зонт и
уносит его прочь, оставив на земле лишь жалкий пенек
крепления. Хотя на самом деле все было совершенно
иначе: это я, стоя верхом на “Кентавре”, оторвался от
лунной станции, и, теряя ориентацию, теперь дрейфовал
куда-то в сторону Луны.

- Станция, произошло отделение грузовика! – что
было мочи рявкнул я в микрофон. – Аварийная ситуация!

Эфир ответил гробовым молчанием. “Инолус”
стремительно валился на бок и уходил вверх.

И тут на меня обрушилась тьма. Мы нырнули в
лунную тень, на неосвещенный солнцем участок орбиты.

4

- Станция, ответьте... Зайчонок на связи... - еще минут пять я с настойчивостью запрограммированного автомата монотонно и совершенно безрезультатно ронял слова в безмолвье эфира.

Больше всего мне сейчас хотелось проснуться. Зажмурить глаза, сосчитать до пяти и распахнуть веки навстречу радостному и солнечному утру – чтобы от дурного сна с отделением грузовика от станции не осталось и следа. Но ночной кошмар мне попался привязчивый, цепкий. И, увы, - реальный.

Мне понадобилось минут пять, чтобы привести взбаламученные нервы в состояние относительного спокойствия и заняться трезвой оценкой ситуации. Ничто так не способствует процессу аналитического мышления, как полет верхом на оторвавшемся от станции грузовике над ночной стороной Луны.

Так не бывает. Точнее: почти не бывает. Чтобы три очень серьезных и не связанных между собой неприятности случались практически одновременно.

Неприятность первая. Пожар на станции. Как сказала Астрид: “Дым слева из-под приборной панели”? Я мысленно перенес себя на пост оператора в базовом блоке станции. Слева под приборной панелью расположена система управления поиском и стыковкой. Эта система во время выхода в космос не работает и обесточена. Значит, сама по себе она не могла стать источником задымления и пожара. Для того чтобы на ней начался пожар, кто-то должен устроить его намеренно.

Из-за возгорания в системе поиска и стыковки “Инолус” временно ослеп. Поэтому не сможет принять ни один корабль. И меня верхом на “Кентавре” тоже обнаружить не сможет. Поврежденное пожаром оборудование ребята, конечно, восстановят. Дня два-три на это уйдет. До истечения этого срока и меня, и “Кентавр” никто со станции искать не будет. Просто нечем нас искать. Разве что с помощью биноклей...

Переходим к неприятности номер два. Пропала и не восстанавливается радиосвязь. Пропала почти мгновенно, по основному и резервному каналам. Пожар в системе поиска и стыковки никогда бы не привел к выходу из строя систем радиосвязи. Одновременно оба канала связи может отключить только человек.

Ну, и на десерт третья неприятность. “Кентавр” – не дикий жеребец, которого под хвост ужалила оса. Сам от станции он отделиться никак не мог. Значит, кто-то сознательно разомкнул механические замки стыковочного узла и задействовал пружинные толкатели, которые и отшвырнули грузовик от станции. Кто-то очень нехороший и с очень дурными намерениями.

Суммируем. Имеем три неприятности одновременно. Букетом. Эти неприятности друг с другом в ходе естественного течения процессов никак не могут быть связаны. Значит, если они все-таки случились одновременно, за всем этим ворохом гадостей стоит, скорее всего, чья-то злая воля. Вот только чья?

Я взглянул на планшетку на рукаве скафандра. Тринадцать сорок по Москве. Есть еще минут пятнадцать до выхода из лунной тени. Как раз время подумать.

Стелла, Астрид и Хосе, - я нисколько не сомневаюсь, - быстро справятся с возгоранием. В Хьюстоне и в Звездном городке их все-таки недурно подготовили на случай всяких там экстремальных ситуаций.

Радиосвязь тоже восстановить не проблема. Ну, заменят ребята парочку каких-нибудь электронных блоков, которые закапризничали. Или расконсервируют системы связи в “Луннике” или на “Мудре” – они тоже позволяют напрямую общаться и с Землей, и с лунной базой.

А вот отделение “Кентавра” – это уже очень серьезно. И совсем не потому, что на нем в данный момент сидит верхом некто Зайчонок Л.Т. Дело в том, что мы с “Ночкой” уже сняли со стыковочного отсека всю аппаратуру для сближения грузовика с “Инолусом”.

Значит, “Кентавр” теперь состыковать с лунной станцией невозможно. А если на нем вдобавок включилась программа самоликвидации...

Противные мурашки строем протопали у меня по спине. Программа ликвидации не сулила сидящему на макушке грузовика пилоту Зайчонку ничего хорошего. После выхода из лунной тени “Кентавр” ориентируется на Солнце закруткой вокруг продольной оси, потом построит курсовые углы и включит маршевый двигатель. Движок даст совсем небольшой импульс, и корабль уйдет из сферы притяжения и Земли, и Луны в последний полет к Солнцу. Вернуться с той ликвидационной траектории будет уже невозможно.

Я снова взглянул на планшетку. До выхода корабля из лунной тени оставалось около десяти минут. Десять минут терпения, и я узнаю – жить мне или склеивать ласты.

Теоретически, конечно, управление “Кентавром” сейчас можно перехватить с Земли. Но если связь нарушена, в Центре управления полетом просто не успеют сориентироваться в ситуации. Там ведь работают люди, обычные люди, а не ясновидящие.

Самое обидное, что и мне самому сделать-то ничего нельзя. Я никак не смогу добраться до системы управления “Кентавром”, которая спрятана в его агрегатном отсеке. А если бы и добрался, то все равно ничего бы не смог с ней сделать. Режим ручного управления человеком в ней просто не предусмотрен.

Если грузовик после выхода из тени начнет строить предстартовую ориентацию для самоликвидации, мне останется только отрешенно наблюдать за приближением собственной смерти. Или отцепить крепежный фал от корабля, оттолкнуться от стенки стыковочного отсека и уйти в свободный полет вокруг Луны. Что тоже равносильно самоубийству, поскольку ресурсы скафандра не беспредельны. Несколько часов – и все. Ты был славным парнем, Лев Трофимович Зайчонок.

5

Я еще десяток-другой секунд раскачивался в волнах захлестнувшего меня пессимизма, пока не сообразил, что под ногами у меня есть твердая поверхность стыковочного отсека.

Мысль пришла в голову как яркая вспышка в кромешной ночи. Отсек подо мной – вовсе не единое целое с “Кентавром”. Его можно отделить вручную! Нужно только раскрыть четыре стяжки-крепления между грузовой кольцевой рамой на торце отсека и ее опорами на “Кентавре”. Тогда, даже если корабль начнет строить ориентацию для ухода на ликвидацию, у меня будет шанс все-таки остаться на околотунной орбите. И дожидаться помощи.

Я отцепил фал от якоря на стыковочном отсеке, развернулся и, перехватываясь руками за продольный поручень, двинулся в сторону грузовой рамы.

Стяжки были стандартными, ленточного типа и крепились каждая всего парой крупных болтов. Я достал из рабочей сумки скафандра шуруповерт, установил его на гайку одного из болтов, и нажал спусковую скобу. Вж-ж-жик, и болт свободно вышел из резьбы на гайке. Так, теперь следующий. Раз – и готово. Сколько по времени заняла вся операция? Я взглянул на планшетку. От силы прошло около минуты. Значит, на три оставшиеся стяжки для полного отделения стыковочного отсека от хвостовой части “Кентавра” мне понадобится минут десять – это с учетом перемещения между стяжками. И если грузовик после выхода из тени действительно начнет строить ликвидационную ориентацию на Солнце, я, пожалуй, успею отцепить от него стыковочный отсек до включения маршевой двигательной установки.

До выхода из тени оставалось уже меньше минуты. Сердце переместилось куда-то едва ли не к горлу и бешено колотилось. Виски сжал невидимый стальной

обруч. Нервишки – они и на окололунной орбите нервишки.

Корабль вышел на освещенную часть орбиты почти мгновенно. Было темно – и вдруг, словно кто-то щелкнул выключателем, все пространство залил ослепительный солнечный свет. Я опустил светофильтр на гермошлеме, и мир сделался более приемлемым для зрительного восприятия.

Мои худшие ожидания оправдались уже через несколько секунд. Едва датчики грузовика уловили солнечные лучи, “Кентавр” включил двигатели ориентации, и принялся разворачиваться носом в направлении на Солнце. То есть строить солнечную ориентацию. И значит, готовиться к уходу с окололунной орбиты.

- Вот тут, дружок, - вслух проникновенно произнес я. – Наши с тобой дорожки расходятся. Я вовсе не горю желанием отправиться в полет к Солнышку без обратного билетика...

Медлить было нельзя. Я снова последовательно попытался вызвать станцию и лунную базу, но эфир по-прежнему был мертв. Видимо, радиосвязь на “Инолусе” еще не восстановили, а ребята на “Селене”, может быть, вообще еще не подозревают о возникших на орбите проблемах. Ведь все случилось так быстро.

На раскрытие трех оставшихся креплений у меня ушло больше времени, чем я планировал, - минут двадцать. Дольше всех я провозился с третьей по счету стяжкой: один из болтов никак не хотел расставаться с гайкой. Но все же я успел. Грузовик еще только поблескивал микровключениями двигателей ориентации, готовясь к старту, выстраивал ориентационные углы, а цилиндрическое тело стыковочного отсека уже вздрогнуло, освободившись от четвертой, последней стяжки, и медленно разворачиваясь, стало отходить от хвостовой части “Кентавра”.

И вовремя! Расстояние между стыковочным отсеком и хвостом корабля было всего метров двадцать

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

пять - тридцать, когда грузовик на мгновение замер, словно остановился в пространстве над Луной. А потом из его маршевого двигателя вырвалась яркая оранжевая лента горячего газа. Укоротившееся после отделения стыковочного отсека тело “Кентавра” стремительно рвануло прочь от Луны, разгоняясь и уходя в свой последний полет к Солнцу. Корабль быстро удалялся, и уже через пару минут стал похож на размытое пятно, потом на яркую звезду, а затем и вовсе растворился в бликах солнечных лучей на стекле гермошлема моего скафандра.

6

Вращаясь вокруг всех трех пространственных осей, стыковочный отсек медленно дрейфовал по лунной орбите.

Непосредственная угроза моей жизни миновала, и у меня прорезалось острое желание оценить в целом мои шансы на спасение.

Ресурсов скафандра хватит еще примерно на восемь с половиной часов. А потом начнутся большие проблемы.

Могут ли меня спасти за эти восемь с половиной часов?

С Земли до окололунной орбиты за это время просто не долететь.

Поднимать с лунной базы “Селенит” смысла тоже нет. На корабле топлива хватит только на стыковку с “Инолуcom”.

Спасти меня можно с помощью американского “Мудра” или нашего “Лунника”. Сесть в один из транспортных кораблей и отправиться на поиски стыковочного отсека и принимающего на его поверхности солнечные ванны Лёвы Зайчонка. Но для выполнения этой операции нужно, чтобы на станции нормально работали системы радиосвязи, поиска и стыковки. А они, как на грех, - по “счастливой” случайности, да? – вырубались. Значит, на транспортном корабле нужен

опытный пилот для “слепого” поиска. Но Стелла Уилсон – это бортинженер, Астрид Йенсен – астрофизик, Хосе Умберто Лопес – селенолог. А единственный опытный пилот “Инолуса” сидит сейчас на макушке оторвавшегося отсека и ждет спасателей.

Поэтому спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Но тут перспективы более чем туманны. На стыковочном отсеке нет ни двигателей, ни системы управления.

Как не крути, мне осталось только восемь с половиной часов жизни. Плюс некоторое время на агонию...

Хотя почему это восемь с половиной? Что у меня еще есть, кроме скафандра? Правильно, герметичный стыковочный отсек с возможностью многократного обновления атмосферы.

Поэтому врешь, не возьмешь, костлявая! Еще чуть-чуть поживем, побрыкаемся!

Я переместился к боковому входному люку и стравил давление из отсека с помощью дренажного клапана почти до нуля. Несколько раз повернув баранку запорного штурвальчика, открыл массивную крышку и аккуратно забрался внутрь стыковочного отсека.

7

- Ну-ка, подсчитаем наши жизненные ресурсы, - сказал я вслух, как только отсек снова наполнился воздухом. Я снял перчатки и поднял стекло гермошлема. Целиком скафандр решил не снимать – “Орлан-ЛМ” одежда не простая, выходить из него и снова забираться внутрь сложновато даже для опытного космоплавателя. – Итак, что мы имеем?

Начнем с низменных потребностей. Памперсов в скафандре хватит на три-четыре дня. Воды в емкости для питья примерно литра полтора. Питательной каши в сосуде, закрепленном около подбородка внутри гермошлема, где-то на четыре легких завтрака. А воздуха: дыши – не хочу! Поглотители углекислоты в стыковочном

отсеке работают нормально, поэтому даже без добавки кислорода в атмосферу, воздуха мне хватит дней на десять. С электроэнергией вообще нет проблем – аккумуляторы отсека рассчитаны на полгода полностью автономной работы.

Живем, братцы! Судьба, наконец-то, послала мне робкую улыбку, и я получил десятисуточный гарантированный бонус на выживание.

Настроение у меня пошло вверх, как столбик ртути в термометре на летнем солнышке. Системы связи и поиска на “Инолусе” ребята отремонтируют. Мой отсек обязательно отыщут и снова состыкуют с лунной станцией.

Правда, есть одна маленькая сизая тучка на солнечных горизонтах надежды. Если стыковочный отсек найдут уже тогда, когда у меня давно закончатся еда и вода...

Я представил себе, как в этом хорошо освещенном стыковочном гробу будет плавать мое иссохшее и исхудавшее тело, и настроение снова круто спикировало вниз.

8

Если хорошенько поразмыслить над сложившейся ситуацией, то можно прийти к весьма любопытному выводу. Вся эта кутерьма с тремя якобы случайными нештатными ситуациями на “Инолусе” имеет хоть какой-то смысл, если главной целью неизвестного злоумышленника был персонально я. Если я кому-то перешел дорогу, и этот кто-то решил со мной разделаться. Таинственный некто отдал бортовым системам три очень вредные команды, которые и привели к большим неприятностям на станции.

Всяких залетных хакеров-террористов отмечаем напрочь. У системы управления “Инолуса” такая защита, что позавидовать ей могут самые секретные базы данных вместе взятые. И самое главное: ни одна команда не пройдет без спецключей – паролей, которые меняются

достаточно часто и которые знают очень немногие. Поэтому злоумышленники со стороны в наших построениях не рассматриваются.

Значит, пакостные команды мог выдать только кто-то из своих. Из тех, кто знает пароли и имеет доступ к системе управления.

Теоретически это мог сделать кто-нибудь из нашего экипажа. Если он, конечно, сошел с ума. Или решил покончить жизнь самоубийством, заодно прихватив с собой семерых коллег по лунной экспедиции. Но я что-то среди нашего дружного международного коллектива таких “героев” не наблюдаю. Заявляю об этом со всей ответственностью, как командир станции.

Поэтому можно с большой долей вероятности считать, что пакет вредительских управленческих сигналов мог прийти на “Инолус” только с Земли.

Команды на борт лунной станции могут отдаваться из трех центров управления: из Хьюстона в Штатах, Евроцентра во французской Тулузе и нашего родного подмосковного Королева. Подозрения с Хьюстона и Тулузы снимаем – все три команды были выданы на российский базовый блок “Инолуса”. Без участия нашего Центра это сделать невозможно. Поэтому у нас на рассмотрении остается лишь Центр управления полетом в городе Королеве Московской области.

А в подмосковном Центре такой пакет команд могут выдать на борт только четыре человека: руководитель полета Бикешкин Игнат Федорович и три его зама – Янчук Сергей Иванович, Туров Леонид Исаевич и Скрынник Марк Моисеевич. И точка.

9

Где я мог насолить одному из этой четверки управленцев: Бикешкину, Янчуку, Турову или Скрыннику?

Старая неприязнь или месть. Вряд ли. Мы практически не были знакомы до полета. В околоземных рейсах со мной работали другие управленцы.

Значит, что-то произошло уже в ходе самого полета. Что-то настолько потенциально опасное для одного из них, что он решил убрать меня, устроив на “Инолусе” каскадом три аварийных ситуации.

Времени у меня сейчас было в избытке, и я принялся терпеливо и тщательно, день за днем просеивать все мало-мальски значимые события за полтора месяца нашей космической экспедиции. Хотя, в общем-то, почти сразу догадался, что причина всех моих бед – десятисантиметровый цилиндр из жаропрочного стекла. Ампула со “Сплава”.

“Сплав-5Л” - это технологическая установка для получения металлических и оптических материалов из смесей различных веществ. Работает в невесомости и вне воздействия магнитных полей и гравитационных возмущений по методу электронагрева с направленной кристаллизацией. Полностью автоматизированная рабочая камера располагается в возвращаемом на Землю отсеке “Герберта Уэллса”. В этом полете планировалось вырастить металлические кристаллы. Они, как правило, серо-стального цвета. И я был очень удивлен, когда увидел, что три ампулы из двадцати, загруженных в “Сплав” еще на Байконуре, имеют аномальную красновато-оранжевую окраску.

Когда я их обнаружил, на связи был Игнат Федорович Бикешкин...

Но вовсе не факт, что именно он – злоумышленник: наш разговор вполне мог слышать один из его заместителей.

В наушниках скафандра оглушительно затрещало, и раздался встревоженный голос “Ночки”:

- “Инолус” вызывает Зайчонка! Лев, отвечай! Трофимыч, где ты?

Ребята восстановили радиосвязь! Я чуть не заорал от радости. Но вовремя прикусил язык.

Если злоумышленник действительно из четверки управленцев, и если он узнает, что я остался жив, то сделает все, чтобы меня добить. Поэтому мне нужно

затаиться и молчать. У моего неизвестного врага должна быть стопроцентная уверенность в том, что я погиб.

Я сейчас был практически беспомощен. А злоумышленник из подмосковного ЦУПа – всесилен. Если бы я отозвался, он вполне мог сделать еще один ход, который гарантированно меня бы убил.

Самый простой ход был и самым страшным: выдать команду на одновременную разгерметизацию всех отсеков “Инолуса”. Злоумышленник с таким высоким статусом в системе управления станцией вполне бы мог это сделать.

Мне представилось, что я безоружный стою под прицелом пулеметчика, лицо которого скрыто под маской. Малейшее мое шевеление, и он стреляет. А за моей спиной – еще трое заложников: Стелла, Астрид и Хосе...

10

Пожалуй, злоумышленника среди четверки управленцев можно попробовать выявить. Снять с него маску. Он сейчас в таком психологическом состоянии, что при малейшей опасности себя обязательно выдаст.

Но для этого мне нужен индивидуальный канал связи с американским или европейским центрами управления полетом. Такой канал, о существовании которого никто бы в московском ЦУПе не знал. Станцию и “Лунник” мой противник может как-то прослушивать. А вот американский “Мудр” – вряд ли. На штатовском транспортнике используется другая частота для общения с Землей. Значит, нужно дистанционно включить систему связи на “Мудре” и связаться с Центром управления полетом в Хьюстоне. Например, с моим старым и добрым знакомым доктором Джереми Фейтом. И крайне желательно, чтобы в это время “Инолус” и мой стыковочный отсек были бы недоступны для радиосвязи из подмосковного Центра.

Что нужно сделать, чтобы связаться с “Мудром” и дистанционно включить на нем бортовые системы? Для

этого требуется подобрать соответствующие кодовые команды в базе данных на моей планшете. Еще нужно перенастроить передатчик скафандра на частоту американского “Лунного Дракона”. И первое, и второе вполне мне по силам.

Но есть и третье. Мне нужна антенна, достаточно точно сориентированная на пристыкованный к станции “Мудр”.

А вот этой-то антенны у меня и нет. И сориентировать беспорядочно болтающийся стыковочный отсек мне нечем – на нем нет ни двигателей, ни системы управления.

11

Когда я попадаю в безвыходные ситуации, у меня всегда разыгрывается жуткий аппетит. Вот и сейчас желудок настоятельно потребовал перекуса.

Никогда не подозревал, что жиденькая питательная кашка из сосуда в скафандре и несколько глотков посеребренной воды из емкости внутри гермошлема, оказываю такое стимулирующее воздействие на процесс мышления!

К концу трапезы я уже совершенно ясно представлял, что и - самое главное! - как мне делать.

В качестве антенны вполне сойдет та самая грузовая рама, которая связывала стыковочный отсек с остальной частью “Кентавра”.

Двигателей на моем отсеке нет. Но зато внутри него есть огромный торовый бак со сжатым азотом, который используется для продувки трубопроводных магистралей после дозаправки станции топливом из очередного грузовика. А на внешней поверхности отсека имеется кольцо с двенадцатью отверстиями, через которые сбрасывается отработанный газ. И если на это кольцо установить с помощью холодной сварки в вакууме и пасты герметика из ремонтной сумки на моем скафандре разнонаправленные сопла самой примитивной конструкции, то получится простейшая

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

двигательная установка малой тяги, работающая на сжатом газе. Включая по очереди перепускные клапаны, сравнительно легкий – тонны полторы, не больше, - стыковочный отсек вполне можно будет сориентировать в пространстве по всем трем осям. А сопла проще всего вырезать из фольги, обрамляющей в виде цилиндрической юбки раму, которой предстоит в ближайшем будущем стать антенной.

Еще нужно определить положение моего отсека в пространстве и сориентировать его на “Мудр”.

Я съел дополнительную порцию высококалорийной каши, запил ее водичкой, десяток минут посидел, размышляя. И пришел к выводу, что определить положение отсека на орбите Луны проще пареной репы. Для этого нужно задействовать всенаправленные лазерные уголкового отражатели. Начиная с первых лунных экспедиций “Аполлонов” и “Луноходов”, они в обязательном порядке ставятся практически на всех космических аппаратах. Есть они и на внешней поверхности стыковочного отсека, и на всех модулях “Инолуca”, и на конструкциях лунной базы “Селена”. А в качестве источника излучения сгодится лазерный резак из ремонтной сумки на моем скафандре. Его только нужно максимально расфокусировать и закрепить около стекла одного из иллюминаторов.

Расчет орбиты по отраженным лазерным сигналам и управление движением стыковочного отсека вполне по силам моей планшете. Нужно всего лишь соединить ее с электронными клапанами системы выпуска азота, датчиками уголкового отражателей внутри отсека и лазерным резаком. Ну, и еще требуется написать для планшеты управляющую программку. Совсем уж пустячную, я сотни таких накропал во время предполетных тренировок в Звездном городке.

Цели были ясны, задачи определены, и мне ничего не оставалось, как заняться работой.

12

Я загерметизировал скафандр, открыл люк торцевого стыковочного узла, и, высунувшись по пояс в космос, аккуратно срезал юбку из фольги с грузовой рамы. Снова забравшись внутрь отсека, я занялся кройкой и клейкой сопел. Сделал их ровно двадцать четыре штуки – двенадцать основных и столько же запасных: все-таки монтаж всего этого хозяйства в вакууме был самой тонкой операцией в программе модернизации моего стыковочного отсека.

Когда сопла были готовы, я снова прогулялся за борт и после четырех часов работы закрепил маленькие конусы сопел над отверстиями вдоль всего кольца для сброса отработанного газа.

Вернувшись из космоса, я вскрыл ножницами пластиковую обшивку внутри отсека, и надергал там и сям целый пучок незадействованных электропроводов. Соединил в единое целое электронику компьютера-планшетки, клапанов, лазерных уголкового отражателей, лучевого резака, закрепленного скотчем около иллюминатора, и демонтированного из моего скафандра радиопередатчика. В довершение всех этих титанических усилий, я написал программу управления для планшетного компьютера.

На всю эту суету вне и внутри моего отсека ушло почти трое суток. Я совершенно не замечал ни голода, ни жажды. Несколько раз я ненадолго забывался в неглубоком сне, но уже через десяток-другой минут тревожно вскидывался и снова брался за работу.

Когда дело было окончено, я окинул отсек удовлетворенным взглядом. Но теперь это был не просто стыковочный отсек. Это был уже настоящий космический корабль: с двигателями, системами ориентации, управления и связи.

В моем далеком детстве была такая телепередача – “Очумелые ручки”. В ней двое симпатичных ведущих из всякой всячины делали очень полезные вещи.

Рассмеявшись, я тут же мысленно окрестил творение своих рук “Космолётом “Очумелые ручки”.

А потом легонько щелкнул указательным пальцем по сенсору на компьютерной планшете, запуская мой летательный аппарат.

13

Руководитель Российского космического агентства генерал-лейтенант Петр Вадимович Стрельников пребывал в мрачном и подавленном настроении.

Последние надежды рухнули: космонавт Лев Зайчонок действительно погиб. Было уже совершенно не существенно, когда это случилось – сразу после отрыва “Кентавра” от станции, когда корабль из-за возникших перегрузок, видимо, просто разломился на две части, или позже, примерно через восемь-девять часов, когда в скафандре затерявшегося в космосе Зайчонка закончились необходимые для жизни ресурсы.

С легким перезвоном включился коммуникатор.

- Петр Вадимович, на линии доктор Джереми Фейт из Хьюстона, - звонким голосом сообщил автосекретарь. - Просит срочную связь по закрытому каналу.

- Этому что еще надо? – недовольно буркнул под нос Стрельников, но все же распорядился:

- Соедини!

...Через десять минут, поговорив с Джереми Фейтом, генерал Стрельников вызвал к себе своего заместителя Котова.

- Николай Фомич, - начал Стрельников, едва Котов переступил порог, - нужно сделать так, чтобы ровно в четырнадцать пятьдесят по московскому времени Бикешкин и три его зама – Туров, Скрынник и Янчук – сидели в своих кабинетах. И не просто сидели, а сидели в одиночестве и у включенных мониторов системы глобальной связи. Скажи им, что ровно в пятнадцать будет секретная видеоконференция... Что хочешь делай, Николай Фомич, но чтобы ровно в четырнадцать

пятьдесят эти четверо были в своих кабинетах! Ты меня понял?

14

Все четверо появились на экранчике моей планшетки одновременно – ровно в четырнадцать пятьдесят пять. Каждый в своем секторе.

- Привет, - сказал я как можно жизнерадостнее и широко улыбнулся. – Я рад, что застал тебя на месте. Надеюсь, найдешь пару минут, чтобы поговорить о тех самых ампулах, из-за которых ты и затеял всю эту заварушку на “Инолусе”?

Изображение было превосходным. Четверо на Земле тоже видели на своих мониторах очень качественную картинку. Я же намеренно говорил так, как будто обращался только к одному человеку.

Реакция была предсказуемой. У всех четверых на лицах обозначилась крайняя степень изумления. Я их хорошо понимал: пилот Зайчонок появился на закрытом канале связи напрямиком с того света.

А потом начались вариации... Трое округлили глаза и выразили радость и восторг. Четвертый, напротив, нахмурил брови и злобно процедил:

- Ты все еще жив...

Мановением руки я смел ликующую троицу с экрана. Теперь мне нужен был только один собеседник.

- Как видишь, - я подарил ему самую искреннюю улыбку, на которую только был способен. – Жив и здоров.

- Ничего, это поправимо, - он пододвинул к себе клавиатуру и нервно забарабанил пальцами по сенсорам. – Придется немного проветрить все отсеки “Инолуса” и устроить парочку коротких замыканий. Но ничего страшного! “Герберт Уэллс” с грузом вернется на Землю с мертвой станции и в автоматическом режиме. По моей просьбе Астрид Йенсен два дня назад забрала ампулу из твоей каюты и снова установила ее в “Сплав”.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Я выждал несколько секунд, наблюдая за его увлеченной работой, и осведомился:

- Собираешься задействовать пакетный файл с командами на разгерметизацию, который ты заранее пристроил в систему управления станции? Как и те три команды, вызвавшие аварии на “Инолусе”...

- А ты был догадливым человеком, Зайчонок, - он зло ухмыльнулся, делая ударение на слове “был”. – Пожалуй, я тебя немного недооценил.

- Ты мне льстишь, - я послал сквозь эфир еще одну ослепительную улыбку в ответ на его комплимент. – Кстати, можешь не утруждать себя отправкой кодовых команд на борт станции. Еще вчера “Ночка” по распоряжению из Хьюстона извлекла твой пакет из системы управления и заблокировала канал входной телеметрии для подмосковного ЦУПа. По моей просьбе, как ты, наверное, уже догадался...

Его глаза мгновенно остекленели. Лицо исказила гримаса ненависти:

- Сволочь!

Я хлопнул ладонью по сенсорам планшетки, включая одновременно все каналы связи, и отчетливо и громко произнес:

- Янчук Сергей Иванович, я обвиняю вас в промышленном шпионаже, нанесении умышленного вреда “Инолусу” и покушении на убийство!

15

- Петр Вадимович, я требую немедленных объяснений! – лицо Бикешкина пылало негодованием. – Что за цирк вы с Зайчонок устроили на лунной станции?!

- Присаживайтесь, Игнат Федорович, - генерал махнул рукой в сторону кресел около стола. – От коньячка, надеюсь, не откажитесь?

- Вся эта история началась примерно год назад, - начал рассказ Стрельников, когда они выпили, и Бикешкин уже умиротворенно расслабился. – К

руководителям некой оборотистой фирмы на юге Европы попали материалы разработок одного известного ученого в области космического материаловедения. Этот ученый скоростно скончался при весьма странных обстоятельствах... Так вот из тех разработок следовало, что после термического нагрева нескольких смешанных в определенной пропорции друг с другом веществ можно вырастить кристаллы, которые в миллионы раз эффективнее собирают и передают энергию солнца, чем существующие солнечные батареи и лучевые концентраторы. Правда, для этого нужно выращивать эти кристаллы в невесомости и вне воздействия магнитных полей и гравитационных возмущений. Наша установка “Сплав”, установленная на борту автономного европейского модуля “Герберт Уэллс”, идеально подходила для такого эксперимента. Но Центр в Тулузе запросил у руководства фирмы за проведение этих работ свыше ста миллионов долларов. Плюс огласка и, сами понимаете, в результате привлечение внимания возможных конкурентов. А вот доброхот Янчук взялся решить все проблемы негласно и всего лишь за десять миллионов.

- Негодяй! – ноздри Бикешкина раздулись от гнева.
– Каков мерзавец!

Стрельников плеснул в рюмки еще немного коньяка и продолжил:

- “Уэллс” с ампулами уже ушел в полет, когда Интерпол, наконец-то, сел на хвост руководителю той европейской фирмы – в их оперативных разработках он проходил под кличкой “Фирмач”. Но выяснить, с кем он контактил в подмосковном Центре, никак не удавалось. Поэтому Интерпол попросил Лёву Зайчонка якобы случайно обнаружить одну из ампул. Европейские сыщики надеялись, что агент “Фирмача” в нашем ЦУПе забеспокоится и как-то себя проявит...

- Но никто не ожидал, что он проявит себя таким образом, да? - с язвительной усмешкой закончил

Бикешкин. – Под угрозой оказалась жизнь всего экипажа лунной станции!

- Согласен, - генерал виновато опустил плечи. – Тут сыщики немного не додумали... Да и Янчук их перехитрил: он действительно запаниковал и вышел на связь с “Фирмачем”, однако вел разговор, меняя голос с помощью специальной компьютерной программы. Но Зайчонок все равно его переиграл. Вы знаете, что он за трое суток соорудил в стыковочном отсеке систему управления, газовые двигатели и радиопередатчик? Из подручных материалов, своими руками! Ну, а потом связался с ЦУПом в Хьюстоне и с нашей помощью заставил Янчука раскрыться.

16

- Земля, даю старт системе, - Стелла “Ночка” Уилсон щелкнула тумблером и раструб концентратора выстрелил в сторону Луны тонкой и яркой солнечной нитью.

Прошел всего месяц со дня, когда я достал злополучную ампулу из установки “Сплав”. А сколько событий включила в себя эта тридцатидневка! Аварии на станции, мой полет на “Кентавре”, разоблачение Янчука... И спасательную экспедицию на “Мудре”, когда “Ночка” и Хосе, ориентируясь по радиомаяку на моем “космолете”, состыковались с “Очумелыми ручками”, и уже вместе мы вернули отсек в состав “Инолуса”.

Теперь вот новый выход в космос. Из уникальных кристаллов, полученных на “Сплаве”, мы смонтировали концентратор энергии. Внизу, на лунной базе “Селена”, ребята сконструировали приемник, который имитирует все препоны, ожидающие энергетический луч при прохождении земной атмосферы. Такой же имитатор установлен и на корпусе “Инолуса” – там, в зоне ферменных конструкций, на всякий случай подальше от исследовательских и жилых модулей. Мы собираемся устроить двойную проверку.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Потеря мощности – полпроцента! – голос Маши Серовой звенит от радостного возбуждения. – Ребята, всего полпроцента потерь после прохождения атмосферы! Даю обратный старт!

Теперь огненная спица протыкает пространство с поверхности Луны и упирается во второй приемник на фермах “Инолуса”.

- Есть сигнал! – в один голос орут Астрид и Хосе в наушниках скафандра. – Потеря мощности на имитаторе атмосферы – тоже полпроцента!

- Трофимыч, теперь не нужны тепловые и атомные электростанции, не будет больше Чернобылей и Фукусим... - “Ночка” в белоснежном скафандре неуклюже поворачивается в мою сторону. - Достаточно всего лишь одного стометрового зеркала на геостационаре, чтобы обеспечить электричеством весь земной шар! Лёва, мы только, что подарили людям новый источник энергии! Новое Солнышко!

На стекло ее гермошлема опущен темный светофильтр, но мне кажется, что я вижу широкую белоснежную улыбку Стеллы и ее горящие восхищением глаза.

Мне сейчас не хочется думать, что уже завтра наверняка найдется некто, кто захочет использовать солнечный концентратор совсем по другому, – чтобы держать под прицелом города, страны и целые континенты. Я знаю, что сделаю все, чтобы этого не случилось.

Поэтому я улыбаюсь Стелле в ответ и киваю:

- Маленькое Солнце для всей Земли!

Как я создал Мухосранский отряд космонавтов

В апреле минувшего года, аккурат во Всемирный день космонавтики, у нас в Мухосранске провозгласили демократическую республику. Наверное, поэтому нам,

мухосранцам, почти сразу же перестали платить пенсии и зарплаты. Последний раз деньги выдали в июне – и баста. Девять месяцев прошло, но не гроша из “общественной кассы” в мой личный бюджет так и не упало.

К маю нынешнего года денег у меня осталось совсем мало – последние сбережения. Те, которые на самый черный и чернее уже некуда день. Поэтому решил жить очень экономно, на десять гривен в неделю: четыре с полтиной – на баночку горчицы, шесть тридцать - на батон хлеба. Ну, и плюс еще есть трехлитровая банка с солеными огурцами – довоенная, позапрошлогодня.

Батон заранее поделил на четырнадцать почти одинаковых кусочков – по весу. Это из расчета на день по два кусочка. Чтобы, значит, на всю неделю хватило. Огурчики порезал вдоль, половинками.

Утром завтракаю. Половинка огурчика, кусочек хлеба, стакан чая. Правда, заварки у меня к тому времени уже месяц как не было, и кофе закончился еще перед новогодними праздниками. Поэтому пью обычный кипяток. И, ясное дело, без сахара. Потому что сахарок, сами понимаете, тоже давно уже тю-тю.

Потом иду на работу. Пешочком, бодрым шагом. Если резво шагать, дохожу ровно за полтора часа. Работает наша контора с восьми утра, поэтому из дому приходится выходить самое позднее в половине седьмого. Рано, зато двигаешь по свежачку. Идешь, бывало, а ветерок шаловливый, еще по-зимнему холодный, тебя водяными капельками в лицо балует – экономия тоже ж, умываться не надо, воду тратить, мыло там всякое. Только успевай платочком щеки да глаза протирать. Приятная процедура, закаляет и бодрит.

Поэтому на работу прихожу уже в тонусе. Два стакана кипятка – и можно заняться делами.

Часов в десять – снова чаепитие. Хорошо-то как! Даже немного согревает. А то так - зябковато, утренняя температура в моем кабинетике где-то около пятнадцати

градусов, стабильно, изо дня в день. Нет, конечно, когда надышу, так теплеет. Где-то уже ближе к обеду.

Обед. На кусочек хлеба намазываю горчичку. Помните анекдот? “Сеня, вы бутерброды намазывайте, намазывайте” – “Изя, так я их таки намазываю...” – “Нет, вы накладываете, а нужно намазывать, намазывать!” Вот так и я. Тоненьким слоем. На хлебушек. Чтобы на неделю той горчички из баночки хватило.

И кушать нужно, знаете ли, горчичкой вниз, на язык. Тогда в нос шибает быстрее. Дышишь чаще и глубже, жуешь медленнее. А значит, время обеда растет. Ну, и удовольствие от приема пищи возрастает соответственно.

Покушал. Чаек попить, как же без этого? И теперь уже можно оторваться на всю катушку - стаканов пять к рыду. Желудок после обеда должен быть полным!

То, се, - вот и конец рабочего дня. Выползаю из родной конторы на ясно солнышко. Как там в песне? “Я шагаю с работы усталый...” Назад, домой, уже можно не торопиться. Поэтому вместо полутора часов дохожу за два. Гуляю, то есть, воздухом дышу. Врачи говорят, что для здоровья это полезно.

Вечером не ужинаю. “Ужин отдай врагу”, знаете поговорку? Мысленно пересылаю вечернюю еду президенту соседней державы. Думаю, ему приятно ощущать мою ежевечернюю заботу.

Снова чай – три стакана. Зубы почистить остатками мятной пасты – так меньше есть хочется. Ну, и в кроватку, баиньки.

Ночью спится спокойно, хорошо. И сны снятся сладкие. Про то, как кушаю жаренную картошку с салом. Или бутерброд с сыром и колбасой. Вкусно!

Ну, и вот в таком спортивно-спартанском режиме продержался я ровно пять дней.

А в пятницу, в обед, все и началось...

Сижу, кушаю, горчичкой наслаждаюсь. И вдруг чувствую: меня повело. Легкое такое головокружение

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

наметилось, поплыло все, а тело сделалось словно невесомым.

“Ну, вот и пипец тебе небесный настает, - думаю. – Дозкономился, дурачина!”

От такого мысленного расстройства я слегка даже дрыгнул ногами. Ну, так, чуть-чуть, кончиками носков дернулся.

И – о, чудо! Взлетел со стула, выплыл из-за стола и медленно стал подниматься вверх. На душе сделалось радостно, телу стало приятно – я только темечком немного зашибся, когда голова с потолком соприкоснулась.

Вишу в пространстве, созерцаю просторы родного кабинета и видом за окном люблюсь.

“А может это у меня бред начался? – подумалось вдруг. – На почве, скажем прямо, моего продвинутого аскетизма?”

Ущипнул себя за локоть, ойкнул – больно! Значит, не брежу. И не заснул за столом, хлеба с горчишкой накушавшись. Ну, вот и хорошо! Вот и ладненько!

Стал я осваиваться. Летать, то есть, учиться. Минут пятнадцать витал под потолком комнаты, принаравливался. Потом решил выбраться в коридор. Открыл двери и выпорхнул.

Лечу по коридору – он у нас в конторе длинный, метров сто, - и со всеми здороваюсь. Наше, мол, вам с кисточкой, дорогие господа и милостивые товарищи! Народ на меня испуганно косится, но на приветствие отвечает. Некоторые и себе на цыпочки становятся, руками машут – знать, тоже полетать хотят. Только ничего у них не получается. Потому что технологией полета не владеют. Диета и режим – моя тайна, мой секрет, мое ноу-хау.

Вылетаю на улицу. Лечу осторожно, отталкиваясь пальцами от стен домов. Тут главное не переборщить, чтобы в небеса совсем не сорваться. Потому что обратно уже не вернешься – от туч и облаков в обратном направлении не оттолкнешься, опорная среда не та.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Лечу к Дому нашего родного мухосранского правительства. Надо же поделиться радостью летания с руководством демократической республики, или нет?

На перекрестке стоит блок-пост, наряд из трех камуфлированных ребят. Сверху похожи на ниндзя-черепашек – маленькие такие и забавные до ужаса. Миротворцы же, “голубые каски” то есть.

Увидели меня, окаменели, челюсти отвалили. Потом очухались, стволы автоматов наставили.

- Эй, - кричит старший – тот, который в розовой балаклаве с синими цветочками, - ты – кто? Вражеский беспилотник?

- Я - Карлсон, который живет на крыше, - смеюсь в ответ и машу рукой. – Привет, братцы!

- Карлсон? – глаза старшего вылазят из прорезей балаклавы. – Из Евросоюза?

Стволы “калашниковых” нервно дергаются. Вот-вот плюнут в меня свинцовым горохом.

Ну, вот нет у людей никакого чувства юмора!

- Спокойно, гвардия, - говорю. – Что, не видите? Я – авиация нашей демократической республики!

- А почему летишь без камуфляжа? – старший подозрительно щурится.

Есть же такие вредные и дотошные типы!

- Я – гражданская авиация, - терпеливо объясняю с высоты. – Лечу по маршруту “Хацапетовка – Мухосранск” с почтой для нашего правительства.

Магическое слово “правительство” отворяет врата небесные.

- Так бы сразу и сказал! Пролетай! – машет рукой старший блок-поста. – Не создавай затор на воздушной трассе!

Лечу дальше. Вот и Дом правительства. Крыша, на которой какой-то шалунишка написал и нарисовал все, что думает о президенте соседней державы. Террорист с графоманским уклоном и талантом порнографа-аниматора, не иначе.

Опускаюсь вдоль фасада здания, ищу окна “Третьего тысячелетия” - главной газеты нашей маленькой страны, совершенно затерявшейся на просторах огромного континента. Ага, вот и они, окошечки, ночным дождиком вымытые. Вглядываюсь сквозь стекла. Редактор Борька Боров, по совместительству депутат Республиканского парламента, священнодействует над клавиатурой, очередной опус кропает для завтрашнего номера. Трудяга-парень...

Стучу согнутым пальцем в окно. Боров поворачивается лицом ко мне, округляет глаза. Жмурится и крестится. Что-то шепчет под нос.

Барабаню снова, настойчиво, ору:

- Борька, хватит молиться! Я не призрак! Открывай окно, давай посадку!

Боров, наконец, приходит в себя открывает створку окна. Я проникаю внутрь здания, повисаю под потолком редакции рядом с засиженной мухами люстрой.

- Т-ты это что? – Боров таки еще окончательно не взял себя в руки, голос дрожит, на щеках - бледность до синюшности.

- Левитирую, - поясняю, многозначительно подмигивая. И с ходу говорю:

- Вот решил поставить на практические рельсы создание авиации в нашей молодой демократической республике. А может даже и родить нашу демократическую космонавтику – хотя это как карта ляжет.

Борька икает. Наверное, от потрясения и восхищения.

- Поможешь встретиться с руководством страны?

- Ага! – Боров шмыгает носом. – Только, чур, ты мне потом дашь интервью для завтрашнего газетного выпуска!

- По рукам! – киваю из подпотолочья. – Веди к начальству!

И он меня ведет. Точнее, тащит за руку. Совсем, как воздушный шарик.

Президент демократической республики товарищ Бенедикт Игогоевич Потницкий в послеобеденное время как раз потеет в своем кабинете. Все решает важные народно-хозяйственные проблемы, дорогой и любимый наш руководитель.

- Вот, - говорит Борев, указывая на меня, когда мы, миновав приемную, входим в кабинет – точнее, Борька входит, а я влетаю, - у городской общественности есть предложение создать авиакосмические силы страны!

- Вижу, - важно кивает товарищ Потницкий, сыто отрыгивает и задумчиво принимается ковыряться мизинцем в зубах.

Все правильно, президент страны и должен сытно и много кушать. Чтобы, значит, денно и ночно думать, как прокормить родной народ.

Взгляд президента оценивающе скользит по моему стройному телу.

- Это сколько ж гороха нужно потребить, чтобы тебя так вспучило и над землей приподняло! – говорит Бенедикт Игогоевич восхищенно.

- Причем тут горох? – обижаюсь я. – Технология полета у меня совсем другая, не газогороховая!

- А вот это хорошо! – облегченно вздыхает камрад Потницкий и платочком с камуфляжно-зелеными пятнами вытирает свой высокий лоб государственного мужа. – А то у нас с горохом в республике напряженка!

- Обойдемся без гороха! – я ему ободряюще подмигиваю. – Мы создадим авиацию и космонавтику по совершенно другой технологии!

Президент плямкает губами, задумывается. А потом спрашивает:

- А вот объясните, мужики, на фига нам вообще эта космонавтика? Может, ну ее на...?

- Ну, ты даешь, Бенья! – Борька Борев немедленно вклинивается в разговор. – Как это, на фига? А военные перспективы? Оденем всех наших пацанов в скафандры – и высадим десант в тылу противника! Нас же там с неба никто не ждет!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Это точно! – президент чешет пальцем покатый затылок. – Ладно, уговорили, общественники! Создаем военно-космический отряд!

И мы создали.

В одно прекрасное утро - после пятидневного горчично-огуречного поста по моей методике - все доблестные войска нашей Мухосранской Демократической Республики, все ее министры и должностные лица во главе с самим Бенедиктом Игогоевичем надели противогазы и водолазные костюмы и изготовились к старту.

- Три, два, один – толчок! – скомандовал я.

Десятки тысяч ног одновременно ударили в грунт – так, что едва не своротили нашу планету с орбиты. Зелено-камуфляжное войско взвилось над землей и стало подниматься в небеса. Совсем скоро оно скрылось за тучами. И его никто и никогда больше не видел.

С тех пор прошло уже полгода. После отлета в небесную экспедицию наших демократических космонавтов жизнь в Мухосранске почти сразу же вошла в нормальную колею. Войнушка как-то сама собой закончилась, все просто перестали стрелять друг в друга, и теперь нам снова вовремя платят и зарплаты, и пенсии. С первой полочки я на радостях “оторвался по-черному”, на объездной дороге, - куда до сих пор не могу вспомнить, как попал, - познакомился с хорошенькой девушкой, и вскорости женился. Как только стал нормально питаться, способность летать я, конечно же, утратил – тело потяжелело, набрало килограммы, духовной подъемной силы для полета уже не хватает. Но я не жалею. И в жизни на Земле есть свои прелести, согласитесь.

Все у нас в Мухосранске теперь хорошо. Вот только жена, которой я как на духу рассказал мою “полетную” историю, иногда меня пилит.

- Ты – террорист и диверсант, - говорит. – Как ты мог отправить все это мухосранское воинство в космос? А если они высадятся на Луну? И создадут там Лунную

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Демократическую Республику? Ты что, хочешь, чтобы лунатикам перестали платить зарплаты и пенсии?!

- Не высадутся, - машу в ответ рукой. – Я же так и не научил мухосранцев двигаться в космическом пространстве. А сами они не додумаются по причине острой мозговой импотенции. Так и будут теперь стаей до скончания времен лететь в космосе. И, кстати, нет, моя дорогая, на Луне никаких “лунатиков”-лунян. Это довольно маленькая планетка, совсем без воды и воздуха. Поэтому жить на ней нельзя!

Лунный проект

Поздним вечером 21 июля 1969 года американский астронавт Нейл Армстронг осторожно спустился по лестнице космического корабля “Орел” и ступил на поверхность Луны. Телевизионная передача об этом событии шла в прямом эфире, и весь мир, за исключением СССР и Китая, затаив дыхание, следил за первыми шагами человека по лунной поверхности. Советские люди узнали о выдающемся успехе США в исследовании космоса только в конце следующего дня - в программе “Время”, перед спортивными новостями, был показан полутораминутный репортаж.

Американские астронавты еще шесть раз стартовали к Луне, но наши газеты и телевидение не баловали народ информацией о победах Америки в космосе. Пилотируемая программа США по исследованию Луны была представлена ошибкой, ненужной тратой средств. В противовес ей непомерно выпячивались полеты советских автоматических станций, впервые обеспечивших доставку на Землю образцов лунного грунта. Мало кто из людей, не связанных напрямую с космонавтикой, знал, что в СССР существовала своя программа пилотируемых полетов к Луне.

Советская лунная программа включала в себя два этапа: первый - облет Луны пилотируемым кораблем, второй – высадка советского космонавта на лунную поверхность. Для реализации первого этапа должен был использоваться двухместный космический корабль Л-1, который предполагалось вывести в космос с помощью ракеты “Протон”. Первоначально планировалось, что корабли для облета Луны будет готовить конструкторское бюро, которым руководил В.Н.Челомей. Но после смещения в октябре 1964 года Н.С.Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС все работы по лунной программе перешли в руководимое С.П.Королевым конструкторское бюро. Не последнюю роль при принятии этого решения сыграл тот факт, что в КБ Челомея работал сын Хрущева Сергей. Это изменение космической программы замедлило работы по созданию корабля для облета Луны почти на два года - только в 1966 году началась сборка нескольких Л-1 на заводе в Подмосковье.

В начале 1967 года корабль был готов к старту. Перед стартом к Луне в пилотируемом варианте требовалось провести испытания корабля в автоматическом режиме как в околоземном пространстве, так и на лунной трассе. Для решения первой задачи были осуществлены два запуска корабля Л-1 под наименованием “Космос-146” и “Космос-154”. Вторая часть испытаний была проведена в рамках программы “Зонд”. Космический корабль “Зонд” был создан на основе многофункционального корабля “Союз”, разработка которого началась еще в 1962 году. Отличие от “Союза” состояло в том, что вместо шарообразного орбитального отсека был пристыкован конический отсек научных приборов, а бортовые системы корабля были доработаны с таким расчетом, что обеспечить пребывание двух космонавтов в течение недели в спускаемом аппарате объемом около 4 кубических метров.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Первый запуск “Зонда” оказался неудачным. При монтаже на космодроме были перепутаны цепи коммутации, и разгонный блок ракеты-носителя вместо разгона включился на торможение. Корабль был потерян.

Следующий запуск был наполовину успешным. Запущенный 15 сентября 1968 года “Зонд-5” облетел Луну и впервые в истории космонавтики вернулся на Землю. Правда, перед самой посадкой отказала система астроориентации и сесть пришлось не на территории Советского Союза, а в акватории Индийского океана. При спуске перегрузки достигали 20 единиц, но, тем не менее, пассажиры “Зонда-5” - черепахи - прекрасно перенесли полет.

Третий старт “Зонда” закончился катастрофой. В турбонасосный агрегат двигателя попала резиновая технологическая заглушка, подача топлива прекратилась. Ракета-носитель “Протон” через несколько секунд после старта упала на землю и взорвалась.

Последний испытательный старт лунного корабля также был аварийным. “Зонд-6” облетел Луну, сфотографировал ее обратную сторону и вернулся на Землю. Но при полете в атмосфере неожиданно вместе с теплозащитным экраном отстрелились и стропы парашюта. Корабль упал с высоты нескольких километров и разбился. К счастью, фотопленки, отснятые автоматом в районе Луны, сохранились, что и позволило советским ученым получить очень четкие фотографии как самой Луны, так и Земли, сфотографированной с лунной орбиты.

Как знать, если бы полет “Зонда-6” оказался полностью успешным, может быть, в середине декабря 1968 года к Луне отправился бы первый советский пилотируемый корабль. К этому полету были подготовлены два экипажа космонавтов: в первый экипаж вошли А.А.Леонов и О.Г.Макаров, во второй - В.Ф.Быковский и Н.Н.Рукавишников. Но авария с парашютной системой “Зонда-6” убеждала - посылать

космонавтов в окололунную экспедицию было пока небезопасно.

А тем временем в США на космодроме на мысе Канаверал готовился к облету Луны американский пилотируемый корабль “Аполлон-8”. К декабрю 1968 года корабль был трижды испытан в космосе на околоземной орбите, причем один раз - в пилотируемом варианте. Теперь США готовились отправить в экспедицию вокруг Луны трех астронавтов. 21 декабря 1968 года Френк Борман, Джеймс Ловелл и Уильям Андерс стартовали в космос и спустя три дня облетели Луну. Полет завершился успешным приводнением “Аполлона-8” в Атлантическом океане. Люди впервые совершили полет к другой планете.

Итак, мы не облетели Луну первыми. Пропагандистский эффект, который мог бы дать такой полет Советскому Союзу, не был достигнут. Отчасти поэтому, правительство охладело к лунной программе. Академику В.П.Мишину, который после смерти С.П.Королева в январе 1966 года стал Главным конструктором корабля Л-1, удалось “выбить” разрешение еще на два беспилотных старта к Луне. Полет “Зонда-8” был полностью успешным, а вот у “Зонда-7” в полете произошла разгерметизация корпуса. Планы пилотируемого облета Луны советским экипажем были похоронены окончательно.

Но еще велись работы по второму этапу лунного проекта - высадку советского космонавта на Луну должны были обеспечить сверхмощная ракета Н-1 и космический корабль Л-3. Решение о создании тяжелой ракеты, способной вывести на околоземную орбиту нагрузку около 40-50 тонн, было принято правительством Н.С.Хрущева еще в 1960 году, примерно за год до официального объявления президентом США Дж.Кеннеди программы полета на Луну корабля “Аполлон”. Несколько позднее при АН СССР для разработки научной программы полета был создан специальный Лунный комитет.

Первоначально старт Н-1 планировался на 1963 год. Это был совершенно нереальный срок. Человек едва шагнул в космос, всего лишь несколько одноместных кораблей облетели Землю – и вдруг сразу лунная экспедиция. Следовало сначала накопить опыт полетов, решить ряд серьезных технических проблем. Поэтому сроки начала работ над сверхмощной ракетой постоянно сдвигались, в первоначальный проект вносились существенные изменения. Только в ноябре 1966 года, уже после смерти С.П.Королева, специальная экспертная комиссия во главе с президентом АН СССР М.В.Келдышем утвердила эскизный проект лунной экспедиции.

Предполагалось создать мощную ракету Н-1 с грузоподъемностью 95 тонн и двухместный пилотируемый корабль Л-3. Это позволяло в специальном посадочном модуле доставить на поверхность Луны одного из космонавтов, оставив второго в орбитальном корабле на окололунной орбите. После выполнения программы работ на Луне, посадочный модуль стартовал в космос и стыковался с орбитальным кораблем. Затем оба космонавта на борту корабля Л-3 возвращались на Землю. В феврале 1967 года было принято постановление правительства о графике работ по реализации лунного проекта. Первый старт ракеты Н-1 был намечен на второй-третий квартал 1967 года. Высадка советского космонавта на Луну планировалась на второе полугодие 1968 года.

Однако производство не поспевало за планами. Хотя производственные работы над ракетой Н-1 (или, как ее еще называли, изделием N 52) начались в сентябре 1963 года на одном из заводов в Куйбышеве и на космодроме Байконур с постройки двух огромных цехов общей сборки, первые несколько ракет удалось подготовить к старту только в конце 1968 года. Одной из причин двухгодичного отставания от графика явилась плохая организация работы как самих заводчан, так и их смежников. Иногда узлы и детали ракеты-носителя

доставлялись на космодром без запасных частей и малейшая поломка останавливали проведение сборочных операций. Специальный самолет Ил-18 приходилось регулярно гонять то в Куйбышев, то в Подмоскowie за недостающими частями.

Сильно подводили и смежники. Детали и узлы для Н-1 делали более 500 организаций 26 различных ведомств. Единого центра по руководству технологической подготовкой лунной программы не было, задания давались заводам часто не по профилю, поставки срывались. Как вспоминал позднее Главный конструктор Н-1 В.П.Мишин, зачастую даже министр с министром не могли договориться. Существовавшая в нашей стране командно-административная система управления народным хозяйством еще раз продемонстрировала свою неэффективность и неповоротливость.

Очень сильно сказалась на выполнении лунной программы и внезапная смерть в январе 1966 года С.П.Королева. При Королеве советская космонавтика шла своим оригинальным путем, конструкторы находили нетрадиционные и смелые решения. После смены руководства, когда во главе королевского КБ стал В.П.Мишин, началась оглядка на американцев, копирование их технических разработок. И вина в этом не столько самого В.П.Мишина, сколько стоявших над ним руководителей - секретаря ЦК КПСС Д.Ф.Устинова и министра общего машиностроения С.А.Афанасьева. Сверху шло постоянное давление, спускались указания отправить ракету в полет к очередному государственному празднику. Так первый старт Н-1 в правительственном графике работ был запланирован на третий квартал 1967 года не случайно - близилось 50-летие Октября, требовалось подтвердить “твердую поступь первого в мире социалистического государства” очередной победой в космосе. Конечно, такого рода указания существенно мешали проведению работ, лихорадили и производство, и трудовые коллективы.

Сказывалось и недостаточное финансирование лунного проекта. Если США затратили на программу “Аполлон” более 25 миллиардов долларов, то мы за все годы работ 4,5 миллиардов рублей.

Тем не менее в феврале 1969 года советская сверхмощная ракета-носитель Н-1 была готова к запуску и установлена на стартовом столе космодрома Байконур. Как позднее вспоминали очевидцы запуска, ракета была удивительно красива. Представьте себе 95-метровую башню, состоящую из двух верхних цилиндрических ступеней, соединенных между собой коническим переходником, и расширяющейся к основанию нижней первой ступени. Максимальный диаметр ракеты достигал 16 метров. Старт ракеты обеспечивали 30 двигателей, причем Н-1 могла успешно продолжать полет при отказе двух пар двигателей на первой ступени и одной пары на второй. В качестве топлива использовались дешевые и экологически чистые компоненты - керосин и кислород.

Первый старт ракеты-носителя Н-1 состоялся 21 февраля 1969 года. Гигантская ракета с грохотом приподнялась над стартовым столом и, секунду помедлив, пошла вверх, набирая скорость. Тянувшийся за двигателями белый инверсионный след постепенно загибался на восток, к горизонту. Казалось, все шло хорошо. Но на 70-ой секунде полета случилось непредвиденное - в хвостовом отсеке начался пожар, двигатели автоматически отключились. С Земли последовала команда на уничтожение ракеты и на небе на мгновение вспыхнула яркая звезда...

Итак, первый старт Н-1 окончился катастрофой. В немалой степени это было связано с тем, что в свое время в целях экономии средств отказались от стендовых испытаний первой ступени. Если американцы могли целиком, в сборе испытать на наземном стенде весь ракетный блок, проверить работу всех двигателей в связке, то мы испытывали все 30 двигателей поодиночке, сборку проводили только на космодроме и гарантировать полную совместимость двигателей не мог никто.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

В июле 1969 года американцы высадились на Луну. Пропагандистский выигрыш, который могло бы получить наше государство от реализации своей лунной программы, был полностью утрачен.

Руководство СССР по существу отвернулось от лунного проекта. Уже в октябре 1969 года Л.И.Брежнев, вручая награды совершившим групповой полет экипажам кораблей “Союз”, сказал, что магистральный путь советской космонавтики лежит через создание на околоземной орбите орбитальных станций. С идеологической точки зрения лунный проект перестал интересовать и Политбюро ЦК КПСС, и Советское правительство.

Но работы над доводкой ракеты Н-1 продолжались. 3 июля 1969 года состоялся второй запуск. И вновь неудача. Ракета взорвалась, даже не оторвавшись от земли, из-за разрушения при выходе на режим кислородного насоса. Стартовый комплекс был почти полностью уничтожен взрывом и последовавшим за ним пожаром. Взрывная волна была такой силы, что на соседней стартовой площадке ракет “Союз”, расположенной в нескольких километрах от места старта Н-1, в окнах жилых сооружений практически не осталось целых стекол. Помощник Главкома ВВС по подготовке и обеспечению космических полетов генерал Н.П.Каманин в своем дневнике прокомментировал вторую попытку запуска Н-1 так: “...Неудача причинила громадный ущерб полигону (космодрому Байконур - С.Ч.) и отбросила нас назад еще на полтора-два года”.

Третья попытка отправить Н-1 в космос была предпринята 27 июля 1971 года. Ракета оторвалась от стартовых опор, но из-за неучтенного газодинамического момента возникло вращение вокруг оси носителя, приведшее к взрыву. Стартовый комплекс снова был поврежден.

Неудачи с ракетой Н-1 очень болезненно воспринимались рабочими и инженерами

конструкторских бюро и космодрома. Но сомнений не было ни у кого - еще 1-2 пуска и Н-1 выйдет в космос.

23 ноября 1972 года был проведен четвертый запуск ракеты. Все 30 двигателей первой ступени впервые работали нормально. Полет ракеты продолжался 107 секунд. Но при переходе на конечную ступень тяги в хвостовом отсеке произошел взрыв...

В чем же причина четырех подряд неудач с запуском ракеты Н-1? О плохой организации работ, давлении сверху и недостаточном финансировании уже говорилось выше. Все это, конечно, не могло не сказаться на советском лунном проекте, но все же главная причина была, видимо, в другом. Нельзя не заметить, что во всех четырех катастрофах причина была одна – несовершенство первой ступени, конкретно - двигательной установки.

Мощные ракетные двигатели для Н-1 могли создать в те годы только в одном КБ в нашей стране. Руководил этим КБ академик В.П.Глушко, один из пионеров ракетной техники в нашей стране, создатель первых советских жидкостных двигателей. В начале 60-х годов Королев обратился к Глушко с просьбой создать для Н-1 большой двигатель на водородно-кислородном топливе. Но Главный конструктор советских двигательных систем ответил отказом: Глушко, несмотря на весомые успехи США в этой области, считал, большие кислородные двигатели бесперспективными для целей космонавтики. В одной из своих книг он писал: “Жидкий кислород далеко не лучший окислитель, а жидкий водород никогда не найдет себе практического применения”.

Разошлись взгляды Королева и Глушко и по вопросу о компоновке первой ступени ракеты Н-1. Если Королев предлагал собрать двигательную установку из трех десятков малых двигателей, то Глушко настаивал на создании меньшего числа больших двигателей - по его мнению, большое число двигателей было бы труднее синхронизировать.

Королев оказался без двигателя для Н-1. Помочь вызвалось КБ Н.Д.Кузнецова в Куйбышеве, которое до этого разрабатывало авиационные двигатели для самолетов А.Н.Туполева. Работа шла трудно, опыта создания космической двигательной установки ни Кузнецов, ни его инженеры не имели. И все же к концу 60-х годов двигатель был создан. Но стендов для наземной отработки связки двигателей практически не было, на Н-1 ставились во многом еще “сырые” и непроверенные агрегаты. В этом, видимо, и кроется причина всех четырех катастроф сверхмощной советской ракеты. Правда, потом, уже в конце 70-х, инженеры КБ Н.Д.Кузнецова все же довели ресурс двигателя до 14 тысяч секунд (для успешного старта ракеты было достаточно, чтобы двигатель отработал 150-170 секунд).

В 1973-начале - 1974 года В.П.Мишин и его сотрудники продолжали доработку ракеты. Было собрано шесть Н-1, две из них доставили на Байконур и стали готовить к старту. Пятый запуск был намечен на август, шестой - на конец 1974 года. На этом планировалось испытания Н-1 завершить и сдать ракету в эксплуатацию.

Но планам этим не суждено было сбыться. В мае 1974 года В.П.Мишин был снят с должности Главного конструктора королевского КБ. На его место был назначен В.П.Глушко.

Произошла не просто смена лидера. Вместе с В.П.Мишиным из КБ ушли ряд видных ученых и специалистов. Были закрыты некоторые космические программы, и в первую очередь лунный проект.

Все шесть собранных ракет Н-1 были уничтожены. В.П.Глушко распорядился отобрать у В.П.Мишина пропуск на территорию КБ и экспериментального завода.

С ликвидацией последних экземпляров Н-1 Советский Союз потерял не только возможность достигнуть Луны, но и способность выводить на околоземную орбиту полезные нагрузки массой порядка 100 тонн. Если бы советская сверхтяжелая ракета была бы доведена до стадии эксплуатации, многократный

корабль “Буран” мог бы стартовать в космос еще в конце 70-х годов. 85-тонный орбитальный комплекс “Мир”, строительство которого в космосе ведется с февраля 1986 года из отдельных 20-тонных кораблей-блоков, мог быть выведен на орбиту одним пуском ракеты-носителя Н-1. Можно спорить, нужен ли нам был собственно лунный проект, но большая ракета стране была крайне необходима.

Проиграл ли СССР “лунную гонку”?

Со времен перестройки принято считать, что Советский Союз проиграл так называемую “лунную гонку” Соединенным Штатам Америки. Зримым подтверждением этого факта всегда являлась высадка на лунную поверхность 21 июля 1969 года Нила Армстронга и Эдвина Олдрина, а также пять последующих лунных экспедиций американских астронавтов.

Однако, детальный анализ лунных проектов СССР и США дает основания полагать, что вывод о проигрыше “лунной гонки”, мягко говоря, спорный.

Вымпел на Луне

Советский Союз после запуска первого искусственного спутника Земли очень хотел закрепить и развить свое первенство в космосе. Особенно это касалось межпланетных полетов. Ближайшей целью космической экспансии стал естественный спутник Земли – Луна. К ней планировалось отправить космическую станцию, которая врежется в лунную поверхность со второй космической скоростью и доставит на Луну маленький вымпел с надписью “СССР”.

2 января 1959 года космический аппарат “Луна-1” ушел к Луне. Но, увы, в саму Луну он не попал и 4 января пролетел около спутника Земли на расстоянии около 6 тысяч километров. Поскольку, аппарат стал двигаться вокруг Солнца, его тут же – чтобы не признавать неудачу

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

космической миссии - окрестили “первой искусственной планетой”.

Только 14 сентября 1959 года космический аппарат “Луна-2” попал в Луну, и советский выпел был доставлен на лунную поверхность. Это была большая победа советской науки и техники. Но поскольку США не имели аналогичной космической программы, вряд ли следует считать эту победу выигрышем одного из этапов “лунной гонки”. Победа была, а вот гонки – не было.

Исследовать Луну с близкого расстояния.

Американцы начали запуски к Луне 17 августа 1958 года. Космический аппарат “Пионер” должен был достичь окрестностей Луны, затормозиться и стать ее спутником. Но ракета с космическим аппаратом взорвалась после старта. Еще трижды американцев преследовали неудачи – ракеты-носители не смогли сообщить космическим аппаратам вторую космическую скорость, и “Пионеры” падали на Землю. И только 3 марта 1959 года задача космической программы была частично выполнена – “Пионер-4” пролетел мимо Луны и передал на Землю научные данные. Это был успех американской космонавтики, но он опять же не имел никакого отношения к космической гонке с СССР – у Советского Союза в те годы аналогичной программы исследования Луны просто не было.

С фотоаппаратом вокруг Луны

7 октября 1959 года советская станция “Луна-3” облетела вокруг спутника Земли по баллистической траектории и впервые в истории науки сфотографировала его “тыльную” сторону, которая никогда не бывает видна с поверхности Земли.

Фотографирование обратной стороны Луны – это великое достижение советской науки. Но к “лунной гонке” оно опять же не имеет никакого отношения: у американцев просто не было аналогичной космической программы.

Фотосъемка Луны с близкого расстояния

В начале 1960-х годов США предпринимали попытки доставить на лунную поверхность контейнеры с научной аппаратурой, то есть фактически совершить жесткую посадку на лунную поверхность. Но старты трех космических аппаратов оказались неудачными. Поэтому на второй модификации аппаратов “Рейнджер” поставили несколько телекамер, чтобы показать поверхность Луны с близкого расстояния. В июле 1964 года “Рейнджер – 7” блестяще выполнил поставленную перед ним задачу и передал несколько тысяч изображений Луны вплоть до того момента, как он врезался в лунную поверхность.

Это был значительный успех американцев, но он опять же никак не связан с “лунной гонкой” - программы, похожей на американскую программу “Рейнджер”, у Советского Союза не намечалось.

Первая посадка на Луну

В 1964 – 1965 годах СССР предпринял пять неудачных попыток посадить космическую станцию на поверхность Луны. Удачной оказалась только шестая попытка: в феврале 1966 года космический аппарат “Луна-9” первым высадился на Луне и передал на Землю фотоизображение лунной поверхности.

У США была своя программа высадки на Луну автоматических аппаратов “Сервейор”. “Сервейор-1” совершил посадку 2 июня 1966 года – на три месяца позже советской космической станции. Следовательно, поскольку у СССР и США были похожие и конкурирующие друг с другом космические программы, нужно признать: гонку по высадке на Луне автоматического аппарата Советский Союз выиграл.

По орбите вокруг Луны

В апреле 1966 года советская космическая станция “Луна-10” стала первым искусственным спутником Луны.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

У американцев аналогичная программа называлась “Лунар Орбитер”. Первый “Лунар Орбитер” вышел на окололунную орбиту в августе 1966 года, на четыре месяца позже советского космического аппарата.

Американская программа “Лунар Орбитер” и программа советских спутников Луны по своей конечной цели – запуск окололунного спутника – близнецы. Следовательно, СССР блестяще выиграл этот этап космического соревнования.

Облет Луны и посадка на Землю

15 сентября был успешно запущен космический аппарат, получивший название “Зонд-5”, - Советский Союз начал испытания космического корабля для облета Луны человеком. После облета Луны “Зонд” вернулся к Земле и произвел приземление по баллистической траектории.

У американцев не было программы облета Луны и возвращения на Землю автоматических аппаратов. Поэтому этот успех советской науки и техники тоже не может считаться выигрышем СССР в космической гонке.

Полет животных вокруг Луны

10 ноября к Луне отправился “Зонд-6”. Космический аппарат облетел Луну и вернулся на Землю. Полет вокруг естественного спутника Луны впервые совершили животные – черепашки.

И снова нет оснований считать этот успех СССР победой в пресловутой “лунной гонке” - США не планировали полеты животных вокруг Луны.

Облет Луны человеком

Программа полетов автоматических кораблей “Зонд” была прологом к пилотируемому полету вокруг Луны советских космонавтов. Космонавты, прошедшие подготовку по лунной программе, обратились с письмом в Политбюро ЦК КПСС, в котором просили разрешения на проведение пилотируемого полета к Луне. На Байконуре

был подготовлен к запуску комплекс “Протон-К” - “Союз 7К-Л1”, и 8 декабря 1968 года космонавты были готовы к полету. Но высокий риск полета и продолжающиеся появляться на ракете-носителе неполадки не позволили осуществить этот запуск.

21 декабря 1968 года Фрэнк Борман, Джеймс Ловелл и Уильям Андерс стартовали к Луне на борту космического корабля “Аполлон-8”. Впервые люди покинули околоземное пространство. Спустя три дня корабль вышел на окололунную орбиту и несколько раз облетел вокруг Луны. К новому году космонавты успешно вернулись на Землю.

А что же лунная миссия советских космонавтов? После осуществления полета “Аполлона-8” актуальность осуществления пилотируемого облета Луны в рамках программы “Союз 7К-Л1” пропала. Космический корабль запустили в январе 1969 года в беспилотном варианте. На этапе выведения на околоземную орбиту произошла авария ракеты-носителя “Протон-К”. Система аварийного спасения космического корабля не сработала. Если бы на борту “Союза 7К-Л1” в том полете были космонавты, они неминуемо бы погибли... Руководство СССР приняло решение отказаться от пилотируемого облета Луны.

Итак, вроде бы США выиграли этот этап соревнования в космосе: американские космонавты первыми облетели Луну.

Но и тут есть кое-какие нюансы, на которые хотелось бы обратить внимание. Хотя, и в СССР, и в США планировалось на первом этапе исследований Луны человеком совершить пилотируемый облет естественного спутника Земли без посадки на ее поверхность, но в США этот этап был только промежуточным, а главной целью с самого начала была высадка человека на Луну. А вот в СССР был специальный проект пилотируемого облета Луны, не связанный с высадкой космонавта на ее поверхность. Именно этот специальный проект зимой 1968 – 1969 годов и не был доведен до осуществления.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Кроме того, советский проект предусматривал облет Луны по баллистической траектории без выхода космического корабля “Союз 7К-Л1” на окололунную орбиту. Американцы же сразу намеривались вывести “Аполлон” на орбиту вокруг Луны без баллистических пролетов. И блестяще справились с этой задачей.

То есть опять гонки аналогичных по своей конечной цели космических проектов СССР и США не было.

Высадка космонавтов на Луну

Где американцы первенствовали бесспорно, так это в высадке на Луну человека. Как уже говорилось выше, в июле 1969 года космонавты США первыми ступили на поверхность Луны.

Правда, и здесь не обойтись без кое-каких замечаний. Американскую программу высадки на Луну президент США Джон Ф. Кеннеди громогласно провозгласил 25 мая 1961 года. А советский проект высадки человека на лунную поверхность окончательно оформился только к 1964 году.

Уже в октябре 1961 года состоялся первый полет экспериментального прообраза американской лунной ракеты – “Сатурн-1”. Сама лунная ракета “Сатурн-5” впервые взлетела 9 ноября 1967 года. Первую попытку запустить свою ракету-носитель Н-1 для осуществления лунной экспедиции СССР предпринял только в феврале 1969 года. Ракета взорвалась после старта и упала на Землю. Неудачными оказались и еще три попытки стартовать в 1969, 1971 и 1972 годах.

Кроме того, на американскую программу высадки на Луну человека было затрачено 25 миллиардов долларов. Советское правительство выделило на эти же цели в несколько раз меньшую сумму...

То есть на деле получилась не “лунная гонка” двух равных по силам участников, а очередное соревнование в стиле “Догоним и перегоним Америку!” да еще при

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

весьма скудном финансировании советской лунной программы.

Еще две блестящих победы СССР

В 1970 году, уже после высадки на Луну американских космонавтов, советская космическая станция “Луна-16” в автоматическом режиме совершила посадку на Луну, выполнила забор лунного грунта и доставила его на Землю. В том же году на Луну высадился советский самоходный аппарат – “Луноход-1”.

Это огромный успех СССР, но опять же рассматривать его в качестве победы над американцами в некой “лунной гонке” нет смысла: у США просто не было в разработке аналогичных проектов.

Проиграл ли СССР “лунную гонку”?

На основании изложенных выше фактов можно прийти к выводу, что “лунной гонки” между СССР и США фактически не была. Да, была конкуренция при осуществлении некоторых сходных по конечной цели космических проектов. Какие-то удалось первыми выполнить американцам, какие-то – Советскому Союзу.

Но то, что принято называть “лунной гонкой”, на самом деле было осуществлением серии национальных проектов исследования Луны СССР и США. Никакой глобальной “лунной гонки” между Советским Союзом и Соединенными Штатами – не было.

Поэтому СССР эту “лунную гонку” и не проигрывал.

Лунное закулисье

Предисловие

В июне, в самом начале полуторамесячного отпуска, который любезно предоставил мне и Инге Лаукайте наш куратор по “школе миростроителей” Чеслав

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Волянецкий, я решил упорядочить свой журналистский “архив” – ужасно надоел этот огромный ворох бумаг, сложенный в картонный ящик.

Покопавшись в бумажных залежах, с удивлением обнаружил, что если в определенном порядке рассортировать их, то часть бумаг сама собой складывается в некое подобие документальной повести о событиях, которые имели место осенью минувшего 1968 года. Я же выступлю не столько автором нового опуса, сколько его составителем, поскольку среди найденных в “архиве” творений обнаружилось не только мои интервью с крупными советскими учеными и конструкторами, но и документы, написанные другими людьми, - увы, не опубликованные в свое время по той или иной причине.

Мартын Луганцев, 21 июля 1969 года

Глава 1

“Нас напутствовал Циолковский”

(Интервью журналиста Мартына Луганцева с профессором М.К.Тихомировым)

- Михаил Клавдиевич, вас называют одним из основоположников нашей космонавтики...

- Это распространенное заблуждение, - он решительно прерывает меня и хохочет. – Вымыслы и домыслы злопыхателей!

Мы сидим на веранде дачи, которая принадлежит моему собеседнику, профессору Тихомирову. На покрытом белоснежной скатертью столе огромный самовар, тарелочки с вареньем и выпечкой, блюда и чашечки с чаем. Тихомиров охотно согласился встретиться и ответить на мои вопросы, но попросил приехать к нему на дачу. Сказал, что слегка приболел и не хотел бы возвращаться в Москву. Инга тоже собиралась поехать со мной, но в последний момент начальник отдела откомандировал ее на стройку в Останкино – там

завершалось строительство нового всесоюзного телецентра, и “Новые известия” намеревались напечатать об этом фоторепортаж.

- Но именно так о вас говорят и Сергей Павлович Королевин, и Василий Павлович Михеев, и многие другие ваши коллеги, - я настойчиво продолжаю гнуть свою линию. Для “затравки” будущей статьи мне нужно, чтобы Тихомиров рассказал о становлении нашей отечественной космонавтики. А его роль в этом становлении действительно трудно переоценить. – Вы были заместителем Главного конструктора по программам первых пилотируемых ракетных полетов. Вы предложили общую схему нашей знаменитой ракеты Р-7. Вы разрабатывали первый спутник и орбитальный корабль “Восток”...

- О, вы основательно подготовились к беседе, Мартын Андреевич! – Тихомиров смеется. Смех у него негромкий, похожий на легкое покашливание. – Глядишь, я и в самом деле почувствую себя корифеем! Зазнаюсь и остаток жизни проживу с задранной носом!

- Но ведь все это правда! Вам есть, чем гордиться.

- Это не совсем правда, - Тихомиров утирает носовым платком выступившие от смеха слезы и качает головой. - Во всех этих разработках участвовало очень много толковых и умных ребят. Настоящих конструкторов и проектантов. Как у нас принято говорить, мастеров своего дела.

- Однако общее направление работ всегда задавали вы. Не спорьте, пожалуйста, - я жестом останавливаю уже готового возразить Тихомирова, - я действительно хорошо подготовился к нашей встрече и перерыл целую кучу книг. Кроме того, вы единственный из руководителей нашей космической программы, кто лично встречался с Константином Эдуардовичем Циолковским незадолго до его кончины.

- С Константином Эдуардовичем я действительно встречался, - соглашается Тихомиров, но тут же лукаво щурится:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Но знал бы кто, о чем мы с ним говорили!

- Ну, и о чем?

- Вопреки распространенному мнению, о перспективах космонавтики мы тогда говорили очень мало. Константина Эдуардовича интересовали больше вопросы философского характера. Вселенная, жизнь, человек... Место человечества на полотне гигантской картины мироздания. Н-да... Он, кстати, к концу жизни пришел к выводу, что без посторонней помощи человечеству будет очень трудно освоить даже нашу собственную Галактику.

- Это как же? – слегка опешил я. – Какая еще посторонняя помощь?

- А вот так, - Тихомиров пожимает плечами. – Циолковский считал, что уже на первом этапе космических исследований очень желательно объединение человечества с другими родственными цивилизациями для исследования дальней Вселенной. Без такого объединения продвижение людей в глубины Галактики может быть серьезно затруднено. А то и вовсе невозможно. Даже до ближайших звезд мы в одиночку вряд ли доберемся.

- Ничего себе! Значит, если мы на просторах Солнечной системы не встретим каких-нибудь братьев – марсиан, нам так и вековать до конца времен на собственной планете?

- Вполне может быть, - Тихомиров чуть прищуривает глаза, будто пытается сфокусировать взгляд и заглянуть в будущее. - Хотя Константин Эдуардович мог и ошибаться. Ведь он до самой своей кончины так и не решился опубликовать эту свою гипотезу. Решись он на это, можно себе представить, какой всплеск интереса к космическим исследованиям последовал бы в философской среде!

“Нет, пора потихоньку выгрести из этих философских джунглей на просторы практической космонавтики, - мысленно убеждаю я себя. – У меня что в повестке дня значится? История практической

космонавтики. А мы все дальше и дальше отклоняемся в философские дебри”.

- Михаил Клавдиевич, - я решаюсь круто изменить линию нашего разговора, - а когда, по-вашему, началось становление советской практической космонавтики? Во времена Циолковского, как я понимаю, и Королевин, и вы все-таки больше занимались отработкой ракет и их двигателей, чем подготовкой к штурму космоса. Или я не прав?

Тихомиров задумывается на несколько секунд, откинувшись на спинку плетеного кресла.

- Знаете, Мартын Андреевич, в тридцатые годы мы как-то не отделяли одно от другого. Да, конечно, собственно ракетами мы занимались больше, хотя и о космических полетах тоже мечтали. Но в более отдаленной перспективе. Не забывайте, что Ракетный научно-исследовательский институт, в котором мы работали вместе с Королевиным, был все-таки полувоенной организацией. От нас руководство страны ожидало, прежде всего, военных разработок. Мы делали ракетное оружие. А космонавтика... В практическую плоскость наши космические исследования перешли уже после войны. Когда Королевина в сорок четвертом году освободили из “шарашки”... Кстати, вы в курсе, что Королевин шесть лет провел в местах не столь отдаленных?

- Знаю, - киваю я. – По ложному доносу. С июня тридцать восьмого...

- Ага, да... Так вот практической космонавтикой мы начали заниматься уже после войны. В сорок шестом Королевин, Михеев, Чертков, другие наши товарищи отправились в Германию, чтобы изучить на месте ракеты Вернера фон Брауха и всю технологию ракетного дела. Тогда среди немецких разработок и были найдены эскизные проекты двухступенчатой ракеты дальнего действия. Вторая ступень этой ракеты была похожа на ракетный самолет и после запуска практически оказывалась в космическом пространстве. Хотя, конечно,

и не могла еще совершить полет вокруг земного шара – та немецкая ракета в целом еще не обладала требуемой мощностью.

- Насколько мне известно, немцы так и не смогли испытать эту ракету...

- Кто его знает... Есть версия, что в январе и феврале 1945 года Вернер фон Браух решился на два пилотируемых пуска своего чудовищного детища. Но оба запуска пилотируемого варианта немецкой “Фау” оказались неудачными. Поэтому сегодня и фон Браух, и его соратники предпочитают не говорить на эту скользкую для них тему. Никому не хочется, чтобы история пилотируемой космонавтики начиналась с двух смертей.

- Как я понимаю, мы в практической космонавтике пошли своим собственным путем...

- Да, мы сразу отыскивали свою собственную тропинку. Которая, как принято говорить, со временем превратилась в широкую дорогу.

- С чего все началось, Михаил Клавдиевич?

Морщинки сгущаются вокруг его глаз.

- Пожалуй, все началось в августе 1944 года. Польские партизаны обнаружили фрагменты разбившейся “Фау-2”, и советское командование для изучения этих обломков отправило в Польшу специальную группу...

Тихомиров отхлебывает уже подостывший чай из чашки, и начинает рассказывать. О том, как в первые же дни после войны наши специалисты обнаружили в Германии очень крупную боевую ракету, которая по своим возможностям существенно превосходила любую из тогдашних экспериментальных советских ракет. О том, как стали прикидывать, как можно использовать это “немецкое наследство”, и Тихомиров с коллегой Колей Черныхиным пришли к идее создать на базе модернизированной “Фау-2” пилотируемую ракетную систему для исследования космического пространства.

- Но реализовать наш замысел оказалось не так-то просто, - на лбу Михаила Клавдиевича обозначаются глубокие морщины. Взгляд скользит в пространство мимо меня. Тихомиров снова мысленно переживает те уже далекие события двадцатилетней давности. - Свой проект мы назвали ВР-190 – предполагалось, что “Фау” с пилотируемой капсулой на борту поднимется на высоту примерно 190-200 километров над Землей. Обратились в Минавиапром с предложением о внедрении проекта. Вот тут-то и начались бюрократические рогатки... Министерство в тот послевоенный год было буквально завалено военными разработками: авиация становилась реактивной, требовалось перепрофилирование предприятий и строительство новых заводов, испытательных баз и аэродромов. А тут мы со своим мирным проектом изучения космоса. Нас с Николаем стали откровенно “динамить”, притормаживать наш проект. Тогда мы набрались смелости и в мае написали письмо лично товарищу Сталину. Каким-то чудом наше письмо таки дошло до адресата, Иосиф Виссарионович ознакомился с проектом и прямо на обложке написал очень конкретную и короткую резолюцию: “Реализовать!”. Одно слово Сталина – и все бюрократические препоны словно ветром сдуло! Ну, а тут еще в 1946 году был создан специальный комитет по ракетной технике, который возглавил Лаврентий Павлович Берия. Наш проект, естественно, подчинили этому комитету. Среди всех ракетных разработок, которые Берия в те годы курировал, наш с Колей Черныхиним проект был единственным, в котором на ракете должен был стартовать человек. И наш ВР-190 стал “любимым детищем” Лаврентия Павловича...

Пять лет спустя проект вышел на стадию практической реализации. Летом и осенью 1951 года состоялись шесть пусков ВР-190 с собаками на борту. И только когда техника была уже полностью отработана, решились на пилотируемый полет. Еще до начала испытательных пусков, в марте 1951 года, была отобрана

группа из семи будущих космонавтов. Сергей Анокин, Петр Долгов, Ахмет-хан Султан, Анатолий Павлин, Федор Бурцин, Алексей Ледовский, Андрей Митков – сегодня имена этих людей известны всей планете. А в начале пятидесятых о них знали немногие. Создание отряда космонавтов не афишировалось. Во-первых, руководство в Кремле очень не хотело, чтобы кто-то перехватил у СССР идею ракетного прорыва к звездам. А во-вторых, четверо из ребят - ракетолетчиков параллельно с подготовкой к полетам на ВР-190 работали и по совершенно секретной военной тематике. Они участвовали в отработке крылатой морской ракеты “Комета” в качестве пилотов – испытателей.

Собаки во время испытательных полетов летали парами. Конструкторы считали, что и в первый полет с людьми на борту должны отправиться тоже два испытателя. Но Берия вызвал Тихомирова в Кремль, внимательно выслушал и сказал: “Пусть в первых двух полетах участвует по одному летчику. Если все пройдет хорошо, будем запускать людей парами”. Лаврентий Павлович был жестким человеком, но осторожным. И хорошо понимал, что случись что-то во время первого пуска сразу с двумя пилотами, Сталин бы ему этого не простил никогда.

- Пятого мая 1952 года испытатель Сергей Анокин сел в кресло пилота капсулы ВР-190, - Тихомиров пробует ладонью бок самовара:

- Остыл. Еще чаю хотите?

- Нет, Михаил Клавдиевич, спасибо.

- Ну, тогда я обойдусь и остывшим, - он наливает в чашку теплой воды из самовара, добавляет немного заварки и отпивает:

- Ну, вот и замечательно. Для моих скромных вкусов, так вполне подходящий напиток... Анокин совершил первый полет в одиночку. Волновались мы в день старта страшно. И Берия тоже очень волновался. Прилетел на космодром за два дня до пуска, ходил по монтажным залам и все проверял едва ли не лично.

Сергея Анокин мне уже потом, лет через пять после своего полета, рассказал прелюбопытнейшую историю. Перед самым стартом, когда Анокин и его дублер Ахмет-хан Султан уже одели свои высотные скафандры, Берия взял Анокина за локоть и отвел в сторону, подальше от чужих глаз и ушей. Вытащил из внутреннего кармана своего маршалского кителя маленький пистолет и протянул его Анокину: “Сергея, в этой штучке пять патронов. Тебе хватит. Спрячь ее где-нибудь, чтобы никто не видел, понял?” “Лаврентий Павлович, - начал Анокин, - я не понимаю...” “Чего ты не понимаешь? – резко прервал его Берия. – Что мы с тобой оба заложники – не понимаешь? Если в полете что-то пойдет не так, – лучше застрелись. Даже если выживешь после аварии, нам с тобой обоим будет крышка, понимаешь? Можешь поверить, лучше тебе будет застрелиться, чем попасть в руки ребят с Лубянки”. Повернулся и пошел. Анокин, конечно, взял пистолет с собой. Мало ли что... Вот такие были времена тогда, Мартын Андреевич... Слава Богу, что полет прошел без замечаний.

- Да... Я представляю, что вы чувствовали в тот день...

- Ну, всю гамму наших чувств представить себе трудно, - Тихомиров грустно улыбается. – Мне в те минуты, когда ракета с Анокиным ушла с пускового устройства, казалось, что у меня просто останавливается сердце. Ведь если бы что-то случилось... Анокин бы наверняка погиб. У нас ведь на ракете даже системы катапультирования не было. Авиационщики в те годы так и не смогли предложить ничего, что нас, создателей ракеты, устроило бы в полной мере. Сергей Анокин очень рисковал... Мартын Андреевич, поверьте, эти пятнадцать минут после старта первой капсулы ВР-190 были, наверное, самыми страшными в моей жизни... Сергей все время был на радиосвязи, подробно докладывал о всех особенностях полета – перегрузках, невесомости, колебаниях капсулы... Но я бы тогда полжизни отдал бы, чтобы быть в ракете вместо него!

Несколько секунд Тихомиров сидит молча, потом продолжает:

- Наконец, от поисковой группы по радиосвязи пришло сообщение об успешной посадке капсулы. Чуть позже поступил доклад и от самого Анокина, что он жив-здоров, самостоятельно выбрался из ракеты и находится на вспаханном поле около какого-то села, ожидая бригаду встречающих. Что тут началось! Все выскочили из командного пункта, смеются, орут, обнимаются. Берия тут же организовал две или три бутылки коньяка, стаканы, и мы без закуски, стоя среди астраханской степи, выпили за успех нашего первого космического пуска. Вот такой он был человек, наш Лаврентий Павлович: в кармане пистолет на случай неудачи, а в машине – бутылки с коньяком для того, чтобы отпраздновать победу. Кстати, о победе... Мартын Андреевич, знаете, когда у капсулы ВР-190 появилось наименование “Победа”? Да вот тогда и появилось, после тоста “За нашу победу!”, произнесенного прямо в степи. Берия подозвал меня и говорит: “Михаил Клавдиевич, готовь информацию об этом запуске для ТАСС. Сегодня у нас какое число? Пятое мая? Через четыре дня будем отмечать седьмую годовщину нашей победы над фашистской Германией. Товарищи, ни у кого нет возражений, чтобы присвоить нашей капсуле ВР-190 наименование “Победа”?” Сами понимаете, возражений не нашлось. Так с тех пор и стала ВР-190 “Победой”...

И начались пилотируемые ракетные пуски. Петр Долгов на “Победе-2” стартовал 2 сентября 1952 года. Полет прошел успешно. С третьего пуска решили посылать в космос экипажи в составе двух человек. В апреле 1953, к майскому празднику, порадовали Родину полетом Ахмет-хана Султана и Алексея Ледовского. В октябре пятьдесят третьего, - снова к празднику, - на “Победе-4” полетели Анатолий Павлин и Федор Бурцин. В марте 1954 года в космос второй раз стартовал Сергей Анокин и его молодой коллега Андрей Митков. И в этом полете...

- Когда до Земли оставалось всего пятнадцать – двадцать метров, внезапно лопнула скоба крепления парашюта, - я замечаю, как на левом виске Тихомирова начинает нервно пульсировать жилка. - Капсула оторвалась и упала на землю. Сергей Анокин отделался сильными ушибами, а вот Андриюше Миткову не повезло. Он получил очень серьезные переломы обеих ног. Долго потом лечился, но, к сожалению, и по сей день ходит с палочкой, прихрамывает... Тогда, в марте 1954 года, своим распоряжением Берия закрыл программу полетов “Победа”. Я был снят с должности Главного конструктора и отправлен в “ссылку”, в конструкторское бюро Сергея Павловича Королева. Королевин тогда уже полным ходом готовил к полету более совершенную, чем “Победа” баллистическую двухместную капсулу “Луч” и ракету Р-5. Но я отказался участвовать в этой работе. Слишком близко эта тема стояла к моей “Победе”, понимаете, Мартын Андреевич? У меня ведь и нервы, и сердце все-таки не железные...

Тихомиров делает несколько глотков остывшего чая. Молчит, успокаивая нервы. Я тоже выдерживаю паузу в десяток секунд, прежде чем решиться задать новый вопрос:

- Какой же работой вы занялись в Королевинском КБ, Михаил Клавдиевич?

- Занялся проектированием, - голос конструктора снова звучит спокойно. - Сначала проектировал ракету Р-7, нашу знаменитую “семерку”, которая вывела в космическое пространство и первый спутник, и орбитальный космический корабль с Юрой Гагаровым. Да и теперь все еще тянет на себе львиную долю наших космических пусков. Потом занялся проектированием космических аппаратов. Разрабатывал общую схему нынешней лунной экспедиции.

Как известно, американская лунная программа родилась после выступления президента США Джона Кеннеди 25 мая 1961 года. Наша, советская программа высадки человека на Луну стартовала почти на год

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

раньше - 23 июня 1960 года. В тот день совместным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР были утверждены космические планы СССР на следующие семь лет. Были поставлены задачи облета Луны и высадки на лунную поверхность советского космонавта...

- Погодите, Михаил Клавдиевич, - я принимаюсь мысленно подсчитывать. – 23 июня 1960 года... Но ведь это еще до полета Гагарова! Больше, чем за полгода до первого орбитального космического полета!

- Это так, - соглашается Тихомиров. – А что вас удивляет, Мартын Андреевич? Предварительные разработки межпланетных полетов мы начали во второй половине пятидесятых годов. Где-то около пятьдесят восьмого года, если память мне не изменяет. Прорабатывалась идея пилотируемых космических полетов на Венеру и Марс... И, конечно, номером один в этих планах значилась Луна. Первая ступенька на пути к звездам, так сказать...

Он молчит несколько секунд, собираясь с мыслями, и продолжает:

- Следующие два года после принятия общей концепции лунной программы ушли на то, чтобы определить стратегию нашего движения к поставленной цели. Через год после полета Гагарова, 16 апреля 1962 года, постановлением Совмина были утверждены уже конкретные наши проекты исследования Луны с помощью пилотируемых космических кораблей. Предполагалось осуществить облет Луны с помощью двухместного космического корабля “Север”, который в космос должна была выводить ракета-носитель УР-500 “Протон”. За создание космического аппарата и ракеты-носителя отвечало конструкторское бюро, которым руководил Владимир Николаевич Челомбитов. Ну, а высадку человека на Луну поручили нам, конструкторскому бюро, которым руководил Сергей Павлович Королевин. Для этого предполагалось создать ракету-носитель Н-1 “Ленин”, лунный орбитальный

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

корабль “Знамя” и лунный посадочный корабль “Лунник”. Корабль “Знамя” должен был пилотировать экипаж из двух космонавтов. На Луну высаживался один космонавт.

Решением партии и правительства в сентябре 1962 года при Совете Министров СССР был создан Специальный комитет по космической технике. Комитет возглавил Лаврентий Павлович Берия. Лично. В том же 1962 году завершился и старый спор между Королевиным и Глуховцевым о выборе типа двигателей для ракеты Н-1. Глуховцев был сторонником создания двигателей на высококипящих компонентах топлива. А Королевин не хотел их ставить на Н-1 из-за высокой токсичности высококипящих топлив. Он настойчиво предлагал Глуховцеву заняться созданием больших двигателей на основе использования кислородных и керосинных топлив. Но Валентин Петрович отказался наотрез...

- И как разрешился этот конфликт?

- В лучших наших советских традициях разрешился! – профессор фыркает. – Кто-то рассказал о нем Лаврентию Павловичу Берия. Берия вызвал “на ковер” секретаря ЦК КПСС Дмитрия Федоровича Устиннина: “Что, Дмитрий Федорович, не хочет товарищ Глуховцев делать большие двигатели для нашей ракеты?” “Не хочет”, - отвечает Устинин. “Вызовите его к себе и передайте от меня большой привет, - с улыбочкой на губах говорит Берия. – И напомните, что тридцать восьмой год от шестьдесят второго отделяет всего двадцать четыре года”. А в тридцать восьмом, Мартын Андреевич, Глуховцев был арестован НКВД и несколько лет провел в тюрьме.

- Я знаю, Михаил Клавдиевич.

- Вот Берия и решил на этом сыграть. Глуховцев после разговора с Устининым вышел из кабинета секретаря ЦК бледный, как стена. Переживал, конечно... Но двигатель для лунной ракеты его КБ сделало за рекордные сроки – за три года. В феврале 1967 года мы испытали его в реальном полете при первом пуске

ракеты Н-1. Мы тогда очень спешили – все боялись, что американцы будут на Луне первыми...

- Неужели у нас все делалось с оглядкой на Штаты?

- Ну, не то, чтобы с оглядкой, - мне кажется, что Тихомиров немного смутился, - но то, что они дышат нам в затылок в космической гонке, - вот это мы постоянно ощущали. В октябре 1961 года, например, у нас был страшный переполох. Соединенные Штаты тогда осуществили первый пуск ракеты-носителя “Сатурн-1”. Ну, и кто-то из “доброжелателей” нашей космической программы напел в уши Хрущеву и Берия, что уже в следующем году американцы могут высадиться на Луну. Бред, конечно. Ведь на самом-то деле, у них в лунной программе еще и конь не валялся. Но у нас наверху в угрозу утраты лидерства в космической гонке поверили! Все руководство нашей отрасли было собрано на совещание в Кремле, где лично Лаврентий Павлович простым и доходчивым языком объяснил товарищам главным и генеральным конструкторам, что те из них, кто допускает, что мы можем “отдать Луну Америке”, могут заранее сдать свои партийные билеты. А заодно и вспомнить, что хотя культ личности Сталина партия и осудила, но термин “враг народа” никто из политического оборота не выводил и его недолго и снова применить. По результатам этой “накачки” 3 августа 1962 года вышло очередное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. В нем были установлены точные сроки для наших лунных экспедиций: облет Луны кораблем “Север” – четвертый квартал 1967 года, высадка на Луне с использованием кораблей “Знамя” и “Лунник” – конец 1968 года. Как видите, Мартын Андреевич, мы не опоздали.

Мы постепенно переходим от исторической тематики к вопросам непосредственной подготовки экспедиции на Луну. Михаил Клавдиевич подробно рассказывает, как изготавливается и испытывается ракета-носитель “Ленин”, космические корабли “Знамя” и

“Лунник”. Потом Тихомиров обстоятельно рассказывает обо всех состоявшихся ранее пилотируемых полетах по программе высадки человека на Луну – до нынешнего полета было осуществлено четыре тестовых старта. Многие из рассказанного мне уже известно, но я не прерываю Михаила Клавдиевича – просто получаю удовольствие от беседы с этим хорошим и умным человеком.

И только когда за окном начинаю сгущаться сумерки, я соображаю, что пора бы и честь знать. Задаю последний вопрос:

- Михаил Клавдиевич, полет космонавтов Алексея Леонтьева и Олега Макарина к Луне с высадкой на ее поверхность – это вопрос уже практически решенный. До старта осталось несколько дней. Будут ли еще пилотируемые экспедиции на Луну?

- Конечно, будут! – в глазах профессора зажигаются озорные огоньки. – И очень скоро! А в перспективе – и, поверьте, в очень близкой перспективе, - у Луны появятся сначала орбитальные станции, а потом уж придет и черед строительства на лунной поверхности обитаемой базы. Это уже не мечты, это наши практические планы. Хотите взглянуть на первые прикидки нашего лунного городка?

Он хитровато щурится.

- Какой журналист от этого откажется? – смеюсь я.

- Ну, писать об этом вам вряд ли позволят, - слегка охлаждает мой энтузиазм Тихомиров. – Наши военные имеют свои виды на Луну. Но общую схему я вам сейчас покажу. Пройдемте в мой кабинет.

Он встает из-за стола и, чуть прихрамывая, направляется внутрь дачного дома. Я иду следом.

Дачный кабинет профессора Тихомирова оказывается крошечной комнаткой с обычным письменным столом и небольшим книжным шкафом с наполовину пустыми полками.

Он достает с верхней полки лист ватмана и разворачивает его на столе:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Вот смотрите. Это жилой купол, это энергетический модуль. Вот исследовательская база. Гараж для луноходов... Вот таким будет наш лунный город, - Тихомиров заканчивает свой рассказ. – Впечатляет?

- Очень интересно, - соглашаюсь я.

Тихомиров подходит к книжному шкафу и достает с полки огромных размеров альбом:

- А хотите, я покажу вам свою коллекцию бабочек? Кстати, все иллюстрации в этом альбоме я сделал сам.

Глава 2. “Они полетят завтра”

(Неопубликованная статья собственного корреспондента газеты “Известия” Михаила Дунайцева, написанная на космодроме Байконур 22 октября 1968 года).

На Байконур они прилетели с Алексеем Леонтьевым и Олегом Макариным в разных самолетах. Если бы – не дай Бог, конечно! – с экипажем Леонтьева что-то случилось во время перелета, сегодня в полет к Луне ушли бы эти двое.

Они точно так же, как Леонтьев и Макарин, “обживали” ракетно-космический комплекс “Знамя-5”–“Лунник-5” на стапеле в монтажно-испытательном зале космодрома за несколько дней до старта. Если бы в экипаже Леонтьева кто-то заболел, в космос послали бы их.

В ночь перед стартом они ехали с Леонтьевым и Макариным на стартовую позицию в одном автобусе. И в монтажно-испытательном комплексе на второй площадке они одели такие же бело-голубые скафандры “Сокол”, как и “леонтьевская команда”. Вплоть до самого последнего момента перед стартом они были готовы занять рабочие места космонавтов на вершине ракеты.

Дублеры... Владимир Шаталин и Владимир Бугрин.

Собственно о том, что они стали дублерами, а экипаж Леонтьева назван основным для полета на ракетно-космическом комплексе “Знамя-5”–“Лунник-5” мы узнали только позавчера днем, когда состоялось заседание Государственной комиссии. До этого во всех документах фигурировали только две совершенно равноправные пары космонавтов: Леонтьев – Макарин и Шаталин – Бугрин.

Когда ракета “Ленин” оторвалась от стартового стола и скрылась в небесной дали, они вернулись в монтажно-испытательный корпус. Владимир Шаталин и Владимир Бугрин сняли скафандры и на специально оборудованном для доставки на старт наших космонавтов “космическом” автобусе поехали обратно в Ленинск, в гостиницу “Космонавт”.

Практически все места в автобусе оказались свободными, и я напросился в “безбилетные” пассажиры у вихрастого, молодцеватого подполковника, отвечающего за переезды космических экипажей по Байконуру. Я уже был сутки на ногах, без сна, устал страшно. Хотелось поскорее добраться до своего номера в гостинице “Центральная”, принять душ, перекусить и завалиться спать.

Места в автобусе у Шаталина и Бугрина расположены рядом. Случайно или нет, но сидят они сейчас так, как должны были сидеть в спускаемом аппарате космического корабля “Знамя”: слева в кресле дремлет Володя Бугрин, справа, устремив взгляд в бегущие за окном степные просторы, о чем-то размышляет Владимир Шаталин.

Я решаюсь их потревожить.

- Разрешите присесть? – спрашиваю почти шепотом, остановившись рядом с их креслами и указывая рукой на свободные места напротив за деревянным столиком. Обычно на этот столик медики ставят свою аппаратуру для экспресс-анализа состояния здоровья космонавтов. Сейчас здесь нет ни медиков, ни их аппаратуры – Шаталин и Бугрин остались на Земле,

строгий и неусыпный контроль за состоянием их здоровья больше не нужен.

- Садись, Миша, - говорит Шаталин, отрывая свой взгляд от степных просторов за окном автобуса. Володя Бугрин открывает глаза и молча кивает.

С Шаталиным я знаком давно, еще со времен его первого космического рейса. Бугрина знаю меньше, но во время его полета на орбиту тоже писал о нем газетную статью.

- Можно задать пару вопросов? – я устраиваюсь в кресле напротив космонавтов.

- Ага, - Бугрин зевает. – Значит, на повестке дня у нас интервью с дублерами...

- Задавай, - Шаталин пожимает плечами. Он выглядит уставшим и опустошенным.

- Переживаете? – я раскрываю свой рабочий блокнот и беру ручку.

- Радуюсь за товарищей, - с наигранной бодростью и легкой издевкой произносит Бугрин. – Готовы приступить к дальнейшей работе по подготовке к предстоящим космическим полетам.

- Прекрати, Володька, - Шаталин слегка толкает его локтем в бок.

- Ладно, - Бугрин вздыхает. – Извини, Михаил. Это я в шутку.

- Конечно, переживаем, Миша, - говорит Шаталин. – Переживаем, что не мы полетели на Луну, а Лешка с Олегом.

- А я так и просто им завидую, - признается Бугрин. – Вот честное слово. Завидую. Страшно хочу сейчас оказаться в корабле на их месте. Но чудес не бывает, Миша. Увы...

- Ребята, а может по пять капель? – я лезу в свою дорожную сумку и достаю бутылку пятизвездочного “Арагви” с упаковкой пластиковых стаканчиков. Домашняя заготовка. Как говорит наш редактор, “на всякий пожарный случай”. А “пожарный случай” сейчас, кажется, имеет место быть.

Шаталин оглядывается:

- Медицины и руководства в автобусе нет? Ага, нет... Давай!

- Полетели, - машет рукой Бугрин. – О, а как же без закуски?

- Все предусмотрено, товарищи космонавты, - я снова ныряю внутрь моего “бегемота” и извлекаю на свет божий упакованные в бумажные пакеты сырную и колбасную нарезки. Сыр и колбасу я купил в гастрономе на второй площадке, чтобы позавтракать в гостинице, но сейчас именно тот случай, когда умный полководец должен бросить в бой все свои резервы.

- Ну, Мишка, - восторженно произносит Шаталин, - ну, ты экипировался!

- Работа такая, - я развожу руками. – У нас, как и у вас, приходится постоянно быть в стартовой готовности.

Я отворачиваю пробку на бутылке, открываю упаковку со стаканчиками и разливаю коньяк.

- Хорошо, хорошо, - останавливает меня Бугрин. – Давай по чуть-чуть. А то на всю дорогу до Ленинска не хватит!

Мы все дружно смеемся.

- За что выпьем? – я поднимаю стаканчик с коньяком.

- Ну, с этим вопросом как раз полная ясность, - Шаталин чокается своим стаканчиком со мной и с Бугриным. – За успехи наших ребят в космосе! За Лешку и Олега!

Мы выпили. Потянулись за колбасой и сыром, закусили.

- Конечно, Михаил, мы переживаем, что не полетели, - говорит Бугрин, бросая в рот кружочек нарезанной колбасы. – Страшно хотелось бы полететь. Но с другой стороны и за ребят радостно! Ведь летят же, черти! Понимаешь? Наши пацаны летят на Луну!

- И дай Бог им успешного полета, - кивает Шаталин. – Чтобы все прошло штатно, без приключений...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- А я, Михаил, признаюсь: до позавчерашней госкомиссии был почти уверен, что полетим мы с Владимиром Александровичем, - на лице Бугрина появляется горькая улыбка.

- Это почему же? – осторожно интересуюсь я.

- А вот почему, - с готовностью начинает пояснять Бугрин. – Сколько раз летал в космос Шаталин?

- Дважды, - припоминаю я. – В апреле 1966 года на “Восходе-6” с Георгием Катушевым и в феврале нынешнего года на первом “Знамени”.

- Вот, - Бугрин поднимает указательный палец. - Добавь в общую копилку нашего экипажа еще и мой полет на “Союзе-8” с Гришей Нелюбовым и Витей Горбатюком. Итого получается три полета на двоих. А у экипажа Леонтьева? Лешка летал на “Восходе-2” в марте 1965 года, Олег – на четвертом “Союзе” в прошлом году. То есть, имеем два полета на двоих. Чей экипаж имеет больший налет, а?

- Между первой и второй промежутков небольшой! – произносит Шаталин. – Наливай, Миша!

Я разливаю в стаканчики “вторую дозу”.

- Давайте за будущие старты! – предлагаю.

- Поехали! – кивает Шаталин.

Мы пьем и закусываем.

- Продолжу изложение статистики, - говорит Бугрин, откусив кусочек сыра. – Кто первым испытал космический корабль “Знамя” на околоземной орбите? И, кстати, первым из космонавтов стартовал на новой ракете-носителе “Ленин”? Ясно кто – Володька Шаталин. Кто первым состыковался с самым первым “Лунником”, когда “семерка” вытащила его в космос? Тоже известно кто – экипаж Нелюбина, Горбатюка и вашего покорного слуги Бугрина. А что в это время делал экипаж Леонтьева? Правильно, он выполнял поставленную еще Владимиром Ильичем Лениным задачу: учиться, учиться и еще раз учиться...

- Погоди, Володя, - останавливает бортинженера Шаталин, - не горячись. Лешка с Олегом тоже не блины с

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

медом у тещи кушали. Кто в мае 1968 года дублировал Береговина и Феклистова в экспедиции “Знамя-3”-“Лунник-2”? Мы с тобой? Нет, Леонтьев и Макарин. А подготовка к полету и сам полет, между прочим, были очень сложными. Это не шутка в скафандре перейти в “Лунник” и четыре часа полетать на нем в автономном полете. А потом состыковаться со “Знаменем” и через открытый космос снова вернуться в корабль.

- Алексей и Олег не летали, - бурчит в ответ Бугрин.
– Только тренировались и дублировали...

- Сам же знаешь, что на это сил уходит не меньше, - укоризненно качает головой Шаталин. – А вспомни следующий полет, уже к Луне. Все были уверены, что полетят Леонтьев и Макарин. А кто полетел?

- Хлунов и Жолобцев, - вздыхает Бугрин. – У Жолобцева это вообще был первый полет...

- А Леонтьев и Макарин снова ходили в дублерах. Думаешь, им было не обидно?

Бугрин хмурится.

- Сегодня просто настал их черед, - Шаталин поворачивается ко мне. – Миша, наливай по третьей.

Я снова плескаю коньяк в наши стаканчики.

- Давайте за вас, ребята, - говорю, - и за то, чтобы следующий полет был ваш!

- А я вот тебе сейчас галстук отрежу! – хохочет Бугрин. – За кого обычно пьют третий тост, а?

- За дам, - вспоминаю я. – Ну, тогда выпьем за ваших жен и подруг...

- ...И за нашу общую подругу – Удачу, - продолжает с улыбкой Шаталин. – Чтобы она улыбнулась и нам!

- И чтобы мы с Владимиром Александровичем полетели на шестом “Знамени”! – смеется Володька Бугрин.

Глава 3. Люди и Луна

(Отрывки из неопубликованной книги журналиста Ярослава Головнева)

Сообщение ТАСС они услышали на втором витке, когда ракетно-космический комплекс пролетал где-то над центральным Китаем.

- Алексей, - позвал Макарин из спускаемого аппарата. Голос его звучал чуть приглушенно, - плыви сюда. Сейчас про нас с тобой говорить будут.

- Сейчас, Олег, - Леонтьев аккуратно стер тампоном несколько пылинок с поверхности левого иллюминатора и пришил упаковку с гигиеническим пакетом к крепежному ремню на стене. И только после этого мягко оттолкнулся пальцами левой руки от округлой щеки газового баллона и нырнул к люку в спускаемый аппарат.

Макарин по-прежнему сидел в своем полетном кресле, разложив на коленях журналы бортдокументации.

- Сейчас по радио про наш старт передавать будут, - сообщил он и постучал пальцем по наушнику одетого на его голову шлема с приемо-передающей аппаратурой. - Только что “Маяк” прервал свои передачи для специального выпуска новостей.

- Откуда ты знаешь, что это про нас говорить будут? - Леонтьев подхватил притороченный к ложементу свой шлем с устройствами для связи и поднес наушник к самому уху. “Широка страна моя родная”... Музыка звучала в эфире мелодично и тожественно. - Может быть, это про что-нибудь другое скажут?

- Да, уж прямо! - насмешливо фыркнул Макарин. - Второй корабль с Байконура запустили! Вместо нашего!

- Мало ли что могло на Земле произойти, - пожал плечами Алексей и хитро заулыбался:

- Никита Сергеевич, например, мог в Болгарию поехать. Или в Индию. Вот прямо со смотровой площадки на Байконуре сел в самолет и полетел с официальным визитом к дорогому товарищу Джавахалрару Неру.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Да ладно дурака валять, Лешка! - хохотнул Макарин. - Про нас это, про нас! Они там, в Москве, и так целый виток ждали: не свалимся ли мы с тобой обратно на Землю? Перестраховщики хреновы!

- Внимание, товарищи! - мелодия прервалась и в эфире зазвучал торжественный мужской голос. Этот голос уже несколько десятилетий знала вся планета. Юлий Левитацкий... Почти четверть столетия назад он сообщил миру о Великой Победе, в октябре 1957-го - о запуске первого космического спутника. А в апреле 1961 года вместе с его зычным голосом в каждый дом на маленькой голубой планете пришло имя первого космонавта человечества - Юрия Гагарова.

- Внимание, товарищи! - повторил Левитацкий, сделал секундную паузу и продолжил:

- Говорит Москва! Работают все системы радиовещания, Центральное телевидение, все системы дальней космической связи. Передаем сообщение ТАСС!

Несколько секунд в эфире висела напряженная тишина. Планета, которая сейчас плыла под кораблем, замерла, прислушиваясь к голосу из далекой Москвы.

- На околоземной орбите - ракетно-космический комплекс “Знамя-5”-“Лунник-5”! - голос Левитацкого вновь торжественно зазвучал среди потрескивания помех.

Макарин показал Алексею большой палец и лицо его расплылось в довольной улыбке.

- Сегодня, 22 октября 1968 года в 5 часов 57 минут по московскому времени в Советском Союзе осуществлен запуск новой мощной ракеты-носителя “Ленин” с межпланетным ракетно-космическим комплексом “Знамя-5”-“Лунник-5”. Ракетно-космический комплекс “Знамя-5”-“Лунник-5”, выведенный на промежуточную околоземную орбиту, пилотирует экипаж в составе: командира корабля - Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР, полковника Леонтьева Алексея Архиповича и бортинженера - кандидата технических наук Макарина Олега Григорьевича.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Левитацкий сделал паузу и продолжал:

- Целью запуска ракетно-космического комплекса “Знамя-5”–“Лунник-5” является дальнейшее совершенствование межпланетной техники и проведение научных исследований и экспериментов на трассе полета “Земля - Луна”. Бортовые системы ракетно-космического комплекса работают нормально. Самочувствие космонавтов хорошее. Товарищи Леонтьев и Макарин приступили к выполнению программы полета.

Голос Левитацкого сменился аккордами бравурного марша “Мы рождены, чтоб сказку сделать былью”. Леонтьев сунул свой шлем обратно за крепежный ремень на кресле и поднял взгляд на Макарина:

- А ведь летим, Олежка!

- Летим, Лешка! - Макарин засмеялся и хлопнул ладонью по раскрытым бортжурналам у себя на коленях.
- В самом же деле - летим!

Глава 4. Автоматы летят к Луне
(Интервью журналиста Мартына Луганцева с Главным конструктором Г.Н.Бабаковым)

25 марта 1964 года весь мир замер от восторга – советская межпланетная станция “Луна–11” плавно опустилась на лунную поверхность. Включились фотокамеры и через некоторое время мы, земляне, смогли увидеть, как выглядит вблизи Селена, вечная космическая спутница нашей Земли. Резкие изломы гор и впадины кратеров, нагромождения камней и миллионолетняя желто-серая пыль...

Георгий Николаевич Бабаков – один из создателей “Луны–11”. А точнее – ее Главный Конструктор. Седая шевелюра, высокий лоб с глубокими продольными морщинами, внимательный взгляд из-под черных как смоль бровей... Поверх легкомысленной тениски в мелкую полоску наброшен пиджак. Доброжелателен,

улыбчив, спокоен. Говорит неторопливо, как будто взвешивает каждое слово.

Кабинет у него небольшой, но какой-то очень уютный. Горшки с цветами на подоконнике, большой аквариум в правом углу, красивые лимонно-желтые шторы на окнах. Два высоких шкафа с книгами, а между ними – огромных размеров кульман, на котором кнопками распят чертеж чего-то явно космического – круги, конусы, замысловатые переходники. А над кульманом – большой портрет Гагарова в рамке.

- Георгий Николаевич, - я открываю свой репортерский блокнот, - в начале нашей беседы расскажите немного о себе.

Он поправляет пиджак, улыбается и пожимает плечами:

- Да что рассказывать, голуба? Биография у меня самая что ни на есть обычная... Советская...

- И все – таки, - проявляю настойчивость. – Расскажите, как вы пришли в космонавтику.

- Ну, что же... Давайте пообщаемся и на эту тему... Скажу вам прямо: в молодые годы о космосе даже и не мечтал.

Он достает из пачки на столе сигарету, не спеша закуривает и начинает рассказ. Биография у Бабакова и в самом деле неяркая. После школы стал радиомонтером, был призван на военную службу, но вскоре комиссован из-за болезни сердца.

- Во время кросса мой моторчик меня подвел, голуба. Такие вот дела... - он аккуратно сбивает с сигареты пепел в стеклянную пепельницу на столе и улыбается:

- Помню, расстроился я тогда страшно. Все думаю, отбежался ты, Жорка... А потом, уже когда вернулся на гражданку, подумал, трезво оценил ситуацию и сказал себе: “Не бойсь! Еще не вечер! Еще подышим!” Сказал и забыл про эту свою болячку. Вот нет ее совсем – и все тут! Стал жить так, как и раньше жил. Вернулся на работу в Центральный парк культуры и отдыха, сдал экстерном

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

экзамены за десятый класс и поступил в заочный институт связи. Ну, а в 1937 году женился на Аннушке... Когда началась война перешел на работу в институт автоматики. Был заведующим лабораторией, потом начальником конструкторского бюро. Ну, а потом получил назначение на должность главного конструктора...

Георгий Николаевич на несколько секунд замолкает, задумывается.

- А уже после победы, с 1946 года, началась моя работа по ракетной тематике. Занимался я разработкой многоцелевого комплекса обнаружения целей и поражения их зенитными ракетами. С работой наше конструкторское бюро справилось успешно. Поэтому в октябре 1951 года по приказу правительства меня перевели в ОКБ Семена Лавочкина начальником отдела. Ну, а дальше моя дорожка была уже совсем простенькой... В 60-м я был назначен заместителем главного конструктора по управлению ракетными системами. А второго марта 1963 года стал главным конструктором автоматических станций для исследования Луны и планет Солнечной системы. Так вот теперь называлась совершенно официально моя новая должность.

Он снова улыбается своей мягкой и доброй улыбкой и продолжает:

- Весной 1963 года Сергей Павлович Королев и Василий Павлович Михеев передали в наше КБ весь свой задел по исследованию Луны и дальнего космоса. Наследство мы получили и славное, и богатое. Поэтому и ответственность была высокой. Стыдно было бы после всех предыдущих наших космических успехов ударить лицом в грязь, правда?

- Да, успехи наши к тому времени были уже на настоящей космической высоте, - соглашаюсь я. – Старт за стартом, победа за победой...

- Все-таки доля везения в нашей космической программе есть, - говорит Георгий Николаевич. – У американ за океаном – одни проблемы и аварии, а у нас

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

как заговорено: ни одной крупной аварийной ситуации! Смотрите сами, 23 сентября 1958 года успешно стартует “Луна-1”, первая в мире межпланетная ракета “Мечта”...

- Но ведь в Луну она все-таки не попала, - замечаю я. – Пролетела мимо на расстоянии нескольких тысяч километров.

- Но зато, - Георгий Николаевич поднимает указательный палец, - мы получили первую в мире искусственную планету. Первый искусственный спутник нашего Солнышка... А в Луну мы попали меньше, чем через месяц, 14 октября. И не просто попали, а выбросили на ее поверхность наш советский вымпел. Ну, а с третьей “Луны”, которую запустили 4 декабря 1958 года, и по пятую включительно мы уже ставили на наших ракетах высокоскоростные фотокамеры. Не просто попадали в Луну, а еще и успевали передать на Землю целую серию космических фотографий. Сергей Павлович Королевин уже тогда думал о лунных экспедициях и искал места для посадок наших лунных кораблей. Американ с их программой “Рейнджер” мы опередили почти на четыре года. А потом начался уже качественно новый этап лунных исследований...

Георгий Николаевич очень подробно рассказывает мне о становлении нашего “межпланетного космоса”. Рассказывает эмоционально, с огоньком, словно еще раз переживает события не таких уж и далеких лет.

- А потом, - Бабаков вздыхает, – были четыре неудачных пуска подряд. Не все ж коту масленица, правда? Удача на какое-то время показала нам свою спину. Судьба как бы взяла с нас плату за все успешные пуски в предыдущие годы.

- Нелегкое тогда было время?

- Нелегкое... - он хмурится. - После аварии “Луны-17” нас, главных конструкторов космических систем, собрал на Старой площади, в здании Центрального Комитета партии секретарь ЦК КПСС Дмитрий Федорович Устинин и устроил настоящий разнос... Главным “виновником торжества”, конечно, был

я. Много чего было сказано в мой адрес. И что “Луну-15” мы пускали 9 мая 1965 года, в день двадцатилетия Победы над фашистской Германией. Пуск закончился неудачей, отказала тормозная двигательная установка и 12 мая наша станция разбилась где-то в районе лунного Моря Дождей. “А в это время, - зловещим тоном сообщил Устинин, потрясая пачкой зарубежных газет, - за океаном фашистский недобиток фон Браух успешно запустил ракету “Сатурн”. Вы можете ознакомиться с публикациями, товарищ Бабаков!” И бросил эту пачку газет прямо передо мной на стол. Ну, а дальше разборка пошла еще круче. Ведь семнадцатую “Луну” мы пускали 4 октября 1965 года. Произошла ошибка телеметрии при определении высоты, слишком поздно включились двигатели. Посадочный аппарат разбился о лунную поверхность чуть западнее кратера Кеплера. “Вы что специально подгадали свой пуск к восьмой годовщине запуска нашего первого спутника?! – витийствовал Устинин. – Вы представляете себе международный резонанс?!” Тут за меня вступился Сергей Павлович Королевин. “Даты пусков к Луне, уважаемый Дмитрий Федорович, - совершенно спокойно произнес он, - определяются не пожеланиями Георгия Николаевича, а законами баллистики”. Устинин буквально запнулся на половине слова. Лицо его побагровело. Ну, думаю, сейчас всем достанется, не только мне одному. “Эх, - думаю, - зря ты, Сергей Павлович, голуба, стал на мою защиту. В итоге будет еще хуже”... Но сказать Устинин ничего не успел. Тихонько скрипнула входная дверь и в кабинет вошел Никита Сергеевич Хрущев. Собственной персоной. Остановился на пороге, окинул присутствующих на заседании внимательным взглядом и спросил: “Что, товарищи, совещаетесь?” “Никита Сергеевич, - повернулся к нему Устинин, - третья подряд наша лунная станция не выполняет свою полетную задачу...” “Да, знаю я, Дмитрий Федорович, знаю, - Хрущев отмахнулся от него как от надоевшей мухи. – Я пока еще газеты читаю и радио слушаю”. Он подошел к длинному столу

заседаний, уперся кулаками в столешницу и произнес: “Разбор полетов – это хорошо! Разбор полетов может уберечь нас от ошибок в будущем. Космическая техника очень сложная. Да и задачи, которые она решает в космосе, от пуска к пуску становятся все труднее и труднее. ЦК партии, товарищи, это хорошо понимает. ЦК партии верит, что неудачи наши временные и уже в ближайших пусках мы добьемся новых успехов и вернемся на Луну. Так ведь, товарищи?” “Совершенно верно, Никита Сергеевич, - Королевин поднялся со своего места. – Еще один – два пуска – и мы устраним все неполадки”. “Верю, - Хрущев кивнул. – Поэтому хватит совещаться, давайте за работу”. Он повернулся и шагнул к двери. На пороге остановился, снова повернулся к нам лицом и погрозил пальцем: “Но помните: незаменимых людей у нас нет!” И вышел...

Бабаков нервно затаился, выдохнул дым и загасил окуроч в пепельнице:

- С января 1966 года, с запуска “Луны-19”, удача снова вернулась к нам. Мы тогда просто переломили ситуацию. На заводе и на космодроме ввели, как говорили и рабочие, и инженеры, по-драконовски суровые методики подготовки аппаратуры к пуску. И это дало свои результаты. И тогда, и в дальнейших – уже пилотируемых – пусках...

И Георгий Николаевич снова начинает разговор о любимом – о межпланетных станциях, которые готовит к полету его конструкторское бюро.

- Георгий Николаевич, а вы не считаете, что на Луне можно обойтись и без присутствия человека? – спрашиваю я уже в финале нашей беседы. - Полеты людей в космос – это всегда риск. А ваши умные автоматы уже сегодня способны на многое. Я не удивлюсь, если однажды созданная в вашем КБ автоматическая станция сядет на Луне, зачерпнет ковшем пробу лунного грунта и отправится в обратный путь к Земле...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Человек на Луне должен высадиться обязательно,
- Бабаков покачал головой. - Иначе мы никогда по настоящему не овладеем космическим пространством. Помните замечательное высказывание Константина Эдуардовича Циолковского? “Человечество не останется вечно на Земле. Оно сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а потом завоюет все окололунное пространство”. Так, кажется? Ну, а наши умные автоматы должны проложить дорогу людям. Помочь освоить космос. А насчет того, чтобы наша станция прилетела на Луну, набрала лунного грунта и вернулась на Землю... Может быть, это не такая уж и фантастика!
И он хитро улыбнулся.

Глава 5. Старт к Луне

(Отрывки из неопубликованной книги журналиста Ярослава Головнева)

На семнадцатом витке по команде с Земли включился на разгон двигатель ракетного блока “Г”. Несколько десятков секунд Леонтьев и Макарин с замиранием сердца ощущали едва заметную легкую вибрацию корабля - это удлиненное сопло изрыгало в космическое пространство факел обжигающего газа, переводя ракетно-космический комплекс на трассу полета к Луне.

Леонтьев лежал в своем кресле-ложементе и внимательно следил за тем, как секундная стрелка скачет по цифрам на циферблате маленьких круглых часов над пультом управления. Если двигатель отработает требуемое время, то ракетно-космический комплекс перейдет на трассу полета к Луне. Если не отработает, то связка из кораблей “Знамя”, “Лунник” и ракетных блоков “Г” и “Д” продолжит полет вокруг Земли. Только орбита, по которой движется ракетно-космический комплекс, в этом случае станет очень вытянутой. Конечно, если двигатель ракетного блока выключится раньше времени,

о полете к Луне придется забыть. Тогда им с Макариным потребуется срочно паковать вещички и готовиться к досрочному возвращению на Землю.

“Тяни, милый мой, - мысленно обратился Леонтьев к двигателю ракетного блока. Обратился так, будто этот “космический мотор” был живым существом и способен был сейчас прочесть его мысли. – Тяни, дорогой мой! Работай! Страшно не хочется вернуться домой с полдороги. Второго шанса слетать к Луне у нас с Олежкой уже не будет. Поэтому, движочек дорогой, работай. Тяни нашу космическую колымагу. Толкай ее к Луне, толкай. Заждалась тетка Селена гостей. Ждет, не дожидается”.

Отказов разгонных двигателей за короткую историю полетов лунных пилотируемых кораблей еще не было. С прошлой осени сначала пролетные корабли “Север”, а потом и орбитальные корабли “Знамя” уверенно уходили в космос, к Луне. Но всякая неприятность когда-нибудь может произойти впервые.

“Но только пусть не сейчас, - взмолился Алексей. – Не сейчас. Не с нашим экипажем. Не с нашими кораблями. И вообще... Пусть совсем никогда и ни с кем эти неприятности не происходят!”

Он заерзал, устраиваясь в ложементе поудобнее. Ложемент был изготовлен по контуру скафандра Леонтьева. Лежать в нем пилоту, не одетому в скафандр “Сокол”, было не очень удобно. Затылок и плечи упирались в твердую металлическую основу ложемента.

“Хорошо, хоть перегрузка на минимуме, - подумал Леонтьев. – Даже до одной единицы не дотягивает”.

- Леша, осталась минута до критики, - напомнил о себе Макарин. Он лежал в соседнем ложементе и тоже внимательно наблюдал за стрелкой. “Критика”, или критическая точка, - это точка во времени, за которой при нормально работающем разгонном двигателе ракетно-космический комплекс перейдет на траекторию полета к Луне. И тогда уже не двигатель разгонного блока, а законы небесной механики поведут их корабль к цели.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Вижу, - буркнул в ответ Леонтьев. – Минутка еще осталась!

- “Флаг-один”, “Флаг-два”, - отозвался оператор из наземного Центра управления полетом. – Телеметрия с борта корабля нормальная. Двигатель ракетного блока работает устойчиво. Замечаний нет.

- Поняли, “Земля”, замечаний по работе двигательной установки нет! – ответил Алексей. – На борту порядок!

- Форточку перед стартом мы закрыть не забыли! – весело фыркнул Макарин.

Леонтьев давно уже подметил, что в напряженные моменты на предполетных тренировках Олег часто произносил какую-нибудь шутивную фразу или даже рассказывал анекдот – если была такая возможность. Что же, легкий юмор во время томительного ожидания – это не самый худший вариант человеческой реакции.

Словно услышав мысли Леонтьева, Макарин чуть слышно запел:

- Передай привет Земле,
Дяде доброму в Кремле,
Мы летим на фирменном сопле...

- С ума сошел? – шепотом осведомился Леонтьев. – Мы же в прямом эфире!

- А я что? Я ничего! – засмеялся в ответ Макарин. – Это же студенческий фольклор!

- Студент... - добродушно хохотнул Алексей. - Смотри-ка лучше за приборами, певец!

- Весь внимание, шеф, - парировал словесный выпад командира Макарин. – Осмелюсь доложить, ваше превосходительство, что до “критики” осталось пятнадцать... Нет, четырнадцать секунд. Короче, даю обратный отсчет времени. Десять, девять, восемь...

Черная стрелочка стремительно скакала по делениям на часах.

- ...Три, два, один! – выдохнул Макарин. – Есть разгонная скорость!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- “Заря”, - позвал Леонтьев наземного оператора, - я - “Флаг-один”. Прошли критическую точку разгона. Идем по лунной трассе. Повторяю, идем по лунной трассе!

- Принято, “Флаги”, - отозвался голос в эфире. – Поздравляем вас с началом межпланетного полета!

- Спасибо! – громко выкрикнул в ответ Леонтьев, не сдержав чувств.

- И совсем незачем так орать, Лексей, - наигранно поморщился Макарин. – Нужно всего лишь тихонечко достать бутылку шампанского из тайничка в стене и немедленно выпить ее на троих!

- Шампанского в нашем магазине не оказалось, - засмеялся в ответ Леонтьев. – Могу взамен предложить только сок черники в тубах!

- Для условий космического полета сойдет! – махнул рукой Макарин. – Доставай три тубика!

- А третий кому? – удивился Алексей.

- Видишь барышню за окном? – засмеялся Олег, тыча указательным пальцем в иллюминатор, в котором показался маленький шарик Луны. – Круглолицую такую... Она с нетерпением ждет, когда пилот Леонтьев чмокнет ее в желтую щечку!

- Недолго ей осталось ждать, - поддержал шутку Алексей. – Дня три, не больше!

О, вот за это мы и выпьем! За вашу скорую встречу!

Глава 6. Дорогу “Лунникам” проложил “Север”

“У ракетчиков о нем ходят легенды.

Говорят, что в апреле 1945 года ему, главному конструктору крылатой ракеты 10X, позвонил Иосиф Виссарионович Сталин. Наши войска стояли уже практически у самых ворот Берлина.

- Как вы считаете, Владимир Николаевич, - спросил Сталин, - имеет ли смысл применять вашу ракету в сложившейся военно-политической обстановке?

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Нет, товарищ Сталин, - ни секунды не медля, ответил он.

- Почему?

- Война уже заканчивается. А применение наших крылатых ракет повлечет за собой только лишние жертвы среди гражданского населения Германии.

- Согласен, - сказал Сталин и положил трубку.

А еще говорят, что перед самой войной его, самого молодого тогда в Советском Союзе доктора наук, вызвал к себе на Лубянку Лаврентий Павлович Берия.

- Поедешь в Берлин нашим резидентом, - безапелляционно заявил Лаврентий Павлович, едва он переступил порог кабинета. – Будешь заниматься технической разведкой.

- Я не смогу, - он покачал головой. – Во-первых, я не знаю немецкого языка...

- Мы тебя научим, - отмахнулся Берия. – Через полгода будешь знать язык, как свой родной...

- Есть еще и во-вторых, - он упрямо стоял на своем.

- Ну, что еще? – нарком недовольно поморщился. Этот самоуверенный молодой человек в безукоризненно отглаженном синем костюме и до блеска начищенных туфлях начинал его раздражать.

- Я считаю, что намного больше пользы смогу принести здесь, на Родине, - спокойно сказал он. – Работая конструктором.

Стекла пенсне наркома грозно блеснули. Он мог сейчас одним своим словом стереть в лагерную пыль этого мальчишку. Потянуться рукой к кнопке вызова секретаря, отдать короткое распоряжение и... Но что-то остановило Лаврентия Павловича. Наверное, этот прямой и открытый взгляд. Спокойная сила и уверенность в голосе.

- Ладно, ступай, - Берия отвернулся. – Иди, работай... Конструктор...

Обе эти истории я услышал от наших редакционных космических мэтров Гусева и Коневалина.

Конструктором крылатой ракеты 10Х, не рекомендовавшим Сталину применять новое оружие против осажденного Берлина, и молодым доктором наук, отказавшим всесильному наркому, был Владимир Николаевич Челомбитов.

Эту фамилию мы, журналисты, пишущие о советской космонавтике, впервые услышали в начале шестидесятых, когда наша страна вплотную занялась подготовкой будущих пилотируемых полетов к Луне. Именно конструкторскому бюро, которым руководил Владимир Николаевич Челомбитов, партия и правительство поручили создать мощные космические ракеты-носители УР-500 “Протон” и лунный космический корабль “Север” для пилотируемых полетов вокруг Луны. Но тогда писать о Челомбитове было запрещено – он, как и многие тысячи его коллег, был полностью засекречен”.

Инга перестает читать вслух набросок очередной моей статьи и интересуется:

- Март, ты думаешь, Аджубеев пропустит такой текст? Со Сталиным и Берией? С упоминанием о засекреченности наших конструкторов?

- Не знаю, Солнышко, - честно признаюсь я. – Кто знает, что на уме у главного редактора газеты? Но попытка не пытка.

Я лежу на диване, и подперев щеку рукой, получаю наслаждение от весенней мелодии ингиного голоса.

Мое Солнышко задумчиво приподнимает бровки и снова обращается к тексту моего опуса:

“- Но времена меняются. Мы с Владимиром Николаевичем Челомбитовым стоим в сборочном цехе его предприятия, у стапеля, на котором к предполетным испытаниям готовится очередной корабль серии “Север”. Челомбитов как обычно подтянут, импозантен. До блеска начищенные туфли, безукоризненно отглаженный темно-синий костюм и подобранный под цвет костюма галстук. Серые волосы аккуратно зачесаны назад. Взгляд темно-карих глаз остр и внимателен.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Снова будет полет к Луне? – я киваю в сторону космического корабля.

- Нет, - качает головой Челомбитов. – Теперь будем работать только на околоземной орбите. Программа лунных полетов для кораблей “Север” уже завершена. Эстафету у нас приняли “Знамя” и “Лунник”.

Инга продолжает читать, а я вспоминаю, как во время интервью, подробно порасспросив Челомбитова о космических полетах по программе “Север”, все же решился задать вопрос, который меня интересовал больше всего:

- Владимир Николаевич, скажите честно, вам чисто по человечески не обидно, что для высадки человека на Луну решено использовать корабль “Знамя”, а не ваш “Север”, который уже доказал свою надежность?

- Ни капельки не обидно! Хотите – верьте, хотите – нет, – Челомбитов смеется. – То есть сейчас уже не обидно... А шесть лет назад, конечно, я был уверен, что наше КБ совершенно несправедливо обошли. Мне тогда казалось, что с высадкой человека на Луну наша фирма сможет справиться и лучше, и быстрее, чем наши конкуренты. Но партия и правительство решили иначе... Наверное, на то были свои резоны.

Он какое-то время молчит, нервно тиская пальцами поручень стула и невидящим взглядом взирая куда-то в металлические джунгли сборочного цеха. Я понимаю, что мой вопрос снова поднял бурю в его душе, холодным ветром прошелся по какой-то душевной ране, которую он тщетно пытался залечить все эти годы. Я уже начинаю, жалеть, что задал этот растреклятый вопрос, когда Челомбитов, уже совладав со своими чувствами, спокойным голосом решает продолжить свой рассказ:

- Понимаете, Мартын Андреевич, программы облета Луны и посадки на ее поверхность в нашей стране стартовали почти одновременно. В апреле 1962 года было принято соответствующее правительственное постановление. У нашего конструкторского бюро опыта создания пилотируемых кораблей и посадочных

аппаратов для лунных экспедиций не было вообще. Программа посадки на Луну технически намного сложнее, чем программа облета Луны, поэтому корабли для высадки человека на лунную поверхность поручили разрабатывать именно КоролеVINу и Михееву... Жаль, что нас обошли, но мир, как видите, от этого не рухнул. Все-таки советские космонавты впервые увидели лунные пейзажи из иллюминаторов нашего “Севера”!

Он снова повеселел, и у меня отлегло от сердца. Очень не хотелось, чтобы мой не слишком удачный вопрос испортил настроение этому умному и талантливому человеку. И я твердо решаю повернуть нашу беседу в положительное русло:

- Владимир Николаевич, а в будущем вы больше не планируете участие вашей фирмы в исследованиях Луны и планет Солнечной системы?

- Как же не планируем? Не только планируем, а уже работаем полным ходом! – глаза Челомбитова блеснули веселыми искорками. – Мартын Андреевич, если уж мы начали крутиться в теме межпланетных полетов, то будем так или иначе работать по этой тематике всегда, это уж вы поверьте мне на слово как Главному конструктору! И первыми к Венере и Марсу пойдут корабли, созданные на нашем предприятии! Вот так прямо и напишите в своей статье! Чтобы все ваши читатели об этом знали!

Пока я придавался воспоминаниям, Инга уже успела добраться до заключительной части моей статьи:

- “...Когда пишутся эти строки, ракетно-космический комплекс “Знамя-5” – “Лунник-5” летит к Луне. Летит по трассе, которую уже проторили пилотируемые корабли “Север”, созданные в конструкторском бюро под руководством одного из опытнейших наших конструкторов Владимира Николаевича Челомбитова. И по которой завтра полетят другие наши - технически еще более совершенные - космические корабли”.

Инга отложила в сторону листы с текстом.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Ну, как? – поинтересовался я. – Потянет?

- На “троечку”, - недовольно поморщилась Инга. – Слишком бравурно написано. В стиле передовицы нашей главной партийной газеты. Все правильно, но... Но души нет. Я, как читатель, совершенно не почувствовала, что это за фрукт – Владимир Николаевич Челомбитов. И где, кстати, его биографические данные?

- Он наотрез отказался рассказывать о себе, - вздохнул я. – Категорически! Кстати, именно поэтому я добавил в текст статьи эти две байки о разговоре Челомбитова со Сталиным и Берия.

- Наверное, в этом есть и своя прелесть – продолжать оставаться секретным ракетчиком. Точнее, полусекретным, - иронически усмехнулась и стрельнула плечиками Инга. – Хотя, если судить по тексту твоего опуса, мой милый, Владимир Николаевич Челомбитов вовсе не чурается славы и почестей. Ладно, оставим в стороне скрытые психологические комплексы Главного конструктора.

- Ну, нет, - запротестовал я. – Челомбитов - открыт, жизнерадостен, очень подвижен.

- И все-таки скрытен, - Инга подвела черту моим психологическим изыскам. – Почему скрытничает? Из-за того, что в свое время его лунный проект отодвинули в сторону и предпочли разработки Королевина и Михеева?

- Вполне возможно, - согласился я. – В каком-то смысле его тоже заставили наступить на хвост собственной жар-птице. Он до сих пор убежден, что лунная программа ему бы удалась лучше. А полеты кораблей “Север” – это очень слабое утешение для его высоких творческих амбиций.

- Господи, - вздохнула Инга. – Что у нас за страна такая? Одни психологические комплексы да нереализованные амбиции! Сплошные скелеты в шкафу и тайны!

Глава 7. Посадка

(Из неопубликованных дневниковых записей летчика-космонавта СССР Алексея Леонтьева)

...Двигатель ракетного блока “Д” работает очень мощно и, конечно же, совершенно бесшумно. В космосе не бывает звуков: нет воздуха, и нет никакой другой среды, чтобы передать звуковые колебания.

Я практически не ощущаю перегрузки. Но невесомость, с которой я уже успел сжиться за восемь суток космического полета, пропала. Маленькая куколка полосатого тигренка, подвешенная на тонкой резинке к потолку “Лунника”, теперь не болтается бесцельно в воздухе, выписывая замысловатые траектории, а потянулась вниз, к полу моего кораблика, куда ее влечет невидимой рукой проснувшаяся сила гравитации.

Ложемента и кресла для космонавта в “Луннике” нет. Я просто зафиксирован ремнями и стяжками перед иллюминатором и пультами управления. Но никаких неудобств от этой совершенно нелепой для земных условий позы не испытываю. В невесомости и при низкой гравитации такое крепление даже удобно. Можно в любой момент расслабиться и повисеть в пространстве, не боясь упасть или уплыть куда-то в сторону. И с медицинской точки зрения, как шутили ребята-медики на Земле, тоже очень полезно. По крайней мере, пролежней и геморроя мне точно можно не опасаться.

- “Флаг–один”, двигатель работает устойчиво, - сообщает Земля голосом Володи Шаталина. Он снова вышел на связь, сменив Пашу Поповца. Наша старая традиция: дублер отвечает за общение центра управления полетом с экипажем корабля в самые напряженные моменты космического рейса.

- Меня это радует, “Гранит”, - отвечаю я, называя Шаталина его полетным позывным.

С позывным Володькина Шаталина связана веселая история, в свое время наделавшая много шума как в отечественной, так и в мировой прессе. В первый

полет, еще на “Восходе-6”, Шаталин отправился под позывным “Амур”. В нашем Центре управления полетом и в Звездном работают “очень серьезные люди”, и они всегда считали, что Амур – это только название большой реки где-то там, на востоке необъятной страны по имени Советский Союз. Нашим “очень серьезным людям” и в голову не могло прийти, что у древних римлян был бог любви, который тоже звался Амур. Нет, конечно, где-то и когда-то, кажется, еще в школе, они что-то такое читали об этом самом Амуре. Но потом, с годами, под грузом “очень серьезных космических дел”, из их мозгов совершенно выветрился даже легкий намек на “любовную” составляющую имени Амур.

Бедный Володька! Не успел он вернуться из полета, как все юмористы от Бреста и до Дальнего Востока зубоскалили про “амурные похождения” советского космонавта. Где-то в Америке, в Штатах или в Канаде, какой-то мелкий деятель от космонавтики тиснул в бульварной газетенке большущую статью о сексуальных экспериментах на советском корабле “Восход-6”. И пошла писать губерния! Мировую прессу буквально штормило от догадок и предположений на тему “секс в космосе”. Даже на послеполетной пресс-конференции экипажу “Восхода-6” нашими, советскими мастерами пера был задан вопрос с “любовным” подтекстом. Красный, как только что сваренный рак, Володька, потея и заикаясь, вынужден был оправдываться и доказывать представителям прессы, что ничего “такого” не было и даже в принципе быть не могло.

Конечно, руководство ЦУПа и Звездного городка получило легкий втык в высоких инстанциях за “ослабление идеологической работы при подготовке экипажей космических кораблей и потерю политической бдительности”. Наши начальники во главе с генералом Маканиным озабоченно почесали затылки, и в свой второй полет, на корабле “Знамя-1”, нарушая уже сложившуюся традицию, по которой космонавт получает

позывной один раз и навсегда, Шаталин ушел с новым именем – “Гранит”. Весомый позывной, товарищи. Солидный. Серьезный. Это вам, понимаешь ли, не легковесные летающие амурь с их любовными стрелами! “Амурные” остроты постепенно сошли на нет. Но прозвище “Римский Бог” за Володькой так и осталось.

Сквозь стекло иллюминатора я вглядываюсь в лицо Луны за бортом моего кораблика. Лунная поверхность ощутимо замедляет свой бег. Это значит, что связка “Лунника” и ракетного блока “Д” теряет орбитальную скорость. Мы уже не летим по орбите над Луной, а по параболической кривой начинаем падать на ее поверхность.

С каждой минутой это падение становится все более заметным. Луна за окошком “Лунника” постепенно приближается. Очень необычное зрительное ощущение. Кажется, что Луна растет, распухает, как свежее тесто, раздается вширь. Вот уже скрылась за контуром иллюминатора линия горизонта. Кратеров становится все больше, мелкие становятся крупными, крупные – большими. На лунной поверхности теперь можно различить гораздо больше трещин, выпуклостей и впадин, чем было видно с окошечной орбиты.

В моем послевоенном детстве был случай, когда мы с соседскими пацанами сами сшили из тряпок мяч. В освобожденном от немчуры, раздолбанном снарядами и голодном Ворошиловграде с футбольными мячами было туговато. Тогда мы из всякого тряпья, презрев предлагавшуюся помощь наших сестер и знакомых девчонок, соорудили круглое чудо, и чуть ли не с утра и до самой ночи гоняли его на очищенном от мусора пустыре, в который превратилась спортивная площадка около развалин нашей школы. А потом, потные, перемазанные грязью, с разбитыми локтями и коленками, но счастливые, возвращались домой. И всех счастливей, наверное, был я, потому что нес в руках, прижимая к старой, разодранной майке наш мяч – весь в серой,

въевшейся пыли, со шрамами от бесконечных штопок и рваными дырами новых, только что полученных ран.

Почему я вспомнил сейчас об этом? Луна за окошком кораблика была удивительно похожа на тот самодельный мяч из моего мальчишеского прошлого...

“Лунник” движется не по прямой, а по сложной посадочной траектории, периодически поплеывая в пространство огненными стрелами из двигателей ориентации. Ждешь, Луна? Жди, дорогая. Я лечу. Скоро буду. Если техника, конечно, не подведет...

- “Флаг–один”, - снова появляется в эфире Шаталин. Володька сегодня на удивление немногословен. Видимо, Земля решила не мешать мне пустой эфирной трескотней во время посадки. – Корабль в полном порядке. Прошел отметку “десять”.

- Понял, “Заря”, - бодренько откликаюсь, - прошли “десятку”.

“Десятка” - это десять километров над поверхностью Луны. Радиолокатор моего кораблика измеряет расстояние, а система радиосвязи отправляет полученные данные по трем каналам: напрямую на Землю, на “Знамя” и на автоматическую станцию “Луна-30”. С лунного корабля и летящей по орбите станции информация ретранслируется в ЦУП. Связь сразу по трем каналам нужна для обеспечения надежного управления во время спуска.

- Леша, ты только что побил рекорд Женьки Хлунова, - говорит Шаталин. – Поздравляю!

- Принято, “Заря”. Высылайте ракету со спортивным комиссаром – зафиксировать рекорд, - шучу в ответ. – И не забудьте бутылочку шампанского!

Рекорд Хлунова – это отметка в девять с половиной километров. Именно до этой высоты над лунной поверхностью опустился в предыдущем полете Женька Хлунов на четвертом “Луннике”. Я нахожусь уже ниже. Сейчас на Земле нет человека, который когда-либо имел возможность посмотреть на Луну с такого близкого расстояния.

А смотреть есть на что. Горы, расщелины, холмы, впадины и, конечно же, сотни и тысячи кратеров проплывают под моим кораблем. Не знаю, с чем это связано, но с приближением к поверхности Луны там, внизу, появилось гораздо больше оттенков светло-серого цвета. И еще есть коричневато-бронзовые, и даже зеленоватые участки. Вот хорошо бы было прилуниться, выйти из корабля, а вокруг - зеленая травяная лужайка. Солнышко в зените, желтая россыпь одуванчиков. И лунные кузнечики прыгают...

- “Флаг–один”, пройдена отметка “пять”, - напоминает о своем существовании Шаталин. – Все параметры корабля в норме.

И снова пауза. Тихая, глухая и очень тревожная пауза. Длинная, как полярная ночь.

Я хорошо знаю, что означает эта долгая пауза. Именно сейчас все наше космическое руководство, собравшееся в центре управления полетом, принимает окончательное решение по посадке “Лунника”. Царев, Михеев, Чертков, Маканин, Керимбаев и еще около полусотни управленцев от гражданских и военных инстанций собрались в зале заседаний, заслушали доклады всех служб, обеспечивающих полет, и вот-вот вынесут вердикт. Как там у Шекспира? “Быть или не быть – вот в чем вопрос”. Очень хочется, чтобы “быть”. Очень не хочется возвращаться домой почти от самого порога домика “тетушки Селены”.

- Леша, принято решение на спуск, - мне показалось, или голос Володьки действительно дрогнул. – “Флаг–один”, как понял? Подтверди прием.

- Понял тебя, “Заря”, - говорю я. – Идем на спуск! На борту порядок, самочувствие отличное.

И для пущей убедительности показываю большой палец прямо в черный блестящий глазок телекамеры, которая неотрывно и неусыпно глядит мне в лицо с первой минуты моего появления в “Луннике”.

- Смотришься замечательно, - смеется в ответ Володька. – Первый парень на деревне!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- ...С поставленной сельсоветом задачей стать первым парнем на Луне, - продолжаю я его фразу. В наушниках шелестит смех. Видимо, в ЦУПе шутка многим понравилась.

Ловлю себя на мысли, что как-то неловко сейчас чувствовать себя пассажиром на борту “Лунника”. На Земле, в ЦУПе, на наземных измерительных пунктах, народ пытит по полной программе, трудится в поте лица. А я здесь лечу себе спокойненько, едва ли не помахивая Луне белым платочком из окошка моей летающей “избушки”.

Лунная поверхность под кораблем движется все быстрее и быстрее. Сейчас как раз тот участок траектории спуска, когда корабль летит наиболее быстро.

Справа на пульте замигал круглый желтый глаз лампочки индикатора.

- “Заря”, принимаю пеленг два, - сообщаю на Землю. Это значит, что система управления “Лунника” поймала сигнал с “Лунохода-5”, который уже третьи сутки торчит в расчетной точке на лунной поверхности и ждет - не дождется моего прилета.

- Фиксируем пеленг-два, - подтверждает Шаталин.

Так, а где же пеленг-один? Должен быть еще сигнал с “Лунохода-3”. И пеленг-три - с запасного “Лунника-3”, который в законсервированном режиме стоит на Луне уже несколько месяцев. Сейчас третий “Лунник” и оба “Лунохода” образуют на Луне почти правильный треугольник, в центре которого находится район предполагаемой посадки. Садится можно не только по трем пеленгам, но и по двум, и даже по одному. Но... Но лучше все-таки по трем. Один пеленг – хорошо, а три – лучше!

Секунда ползет за секундой. Наконец, на пульте одновременно вспыхивают еще два огонька. У циклопа в глубине пещеры открылась пара дополнительных глаз. Глазастенький ты мой...

- Есть пеленги один и три, - рапортую немедля. – Работаем штатно!

Автоматика моего кораблика захватила все три радиоточки на лунной поверхности. Сразу же включились двигатели ориентации корабля, расположенные над потолком кабины. В верхней части иллюминатора несколько раз полыхнули веселые оранжево-зеленые зарницы. “Лунник” чуть-чуть подровнял ориентацию по полученным с поверхности Луны пеленгам.

Внезапный и резкий толчок где-то под днищем корабля. Несколько секунд достаточно сильной вибрации. Но до “пыточной камеры” в Звездном городке – очень далеко. Там действительно зуб не попадал на зуб, а здесь – так себе, легкая дрынчалка. Толчки и вибрация в ощущениях подтверждают информацию с пульта управления “Лунника”: двигатели ракетного блока “Д” выключились.

Вот и все, дорогой товарищ Леонтьев. Теперь или посадка на Луну, или аварийное возвращение на орбиту после включения двигателей самого “Лунника”. Третьего, как говорится, не дано.

Впрочем, почему не дано? Ведь существуют два варианта посадки: удачный, то есть штатный, и... Н-да... Тогда на лунной поверхности появится еще один кратер. Которому впоследствии будет присвоено имя Алексея Леонтьева, как нетрудно догадаться.

...Что-то темное наползает на сердце из мрачной бездны. Хохочущий гестаповец целится в мальчишку из пистолета....

Вдох. Выдох. Спокойно!

А откуда это мысли у меня такие мрачные? Сдрейфил я, что ли? Да нет, вроде бы... Пока все идет нормально. Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить...

Тихонечко начинаю насвистывать “Из-за острова на стрежень, на простор речной волны”... “Нервная энергия всегда должна находить выход”, - учил нас инструктор по парашютным прыжкам Николай Константинович Никитский. Мы, первый отряд советских космонавтов, молодые и еще “необстрелянные” космосом, взлетали на учебном самолете в солнечное

апрельское небо над парашютной базой где-то под Энгельсом, весело хохотали, горланили песни, подначивали друг друга – и прыгали, прыгали, прыгали. С разных высот, на любую местность, днем и ночью. Кстати, именно тогда Юрка Гагаров дал мне приклеившееся уже, наверное, на всю жизнь прозвище “Блондин”. За мои светло-рыжеватые волосы, которых с годами на голове остается все меньше и меньше...

- “Флаг”, приготовиться к разделению, - в голосе Шаталина прорезаются тревожные нотки. – Десять секунд до отделения ракетного блока “Д”.

- Понял, “Заря”, - отвечаю. – Будем отрезать хвост!

В наушниках слышу легкий Володькин смешок. Еще одна шутка принята.

Странное у меня сейчас состояние. Тревожно-веселое. Случиться может все, что угодно. Повлиять на что-либо я практически не в силах. Поэтому остается только один способ контролировать ситуацию – шутить. Шутить так, чтобы зубы не стучали.

Снова резкий толчок снизу. Намного сильнее прежнего, даже язык прикусил. Сердце ласточкой ныряет в невидимую бездну.

- Есть разделение, - говорит Шаталин спустя несколько томительно долгих секунд после толчка. – Включение двигателей лунного корабля!

Череда тревожных мгновений. Могут ли секунды ползти медленно, как улитки? Оказывается, могут.

Поглядываю в иллюминатор. Кратеры за окошком ускорили бег.

Новый толчок снизу, но уже не такой резкий, как первые два. Можно сказать, даже нежный. Лунный корабль начинает дрожать. И мгновение спустя я уже слышу приглушенное взрывание ракетного мотора. Это двигатель “Лунника” включился по сигналу бортового посадочного радиолокатора “Планета”.

Звук работы двигателя становится чуть тише и размереннее. Он доносится не снаружи – там, за бортом, по-прежнему почти вакуум, какой там может быть звук?

Звуковые колебания передаются снизу по конструкции моего кораблика. Такое впечатление, что все вокруг вдруг стало ворчать. Но не зло, а почти по-дружески, как ворчит на поздно вернувшегося и подвыпившего хозяина любящий и верный дворовой пес.

Сначала тяга посадочного двигателя идет почти на режиме максимума. Кораблик прекращает движение к Луне, слегка заваливается на бок и даже поднимается на несколько десятков метров вверх. На мгновение мелькает перед глазами неровная полоса лунного горизонта. Как серый оскал огромного дракона. Потом тяга двигателя падает до шестидесяти процентов от номинальной. “Лунник” выравнивается и снова начинает приближаться к Луне. Если смотреть со стороны, то мой кораблик только что выполнил что-то, отдаленно похожее на известную фигуру авиационного пилотажа – “петлю Нестерова”. Это предусмотренная программой полета операция. Теперь с уверенностью можно сказать, что ракетный блок “Д” отстал от корабля окончательно и сейчас летит к Луне по баллистической траектории. Наша ящерка сбросила хвост и теперь уже не получит этим огрызком из прошлого по затылку в самый неподходящий момент. Казалось бы мелочь, а все-таки приятно.

- “Флаг–один”, высота две тысячи метров, - информирует Земля. – Переходим на ручное управление.

Я несколько раз щелкаю тумблерами на пульте, нажимаю добрый десяток кнопок, и аккуратно берусь пальцами правой руки за рукоять управления. И только проделав все эти операции, сообщаю:

- Перешел на ручной режим. Как поняли, “Заря”?

- Принято, “Флаг–один”, - отзывается Шаталин. – Идешь на ручняке!

Правильно, Вовик, правильно. Идем на ручняке. Идем не потому, что сдохли основные тормоза или автоматика, а потому, что так написано в программе полета. Наши инженеры посчитали, что космонавт – Леонтьев, Шаталин или Валерка Быков, персоналии не

имеют значения, - с посадкой справится все-таки лучше, чем самый умный-разумный робот-автомат. Человек - венец творения, и его сама “должность во Вселенной” обязывает быть умнее киберов.

Но ручное управление кораблем – все-таки иллюзия. Сейчас “Лунник” летит на высоте чуть более полутора километров, и его по-прежнему ведет автоматика. Потому, что вера наших инженеров в способности человека-космонавта – это хорошо. Но вот в высоких инстанциях есть мнение, что автоматика все-таки надежнее. “Не надо возражать, товарищи конструкторы, у нас большой опыт партийной и хозяйственной работы. И с человеческим материалом в отдельности, и с трудовыми массами в целом. Поэтому пусть космонавта подстраховывает работающая автоматика!”.

И автоматика “Лунника” подстраховывает, выдает команды, ободряюще подмигивает лампочками световой сигнализации. Но теперь, после перехода “на ручняк”, у меня есть возможность в любой момент вмешаться в безупречную работу “космического робота” и перехватить управление “Лунником”. После этого в моем распоряжении будет примерно минута времени, чтобы с помощью ручного управления двигателями ориентации и регулирования тяги основного двигателя выполнить зависание корабля, его маневр над лунной поверхностью, окончательно выбрать посадочную площадку и прилуниться. Всего ничего...

При выборе места посадки возможности ограничены пятачком в пятьсот-шестьсот метров. Если на этом пятачке я не найду удобную “полянку” для лунного “пикника”, то придется увеличивать тягу двигателя до ста процентов и быстренько возвращаться на орбиту вокруг Луны. Но я почти абсолютно уверен, что убежать обратно в космос в аварийном режиме не придется. Все-таки не зря “Луноходы” чуть ли не полгода утюжили этот район, составляя самую подробную карту местности. Здесь нет больших кратеров или крупных камней. Везде

практически ровная и гладкая поверхность. С учетом лунных реалий, конечно. Тут тоже есть кое-что... Но это так, мелочевка: два или три неглубоких метровых кратера, несколько десятков острых булыжников и россыпи лунной гальки почти повсюду. По мнению наших ученых, идеальное место для первого визита к “тетушке Селене”.

- Ты на высоте тысячи метров, Леша, - говорит Шаталин, позабыв назвать мой радиопозывной. Волнуется товарищ дублер. – Баллистики только что сообщили, что ракетный блок “Д” упал на Луну примерно в пяти километрах от расчетного места твоей посадки.

- Понял, “Заря”, - отвечаю я. – На борту порядок.

“Лунник” продолжает снижаться и одновременно летит над лунной поверхностью. Во все глаза смотрю на проплывающие за окном пейзажи. Не столько люблю сменяющимися друг друга видами Луны, сколько пытаюсь заранее оценить степень реальной опасности места будущей посадки. Я с закрытыми глазами могу нарисовать достаточно подробную карту посадочной зоны. Но теорию всегда нужно проверять практикой. А практика сейчас – это тщательное наблюдение за районом предстоящего прилунения.

“Тетушка Селена” значительно меньше Земли, и поэтому при полете над лунной поверхностью горизонт кажется необычно близким. Это затрудняет визуальную оценку высоты полета. Земной опыт довлеет, и создается впечатление, что “Лунник” летит гораздо выше, чем на самом деле.

Лик Луны с высоты около километра напоминает серый мрамор, покрытый грязно-белыми пятнами разной величины. Кратеры похожи на бело-серые оспины на более темном сером фоне. От некоторых из них радиально отходят светлые пылевые лучи, – наверное, следы разлета пыли при ударе метеоритов.

Видимость очень хорошая, бликов на иллюминаторе нет. Солнце сейчас находится где-то у меня за спиной, с противоположной стороны от

иллюминатора корабля. Солнечные лучи падают на подстилающую поверхность примерно под углом двадцать градусов.

Кратеры внизу, под “ногами” “Лунника”, похожи на огромные круги с рваными краями. На Земле, рисуя свои картины, я примерно так их и представлял. А вот кратеры, расположенные на некотором удалении от вертикали и ближе к горизонту, выглядят очень необычно. Они больше напоминают овалы разных размеров. Из-за того, что освещение боковое создается впечатление, что внутрь этих светлых овалов “вписаны” меньшие по размеру и тоже овальной формы тени. Тени очень четкие, почти черные. Кто-то взял множество разновеликих блюдец, беспорядочно расставил их на лунной поверхности и наполнил очень темной и маслянисто поблескивающей жидкостью.

Еще вижу внизу очень много неровностей, состоящих из бесформенных холмиков пыли и мелких камней. Будто сотни и тысячи черепах испуганно замерли в серых панцирях, увидев, как из черноты неба вынырнул, растопыбив четыре металлических ноги, мой кораблик.

- Пятьсот метров, - не дает забыть о себе Володька Шаталин. – Что видишь в окошко, “Флаг–один”?

- Володя, ты не поверишь: я вижу Луну, - отделяюсь я шуткой. Совершенно не хочется описывать пейзаж за окном, хотя по инструкции я именно это и должен сейчас делать. Хочется просто смотреть.

Вот за иллюминатором проплывает достаточно большой кратер, метров тридцать в диаметре, не меньше. Он очень хорошо освещен и кажется почти белым на фоне имеющей цвет морской волны лунной поверхности. Вокруг кратера хорошо просматривается пылевой вал округлой формы.

Стенки корабля немного подрагивают. Двигатель размеренно урчит. Словно мурчит приласканный, разнежившийся на руках у хозяина пушистый котик.

Внимательно смотрю на приближающуюся лунную поверхность. Сейчас кораблик словно плывет над ней. Любая неровность на лунной поверхности в лучах солнечного света кажется яркой, почти ослепительно белой. Формы неровностей очень разные. Некоторые похожи на рваные вытянутые облака, некоторые – на причудливо изогнувшихся змей. Корабль летит над Луной, угол отражения неровностями на лунной поверхности солнечных лучей постоянно меняется. Поэтому кажется, что и “облака”, и “змей” внизу – живые, шевелящиеся.

Вот мелькнул большой кратер, а внутри него несколько маленьких. Еще кратер, в который “вписан” кратер меньшего размера – в большом круге с рваными краями меньший круг. Меньший касается большего, кажется, только в одной точке. Лунные Архимеды и Пифагоры, наверное, немало усилий приложили, создавая такой шедевр.

Ага, вот и внешнее “касание” двух кратеров. Причем один из них даже чуть налез на другой, и границы между ними в месте касания практически нет. А вот тут, рядом, еще два небольших кратерочка. И между ними очень тонкая ленточка границы.

- Двести метров над поверхностью, - сухо сообщает Шаталин. – Вертикальная скорость снижения – десять метров в секунду.

- Понял, “Заря”. Наш поезд прибывает на станцию “Луна”. Уже вижу здание вокзала и ковровые дорожки к вагону.

Володя, кажется, взял себя в руки и больше не волнуется. Ну, и правильно, чего волноваться? Первая высадка на Луну – экая невидаль! Сколько раз отработывали ее на тренажерах, с завязанными глазами совершить можно. А вы, дорогие товарищи, на вертолете в режиме авторотации не приземлялись, нет? Вот где эмоции, вот где острые ощущения! С высоты сотни метров – и на Землю-матушку сесть, ровно, четко сесть, так, чтобы не плюхнуться мешком, а элегантно, красиво.

По сравнению с теми нашими тренировками на вертолетах, нынешний спуск к Луне – это так, семечки. Конечно, если не принимать во внимание, что это ПЕРВЫЙ в истории человечества спуск пилотируемого аппарата на поверхность иной планеты. Но об историческом значении полета я сейчас думаю меньше всего. Не время.

- “Флаг–один”, у нас пропала картинка с внутренней телекамеры, - обеспокоено говорит Шаталин. – Леша, проверь питание. Ты там случайно ничего не выключил?

На пульте индикатор телекамеры горит нормальным светом, тумблер в положении “включено”. Значит, повреждение появилось где-то в самой камере. Земля “ослепла” на один глаз и теперь не видит меня. Это неприятно, конечно. Но не смертельно. Ну, не получит советский телезритель изображения моей жизнерадостной рожицы в момент посадки – не велика потеря. Хотя, конечно, для истории...

- У меня нормальная индикация по внутренней телекамере, “Гранит”, - говорю я. – С камерой разберусь после посадки. Внешние камеры работают?

- По внешним замечаний нет. Картинка четкая и хорошая. Даем почти в прямой эфир на Центральное телевидение.

Хорошее слово “почти”. В данном случае оно означает, что передачу наши “компетентные товарищи” задерживают минут на пять. И если – не дай Бог! – со мной или с “Лунником” что-то случится, эта “прямая” телепередача на ЦТ будет немедленно прервана. По техническим причинам.

До боли в глазах всматриваюсь в пейзаж за окном. На Луне есть места, буквально испещренные глубокими трещинами и кратерами, а есть ровные и практически бескратерные участки, лишь чуть-чуть иссеченные всякой кратерной и каменной мелочью. На одном из таких ровных участков я и должен посадить “Лунник”. Где-то вон там...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Сто пятьдесят метров... Леша, ты почти над самой границей посадочной зоны.

Яркая точка вдруг появляется почти точно в месте предполагаемой посадки. Похоже на большой осколок зеркала, который отражает солнечные лучи...

- Высота сто метров, скорость снижения восемь, - голос Шаталина снова буквально звенит от волнения. Опять заволновался мой товарищ и дублер. Я давно подметил: когда сидишь в ЦУПе и контролируешь чью-то работу в космосе, иногда волнуешься и переживаешь больше, чем сами участники космического рейса. Ты – только наблюдатель, и при всем желании помочь тем, кто работает “наверху”, практически ничего изменить не можешь. Разве что совет дать. А вот ребятам, которые работают над Землей, переживать и особо волноваться просто некогда. Работа съедает почти все чувства и ощущения.

Что-то яркое поблескивает прямо в том месте, куда “Лунник” ведет автоматика... Ну-ка, ну-ка... Мама дорогая, это же “Луноход”! Но откуда?!

Район будущей высадки определили загодя. Фотосъемка с борта лунных автоматических орбитальных станций дала общую панораму Луны. А уже после облетов Луны пилотируемыми кораблями “Север” и “Знамя” посадочный район выбрали окончательно. Его тщательно обследовали с помощью самоходных аппаратов “Луноход-3” и “Луноход-5”. Сюда же заранее был высажен и резервный лунный посадочный корабль “Лунник-3”. Оба “Лунохода” и резервный “Лунник” образовали на поверхности Луны почти равносторонний треугольник, в центре которого и находится район высадки. По пеленгам с этих трех аппаратов мой кораблик должен совершить посадку - в центр треугольника. Но сейчас он почему-то снижается не в выбранный район, а идет прямо на один из “Луноходов”!

Начинаю лихорадочно соображать, что могло произойти. Мысли в голове прыгают зайчиками, путаются. Версии, версии, версии...

Ну, что случилось? Скорее всего, произошел сбой бортовой вычислительной машины на “Луннике”. Если пеленг с “Лунохода-5” был принят раньше пеленгов с “Лунохода-3” и “Лунника-3”, компьютер на моем корабле почему-то – а вот почему, черт возьми?! - посчитал принятый сигнал как одновременное прохождение сигналов от всех трех аппаратов. И, конечно же, выдал команду на ориентацию корабля в геометрический центр, расположенный между этими тремя точками. Хорошо, допустим, что так все и было...

Так, а дальше? Бортовая вычислительная машина повела мой кораблик не в посадочный район, а прямо на “Луноход”. И хотя буквально минутой позже компьютер принял настоящие сигналы от “Лунохода-3” и “Лунника-3”, менять принятое решение он уже не стал. Почему? Потому что, такая смена района посадки после калибровки по трем пеленгам не предусмотрена программой полета. Поэтому сейчас “Лунник” послушно идет строго по радиолучу, прямо на “Луноход-5”. Годится, в качестве объяснения? Пожалуй.

Ладно, детальной аналитикой займемся потом, после посадки. А сейчас нужно что-то делать, иначе и в самом деле сяду “задницей” прямо на наш “лунный трактор”!

Включаюсь в работу. Два щелчка тумблерами, одна нажатая кнопка на пульте, - и управление “Лунником” теперь полностью в моих руках. Наверное, со стороны я сейчас больше всего похож на одетого в скафандр пианиста. Исполняется космическая симфония спуска на ручном управлении. Премьера, товарищи...

Включаются двигатели ориентации на “крыше” корабля. Быстрее, быстрее! Нужно уйти в сторону, иначе корпус “Лунника” при посадке может задеть стоящий на небольшой возвышенности “Луноход”.

- Девяносто...

Кораблик качнулся влево и яркое пятно “Лунохода” не спеша уплывает из поля зрения.

- Восемьдесят...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Нужна новая площадка для посадки. Куда, куда? А вот сюда попробуем... Что у нас тут? Два довольно больших кратера и несколько очень крупных камней. Откуда?! На карте ничего такого не было.

- Семьдесят...

Камни могут попасть под посадочную стойку. И кратеры тоже не подарок. Нет, лучше поискать другое место для посадки. Время и высота еще есть.

- Шестьдесят...

Местность кажется совершенно незнакомой. Ничего не понимаю...

Черт, я ошибся! Нужно было лететь вправо, внутрь посадочного треугольника. Но я растерялся и взял влево. “Лунник” сейчас уже далеко ушел за границу разведанной автоматами зоны. Времени, чтобы исправить ошибку и вернуться к месту предполагаемой посадки, нет даже теоретически. А здесь садиться просто опасно. Что делать? Черт...

Так, спокойно! Клин клином... Берем еще левее!

- Высота пятьдесят, Леша!

Мама дорогая, всего полсотни осталось! А что с посадочной площадкой? Тьфу ты, снова не то!

- “Флаг–один”, “Лунник” вышел за пределы посадочного треугольника! – это уже не Шаталин. По голосу не узнаю. Может быть, Жора Шонов?

Я вижу, ребята. Корабль опускается в совершенно неизвестном районе...

Ну, и что теперь? Все-таки рискнуть и попробовать сесть? Или уходить вверх?

Решение только за мной. Одно движение пальцев – и аварийный старт. И крушение всех наших надежд. И вся наша космическая программа – соседской Мурке под хвост...

- Сорок метров, “Флаг–один”!

Аварийный взлет? Я еще успеваю уйти...

...Леденящий ужас. Скалится в улыбке проклятый фриц...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

А вот дудки! Ни за что! Эта темная норка не для нашей шустрой мышки...

Идем дальше! Ну-ка, что там у нас еще левее...

- Тридцать... “Флаг–один”, как понял? – Володька уже почти кричит.

Есть! Вот она, милая! Ровная площадка и практически без крупных камней. Так, нам сюда!

Круто разворачиваю “Лунник” вокруг продольной оси.

- Двадцать метров... “Флаг”, тебя не слышу!

Я собираюсь ответить, но невидимая сила сжимает зубы. Ноет шея и каменеет затылок. Судорога, что ли? Только этого мне и не хватает для полного счастья!

Ладно, личные ощущения в сторону. Потом будем анализировать. Если это потом будет, конечно... А сейчас - не отвлекаться!

- Десять! Лешка, на связь!

Подожди, Володя, подожди! Кораблик уже выровнялся и занял строго вертикальное положение. Горячие газы из его сопла ударили в поверхность Луны. Сквозь иллюминатор вижу, как очертания мелких кратеров под “Лунником” утратили резкость, стали постепенно расплываться от огненного дыхания посадочного двигателя. Секундой позже из-под кормы корабля развернувшимся веером брызнули во все стороны сизые пылевые лучи. Это двигатель окончательно сдул с камней и твердого грунта лунную пыль, которая лежала здесь миллионы и миллиарды лет. Пылевое облако понеслось прочь от “Лунника”, словно подгоняемое ветром.

Я стал частью моего корабля. Его сердцем, головой и мозгом. А он стал продолжением меня. Сейчас мы - единое живое существо. Это у меня четыре металлических ноги. Это у меня работающий на надрыве ракетный двигатель. Это мои невидимые пальцы радиолучей ощупывают миллионолетние камни на теле “тетушки Селены”.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Высота пять метров, “Флаг–один”! Алексей, почему молчишь?!

Ком в горле. Сердце колоколом бабахает в уши и рвется наружу из груди. Я еще дышу или уже перестал дышать?

Черное остроконечное тело откуда-то сверху наползает на вспенившуюся пылью лунную поверхность за иллюминатором. Что за хренотень... Хренотень-тень... Ага, это же тень от опорной стойки, от “ноги” “Лунника”. Тень кинжалом втыкается в Луну и постепенно размывается в облаке улетающей из-под корабля пыли.

Бешенная пляска индикаторных светлячков на пультах...

Есть касание! Есть выключение двигателя!

Ощутимый пинок в кормовую часть корабля. Четыре “ноги” “Лунника” стали на поверхность Луны. Покрякивая от напряжения, включились в работу амортизаторы, размещенные в опорных стойках, в боковых подкосах и на опорных “башмаках”. Сейчас они поглощают энергию движения корабля за счет деформации “сотовых” вкладышей, сделанных из тонкой, но очень прочной титановой фольги. Мне кажется, что даже сквозь гермошлем скафандра я слышу возмущенный скрежет сминаемого металла. Иллюзия, конечно...

Мгновение спустя пол кабины проваливается вниз. Первая мысль: “Неужели яма?!”

Но тут же соображаю: нет, это сработали установленные на посадочных стойках четыре небольших твердотопливных ракетных двигателя. Они должны надежно прижать мой кораблик к лунной поверхности, чтобы не дать ему перевернуться от удара при посадке.

Снова резкий толчок снизу. “Лунник” задрожал всем телом. Кажется, даже покачнулся. И замер.

Я окаменел перед пультом, прислушиваясь. Посмотрел в окно. Перед иллюминатором расстилалась

серая пыльная равнина, местами усыпанная небольшими острыми камнями. Больше ничего и никуда не двигалось.

Вот и все. То, к чему мы шли долгие годы, наконец, произошло. Мой кораблик стоял на лунной поверхности. Прочно стоял, всеми четырьмя “лапами”.

И тут на меня накатило...

Я вдруг ощутил страшный холод. Зубы начали выбивать чечетку. Холодные мурашки змеей скользнули по спине, а кончики пальцев превратились в дрожащие ледышки.

Но это ощущение чудовищной холодины продлилось всего несколько мгновений. А потом пришел нестерпимый жар. Кровь волной ударила в голову. Крупные капли пота медленно поползли по лбу, перебрались через брови и нырнули к глазницам, превращая весь окружающий мир в невообразимую смесь теней и света. В ушах тонким зуммером зазвенела тишина.

Мой организм среагировал на невиданную эмоциональную перегрузку последних минут перед посадкой. Выплеснул всю негативную энергию, которую в течение нескольких десятков секунд старался сдержать внутри. Я понимал все это, но сделать что-либо, остановить инстинктивные рефлексy миллионов мельчайших клеток, составляющих тело человека по имени Алексей Леонтьев, не мог. Я был совершенно бессилён.

Не знаю, сколько секунд или минут пробыл среди этого испепеляющего жара. Избавительницей и освободительницей пришла дурмящая и сладкая слабость. Я обвис на лианах привязных ремней и уже почти не стоял на ногах. Сознание странно затуманилось и померкло. Ощутил себя маленькой и беспомощной букашкой внутри туго скрученного ватного одеяла. Удобно, комфортно и удушливо сладко.

Наверное, так могло бы продолжаться миллиард лет. Но в этой удушающей пелене ватного безмолвия родился терзающий мой уставший разум звук. Где-то

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

очень далеко, почти на пределе слышимости, появилось прерывистое жужжание. Пчела залетела в распахнутое окно тенистой веранды и билась об стекло, пытаясь вернуться в обычный, зеленый и солнечный мир.

Это был единственный раздражитель в ватной вселенной вокруг, и не оставалось ничего другого, как прислушаться.

Звук постепенно нарастал. Почудилось, что я стал различать в этом переливчатом жужжании какие-то знакомые интонации...

А потом стена окружавшего меня безмолвия рухнула. Рассыпалась на мелкие, кружащиеся вокруг осколки. И сквозь эту звенящую тучу обломков тишины прорвался встревоженный и громкий голос Володьки Шаталина:

- “Флаг–один”, почему молчишь?! Леша! Алексей!

Несколько раз моргнул глазами. Мир стал обретать обычные цвета и четкость.

Глубокий судорожный вдох. Первый с той уже бесконечно далекой минуты, когда мой кораблик стал растопыренными ногами на каменистое основание Луны.

Облизал пересохшие и растрескавшиеся губы и с невероятным усилием проглотил застрявший в горле плотный комок. Язык шевелился тяжело и неуклюже. Как совковая лопата, нагруженная густо замешанным цементным раствором.

- “Заря”, на связи “Флаг–один”, - хрипло выдохнул из самых глубин легких. - Говорит Море Спокойствия. “Лунник” сел.

Глава 8. Тревога и радость
(репортаж журналиста Мартына Луганцева из
Центра управления полетом)

Задолго до девяти часов вечера – времени начала посадочных операций – в большом зале Центра управления полетом яблоку негде было упасть. В ЦУП

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

съехались руководители космической отрасли, конструкторы, представители прессы. Я с трудом нашел свободное местечко в правой части гостевого балкона.

Во время посадки “Лунника” на связи с Олегом Макариным и Алексеем Леонтьевым был Владимир Шаталин. Это был очень разумный выбор руководителей полета – кто, как не дублер командира экипажа знает мельчайшие нюансы лунной экспедиции?

На центральном экране в зале управления развернута карта обеих полушарий Луны. Синей линией над ее поверхностью обозначена орбита космического корабля “Знамя”, красной – орбита лунного посадочного корабля “Лунник” – “Родина”. До двадцати одного часа по московскому времени кривые практически совпадали. После выдачи команды на посадку, красная линия стала круто выгибаться в сторону предполагаемого района посадки на Луне.

По крайней мере, пять известных мировых телевизионных компаний - две из них, кстати, американские - во время посадки “Лунника” вели прямую трансляцию из нашего Центра управления полетом. К сожалению, в который раз подкачало наше Центральное телевидение. Как объяснили нам, журналистам, его сотрудники, пока у Останкино нет возможности вести прямые длительные трансляции из нашего ЦУПа. Поэтому советские телевизионщики ограничились ежечасовыми короткими экстренными выпусками новостей, во время которых рассказывали о том, как проходит высадка советского космонавта на Луну и на несколько минут включали прямую трансляцию с борта космического корабля.

Спуск на Луну шел полностью в штатном режиме. Немного поволноваться всех заставило отделение ракетного блока Д от лунного посадочного корабля. Но и здесь все прошло по программе.

Самый волнующий момент наступил, когда “Лунник” – “Родина” находился на расстоянии полутора километров от поверхности Луны. По команде с Земли

Алексей Леонтьев перешел на режим ручного управления кораблем. С этого момента началась собственно посадочная операция. И вот тут случилось событие, которое доставило нам немало тревог.

Алексей Леонтьев на всех этапах высадки на Луну действовал четко и умело. И нужно честно признать: если бы не его оперативность и умелые пилотские навыки, посадка “Лунника” на Луну могла бы окончиться катастрофой - серьезной аварией лунного корабля и гибелью самого космонавта.

А дело оказалось вот в чем. Район будущей высадки был выбран загодя. Сначала фотосъемка с борта лунных автоматических орбитальных станций дала общую панораму Луны. Затем во время облетов Луны пилотируемые корабли “Север” и “Знамя” район посадки был выбран окончательно. Его тщательно обследовали с помощью самоходных аппаратов “Луноход-3” и “Луноход-5”. В этот район заранее был высажен и резервный лунный посадочный корабль “Лунник-3”.

Оба “Лунохода” и резервный “Лунник” образовали на поверхности Луны почти равносторонний треугольник, в центре которого находился район будущей высадки. По пеленгам с этих трех аппаратов корабль Алексея Леонтьева и должен был совершить посадку.

Ну, а дальше случилось то, что вряд ли мог кто-нибудь предвидеть. Произошел сбой бортовой вычислительной машины на “Луннике”. Из-за того, что пеленг с “Лунохода-5” был принят раньше пеленгов с “Лунохода-3” и “Лунника-3”, компьютер на корабле Леонтьева по невыясненной причине посчитал принятый сигнал как одновременное прохождение сигналов от всех трех космических аппаратов и выдал команду на ориентацию корабля в геометрический центр, расположенный между этими тремя точками. Но поскольку реально это все-таки был один сигнал, то бортовая ЭВМ вела “Лунник-5” не в район посадки, а прямо на “Луноход-5”. И хотя буквально минутой позже

компьютер принял настоящие сигналы от “Лунохода-3” и “Лунника-3”, менять принятое решение он не стал. Такая смена района посадки после калибровки по трем пеленгам была просто не предусмотрена программой полета. Поэтому вплоть до высоты сто метров “Лунник-5” – “Родина” послушно шел строго по радиолучу прямо на “Луноход-5”.

Катастрофа была неминуема. И она бы произошла, если бы Алексей Леонтьев вовремя не заметил “Луноход-5” на лунной поверхности и не сообразил, что наш “лунный трактор” находится слишком уж близко к месту посадки. В условиях острого дефицита времени Леонтьев сделал почти невозможное – он успел взять управление снижающимся кораблем на себя и увел “Лунник” в сторону.

На правом экране ЦУПа попеременно транслировались изображения, передаваемые с разных телекамер. Одна из камер была установлена на внешней поверхности “Лунника-5”, и мы могли видеть с Земли примерно такую же “картинку”, как и Алексей Леонтьев из иллюминатора своего корабля. Еще одна телекамера была установлена в кабине “Лунника” над головой космонавта. С этой позиции мы хорошо видели лицо Леонтьева за стеклом гермошлема и часть кабины корабля. К сожалению, в самый критический момент полета, примерно за три минуты до посадки, эта внутренняя камера неожиданно перестала выдавать изображение. Как нам оперативно разъяснили, неисправность произошла на борту самого “Лунника”. Это был очень неприятный момент для тележурналистов, освещающих высадку на Луну из ЦУПа, но на самой программе посадки он практически не сказался. Радио по-прежнему доносило до нас уверенный голос “Флага–один”.

Кроме изображения с летящего космического корабля, на экране Центра управления полетом периодически появлялись и “картинки” с поверхности Луны. Телеустройства обоих “Луноходов” были

направлены на тот район неба, в котором ожидалось появление корабля Леонтьева над районом посадки. И, наконец, с борта космического корабля “Знамя”, летевшего по окололунной орбите, Олег Макарин передавал очень четкую общую панораму Луны.

Примерно за минуту до момента касания посадочными опорами корабля лунной поверхности телекамера “Лунохода-5” захватила в поле своего зрения приближающийся “Лунник” Леонтьева. Волна ликования и радости прокатилась по залу. “Картинка”, переданная “Луноходом”, и вправду была необычной. Мы видели лунный корабль Леонтьева снизу, со стороны посадочных “ног”. Очень хорошо был виден яркий факел желтого пламени из посадочного двигателя “Лунника”.

Именно в этот момент у многих, кто следил за посадкой из большого зала Центра управления полетом, возникло ощущение, что корабль снижается прямо на “Луноход-5”. Даже нам, журналистам, сидящим “на галерке” зала, стало ясно, что посадка на Луну идет не так, как предполагалось. Слишком уж близко оказался лунный корабль от “Лунохода”.

Алексей Леонтьев сориентировался в ситуации намного раньше, чем операторы в наземном ЦУПе. На экране было хорошо видно, как на вершине лунного корабля, - там, где располагался отсек двигателей ориентации, - яркими блесками полыхнули язычки пламени. “Лунник” стал заваливаться вправо и постепенно уходить в том же направлении из поля обзора телекамеры. Операторы “Лунохода” попытались развернуть аппарат следом за уходящим в сторону “Лунником”, но лунный корабль оказался явно “шустрее” и на несколько секунд вышел из зоны видимости. И как раз в эти мгновения Леонтьев вдруг замолчал...

Молчание космонавта длилось всего пять или шесть секунд. Но вряд ли можно описать всю ту гамму чувств, которую успели пережить за эти мгновения те из присутствующих в зале, кто понял, что происходит что-то совершенно не предусмотренное программой полета!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Телекамера “Лунохода-5” поймала “Лунник” буквально за пару секунд до момента посадки. Мы видели, как двигатель корабля поднял большое облако лунной пыли. Пыль, однако, не поднялась высоко, а плотным облаком стала уходить от снижающегося корабля почти вдоль лунной поверхности. На нашем экране “Лунник” просто утонул в этом пылевом облаке. И мгновение спустя внутри этого облака полыхнула яркая желто-малиновая вспышка!

У многих в зале управления в эти тревожные секунды было ощущение, что произошла катастрофа. Тем более, что уже несколько секунд связи с космонавтом не было.

В зале управления повисла тяжелая тишина. Взгляды всех присутствующих были обращены на правый экран. Но там было видно только плотное пылевое облако, которое, кажется, и не собиралось рассеиваться. Операторы ЦУПа сориентировались достаточно быстро и попытались переключиться на телекамеру на внешней поверхности “Лунника-5”. Увы, мы увидели только какие-то нечеткие тени: пыль закрыла обзор и этому “телеглазу”.

И в этот момент динамики донесли до нас глуховатый, но совершенно спокойный голос Алексея Леонтьева:

- “Заря”, на связи “Флаг–один”. Говорит Море Спокойствия. “Лунник” сел.

Зал буквально взорвался радостными возгласами и аплодисментами. Все вскочили со своих мест. Пожимали друг другу руки, обнимались. Тревога и отчаяние сменились весельем и смехом. Впервые космический аппарат с ЧЕЛОВЕКОМ на борту совершил успешную посадку на Луну!

Впрочем, нужно было еще убедиться, что посадка прошла успешно. Поэтому, как только прошла волна всеобщего ликования, и космонавт, и дежурная смена ЦУПа приступили к оценке технического состояния прилунившегося аппарата.

Помимо анализа телеметрии, нужен был еще и внешний осмотр лунного корабля. Поэтому операторами была выдана команда на начало передвижения “Лунохода-5” к “Луннику”. Лунный “трактор” двинулся вперед с максимальной скоростью, на которую был способен, – два километра в час. Но поскольку “Лунник” сел примерно в ста метрах от того места, где стоял “Луноход”, то к лунному кораблю вездеход добрался только через несколько минут. По командам с Земли он трижды обогнул прилунившийся корабль. Телекамера передавала на Землю изображения “Лунника” и управленцы смогли убедиться, что корабль сел нормально и внешних повреждений не имеет. Анализ телеметрии с борта корабля подтвердил, что все бортовые системы “Лунника” работают нормально.

Удалось точно определить и точку посадки лунного корабля. Оказалось, что “Лунник” сел вне посадочного треугольника, образованного “Лунником-3” и обоими “Луноходами”. В критической ситуации Алексей Леонтьев взял управление кораблем на себя и совершил посадку. Но при этом корабль отклонился от границ посадочного треугольника на несколько десятков метров. Леонтьев успешно посадил корабль в совершенно незнакомом районе!

На проверку бортовых систем прилунившегося “Лунника” и скафандра “Кречет” у Алексея Леонтьева ушло примерно полтора часа. Проверки не выявили никаких замечаний. После экстренного заседания Государственной комиссии под председательством Сергея Павловича Королева ровно в двадцать три часа по московскому времени на борт корабля было передано разрешение на начало следующей операции – осуществление первого выхода космонавта на поверхность Луны.

В двадцать три часа пятнадцать минут в Центр управления полетом для участия в сеансе связи с космонавтом Алексеем Леонтьевым прибыли Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

партии Советского Союза Никита Сергеевич Хрущев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев, Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин и сопровождающие их лица.

...А потом был тот исторический момент, когда Алексей Леонтьев ступил на Луну. Над лунными просторами развернулось алое советское знамя. Человек стоял на поверхности Луны!

Глава 9. Расстыковка и старт к Земле

(Из неопубликованной книги журналиста Ярослава Головнева)

Переход Алексея Леонтьева из “Лунника” на борт “Знамени” занял чуть более получаса.

Наверное, в иной ситуации можно было справиться и быстрее. Но из-за того, что при стыковке “Лунник” был ориентирован не совсем точно, – сказывалось вытекание газа из негерметичного топливного отсека взлетной ступени, - при соединении кораблей не удалось достигнуть их полной соосности. Стыковочный штырь “Знамени” вошел в одну из крайних ячеек на стыковочной плите “Лунника”. Нет, конечно, это был не аварийный режим, но и не самый оптимальный и для орбитального маневрирования, и для перехода космонавта из одного корабля в другой.

Более того, “Лунник” при стыковке был примерно на сорок-пятьдесят градусов повернут вокруг своей продольной оси от требуемого программой полета положения. Поэтому после соединения кораблей выходные люки взлетной ступени и бытового отсека орбитального корабля оказались не на одной прямой, а сместились относительно друг друга. Во время выхода в космос Леонтьеву предстояло теперь двигаться по более сложному, “кривому” маршруту.

Макарин открыл люк разгерметизированного бытового отсека “Знамени” и по пояс высунулся наружу. В руках у него была портативная кинокамера. Он должен был снять на кинолентку переход Леонтьева через космическое пространство из корабля в корабль. Ну, и в случае, если бы возникла какая-то непредвиденная или опасная ситуация, прийти на помощь командиру корабля.

- “Заря”, я “Флаг–два”. К работе готов, - доложил Макарин.

- Принято, Олег, - сказал Андрей Николин. Сейчас он находился на непосредственной связи с экипажем ракетно-космического комплекса. – “Флаг–один”, разрешаю выход в космос и переход из корабля в корабль!

- Понял, “Заря”, - отозвался Алексей. – К работе готов. Давление в кабине нулевое. Открываю люк.

- Лексей, - смеется Макарин, - не забудь потушить свет и взять контейнер с образцами!

- Не беспокойся, Олежка, - добродушно рычит в ответ Леонтьев, - без лунного сувенира я тебя не оставлю!

Включается внешняя телекамера, расположенная около выходного люка на взлетной ступени. На большом экране в Центре управления полетом мы видим, как крышка выходного люка на “Луннике” словно проваливается внутрь кабины космического корабля. В образовавшемся отверстии через несколько секунд показывается огромный округлый гермошлем скафандра Леонтьева. Сквозь яркие блики на стекле иллюминатора гермошлема просматривается лицо космонавта.

- А погода за бортом хорошая, - шутит Алексей. – Солнечно!

- Но на горизонте клубятся Магеллановы Облака, - подхватывает шутку Макарин. – Как бы ливня не было! А я зонтик дома забыл!

Леонтьев закрепляет фал на кронштейне около люка и высовывается из кабины корабля уже по пояс.

Мешковатый контейнер с лунным грунтом закреплен слева на поясе его скафандра.

- Ребята, что-то я не совсем хорошо соображаю, в какую сторону мне идти, - жалуется Леонтьев. – Ну-ка, сориентируйте меня на местности!

Даже по голосу слышно, что Алексей устал. Более суток напряженной работы во время посадки и старта с Луны, прогулка по лунной поверхности... Леонтьев работает уже почти на пределе.

- Леша, ты сейчас находишься лицом к “Знамени”? – интересуется Макарин.

- Да, я хорошо вижу корабль.

- Тебе нужно принять примерно на пол метра левее от прямого направления, - поясняет Олег. – Двигайся в направлении на левое сопло двигателя ориентации “Знамени”. А потом можно будет уже по прямой.

- Понял, спасибо.

Леонтьев выбирается из люка полностью. Его тело сначала перекрывает обзор телекамеры, а потом постепенно перемещается за пределы видимости. К сожалению, телекамера не рассчитана на большие углы поворота, и поэтому мы теперь не сможем следить за перемещением Алексея по поверхности “Лунника”. В поле нашего зрения остается только люк взлетной кабины, который Леонтьев по-хозяйски закрыл после выхода из корабля в космос.

Изображение на большом экране ЦУПа переключается на телекамеру, которая установлена на бытовом отсеке “Знамени”. Отсюда видно часть стыковочного отсека и пристыкованную к орбитальному кораблю взлетную ступень.

- Я сейчас внимательно смотрю в сторону топливного отсека “Лунника”, - говорит Леонтьев. – Расстояние от меня до него около двух метров. Не вижу никаких следов повреждения на топливном баке. И вытекания топлива из бака тоже не вижу. Может, сходить и поближе посмотреть? Длины фала хватит.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Отставить самодеятельность, “Флаг–один”, - мгновенно реагирует Николин. В голосе его прорезаются командные нотки. Заметно, что наш главный оператор тоже подустал и нервы у него далеко не железные.

- Ну, это я в порядке предложения, - миролюбиво замечает Леонтьев. – В виде инициативы трудящихся масс...

- Не стоит туда идти, Алексей, - уже спокойно говорит Андрей Николин. – Истечения газа мы уже не фиксируем. Видимо, остатки топлива или полностью вышли из пробоины, или подмерзли. А сама пробоина, скорее всего, очень маленькая. Инженеры говорят, что не более одного-двух миллиметров. Тебе вряд ли удастся ее обнаружить даже вблизи. Поэтому действуй по программе, двигайся к “Знамени”.

- Хорошо, работаю по программе, - соглашается Алексей. – Перебираюсь на двигательный отсек “Лунника”. Держусь за сопло. Ребята, а на сопле хорошо видны следы сгорания топлива. Изнутри сопло теперь окрашено в коричнево-черный цвет. Сверху, около головки сопла, - вся поверхность черного цвета. А к срезу сопла цвет становится темно-коричневым.

- Двигателисты говорят, что такие цвета и должны получиться после завершения работы двигателя, - отвечает Николин. – Топливо сгорает не полностью и некоторые его микрочастицы оседают на внутренней части сопла.

- Может, стоит взять на анализ немного этой копоты? – интересуется Леонтьев. – Я могу провести по ней тыльной стороной перчатки.

Николин советуется с двигателялистами, а потом отвечает:

- Инженеры говорят, что не стоит, Леша. Процесс горения в камере сгорания хорошо изучен. Вряд ли образцы копоты дадут какие-то новые результаты. Не задерживайся, иди дальше.

- Понял, “Заря”. Пошел подальше, - снова шутит Леонтьев. – Перебираюсь через стыковочный механизм.

Вижу опорные “лапки” и часть “жала” стыковочного узла. Да, Олешка... Состыковался ты почти на пределе. Штырь вошел в ячейку, которая почти у самой кромки стыковочной плиты. Еще бы чуть-чуть – и клюнул бы “жалом” мимо стыковочного узла!

- Не клюнул бы, - весело откликается Макарин. – Тут, Лешка, имел место быть точный инженерный расчет! Ну, и сам знаешь, глаз у меня – алмаз. Годы долгих тренировок на стыковочном тренажере и во время разлива спиртных напитков не проходят бесследно...

- Так, я прошел стыковочный узел, - сообщает Леонтьев. Его по-прежнему еще не видно на экране в ЦУПе. – Остановочка...

Пауза длится несколько секунд. Потом “за кадром” снова звучит голос Алексея Леонтьева.

- Я сейчас закрепился на поручне бытового отсека “Знамени”, - говорит он. - Сейчас мне хочется сказать несколько теплых слов в адрес нашего кораблика и его конструкторов... Спасибо за прекрасный корабль, ребята! А тебе, “Лунник”, спасибо за работу!

Космонавт начинает двигаться дальше. На экране, в поле обзора телекамеры, установленной на бытовом отсеке “Знамени”, наконец, появляется облаченная в скафандр “Кречет” фигура Алексея Леонтьева. Он передвигается, удерживаясь руками за проложенные вдоль бытового отсека металлические поручни.

- Выхожу на финишную прямую, - говорит Леонтьев. – Ориентируюсь по макушке Олега, которая торчит из люка...

- Я уже успел вздремнуть, пока ты там разгуливал, - хохочет Макарин. – Поторапливайся, обед стынет!

- Не торопитесь, “Флаги”, - осаживает обоих Николин. – Работайте спокойнее!

Леонтьев уже полностью виден на экране ЦУПа. Фигура космонавта движется медленно и как-то неуклюже. По совету Николина, Алексей старается не торопиться. Сейчас он похож на белого медведя с шаром гермошлема на голове и большим ранцем за плечами.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- О, вот и командир! – теперь Леонтьева видит и Макарин. – Лешка, давай руку! Я тебя подхватчу!

Правая рука Леонтьева тянется куда-то за пределы видимости телекамеры. Секундой спустя скафандр космонавта полностью закрывает обзор. Изображение на большом экране ЦУПа гаснет.

- Все, я около люка “Знамени”, - звучит в эфире радостный голос Леонтьева. – Здравствуй, Олежка!

- Привет, лунный скиталец!

По большому залу ЦУПа прокатывается волна аплодисментов. Жаль, что мы не можем видеть сейчас первое рукопожатие и дружеские объятия двух космонавтов.

- “Заря”, мы уходим в корабль, - сообщает Макарин. – Заходи, Леша! Заходи, дорогой!

- Так, сначала загрузим контейнер, - слышится пыхтение Леонтьева. – Груз на борту! А теперь и я следом забираюсь... Все, прибыли!

- Ребята, закрываем входной люк! – напоминает Николин.

Два десятка минут уходит на закрытие люка и проверку герметичности. Затем открываются клапаны и бытовой отсек начинает наполняться воздухом. Когда давление достигает 560 миллиметров ртутного столба, Николин разрешает экипажу снять скафандры.

...Старт корабля к Земле состоялся в четверть одиннадцатого по московскому времени. На тридцать восьмом витке вокруг Луны, примерно за час до включения двигателя ракетного блока И, лунный орбитальный корабль по командам с Земли “потерял” бытовой отсек вместе с пристыкованным к нему “Лунником”. К этому времени Алексей Леонтьев и Олег Макарин успели умыться с помощью специальных влажных полотенец, пообедать и перенести в спускаемый аппарат “Знамени” все то, что предполагалось вернуть из космического путешествия на Землю. Конечно, в первую очередь был перенесен герметичный контейнер с образцами лунного грунта,

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

которые Леонтьев собрал на Луне. Затем космонавты надели скафандры “Сокол” и заняли свои рабочие места в креслах спускаемого аппарата.

Корабль зашел “за Луну”. Связь с Алексеем Леонтьевым и Олегом Макариным поддерживалась только через спутник – ретранслятор “Луна-30”. По команде с Земли в расчетное время состоялось включение разгонного ракетного блока И. Космический корабль “Знамя” нарастил скорость и сошел с орбиты спутника Земли. Теперь путь его лежал к родной планете.

Глава 10. “Чем бы дитя не тешилось...” (Советский лунный триумф и домыслы буржуазных “аналитиков”)

(Статья комментатора Ивана Берендеева, опубликованная в журнале “Коммунист”, номер 44 от 2 ноября 1968 года)

Успешная высадка на Луну советского космонавта Алексея Леонтьева просто шокировала американских обывателей. Вся промышленная, научная и техническая мощь Америки, о которой десятилетиями трубили буржуазные газеты, радио и телевидение, на деле оказалась всего лишь колосом на глиняных ногах.

Чтобы подсластить горькую пилюлю, полученную американским истеблишментом от советской науки и техники, некоторые местные средства массовой информации не брезгают публикациями откровенно фантастических опусов в жанре так называемой “альтернативной истории”. В них история препарируется таким образом, что американская космонавтика неизменно одерживает победу за победой, а советские исследователи космоса, напротив, постоянно проигрывают. Построение всех этих окололитературных опусов достаточно примитивно. Хотя в этом мутном потоке лжи есть и отдельные исключения.

В частности, обращают на себя внимание публикации некоего Чеслава С. Волянецкого, в которых

делаются куда более серьезные попытки описать исторические альтернативы, хотя и с откровенно антисоветским душком.

1

Как футуролог и прогнозист Чеслав С. Волянецкий впервые заявил о себе 3 марта 1961 года, опубликовав в журнале “Лайф” свой прогноз о том, что русские могут обогнать американцев в осуществлении пилотируемых орбитальных полетов и уже в апреле 1961 года запустить на околоземную орбиту космический корабль с человеком на борту. Волянецкий писал, что люди полетят на Луну уже в конце нынешнего десятилетия, а в начале 70-х годов на околоземной орбите появятся большие орбитальные станции. Увы, тогда большинство наших научных комментаторов скептически отнеслись к прогнозам Чеслава С. Волянецкого, посчитав их всего лишь беспочвенными фантазиями. Но не прошло и двух месяцев, как сама жизнь подтвердила прогнозы футуролога: 12 апреля 1961 года Юрий Гагаров совершил свой триумфальный орбитальный полет, а 25 мая президент Джон Кеннеди объявил высадку человека на Луну приоритетной задачей для Соединенных Штатов на текущее десятилетие.

Большой общественный резонанс получила и публикация Волянецким в апреле 1965 года (после полета корабля “Восход-2”, но еще до начала полетов кораблей “Север” и “Знамя”) футуристической статьи “Советский космонавт высадился на Луну 8 июля 1969 года”. Как видим, американский футуролог и фантаст ошибся почти на девять месяцев (любопытно, что в начале своего фантастического очерка Волянецкий походя создает еще одну историческую альтернативу, отдавая пальму первопроходцев Луны американским космонавтам). Однако Волянецкий совершенно невероятным образом все-таки смог предсказать некоторые будущие советские полеты в космос и даже верно спрогнозировал состав экипажей космических кораблей. Это тем более

удивительно, что прогноз сделан за 2-4 года до начала реальных экспедиций на орбиту, когда экипажи кораблей даже еще не были сформированы. Хотя автор в своей обычной творческой манере чуть-чуть меняет фамилии советских космонавтов в своих прогнозах, но совпадение просто очевидно!

Так, за полгода до реального космического полета Волянецкий предсказал состав экипажа корабля “Восход-4”. У него в космос летят Ирина Соловьева и Валентина Пономарева. Пономарева стала первой женщиной-космонавтом, которая совершила выход в космос из космического корабля. В реальности на “Восходе-4” летали Ирина Соловина и Валентина Пономаренко, Пономаренко выходила в космос.

За два года до реального полета Волянецкий предсказал программу полета и точные даты стартов космических кораблей “Союз-1” и “Союз-2”. У Волянецкого в космос летят Комаров, Быковский, Елесеев и Хрунов. В реальности это сделали Комарин, Гагаров, Елесеин и Хлунов. Ошибся американский фантаст только с фамилией командира “Союза-2”: в реальности им стал первый космонавт планеты Юрий Гагаров, а у Волянецкого – Валерий Быковский (видимо, прототипом этого персонажа стал наш космонавт Валерий Быков).

Стыковочную систему “Контакт” в космосе испытали экипажи космических кораблей “Союз-5” и “Союз-6” Филипченков, Гречин, Колодов и Волкин. У Волянецкого тоже испытание на корабле “Союз-6” выполняют космонавты Филипченко, Гречко и Колодин. Облет Луны совершают космонавты Поповец и Савостин, у Волянецкого это делают Попович и Севастьянов.

Ну, и самое главное совпадение. Высадку на Луну у Волянецкого выполняют Леонов и Макаров. В реальности это сделали Леонтьев и Макарьев.

Вместе с тем, в прогнозах Волянецкого есть и явные ошибки. Так, для полетов к Луне он использует космические корабли “Заря”. В реальности

пилотируемые облеты Луны совершили корабли “Север” и “Знамя”.

Что же касается тех совершенно фантастических геополитических прогнозов, которые явно ошибочно делает господин Волянецкий из факта высадки советского космонавта на лунную поверхность, то пусть они останутся на совести этого американского футуролога. Тем не менее, редакция сочла возможным опубликовать опус Волянецкого на страницах нашего журнала, чтобы советский читатель воочию увидел, на каком низком уровне делаются “прогнозы” зарубежными “советологами” и “аналитиками”.

2

“Советский космонавт высадился на Луну 8 июля 1969 года

“История не имеет сослагательного наклонения”.

Распространенное заблуждение

Наряду с запуском первого искусственного спутника Земли в октябре 1957 года и первым полетом человека в космос, блестяще выполненном Юрием Гагариным, высадка на лунную поверхность Нила Армстронга и Эдвина Олдрина 20 июля 1969 года стала одним из выдающихся достижений человечества в XX веке. Для многих советских людей экспедиция американцев на Луну была настоящим шоком: как же так, мы столько лет лидировали в космосе, а полет на Луну - “проморгали”? Не вдаваясь в анализ причин неудач СССР в высадке на лунную поверхность, рассмотрим вариант истории, когда Советский Союз все-таки смог обогнать Америку и первым высадил своего космонавта на Луну.

Советская лунная программа включала в себя два этапа: первый - облет Луны пилотируемым кораблем, второй - собственно высадка советского космонавта на лунную поверхность. Для реализации первого этапа должен был использоваться двухместный космический

корабль Л-1 (полетное название при беспилотном полете - “Зонд”, при пилотируемом - “Заря”). Корабль предполагалось вывести в космос с помощью ракеты “Протон”.

Но общая программа работ по подготовке новых кораблей к запуску по ряду причин затягивалась. Чтобы наверстать отставание в несколько лет от американской программы высадки человека на Луну в рамках проекта “Аполлон”, советским исследователям космоса пришлось некоторые технические задачи по лунной экспедиции отрабатывать в 1965 - 1966 годах на морально устаревших кораблях серии “Восход”.

В сентябре 1965 года экипаж Бориса Волинова и Георгия Катуса в течение трех суток проводил научные исследования на корабле “Восход-3”.

Февраль 1966 года был ознаменован новым космическим рекордом. На корабле “Восход-4” Ирина Соловьева и Валентина Пономарева совершили суточный полет. Это был первый старт в космос женского экипажа. Во время полета Валентина Пономарева первой из женщин-космонавтов совершила выход в космическое пространство.

В августе 1966 года Георгий Береговой и Владимир Шаталов провели на орбите 15 суток на корабле “Восход-5”. Это был первый советский космический полет, во время которого проводились военные эксперименты (фотографирование Земли, обнаружение стартующих баллистических ракет и т.д.).

В 1966 году, наконец, началась сборка нескольких кораблей типа Л-1 на заводе в Подмосковье.

В начале 1967 года межпланетный корабль был готов к старту. Перед стартом к Луне в пилотируемом варианте требовалось провести испытания корабля в автоматическом режиме как в околоземном пространстве, так и на лунной трассе. Для решения первой задачи были осуществлены два запуска корабля Л-1 под наименованием “Космос-146” и “Космос-154”. Вторая

часть испытаний была проведена в рамках программы “Зонд”.

Космический корабль Л-1 “Зонд” был создан на основе многофункционального корабля “Союз”, разработка которого началась еще в 1962 году. Отличие от “Союза” состояло в том, что вместо шарообразного орбитального отсека был пристыкован конический отсек научных приборов, а бортовые системы корабля были доработаны с таким расчетом, чтобы обеспечить пребывание двух космонавтов в течение недели в спускаемом аппарате объемом около четырех кубических метров. Ту часть лунной программы, которая не предусматривала полета к Луне, решено было выполнить на околоземной орбите в рамках реализации в 1967 - 1968 годах проекта “Союз”.

В апреле 1967 года в околоземном пространстве были состыкованы корабли “Союз-1” (командир Владимир Комаров) и “Союз-2” (командир Валерий Быковский, члены экипажа Алексей Елисеев и Евгений Хрунов). Елисеев и Хрунов в скафандрах перешли через открытый космос из “Союза-2” в “Союз-1” и возвратились на Землю вместе с Владимиром Комаровым.

В июне 1967 года “Союз-3” с Андрияном Николаевым и Василием Лазаревым на борту совершил рекордный по длительности 18-суточный полет. Основная цель полета - медико-биологические исследования влияния невесомости на организм человека.

Пятидесятую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции советские космонавты встретили новой победой в космосе. “Союз-4” (командир Юрий Гагарин) и “Союз-5” (командир Георгий Шонин, члены экипажа - Валерий Кубасов и Виктор Горбатко) неоднократно стыковались на околоземной орбите, фактически отыгрывая все эволюции кораблей при посадке экспедиции на Луну. Кубасов и Горбатко трижды в ходе полета выходили в открытый космос.

В январе 1968 года космонавты Анатолий Филипченко, Георгий Гречко и Петр Колодин на “Союзе-6” испытывают в космосе новую систему стыковки. Предполагается, что именно такой стыковочный агрегат будет установлен на лунном корабле.

В июне 1968 года в космос с интервалом в одни сутки уходят “Союз-7” (командир Владимир Шаталов, бортинженер Алексей Елисеев) и беспилотный корабль “Союз-8”. Оба корабля совершают полет вокруг Земли, но оснащены “лунной” стыковочной системой. В ходе полета Шаталов через космическое пространство переходит в “Союз-8” и в течение нескольких часов отрабатывает спуск в корабле на Луну. После новой стыковки с “Союзом-7” Шаталов вновь выходит в космос и возвращается к Елисееву.

Запущенный в беспилотном варианте 15 сентября 1968 года “Зонд-5” облетел Луну и впервые в истории космонавтики вернулся на Землю.

В конце октября 1968 года состоялся второй беспилотный полет корабля вокруг Луны. “Зонд-6” с собакой на борту успешно завершил полет на территории Советского Союза. Техника была полностью готова к пилотируемому облету Луны.

5 декабря 1968 года, в день Конституции СССР, ракетой-носителем “Протон” на трассу полета к Луне был выведен космический корабль “Заря-1” с космонавтами Павлом Поповичем и Виталием Севастьяновым на борту. 8 декабря советские космонавты первыми из землян облетели Луну, а 12 декабря спускаемый аппарат “Зари” успешно доставил их на Землю. Советские космонавты на десять дней обогнали американцев в лунной гонке. Только в конце декабря 1968 года “Аполлон-8”, пилотируемый Френком Борманом, Джеймсом Ловеллом и Уильямом Андерсом совершил полет к Луне.

Настало время для отработки большой ракеты-носителя для лунной экспедиции. В феврале 1969 года на околоземную орбиту отправился “Зонд-7” и габаритный макет лунного посадочного модуля. После

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

нескольких витков вокруг Земли, “Зонд-7” перешел на траекторию полета к Луне. На окологрунтовой орбите макет отстрелился от корабля, а сам “Зонд-7” вернулся на Землю.

Май 1969 года был ознаменован новой победой в космосе. Ракета Н-1 выводит на лунную трассу пилотируемый корабль “Заря-2”, на котором летят Валерий Быковский и Николай Рукавишников. На лунной орбите Быковский в скафандре через космическое пространство переходит в посадочный модуль. После расстыковки модуль выполняет автономный полет, затем снова сближается с “Зарей”, космонавт с помощью миниатюрного ракетного двигателя приближается к “Заре” и возвращается внутрь корабля. А посадочный модуль - уже в автоматическом режиме - совершает посадку на Луну. Через несколько часов модуль стартует в космос, снова приближается к “Заре” и стыкуется с ней. Выполнив программу полета, Быковский и Рукавишников возвращаются на Землю. Кстати, на обратном пути к Земле они встречают летящий к Луне американский “Аполлон-10” с космонавтами Стаффордом, Сернаном и Янгом. Американцы все еще не теряют надежды догнать СССР в лунной гонке...

В полдень 4 июля 1969 года Центральное телевидение СССР и Всесоюзное радио прерывают свои передачи. Сначала в телеэфире идет заставка “Интервидение” на фоне панорамы Кремля и звучат первые ноты мелодии “Широка страна моя родная”, а затем диктор Центрального телевидения Игорь Балашов зачитывает сообщение ТАСС: “В соответствии с программой освоения космического пространства 4 июля 1969 года в 10 часов 15 минут по московскому времени в Советском Союзе осуществлен запуск межпланетного космического корабля “Заря - 3”. Космический корабль пилотирует экипаж в составе командира корабля Героя Советского Союза, полковника Леонова Алексея Архиповича и бортинженера Макарова Олега Григорьевича.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Целью полета космического корабля является дальнейшее исследование Луны и окололунного пространства в мирных целях, отработка бортовых систем межпланетного космического корабля и ракеты - носителя.

В настоящее время космический корабль “Заря-3” вместе с последней ступенью ракеты-носителя совершает полет по околоземной орбите. Все бортовые системы межпланетного космического комплекса работают нормально. Самочувствие космонавтов товарищей Леонова и Макарова хорошее”.

После двух витков по околоземной орбите по команде из центра управления полетом включаются двигатели последней ступени ракеты-носителя. “Заря-3” летит к Луне. Во время телевизионного репортажа космонавты показывают миллионам телезрителей изображение удаляющейся Земли.

Запуск “Зари-3” в центре внимания всех мировых средств массовой информации. Хотя в сообщении ТАСС цель полета определена очень обтекаемо, всему миру совершенно ясно - Советы готовятся осуществить высадку человека на Луну: у Алексея Леонова уже есть опыт работы в открытом космосе и нынешнюю космическую экспедицию он возглавил явно неспроста. Масла в огонь многочисленных комментариев подливает и вечерний выпуск информационной программы “Время”. В репортаже с космодрома Байконур впервые показаны могучая ракета - носитель Н-1 и ее старт. Зрелище, мягко говоря, впечатляет...

7 июля “Заря-3” выходит на орбиту вокруг Луны. Леонов в скафандре через космос перебирается в лунный модуль и отстыковывается от корабля. Ранним утром 8 июля 1969 года лунный модуль совершает посадку на Луну в одном из хорошо изученных с окололунной орбиты районов Океана Бурь. Проверив свое снаряжение, Алексей Леонов открывает люк и по лестнице спускается на поверхность Луны. Он устанавливает на флагштоке красный флаг СССР и,

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

приложив ладонь в перчатке к боковой поверхности гермошлема, отдает честь флагу. В эфире звучит гимн Советского Союза и обращение первого человека, ступившего на поверхность Луны, к народам мира.

По заданию Юрия Гагарина и других советских космонавтов Алексей Леонов выкапывает на Луне неглубокую ямку и опускает в нее капсулу с частью праха Главного конструктора советских ракетно-космических систем Сергея Павловича Королева, умершего в январе 1966 года в результате неудачной хирургической операции.

После всех этих “протокольных” мероприятий космонавт приступает собственно к научным исследованиям. Прежде всего, проводится забор образцов лунного грунта. Вечером 8 июля модуль стартует с Луны и состыковывается с “Зарей”, где Алексея Леонова с нетерпением ждет Олег Макаров. После разделения посадочного модуля и орбитального корабля, “Заря” берет курс к Земле. 12 июля советские космонавты благополучно приземляются на территории Советского Союза.

Высадка советских космонавтов на Луну оказалась тем событием, которое привело к существенным изменениям в мире в 70-90-е годы XX века.

Во-первых, в ходе советской лунной экспедиции была отработана новая мощная ракета-носитель Н-1, способная выводить на околоземную орбиту груз почти до ста тонн. Как и американцы, которые из последней ступени своей лунной ракеты “Сатурн-5” сделали в 1973 году орбитальную станцию “Скайлэб”, аналогичные работы по постройке на орбите космической станции “Звезда” выполнил и Советский Союз. Только советская станция полетела в космос на два года раньше американской, в середине 1971 года. Советские станции и космические корабли были всегда оснащены научным оборудованием в гораздо меньшей степени, чем американские: из-за недостатка финансирования наука СССР не поспевала за конструкторами космической

техники, для которых выделение финансовых ресурсов на цели обороны никогда не было проблемой. Поэтому уже первая советская станция в космосе в большей степени решала военные, чем научные задачи. Разумеется, США скорректировали свой проект космической станции так, чтобы ответить на “советский военный вызов в космосе”. Обе соревнующиеся стороны подкрепили свои проекты солидными финансовыми ресурсами. В середине семидесятых годов на околоземную орбиту отправились советский военный комплекс “Алмаз” и воздушно-космический самолет “Спираль”. Америка ответила военным объектом “Милитари Спейслэб” и космолетом “Спейс Шаттл”. Гонка вооружений в космосе нарастала лавинообразно...

Во-вторых, по советско-американскому соглашению начала 60-х годов выведение ядерного оружия в космос было запрещено. Поэтому космические объекты СССР и США стали оснащаться абсолютно новыми видами неядерных вооружений: пучковым, лазерным, ударно-механическим. Гонка вооружений в космосе привела к росту опасений, что одна из сторон нанесет по другой внезапный ядерный удар. Чтобы не допустить этого, в космосе широко начинают размещаться спутники - разведчики различных типов. Поскольку отношения между СССР и США в ходе военного противостояния в космосе резко обострились, договор об ограничении систем противоракетного вооружения в 1972 году так и не был подписан. В короткие сроки обе стороны создают космические пояса противоракетной обороны. Для обеспечения быстрого реагирования в условиях возможного космического боя остро необходима компьютерная техника большой мощности, высокой автономности и малых габаритов. Поэтому аналоги современных персональных компьютеров появляются на несколько лет раньше. Сотни советских и американских космических кораблей и спутников становятся на боевое дежурство над планетой. Все это вызывает совершенно законное опасение у

третьих стран, стоящих на пороге реализации собственных космических программ. Военные исследования в космосе начинают вести Япония, Китай, Бразилия, Индия. В сентябре 1979 года Китай осуществляет успешный запуск на околоземную орбиту своего первого пилотируемого корабля. Полет имеет ярко выраженную военную направленность.

В-третьих, продолжается и так называемая “престижная” гонка сверхдержав в космосе. Теперь решается вопрос, кто первым создаст свой форпост на Луне, совершит пилотируемый облет Венеры и высадится на Марсе. Финансовые расходы на “престижный” космос достигают астрономических сумм - фактически идет гонка за авторитет и политический вес в мире.

Высадка советского космонавта Леонова на Луне в июле 1969 года была серьезным “щелчком по носу” по самолюбию Соединенных Штатов. Она означала, что американская программа полетов на Луну, которую президент США Джон Кеннеди еще в мае 1961 года назвал национальной задачей Америки и на которую было потрачено свыше 25 миллиардов долларов, провалилась. С одной стороны этот факт вынудил нового американского президента Ричарда Никсона пойти на гонку вооружений в космосе, а с другой - попытаться взять политический реванш на Земле. Самой горячей точкой противостояния двух мировых социальных систем в те годы был Индокитай. В США после завершения полета советских космонавтов на Луну нарастает антикоммунистическая истерия. Военная политика во Вьетнаме становится еще более жесткой. Массированные бомбардировки Вьетнама, Камбоджи и Лаоса приводят к серьезному политическому обострению отношений между США и Китаем. Миротворческий визит американского президента в Пекин в 1972 году так и не состоялся. Договоренности о нормализации отношений, фактически направленные против СССР, так и не были

достигнуты. Это приводит к весомым политическим переменам и в США, и в Китае.

В США начинается рост массового антивоенного движения, постепенно расшатывающего систему государственного управления страной. Президент Ричард Никсон проигрывает выборы в 1972 году и не избирается на второй срок. В Белом доме его сменяет президент - демократ Джордж Макговерн, известный своей непредсказуемостью и истеричностью. Поднимается волна социального протеста против дискриминации афроамериканцев, индейцев, выходцев из стран Латинской Америки. К концу 70-х страна приходит с серьезными и плохо поддающимися прогнозированию социальными конфликтами.

В Китае из-за резкого политического противостояния одновременно с СССР и США в свою очередь резко возрастает роль радикально-революционных групп в правящей Коммунистической партии. Экономические реформаторы, идущие “по капиталистическому пути”, - Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин и их сторонники на новом витке “культурной революции” репрессированы и окончательно отстранены от власти. После смерти Мао Цзэдуна в сентябре 1976 года власть в стране переходит к радикалам из так называемой “банды четырех” во главе с женой покойного председателя Мао Цзян Цин. Разумеется, никакие экономические реформы в КНР в 1978 году не начинаются. Напротив, социальные потрясения внутри страны продолжают перманентно, а во внешней политике Китай проводит резкую и авантюристическую линию. Это вынуждает СССР и США идти на дополнительные затраты на вооружение и разворачивать новые войсковые части на Дальнем Востоке и в Тихом океане. Тем не менее, война в Индокитае все-таки заканчивается сначала поражением США, а затем постепенным вытеснением СССР из региона. Во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже к власти приходят режимы, сориентированные на плотное сотрудничество с

Пекином. Одновременно радикально-маоистский Китай окончательно отрывает от советского блока Северную Корею и Албанию. В начале 80-х годов Румыния выходит из Варшавского договора и примыкает к евроазиатскому прокитайскому политическому союзу.

Военное противостояние СССР и США, Варшавского блока и НАТО по всему миру еще более усиливается. Практически нет региона, где политические интересы сверхдержав не привели бы к локальным военным конфликтам. Полыхает война в Анголе, Мозамбике, на Ближнем Востоке, в Никарагуа и в Сальвадоре. В середине 70-х к этому перечню добавляется еще и Афганистан. Экономике многих стран мира работают на силовое противостояние двух блоков почти на пределе. Социальные программы повсеместно постепенно сворачиваются, что вызывает рост возмущения населения во всех странах. Централизованная система планирования и управления в СССР и в социалистических странах начинает давать все более серьезные сбои и не справляется с управлением народным хозяйством. Растут цены и перечень дефицитных товаров, очереди за продуктами первой необходимости становятся многокилометровыми. В капиталистических странах в 1978-1979 годах начинаются мировой экономической и топливный кризисы.

Политические отношения в мире на рубеже 80-х годов обостряются до предела. Кажется, достаточно одной искры - и полыхнет пламя пожара Третьей мировой войны.

Но человечество в целом устало от глобального противостояния, от постоянного страха перед мировым конфликтом. Американцы переживают национальный шок от поствьетнамского синдрома и советских успехов в космосе. Советский народ потрясен обнищанием и социальными проблемами в условиях, когда вся экономика почти по режиму военного времени работает на милитаристские цели. Система государственного управления в обеих сверхдержавах постепенно начинает

утрачивать контроль над многими сторонами общественных отношений. В начале восьмидесятых годов к власти в США приходит тандем “республиканских ястребов” - Рональда Рейгана и Джорджа Буша. В ноябре 1982 года умирает Леонид Брежнев и власть в СССР переходит к Юрию Андропову и Михаилу Горбачеву. К январю 1984 года мир уже полностью “созрел” для глобального термоядерного конфликта. Осталось только нажать соответствующие кнопки на ядерных пультах в Кремле и в Белом доме. Вот тут-то и начинается перестройка...

После смерти Андропова социально - экономическое положение в СССР становится настолько серьезным, что пришедшему к власти Горбачеву приходится идти на постепенное уменьшение военных расходов. Начинаются попытки “ускорения” народного хозяйства, введения “государственной приемки”, создания “производственной демократии” - все это Михаил Горбачев именуется “перестройкой”. Централизованная система управления трещит по швам. Бунтуют региональные политические элиты, растут сепаратизм и стремление многих республик выйти из-под опеки Москвы. Слабеет и к 1989 году полностью разваливается Варшавский договор. Европейские социалистические страны возвращаются на капиталистический путь развития.

Но своя “перестройка” идет и на Западе. В 1988 году социальное недовольство в США из-за обострения экономической ситуации столь велико, что Джордж Буш проигрывает выборы на пост президента. Рейгана в Белом доме сменяет американский политический аналог Михаила Горбачева - демократ Майкл Дукакис. Америка резко сокращает свое присутствие за рубежом. США из-за социально-экономического кризиса, вызванного гонкой вооружений, теряют контроль над ситуацией в мире. НАТО распускается практически одновременно с Варшавским договором. Ликвидируются военные базы США в Латинской Америке и на Тихом океане.

В итоге мир действительно становится “многополюсным”. Сверхдержавами остаются полуразвалившиеся, съедаемые социально-экономическим кризисом Россия и США. На роль участника глобальных политических игр претендует и амбициозный, но полунищий Китай, имеющий ядерные и ракетные технологии. Государства Европы постепенно сбиваются в Европейский Союз, но без “натовских” военных функций. В обоих полушариях подгонка конфликтов под глобальное противостояние двух блоков сменилась ростом мелких локальных войн регионального значения. Оба “мировых жандарма” - СССР и США – низвержены, и теперь амбициозным политикам во многих странах мира нечего опасаться “возмездия” со стороны НАТО или Варшавского договора. Начинаются локальные и гражданские войны в Латинской Америке. Саддам Хусейн “преобразует” Ближний Восток, поглощая Кувейт, мелкие эмираты и насаждая своих сателлитов в сопредельных странах. Арабы и Израиль ведут бесконечную бессмысленную войну. Индия сцепилась с Пакистаном за спорные районы вдоль границы между двумя странами. Турция конфликтует с Грецией. В Югославии начинается освободительная партизанская война в Словении, Хорватии и Боснии против центрального правительства в Белграде.

Не следует забывать, что к началу “советско-американской перестройки” мир уже был перенасыщен оружием массового уничтожения всех видов. Из-за ослабления в гонке вооружений всех сверхдержав, контроль над военными технологиями в мире резко идет на убыль. Ядерным, биологическим, химическим и прочими разновидностями самых современных вооружений стремятся обзавестись политические авантюристы даже в самых малых странах. Последствия, разумеется, совершенно непредсказуемы...

К началу XXI века мир погрязает в локальных конфликтах. Из-за социально-экономических проблем

резко падает роль науки и культуры. Социальные бедствия охватывают всю Землю. Теперь уже во всеобщую ядерную войну может перерасти любой локальный конфликт в самом дальнем уголке земного шара.

Наш, современный мир, - это своего рода промежуточный вариант между системами двухполюсного глобального противостояния сверхдержав и описанным выше миром полного торжества “советско-американской перестройки”. Последний вариант развития событий вполне мог бы быть реализован, если бы ранним июльским утром 1969 года советский космонавт Алексей Леонов оставил бы отпечаток своего ботинка на пыльной лунной поверхности...

Может быть, это и к лучшему, что Советскому Союзу все-таки не удалось в 1969 году отправить пилотируемую экспедицию на Луну?

Чеслав С. Волянецкий”.

3

Еще одна публикация Чеслава С. Волянецкого, связанная с прогнозированием развития советской космонавтики на лунном направлении, появилась в ноябре 1966 года. Автор придал своему прогнозу форму фантастического рассказа с юмористическим окрасом. Прогноз Волянецкого сводится к тому, что СССР якобы готовится опередить США в деле освоения Луны с помощью высадки на лунную поверхность специально выдрессированной собаки, которая должна собрать образцы лунного грунта. Собранный грунт ддрессированный пес заносит в ракету, которая затем отправляется обратно на Землю.

Сама идея использования животных для освоения Луны любопытна, но... Советский Союз в настоящее время не осуществляет подобного рода космических программ. Да и какой смысл высаживать на Луну собаку? Собаке, как и человеку-космонавту, нужно питание,

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

скафандр и прочие приспособления для нормальной жизнедеятельности в полете. Конечно, питания собаке нужно меньше, чем человеку. Но зато скафандр у “космического пса”, видимо, будет намного сложнее человеческого – с учетом того, что собака самостоятельно не сможет его надеть. Поэтому советская наука считает, что посылать животных на Луну с “человеческим” заданием не рационально.

А вот в США по свидетельству историка Руди Пьюрификато, работающего на историей секретной американской базы Райт-Паттерсон, всего несколько лет назад существовали планы посылки на Луну животных – дрессированных шимпанзе. По мнению американских аналитиков, СССР якобы мог высадить человека на Луну уже в 1965 году. Чтобы утвердить первой свой флаг на лунной поверхности, Америка даже была готова поручить это задание специально выдрессированной обезьяне!

Чеслав Волянецкий, однако, явно ошибся со сроками в своем рассказе-“прогнозе”: у него дрессированная собака высаживается на Луну в начале июля 1969 года, а в нашей реальности советский человек, - Алексей Архипович Леонтьев, - прогулялся по лунной поверхности уже в октябре 1968 года!

Очевидно, что буржуазным политологам и писателям даже в их фантастических прогнозах не поспеть за реальными шагами советской науки и техники!

4

Третий вариант исторического развития представлен Чеславом С. Волянецким в виде информационного письма секретаря ЦК КПСС Михаила Андреевича Суслова в адрес Генерального секретаря ЦК партии Леонида Ильича Брежнева, написанного в некоем другом, параллельном мире. В этом письме сравниваются некие два мира, причем один из них именуется “нашим” - то есть тем, в котором якобы присутствовал в тот момент сам Волянецкий, - а другой соответственно “не нашим”, чужим. “Перечень

исторических дат в советской космонавтике “чужого” мира в тексте этого “письма” настолько соответствует датам в “нашем” мире, что даже начинаешь подумывать, не описал ли Волянецкий в этом своем опусе один и тот же мир.

Но при более подробном анализе текста “письма Сулова” несложно отыскать различия. В “чужом” мире космонавт Георгий Тимофеевич Береговой (видимо, аналог нашего известного космонавта Г.Т.Береговина) не смог состыковать космический корабль “Союз-3” с беспилотным кораблем “Союз-2”. А в “нашем” мире Береговой блестяще выполнил эту стыковку 26 октября 1968 года. В “нашей” реальности Г.Т.Береговой сразу же после завершения своего триумфального полета был назначен начальником Центра подготовки космонавтов СССР. Благодаря этому назначению Алексей Леонов и Олег Макаров (видимо, тоже аналоги наших героев космоса А.А.Леонтьева и О.Г.Макарина) 11 декабря 1968 года на “Союзе Л-1” первыми из людей облетели Луну, опередив американцев на несколько недель. Далее в прогнозе-письме Волянецкого в 1971 году “наши” космонавты выполнили три успешных длительных экспедиции на орбитальной станции “Салют-1”, продолжительностью 23, 30 и 35 суток”. В “чужом” мире в ходе космического полета корабля “Союз-11” к орбитальной станции “Салют-1” трагически погибают сразу три космонавта – Георгий Добровольский, Владислав Волков и Виктор Пацаев. В этом “чужом” мире на Луну первым высаживается экипаж американского космического корабля “Аполлон-11”: на Луну отправляются на лунном модуле “Орел” Нил Армстронг и Эдвин Олдрин, а Майкл Коллинз ожидает их на околотолунной орбите в основном блоке “Колумбия”.

5

Читая “прогнозы” Чеслава С. Волянецкого, задаешь себе вопрос: уж не является ли он неким “попаданцем” к нам из будущего или параллельной

вселенной, активно вмешивающимся в мировые дела? Но по прочтению его опусов эти сомнения развеиваются: Волянецкий пишет именно прогнозы, варианты возможного развития событий, а вовсе не дает президентам и генеральным секретарям советы космического масштаба и такого же масштаба глупости. Кроме того, “главная сцена”, на которой разворачивается действие книги – это СССР, остальной мир более статичен. США так вообще практически ничем не отличаются от нашего реального мира. Сам же Волянецкий находится даже не на краю “исторических подмостков”, а где-то вообще далеко за кулисами. Исторически его роль сводится к роли драной шавки из грязной подворотни, уныло лающей на идущий мимо караван советской космонавтики.

Глава 11. На обратном пути

(Из неопубликованной книги журналиста Ярослава Головнева)

Что должны чувствовать два человека, которые на трое с половиной суток заперты в герметичном фарообразном отсеке, имеющем высоту и диаметр у основания около двух метров?

Оба сидят в совершенно одинаковых полетных креслах “Казбек”. Оба одеты в совершенно одинаковые скафандры “Сокол–2МЛ”, снабженные ассенизационным устройством для приема мочи и кала. “Три с половиной дня в скафандре верхом на унитазах”, - шутят космонавты.

Если вдруг у вас почему-то зачесется, например, под мышкой, почесать это место не получится. Не будешь же и в самом деле снимать для этого скафандр или пытаться нырнуть рукой внутрь комбинезона через открытое стекло гермошлема?

В невесомости руки, ноги, туловище практически не затекают от недостатка движения – веса ведь нет! Но человек – очень неусидчивое существо. Несмотря на

невесомость, ему хочется потянуться, вытянуть руки и ноги, прогнуть спину. Встать и походить. Хочется двигаться.

Но подвигаться не получается. И не только потому, что ты сидишь “верхом на унитазе”, а еще и потому, что разгуляться просто негде. Фарообразный отсек – спускаемый аппарат космического корабля “Знамя”, - в котором сидят Леонтьев и Макарин, просто до отказа забит различной аппаратурой и приборами. Вот торчит ребристый бок парашютного контейнера. Здесь у нас герметичная емкость с образцами лунного грунта. Тут у нас бачок с водой и тубы с пищей. А это у нас пульт управления системами космического корабля, кожух бортовой цифровой вычислительной машины “С-530”, системы связи по всем каналам, системы телеметрии и радиационно-дозиметрического контроля, медицинская аппаратура и прочая, прочая, прочая...

Не разгуляешься...

Во время восемнадцатисуточной экспедиции на “Союзе-4” в прошлом году Василий Лазорин и Олег Макарин последние трое суток полета сидели в спускаемом аппарате своего корабля, одетые в такие же скафандры “Сокол”. Имитировали возвращение с Луны будущих космических экипажей, то есть.

“Знаешь, Алексей, - признался Макарин Леонтьеву после возвращения “Союза-4” на Землю, - у меня еще неделю после посадки сохранялось ощущение, что за спиной болтается кресло “Казбек”. Как будто я не человек, а огромная черепаха, у которой вместо панциря на спине – ложемент и ассенизационное устройство!”

Трое с половиной суток в скафандрах среди приборов и оборудования. Почти без движения. Все основные полетные эксперименты уже выполнены.

Ах, да! Еще остались медицинские исследования. Самое приятное, конечно, – это ежедневные заборы проб крови!

- Позвольте ваш пальчик, Алексей Архипович!

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Макарин, злодей, куда ж ты колешь?! Так твою и растак! Пиявка!

Столбик крови вползает в пробник.

- Так, теперь моя очередь колоты! Ну, держись, садист!

- Ой! Лешка там уже полведра набралось! Хорош жать!

- Еще капельку! Ух, готово!

- Вампир лунный! Палец совсем синим стал! И затек!

- А ты подвигай пальчиком, подвигай! Вот так, молодец!

Двое летят домой...

Сразу после ухода “Знамени” с окологлунной орбиты, они оба завалились спать. После полутора суток напряженной работы спать хотелось неимоверно. Глаза просто слипались.

По плану полета космонавты должны были отдыхать шесть часов. Когда по истечении этого времени главный дежурный оператор – на тот момент им оказался космонавт Жора Шонов – попытался разбудить спящий экипаж “Знамени”, раздраженный спросонья Леонтьев сочно, красочно и на весь космос послал лично “Зарю”, весь Центр управления полетом и в целом всю Землю в известном направлении, вырубил связь и снова завалился спать. Обеспокоенная таким непривычным для всегда выдержанного командира корабля поведением, Земля тайком и тихонечко включила закрытый секретный канал связи. В эфире среди воя и шороха помех хорошо прослушивался громкий храп мощностью в две носоглотки.

Прошло еще четыре часа. Леонтьев и Макарин проснулись. Умылись влажными полотенцами, совместили обед, который проспали, и ужин, быстренько провели телерепортаж для советских и зарубежных телезрителей и снова погрузились в сон.

В Центре управления полетом срочно собрались на совещание высокие руководящие и медицинские чины.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Спорили и ругались два часа и, в конце концов, решили предоставить экипажу возможность хорошо отдохнуть. То есть не напрягать Леонтьева и Макарина излишними обязанностями. То есть разрешить им жить эти трое суток до посадки на Землю по собственному графику.

Поэтому даже две коррекции траектории движения космического корабля ЦУП провел в автоматическом режиме, без участия сладко спящего экипажа.

Вот так они и летели все трое с половиной суток до самой Земли: спали, ели, поочередно “ходили в туалет”, брали пробы крови друг у друга...

Ну, и еще говорили, говорили, говорили...

Обо всем, что приходило на ум...

- Лешка, ну, у нас тут и теснотища! Даже в “Союзе”, кажется, и то просторнее!

- Конечно, просторнее... Контейнер с образцами лунного грунта в спускаемом аппарате на “Союзах” не возят. И туалет у них где? В бытовом отсеке. А у нас – вот они удобства, под носом. Мы с тобой, Олежка, как – будто в “горбатом” “Запорожце” едем. Там примерно такая же по объему кабина.

- А вот, кстати, я анекдот о “Запорожце” вспомнил. Двое собачников встретились и разговорились. Один и говорит другому:

- Что делать - не знаю! Моя псина постоянно бегают за машинами “Запорожец”.

- Ну, это же нормально, - отвечает другой. – Многие собаки бегают за машинами...

- Да, но мой дог приносит их в зубах и закапывает у тещи на огороде!

Посмеялись...

Глава 12. Лунное марево над Вашингтоном
(Статья корреспондента Алексея Огурцова,
опубликованная в газете “Красная Звезда” от 2 ноября
1968 года)

Новое грандиозное достижение Страны Советов в космосе буквально потрясло Соединенные Штаты Америки. Пожалуй, наиболее точно это состояние американских обывателей выразил писатель Том Вулф: “Боже мой, это гораздо хуже, чем спутник: каждую ночь над головой проплывает серебристая Луна, оккупированная русскими”.

После триумфальных полетов советских космонавтов к Луне на космических кораблях “Север” и “Знамя”, мало кто из американцев еще верил, что объявленная семь с половиной лет назад президентом Джоном Кеннеди амбициозная цель - высадить гражданина США на лунной поверхности, опередив СССР, - может быть достигнута. И все же у многих здесь, за океаном, надежда еще теплилась: вдруг действительно Америке “повезет” в космической гонке, и американский астронавт сможет первым пройти по “пыльным тропинкам” на нашей космической соседке...

Но в очередной раз у Америки “не получилось”. Ранее так же “не получилось” с ракетными стартами в стратосферу и в космос, с первым искусственным спутником Земли, с первым полетом человека в околоземное космическое пространство. Все эти годы СССР уверенным шагом шел по космической дороге, а США уныло плелись где-то далеко позади.

Кстати, всего через два с половиной года после объявления программы высадки американцев на Луну сам ее инициатор Джон Кеннеди фактически расписался в том, что Америка самостоятельно не сможет выполнить поставленную им в речи 25 мая 1961 года амбициозную задачу: достичь первой лунной поверхности. “Почему первый полет человека на Луну должен быть делом межгосударственной конкуренции? – витийствовал американский президент 20 сентября 1963 года во время выступления на Генеральной Ассамблее ООН. – Зачем нужно США и СССР готовить такие экспедиции, дублировать исследования, конструкторские усилия и расходы?”

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Кеннеди очень хотел прицепить хромящий вагончик американской космонавтики к набирающему скорость локомотиву советских космических исследований. 12 ноября 1963 года он поручил директору НАСА взять под личную ответственность разработку программы полетов к Луне и включить в нее предложения по совместной с СССР высадке на Луну. Но, увы, американскому президенту так и не суждено было дожждаться ответа из Москвы: спустя десять дней, 22 ноября 1963 года, Джон Ф. Кеннеди был убит террористом-одиночкой Ли Харви Освальдом.

Сегодня советская наука и техника одержали новую победу. Коммунизм еще раз доказал свое преимущество над капиталистическим мирком чистогана и “золотого тельца”. Советский космонавт Алексей Леонтьев прогулялся по Луне и сейчас вместе со своим коллегой Олегом Макариным летит обратно к Земле, а хваленые и разрекламированные американские “Аполлоны” и “Сатурны” все никак не могут толком освоить хотя бы околоземные орбиты.

Многие в Вашингтоне сейчас задаются вопросом: как такое могло случиться? Увы, большинство американцев еще не понимают, что главная причина советских успехов - в прогрессивной сущности нашего общественного строя. Значительная часть ученых и аналитиков на Западе ищут причину советских космических побед в ошибках и “случайных” неудачах американской космической программы. И почти во всех публикациях в прессе за таким вот “анализом” причин проигрыша США лунной гонки непременно следует вывод о необходимости усиления военной составляющей американской космической программы. Вот что пишет на этот счет один из руководителей Космического центра имени Маршалла доктор Чарльз Чейндвик на страницах влиятельной американской газеты “Вашингтон пост”:

“Космическая программа США изначально уступала усилиям СССР в деле освоения околоземного

космоса. Если русский космонавт Сергей Анокин смог отправиться в первый баллистический стратосферно-космический полет на ракетном аппарате “Победа” 5 мая 1952 года, то наш Дональд Слейтон ждал своего первого старта за пределы земной атмосферы еще более пяти лет - только 19 августа 1957 года ракета - носитель “Редстоун” смогла забросить на баллистическую кривую первую пилотируемую капсулу типа “Либерти”. Русские к этому времени уже запускали на своих ракетных аппаратах “Луч” сразу по два стратонавта, а мы вплоть до декабря 1960 года “героически” штурмовали стратосферу и космос на одноместных капсулах. Я нисколько не хочу умалять личное мужество господ М.С.Карпендера, А.Шепарда, Г.Купера, В.Гриссома, Дж.Гленна и У.Ширры, но признаюсь себе откровенно - наши ребята “ехали” по уже хорошо освоенной Советами трассе. “Сонной” администрации Дуайта Эйзенхауэра было совершеннейшим образом наплевать на рывок русских в космос. Москва всерьез взялась за то, что наши политики высокомерно именовали “цирковыми прыжками вверх красного кремлевского медведя”. В результате русские ушли в исследованиях космоса на несколько шагов вперед.

В начале 1961 года была робкая надежда, что мы все-таки сможем догнать и перегнать Россию, первыми совершив орбитальный полет космического корабля с космонавтом на борту. Увы, коммунисты не оставили шансов нам и на этом поле. 12 апреля Юрий Гагаров за 108 минут облетел земной шар на корабле “Восток”. В России был уже день, а у нас, в Америке, еще ночь, и когда журналисты подняли на ноги пресс-секретаря Белого Дома, чтобы он прокомментировал полет Гагарова, то единственное, что они услышали в ответ, было раздраженное бормотание разбуженного человека: “Если вы, придурки, хотите что-нибудь услышать от нас, то ответ будет такой: все еще спят”. Утром большинство американских газет вышло в свет под заголовками: “Пока

Соединенные Штаты спали, Юрий Гагаров покорила орбиту Земли”.

Только 5 мая Алан Шепард смог “подпрыгнуть” к звездам на “Меркурии”, фактически повторив полет пилотируемых ракетных капсул “Либерти”. Разумеется, наш прыжок во Вселенную никак не мог конкурировать с полетом Гагарова. Единственным нашим утешением было то, что “Меркурий” был на целых двести килограммов тяжелее стратосферной капсулы “Либерти”. Но рядом с “Востоком”, который весил четыре с половиной тонны, наш новый космический корабль казался всего лишь неуклюжим карликом.

25 мая президент Джон Фитцджеральд Кеннеди выступил со своей известной речью, в которой поставил задачу для всей нации - высадить американца на Луну до конца 60-х годов.

Великая цель! Великая мечта! Мы немедленно приступили к ее реализации. Уже 18 июня 1961 года два пилота американских военно-воздушных сил были помещены в специальный стальной контейнер, в котором была создана обстановка, имитирующая полет на Луну и обратно. Семнадцать дней пилоты капитан Уэстфолл и капитан Гэнг “путешествовали” к Луне, не двигаясь с места. За это время Уэстфолл изучил основы испанского языка по самоучителю, а Гэнг – прочел книгу о биржевых сделках. Пожалуй, это и были главные научные достижения этого “полета”.

Наши реальные дела в области космических исследований тоже шли далеко не лучшим образом: в июле после второго баллистического прыжка едва не утонул во время приводнения капсулы “Меркурий” Вирджил Гриссом. В сентябре из-за аварии на второй ступени ракеты-носителя “Атлас” чудом спасся с использованием аварийной системы катапультирования Дональд Слейтон, совершив не трехвитковый полет вокруг Земли, как предполагалось программой космического старта, а всего лишь третий “подскок” к по-прежнему недостижимым для Америки звездам.

Да, 20 февраля 1962 года - через десять месяцев после полета Гагарова и через полгода после суточного полета Титовского - Джон Гленн, наконец, стал первым американцем, который облетел Землю. Но... В течение 1962 - 1964 годов Советы совершили три групповых полета на своих “Востоках”. Наши же “Меркурии” летали по околоземной орбите в “гордом” одиночестве. Советские коммунисты Быков, Поповец, Николин, Лилев и Бондаренков “навертели” в полетах вокруг планеты десятки и сотни часов. А наши славные парни - Карпентер, Ширра и Купер - смогли продержаться в космосе только несколько витков. Даже суточный рейс к звездам Гордона Купера по продолжительности в три раза уступал полету первой женщины-космонавта Валентины Терехиной.

Нет, мы, конечно же, пытались судорожно хотя бы повторить достижения русских, а кое в чем и перегнуть Советы в космосе. В сентябре 1963 года Джерри Кобб стала первой американкой, взлетевшей в космос на борту очередного “Меркурия”. Трое суток продержался в феврале 1964 года на околоземной орбите Дональд Слейтон. Однако счастье вновь изменило нам. Запланированный на семь суток полет вокруг Земли Алана Шепарда на последнем корабле из серии “Меркурий” был прерван на вторые сутки из-за неполадок в системе терморегулирования космической капсулы. А в это время советский космонавт Георгий Лилев на “Востоке-8” с помощью специального гарпуна и тросовой системы уверенно и четко выполнил первую стыковку космического аппарата с последней ступенью ракеты-носителя.

В 1964 году русские перешли к полетам многоместных кораблей. Мы вновь пытались хотя бы не отстать: сначала Стаффорд и Слейтон, а затем Бассет и Си совершили баллистические полеты на “Джемини-1” и “Джемини-2”. В марте 1965 года Гриссом и Янг вывели, наконец, наш двухместный корабль “Джемини” на околоземную орбиту. Уайт вышел в космос из

“Джемини-4”, который пилотировал Макдивитт. Но к тому времени нынешний лунный триумфатор Алексей Леонтьев уже успел поплавать в космосе вне своего корабля “Восход-2”.

По количеству пилотируемых полетов в 1965 году мы все-таки обошли русских. Они запустили в космос четыре пилотируемых “Восхода”, а Америка - семь кораблей серии “Джемини”. Конрад и Купер целую неделю занимались космической фотосъемкой на “Джемини-5”. Две симпатичные американки – Рэй Харл Эллисон и Айрин Левертон – в течение трех суток покоряли сердца оставшихся на Земле мужчин с борта “Джемини-6”. Две недели пробыли в космосе Борман и Ловелл на седьмом корабле из той же серии. На последних часах их космического полета “Джемини-8” со Стаффордом и Сернаном составил компанию “долгожителям космоса”.

Аналогичная картина повторилась и в 1966 году. Русские снова отправили в космос три корабля серии “Восход”. Мы - восемь кораблей “Джемини”. Да, в том году Америка поверила, что, наконец, смогла обогнать красную заокеанскую империю. Хотя начало года было крайне неудачным для нас: Бассет и Си погибли в корабле “Джемини-9” при взлете ракеты-носителя “Титан”, когда сработало взрывное устройство, заложенное на второй ступени ракеты протестовавшим против войны во Вьетнаме террористом-одиночкой Хо Кхань Миемом. Но не прошло и двух месяцев со дня трагедии, как Армстронг и Скотт выполнили первую стыковку с ракетой “Аджена” своего “Джемини-10”. Их успех развили Стаффорд и Сернан (“Джемини-11”), Янг и Коллинз (“Джемини-12”), Конрад и Гордон (“Джемини-13”), Ловелл и Олдрин (“Джемини-14”). Блестящим нашим достижением в 1966 году стал полет пятнадцатого корабля этой серии в самый канун Рождества. Дон Эйзел и Уильям Поуг, состыковавшись с ракетным блоком “Сатурн-1” (SA-11), преодолели треть расстояния от Земли до Луны и первыми из людей за счет

дополнительного разгона их корабля ракетной ступенью смогли вернуться на Землю, войдя в атмосферу нашей планеты со второй космической скоростью.

Мы знали, что 1967 год станет для нас годом начала орбитальных полетов по программе “Аполлон”. Казалось, все уже было готово к первому рейсу вокруг Земли. Еще в 1966 году в автоматическом режиме совершили свои рейсы баллистический “Аполлон-1” и орбитальный “Аполлон-2”. Ракета-носитель “Сатурн-1В” была проверена и готова к первому орбитальному полету по программе лунной экспедиции. Но случилась трагедия... 21 февраля 1967 года, через пять минут после старта “Сатурна” со стартовой площадки номер 34 на мысе Кеннеди, в командном отсеке “Аполлона-3” произошло короткое замыкание и вспыхнул пожар. Единственное, что успели сделать Вирджил Гриссом, Эдвард Уайт и Роджер Чаффи - это включить систему аварийного отделения корабля от ракеты. Но это уже не могло их спасти... Через два часа выгоревший изнутри командный отсек корабля “Аполлон” был найден в водах Атлантического океана...

Очень знаменательно, что в тот же день, 21 февраля 1967 года, Советы успешно осуществили первый тестовый запуск их сверхмощной лунной ракеты “Ленин”.

Трагедия почти на год остановила наше продвижение к Луне. Только в ноябре 1967 года мы смогли отправить на орбиту модернизированный беспилотный “Аполлон-4”. Лишь в январе 1968 года Стаффорд, Швейкарт и Ирвин совершили испытательный баллистический полет на “Аполлоне-5”. Только в марте 1968 года Америка, наконец, смогла испытать свой лунный носитель - могучую ракету “Сатурн-5”, которая вывела на околоземную орбиту беспилотные основной блок и лунный модуль корабля “Аполлон-6”.

Казалось, наша космическая программа снова “запрыгнула на коня”. Но уже первый пилотируемый полет по программе “Аполлон” вылился на наши головы холодным душем. Из-за отказа двигательной установки

космического корабля мы едва смогли вернуть на Землю спускаемую капсулу с Ширрой, Эйзелом и Каннингемом на борту. Снова месяцы доработки бортовых систем корабля. В августе 1968 года Скотт, Матингли и Митчел поднимают во второй испытательный околоземный полет “Аполлон-8”. В ходе 15-суточной экспедиции удается провести стыковку с имитирующим лунный модуль кораблем “Джемини-16”, на котором находятся Купер и Карр. И, наконец, 6 октября 1968 года к Луне летит основной блок корабля “Аполлон-9” с Фрэнком Борманом, Джеймсом Ловеллом и Майклом Коллинзом на борту. Десять витков вокруг Луны, уникальная научная программа изучения лунной поверхности с орбиты, успешное возвращение на Землю. Всем этим мы могли бы гордиться, если бы не одно маленькое “но”. Русские космонавты Павел Поповец и Виталий Савостин обогнули Луну на корабле “Север-3” почти год назад, 7 ноября 1967 года. В августе 1968 года групповой полет вокруг Луны на космолете “Север-7” и ракетно-космическом комплексе “Знамя-4”-“Лунник-4” выполнили Павел Белянин, Юрий Глазьев, Евгений Хлунов и Виталий Жолобцев.

И вот теперь триумфальный полет Алексея Леонтьева и Олега Макарина. Первая высадка человека на Луну. Красный флаг, который неторопливо и величественно развернулся над лунной поверхностью. Срывающийся от плохо скрытого волнения голос Никиты Хрущева, приветствующего первого русского космонавта, ступившего на другое небесное тело...

А что же мы, Америка? Молодежь совершенно утратила вкус к науке и интерес к космическим исследованиям. В наше время, когда США все более и более погружаются в пучину войны в Юго-Восточной Азии, молодые люди находят себя в протестах и антикультуре. Они не хотят менять учебу в колледже на исполнение патриотического долга во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе. Они уходят от общества в нирвану

секса, наркотиков и рок-н-ролла. А вместе с ними уходит в эту темную бездну и будущее нашей страны.

Давайте посмотрим правде в глаза и констатируем совершенно уже очевидный для всего мира факт - лунную гонку с СССР мы проиграли.

Да, наш лунный модуль может доставить на поверхность Луны двух человек, в то время, как русская “Родина” способна высадить только одного космонавта. И я молю Бога, чтобы господам Армстронгу, Олдрину и Андерсу удалось совершить их лунную экспедицию на борту “Аполлона-12” с первой высадкой американцев на Луну, которая предварительно запланирована на январь будущего года. Но где гарантия, что к тому времени русские уже не устроят на Луне свою постоянную базу, например, на 6-10 человек? Как мы будем выглядеть перед лицом всего мира с нашим “достижением” на фоне несомненных русских успехов?

Давайте признаем, что мы не смогли достичь цели, поставленной перед нацией президентом Джоном Кеннеди 25 мая 1961 года. Мы не смогли обеспечить наш приоритет в космосе. Мы не смогли высадить американца на Луну первыми. Мы уступили русским право быть первопроходцами Вселенной.

И, наверное, нет смысла продолжать далее нашу программу подготовки экспедиций на Луну. Полагаю, что палата представителей Конгресса, Сенат США, наш президент должны высказать на этот счет свое мнение и принять мужественное, но вполне логичное в этой ситуации нашего отставания в космосе решение. Нам сегодня крайне нужны не далекая Луна, над которой уже развивается красный флаг, а оборонительные космические системы, удвоение расходов на пилотируемую военную станцию МОЛ, возрождение программы орбитального самолета “Дайна-Сор”, создание собственного форпоста на околоземной орбите на основе военного варианта базы “Скайлэб”.

Проиграв пропагандистскую войну Советам по достижению Луны и водружению над ее поверхностью

государственного флага, мы должны обеспечить свою обороноспособность в виду растущей угрозы со стороны мирового коммунизма”.

Такая вот статья... Ее автор, Чарльз Чейндвик, никогда не числился среди американских “ястребов”, а, напротив, всегда слыл человеком весьма умеренных взглядов, либералом. Поэтому можете себе представить, какой “ястребиный клекот” раздается сейчас, после триумфальной высадки на Луну Алексея Леонтьева, из милитаристских “гнездовиц” американского военно-промышленного комплекса. Тамошние обитатели именуют успешную высадку на Луну советского космонавта, которая была совершена 30-31 октября, не иначе, как “лунным коммунистическим хэллоуином”. Создается впечатление, что кое-кто из местной военщины и тузов военного лобби на Капитолийском холме просто обезумел от патологической ненависти к Советскому Союзу.

Коммунизм уверенно шагает по планете. Мы планомерно исследуем космическое пространство. Наша борьба за мир во всем мире признана и по достоинству оценена всеми народами.

Что же касается истерических воплей империалистов, бряцающих оружием на космической орбите, то они должны зарубить себе на носу: страна, которая, по меткому выражению Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева, “делает ракеты быстрее, чем готовят сосиски”, сможет дать отпор любому агрессору. Если заокеанской военщине нейдет, мы вполне способны качественно, глубоко и надежно закопать ее в самые короткие исторические сроки.

Глава 13. “Большое космическое ухо” в Индийском океане

(отрывки из неопубликованной книги журналиста Ярослава Головнева)

Штормит со вчерашнего вечера.

Мы проходим мимо мыса Доброй Надежды. Самого мыса, конечно, с борта теплохода не видно: все-таки до берега расстояние с полсотни километров. Дождь и время от времени взрывающиеся в свинцово-серое небо покатые водяные стены вообще ограничивают видимость пространством в сто-двести метров.

Со школьной скамьи я был почему-то убежден, что мыс Доброй Надежды является самой южной точкой Африки. А вчера, во время беседы в кают-компании со штурманом Мишей Басовым к своему удивлению узнал, что самая южная точка Африканского континента - Игольный мыс, расположенный примерно в полутора сотнях километров от мыса Доброй Надежды. Но почему же так известен именно мыс Доброй Надежды? Дело в том, что именно в этой точке береговая линия Африканского континента впервые круто поворачивает на восток и открывает проход из Атлантического океана в сторону Индийского.

- Жаль, что не удастся увидеть мыс, - огорченно вздыхаю я. – Когда еще доведется снова побывать в Африке...

- А что там смотреть, Слава? – с недоумением пожимает плечами штурман Басов. – Скала – как скала. Высокая, крутая...

Здесь, у юго-западной оконечности африканского континента, мореплавание всегда было непростым. Поэтому и самое первое название у мыса было иным – Мыс Бурь. Так его назвал сам Бартоломео Диас, первооткрыватель этих мест. Но, выслушав его доклад по возвращении экспедиции домой, тогдашний король Португалии Хуан внес свою коррективу в название и приказал впредь именовать открытый мыс Мысом Доброй Надежды. Король знал, на что нужно возлагать добрую надежду – отсюда, от южной оконечности Африки, должен был открыться прямой путь в Индию. Его величество не ошибся. Добрые надежды сбылись.

К полудню шторм делается жестоким. “Лаврентий Берия” невесомым перышком раскачивается на

встречном штормовом гребне. Волны грохочут о борта корабля. Палуба периодически проваливается вниз, потом чудовищным прыжком вскидывается вверх. Мне начинает казаться, что наше судно похоже на маленькую трепещущую рыбку, схваченную невидимыми и сильными руками могучего витязя-океана. Пространство неба и воды вскипает вокруг, ломая горизонт, швыряясь порывами ветра и острыми иглами мелких соленых капель. Натешившись вдоволь, Атлантический океан как маленькую эстафетную палочку передает наш корабль в невидимые руки своего брата Индийского океана.

А где-то за свинцовой пеленой дождевых туч, над нашими головами, заходя на Землю из космоса со стороны Антарктиды, несется по крутой посадочной траектории спускаемый аппарат корабля “Знамя-5” с Алексеем Леонтьевым и Олегом Макариным. И округлые пасти наших тарельчатых антенн ищут его, чтобы подтянуть к зениту, указать путь к далекой Родине и к месту посадки.

У нас подобралась отличная компания: теплоход “Лаврентий Берия” и два брата-океана.

- Существовало, - да и поныне существует, поверье, - говорит штурман Басов, - что в месте встречи течений двух океанов, теплого Индийского и холодного Атлантического, волны бывают особенно высоки и даже могут разломить длинное нагруженное судно на две части.

Я поневоле начинаю чутко прислушиваться к скрипам и стомам идущего сквозь штормовые волны корабля, но Басов, уловив мой настрой, ободряюще хлопает меня по плечу:

- Не ершись, Славик! “Лаврентий” - надежный корабль. Мы бывали и в не таких передрягах!

Иногда мне начинает казаться что волнение и зыбь затухают, но тут “Лаврентий Берия” с мастерством бывшего чекиста неожиданно находит какую-нибудь тайную зыбину особо выдающихся размеров. Он с силой вонзается в нее острым носом, вглядывается

очками-пенсне спасательных кругов и по-наркомовски прямолинейно, с матерком и экспрессией, грохотом и скрипами обшивки бросает в пространство воды, неба и дождя свои недовольные реплики.

Начиная с восьми часов вечера “по Москве” мы все начинаем периодически вскидывать взгляд в штормовой небесно-водяной коктейль на юге – отсюда сейчас должен идти на посадку корабль “Знамя”. Конечно, из-за несущихся над океаном плотных сизых туч шансы увидеть летящий в атмосфере спускаемый аппарат у нас безнадежно нулевые. И мы даже чуть-чуть завидуем тарелкам антенн, которые тревожно вздрагивают, устремляют свои округлые зевы в сторону Антарктиды и постепенно начинают запрокидываться к зениту – автоматика “Лаврентия Берия” обнаружила лунный корабль и надежно ведет его в сторону дома.

Пока основная рабочая смена связистов трудится на своих штатных постах наблюдения, я в кают-компани “терроризирую” своими вопросами начальника запасной смены Леонида Кирилловича Филатова. Филатову около пятидесяти, у него плотная, крепкая фигура, совершенно седые волосы, спокойная и неспешная речь.

- Леонид Кириллович, расскажите, как создавались подразделения Морского флота СССР, предназначенные для обеспечения космических исследований?

Филатов неторопливо раскуривает трубку, пускает в окружающее пространство дымное колечко и неторопливо начинает:

- В конце 1966 года нашим правительством было принято решение о разработке проектов плавучих измерительных пунктов для советской лунной программы. Тогда Советом Министров СССР была поставлена задача создать четыре телеметрических и один командно-измерительный пункт. Эти измерительные пункты были необходимы для управления полетом ракетно-космического комплекса “Знамя” – “Лунник” на участке его возвращения к Земле.

Вы ведь знаете, что часть траектории космического аппарата не видна с территории СССР?

- Знаю, - кивком подтверждаю я. - Какие именно работы в космосе выполняются по командам с наземных плавучих пунктов?

- Мы руководим предпосадочными и посадочными операциями космического корабля “Знамя”, - поясняет Филатов, попыхивая трубкой. - Например, по нашим командам производится коррекция траектории полета, которая обеспечивает вход спускаемого аппарата в заданный посадочный “коридор” под требуемым углом. Кроме того, наш КИП принимает телеметрическую информацию с борта корабля “Знамя” и производит измерения параметров траектории его полета.

- Леонид Кириллович, каким образом в океане размещаются плавучие измерительные пункты? – спрашиваю я. - Есть ли у них специальные районы базирования?

- Обычно наши телеметрические плавучие пункты размещаются вдоль трассы спуска космического корабля, - Филатов ведет рукой по висящей на стене карте, на которой красной линией обозначена предполагаемая посадочная траектория “Знамени”. – От самой точки входа спускаемого аппарата в атмосферу над Южным полюсом и до конца зоны видимости летящего в атмосфере корабля из акватории Индийского океана. Посадка космического корабля “Знамя” запланирована на территории СССР. Для этого выбран один из районов в Северном Казахстане.

- Ну, а что будет, если во время посадки случится что-то непредвиденное и космический корабль отклонится от траектории управляемого спуска?

- Мы готовы и к такому варианту, - говорит Леонид Кириллович. - Если возникнут нештатные или даже аварийные ситуации, то вполне возможен спуск космического корабля по баллистической траектории. Тогда его посадка произойдет в акватории Индийского океана. В этом случае все наши телеметрические суда

будут участвовать совместно с судами Поисково-спасательной службы Военно-Морского Флота СССР в поиске приводнившегося космического корабля и эвакуации его экипажа.

- Леонид Кириллович, скажите, сколько морских кораблей сегодня обеспечивает выполнение нашей космической программы?

- У нас сейчас числится девять судов, - Филатов начинает загибать пальцы. - Четыре судна арендованы нами у Министерства морского флота СССР. Это танкер “Аксай” и три сухогруза – “Долинск”, “Ильичевск” и “Краснодар”. Они переоборудованы в научно-исследовательские судна.

Филатов тщательно выбивает трубку в большую стеклянную пепельницу на рабочем столе и только после этого продолжает:

- Кроме того, в начале прошлого года в командно-измерительный пункт был переоборудован сухогруз “Геничesk” – корабль, на котором мы с вами сейчас находимся. После переоборудования этому КИП было присвоено имя “Лаврентий Берия”. Чуть позже в телеметрические измерительные пункты типа “Селена” были модернизированы корабли – лесовозы “Боровичи”, “Кегостров”, “Моржовец” и “Невель”. За этими кораблями сохранены их прежние названия...

Динамик под потолком кают-компания рявкает сигналом тревоги и после секундной паузы сообщает:

- Внимание! Запасной смене немедленно прибыть к рабочим местам! Повторяю...

- Извините, но у нас, кажется, неприятности, - Филатов сует трубку в карман пиджака, поднимается со стула и едва ли не бегом выходит из комнаты.

...Филатов не ошибся: неприятности действительно начались. Измерительная аппаратура корабля “Лаврентий Берия” зафиксировала в земной атмосфере сразу два объекта, идущих от Антарктиды в направлении Индийского океана. Один точно шел в посадочном коридоре корабля “Знамя”, а вот другой...

Другой входил в атмосферу Земли под углом, который однозначно обеспечивал чудовищные перегрузки на его борту, перегрев конструкции и в конечном итоге гибель где-то в небе над Индостаном. Объекты были совершенно одинаковы по всем своим характеристикам. Ни электронно-вычислительные машины, ни операторы-люди не могли с уверенностью сказать, какой из двух объектов в действительности является спускаемым аппаратом корабля “Знамя”.

Сначала это “удвоение” посчитали сбоем аппаратуры на корабле “Лаврентий Берия”, но минуту спустя все остальные восемь морских КИПов тоже зафиксировали два летящих в атмосфере объекта...

Глава 14. Возвращение на Землю (Из дневников генерал-лейтенанта Николая Петровича Маканина)

3 ноября 1968 года.

Разделение отсеков корабля “Знамя” прошло без замечаний. Баллистики доложили, что корабль вписался в посадочный коридор практически идеально и идет на управляемый спуск. Это радовало – значит, садиться Леонтьев и Макарин будут на нашей, советской территории, где-то в Северном Казахстане.

Но потом началась настоящая чертовщина...

Сначала наши пункты слежения в Индийском и Тихом океанах доложили, что наблюдают – в том числе, и визуально, - сразу два спускающихся объекта. Матросы с наших кораблей утверждают, что видели в небе сразу два огненных шарика, которые метеоритами неслись со стороны Антарктиды куда-то в северном направлении.

Один из объектов идет строго в посадочном коридоре, а второй – по очень крутой траектории баллистического спуска. Эта баллистическая траектория настолько крутая, что у спускающегося объекта нет никаких шансов дойти до поверхности Земли без

повреждений – расчетчики дают просто убойные значения перегрузок и температурного нагрева.

Первое, что пришло нам в голову – это то, что объект на баллистической траектории является отделившимся от спускаемого аппарата приборно-агрегатным отсеком “Знамени”. Но руководители баллистической службы тут же опровергли нашу гипотезу. Приборно-агрегатный отсек уже вошел в земную атмосферу и его обгоревшие останки упали в океан чуть севернее побережья Антарктиды.

К нашему ужасу баллистики сообщили, что оба объекта – и тот, который идет по “правильной” траектории на управляемый спуск, и тот, что камнем падает в атмосфере, – абсолютно идентичны по своим массовым характеристикам. Никто не брался сказать, который из двух объектов является спускаемым аппаратом космического корабля “Знамя”. А это значило, что мы не можем достоверно сказать, как проходит спуск Леонтьева и Макарина – штатно или аварийно.

Вскоре посты наблюдения в Индийском океане сообщили, что тело, которое шло по крутой баллистической траектории, исчезло. Если на баллистический спуск шел спускаемый аппарат “Знамени”, то это сообщение могло означать только одно: корабль разрушился под воздействием силовых и температурных нагрузок, а Леонтьев и Макарин погибли.

Второе тело уверенно шло по траектории управляемого спуска, точно отрабатывая все необходимые эволюции. Установить связь с ним мы не могли, поскольку объект шел внутри плазменного облака, которое не пропускает радиоволны.

Мне трудно передать словами эмоциональное напряжение, которое охватило в тот момент всех, кто находился в Центре управления полетом и на наблюдательных пунктах. Все понимали, что с вероятностью пятьдесят процентов мы потеряли космический экипаж...

Глава 15. “Я их вижу!

(Из записи переговоров поисково-спасательной службы, сделанной журналистом Мартыном Луганцевым)

3 ноября 1968 года.

- Первый, говорит борт сто шестнадцать. Вижу объект!

- Я – Первый! Всем – режим звукового молчания! Сто шестнадцатый, повторите!

- Первый, я – сто шестнадцатый. Повторяю: вижу объект. Вышел из-за облаков, идет в северном направлении.

- Сто шестнадцатый, в каком состоянии парашют объекта? Повторяю...

- Первый, на связи сто шестнадцатый. Раскрытие парашюта штатное, наполнение хорошее. На заданных частотах связи с объектом нет. Повторяю: связи с объектом нет.

- Первый, здесь борт двести пятьдесят четыре. На высоте около трех километров вижу объект. Подтверждаю информацию сто шестнадцатого: связи нет.

- Понял, двести пятьдесят четвертый. Продолжайте попытки установить связь.

- Первый, я – борт двести десять. Наблюдаю объект. По нашим прикидкам, он идет к посадочной метке 17-46. Первый, как поняли? Объект идет к посадочному району 17-46.

- Я – Первый, принято, борт двести десять. Внимание всем службам, объект идет на посадку в район 17-46. Связи с объектом нет.

...

- Я двести пятьдесят четвертый, наблюдаю срабатывание двигателей мягкой посадки объекта. Большое облако пыли! Ничего не видно! Купол парашюта опускается на землю.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Первый, двести десятый на связи! Есть посадка! Вижу объект! Лежит на боку, состояние устойчивое. Связи с объектом нет. Буду садиться рядом с объектом.

Глава 16. Разговорчики не в строю

(Из записей журналиста Мартына Луганцева во время беседы с космонавтами Алексеем Леонтьевым и Олегом Макариным после посадки и карантина)

- А вот еще у меня был случай... Олечка, ты же знаешь, что есть много ученых, которые занимаются своей научной работой, а нас, космонавтов, берут в качестве исследовательского материала. Кто-то проводит опыты на мышах, кто-то на собачках, а кое-кто – на космонавтах. Космонавт в роли подопытного кролика... Круто, а? И часто получается, что привлечение космонавта в качестве подопытного материала становится для таких вот ученых даже важнее, чем получаемый научный результат... Был в Институте медико-биологических проблем такой врач - Майоров Анатолий Евгеньевич. И писал он докторскую диссертацию “Признаки нетренированности сердечно-сосудистой системы при больших физических нагрузках”. И вот эти самые признаки товарищ Майоров вроде бы обнаружил у многих наших ребят из отряда - у меня, у Витальки Жолобцева, у Бори Волынина. Ну, а раз есть “признаки нетренированности”, то как же можно пускать Лешку Леонтьева в космический полет? И написал товарищ Майоров длинную телегу в адрес коллег-медиков из Центра подготовки космонавтов: так, мол, и так, прошу снять космонавта Леонтьева с подготовки к космическому полету, поскольку есть все признаки нетренированности его сердечно-сосудистой системы. Слава Богу, медики из нашего ЦПК на веру ничего не принимают. Вот и заслали они меня на внеочередное медицинское обследование. Которое, понятное дело, проводилось по классическим методикам,

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

а не по экспериментальным, которые придумал товарищ Майоров для своей диссертации. И показало исследование, что я полностью здоров. Как бык, то есть. Поэтому с подготовки к космическому полету меня не сняли, и я спокойненько слетал с Пашкой Беляниным на “Восходе-втором”. А после полета встречаю товарища Майорова. Так и так, говорю, сожалею, значит, что не удалось вам, Анатолий Евгеньевич, использовать меня, как доказательство вашей научной теории. “Почему же не удалось? – ухмыляется Майоров. – Удалось, да еще с блеском! Только моя научная работа теперь называется иначе: “Признаки тренированности сердечно-сосудистой системы при больших физических нагрузках”.

- Вот какой случай был у меня перед полетом на “Союзе-4”... Мы с Васей Лазориным и наши дублеры прилетели на Байконур поздно вечером. Из аэропорта нас сразу отвезли в гостиницу “Космонавт”. Мы устали за время перелета, поужинали и сразу легли спать. Ночью просыпаемся от грохота и стука в коридоре. Выглядываю из нашего номера. А в коридоре полным ходом идут строительно-монтажные работы: рабочие обшивают стены декоративными деревянными панелями.

Ребята, - говорю, - а нельзя до утра подождать?

- Извини, друг, нельзя, - отвечает один из рабочих. - Завтра в гостиницу заселяются космонавты и к их приезду все должно быть уже готово!

- Хочешь, я расскажу, как на самом деле выходил в открытый космос? Тогда на “Восходе-2”... То, что писалось в нашей прессе – это все чепуха. И даже потом, уже после полета, на Земле, когда встречался с конструкторами и учеными, я не сказал всего... И дело не только в секретности... Те мои переживания – это все-таки слишком личное ощущение, чтобы доверять их

людям, которые не были в космосе. Олег, они этого просто не поймут...

Нас очень хорошо дрессировали перед полетом. Именно дрессировали... Выход из корабля в космос мы с Женькой Хлуновым отрабатывали до полного автоматизма. В барокамерах, во время полета на самолете в условиях кратковременной невесомости... Самолет делает “горку”, на десяток – другой секунд наступает состояние невесомости и ты должен успеть за это время совершить определенные программой будущего выхода в космос действия. Войти в шлюзовую камеру, высунуть нос из люка корабля... Жаль, что нельзя поставить барокамеры на самолет, чтобы одновременно получить воздействие и невесомости, и вакуума...

Поэтому в реальности, в реальном полете на “Восходе” все оказалось совершенно иначе. Не так, как нас учили.

Можешь себе представить, что это значит, открыть люк и выглянуть в бездну? В настоящую бездну. У которой действительно нет дна...

А теперь представь, что ты вылез в эту бездну и тебя связывает с кораблем только змеящееся тело фала...

Многие думали, что там, на пороге космоса, я могу просто свихнуться... Или струсить... Но я не свихнулся и не струсил. Перед выходом я просто запретил себе думать о бездне. Есть я, корабль, Земля и больше ничего нет. И это все. Психологический барьер оказалось преодолеть очень просто.

А вот с техникой наладить хорошие “отношения” оказалось намного труднее. Не поверишь, Олег, но главным моим врагом в том выходе стал мой скафандр.

Да, на Земле мы моделировали перепады давления в барокамере. Но когда я пролез сквозь люк шлюзовой камеры и вышел в открытый космос, все получилось совсем по-другому. Давление в моем скафандре было около пятисот миллиметров ртутного

столба. Ну, а снаружи – практически ноль. Такие условия, такой перепад давления в барокамере на Земле смоделировать было невозможно.

В условиях космического вакуума мой скафандр начал раздуваться под действием внутреннего давления. Да, на скафандре были и ребра жесткости, и скроен был он из плотной ткани. Но перепад давления оказался настолько большим, что его не выдержали ни ребра жесткости, ни плотная ткань. Конструкторы, конечно, предполагали, что в вакууме скафандр раздуется, но никто и не думал, что он раздуется так сильно.

Еще находясь внутри шлюза, перед выходом, я постарался затянуть до предела все ремни на моем скафандре. Но это не помогло - в вакууме моя защитная оболочка так раздулась, что руки можно было свободно вытащить из перчаток...

Двенадцать минут я плавал вокруг корабля, удалялся и приближался к люку, а вот когда с Земли пришла команда возвращаться в корабль, начались проблемы...

В таком раздутом скафандре я никак не мог втиснуться в люк шлюза. Ситуация была критической. И с Землей не посоветуешься, что делать. Пока я доложил бы, что у меня случилось, пока они стали бы думать, что следует сделать, пока бы приняли решение... У меня не было никакой гарантии, что скафандр попросту не лопнет. Кажется, только Пашка Белянин понял, что со мной происходит. Но чем он мог мне помочь? Он – в корабле, а я – в космосе, за шлюзом...

Я совершенно четко осознал, что сейчас моя жизнь зависит только от моих действий. Смогу войти в шлюз – буду жить. А если не смогу, то... Сам понимаешь...

Я плюнул на все инструкции и на все, чему меня учили. Я плюнул на все советы и сомнения Земли. Просто взял и переключился на другой режим работы скафандра. Просто взял и снизил давление до трети от атмосферного.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Просто... Все просто... Вот только если бы к этому времени у меня не вымылся азот из крови, то азот бы просто закипел. Ну, и все... Я бы умер... Прямо там, в космосе.

У меня для принятия решения было всего несколько минут. Этого мне хватило, чтобы прикинуть: я уже почти час нахожусь в атмосфере из чистого кислорода. Поэтому кипения азота, вроде бы, быть не должно. Его и не было.

Только после этого скафандр чуть-чуть сдулся и я смог протиснуться в шлюз. Полез головой вперед, а нужно было лезть ногами. Закрывл внешний люк шлюза и начал разворачиваться – в корабль входить все равно нужно ногами. Внутри “Восхода” уже не развернешься... Ведь крышка люка корабля открывалась внутрь и съедала почти треть внутреннего объема корабля.

Как я развернулся в этом узком цилиндрике шлюза, до сих пор не пойму. Пот заливает глаза, пульс под 190 ударов в минуту... Но я все таки развернулся и ногами вперед вошел в корабль. Руки трясутся, в глазах туман... Я снова плюнул на инструкции. Не проверил герметичность и не закрыл за собой внутренний люк в корабль. А взял и просто открыл гермошлем скафандра. Хочу вытереть перчаткой глаза, но вытереть не удастся: такое ощущение, что мне на голову льют воду...

- После посадки “Союза-4” нас с Василием Лазориним посадили в самолет и повезли в Москву. Все волновались: как мы перенесем возвращение к условиям земной гравитации. Ведь наш полет длился рекордное время - восемнадцать суток... И вот, представь себе, Алексей, состояние всего нашего руководства, когда с борта летящего в Москву самолета они получают сообщение с просьбой немедленно подать в аэропорт машину “Скорой помощи”... А тут еще сработала наша известная система “испорченного телефона”. “Космонавтам стало плохо”... “Космонавты потеряли

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

сознание”... “Космонавты при смерти”... И какой-то доброжелатель звонит в ЦК КПСС. Так, мол, и так, ситуацию скрывают от руководства партии... Грандиозный переполох! В аэропорт по команде сверху срочно рванули едва ли не все наши медицинские светила. Самолет приземляется, мы с Лазориным выходим самостоятельно, хотя и чуть покачиваясь.

- А где же пациент? – собравшиеся в аэропорту медики задают нам вопрос едва ли не хором.

- В пассажирском салоне, - Вася Лазорин кивает в сторону самолета. – Один из инженеров вчера перепил, а сегодня во время полета ему стало плохо...

- А вот у меня был смешной случай во время курса общекосмической подготовки... Нас, первый отряд космонавтов, тогда медики прогоняли через сурдокамеру. Сажали каждого на пятнадцать суток и изучали, как на нас скажутся полная тишина и одиночество. Ну, и вот отсидел я свои пятнадцать суток, прошел двухдневную реабилитацию и медицинское обследование и решил прогуляться по Москве. Усы и бородку, которые выросли во время отсидки в сурдокамере, я сбривать не стал. Сел в метро и поехал. А напротив меня сидит бабулька с авоськами и очень подозрительно меня рассматривает. Вид у меня, конечно, с моей легкой небритостью был колоритный, это надо признать... И тут на станции “Маяковская” в вагон заходит Жорка Шонов. Увидел меня, обрадовался, заулыбался:

- Привет, Блондин, - говорит. – Ну, что отсидел свои пятнадцать суток?

Бабка с авоськами при этих Жоркиных словах нервно дернулась. И авоськи к себе подтянула.

- Отсидел, Жорик, - отвечаю я Шонову. – А ты как?

- Да вот еду завтра садиться, - говорит Жорка, снимает кепку и проводит рукой по гладко выбритой голове. - Решил вот перед отсидкой постричься...

И тут бабка как заорет на весь вагон:

**Хулиганье проклятое! Проходу от вас нету!
Милиция!**

- Лешка, а знаешь с чего началось мое увлечение космосом? С астрономии... А тяга к звездам появилась после одного смешного случая. Я учился тогда в четвертом, кажется, классе. Прошел всего год, как наш город освободили от немцев. Помню курс природоведения читал у нас очень старый учитель, лет семьдесят ему было, не меньше. Полный, лысый, с большими висящими усами. Кличку мы ему за эти усы дали, естественно, Морж. Ну, а вообще его звали Леонид Тимофеевич. И вот задал он нам выучить урок о смене времен года. А я этот урок не выучил. Какие там уроки? Мы с соседскими пацанами устроили вылазку в лес. Хотели найти винтовки и пистолеты в заброшенном укрепрайоне. Найти, очистить и пробираться на фронт – фашистов бить. Сам понимаешь, при таких раскладах какие могут быть уроки? Правда, в той нашей экспедиции мы так ничего из оружия и не нашли... А на следующий день наш Леонид Тимофеевич вызывает меня к доске:

- Ну-ка, Макарин, расскажи нам, почему происходит смена времен года?

И вот стою я у доски и совершенно не знаю, что отвечать.

- Итак, Макарин, что ты нам расскажешь? – спрашивает Морж. - Почему зимой холодно, а летом – жарко?

Вот, думаю, влетел! А двойку получать страшно не хочется... Ну, и начинаю я соображать, как выпутаться. То, что Земля вертится вокруг Солнца, я уже знал. А вот почему на нашей Земле чередуются времена года, лето сменяет осень, а после осени наступает зима... Вот, рассуждаю я про себя, если руку близко поднести к горящему огню, руке будет горячо. А вдали от огня, да еще если на морозе, - рука замерзнет... И я немедленно выдаю на-гора свою версию смены времен года:

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Лето наступает тогда, когда наша Земля приближается к Солнцу. А зима приходит – когда Земля от Солнца удаляется!

Хохотал весь класс... Сам Леонид Тимофеевич смеялся до слез. А потом и говорит:

- Знаешь, Макарин, а я ведь даже двойку не могу тебе поставить. Потому, что Земля, двигаясь по орбите вокруг Солнца, действительно периодически приближается к нашему светилу и удаляется от него. Но смена времен года от этого не зависит! Вот тебе учебник, шагай в коридор и читай. А ровно через пять минут доложишь нам, почему на Земле все-таки бывает смена времен года.

Вот с этого смешного случая, Алексей, и началось мое увлечение астрономией. Ну, а уже в старших классах я всерьез увлекся идеями межпланетных полетов...

- А со мной, Олежка, был такой случай... Дело было уже после полета на “Восходе-2”. По просьбам трудящихся послали меня в одну из наших южных республик. Ну, и как всегда повезли по городам и районам. Программа визита стандартная: встреча в трудовом коллективе, рассказ о космическом подвиге, ценный подарок от трудящихся города Урюпинска. Банкет, конечно, - и по эстафете пожалуйста, товарищ Леонтьев, в следующий город или район. Все бы хорошо, но вот ценные подарки, которые мне дарили... В первом же городе мне в качестве подарка подарили модель первого советского спутника. Во втором – почти такую же модель нашего первого спутника. И в третьем, и в четвертом... Через неделю в моем багаже было ровно шестнадцать практически одинаковых моделей нашего космического шарика с четырьмя торчащими антеннами. Поездка завершилась приемом в ЦК компартии южной республики. Ну, и естественно, дарят мне ценный подарок – модель нашего первого спутника. После приема подхожу я к одному из секретарей ЦК, - тому, который

отвечал за мою поездку по республике, и шепотом прошу объяснить: почему все-таки мне дарят только спутники? Секретарь долго не мог понять, в чем дело. Ну, а когда я притащил его в свой гостиничный номер и показал багаж из шестнадцати практически одинаковых моделей, он схватился руками за голову. И признался мне, что за неделю до моего приезда собирал в ЦК партии первых партийных секретарей из городов и районов. Так, мол, и так, товарищи. Приезжает космонавт Леонтьев. Нужно его тепло встретить. И про ценный подарок для него не забыть. Поднимается рука в зале:

- Товарищ Имярек, а какой подарок собирается сделать космонавту Леонтьеву республиканский ЦК?

- Республиканский ЦК считает, что достойным подарком для космонавта будет модель первого советского спутника, - отвечает секретарь.

Каждый из городских и районных партийных лидеров сделал пометку в своем блокноте. Каждый из них не хотел отстать от родного ЦК партии. Каждый хотел сделать космонавту Леонтьеву подарок на таком же высоком уровне, как и ЦК. Вот и получил я в подарок семнадцать практически одинаковых моделей.

- Извините, Алексей Архипович, - секретарь республиканского ЦК схватился рукой за сердце. – Сейчас мы все подарки заменим! Только я вас прошу: никому ни слова о нашем позоре!

- Не надо ничего менять, - говорю я. – Подарки – это не главное. Главное, что у вас люди хорошие и гостеприимные. А спутники я раздам своим друзьям – космонавтам. Это значит, что у каждого из ваших городов и районов появится свой куратор – космонавт.

- А отряд космонавтов в целом будет курировать всю нашу республику! – тут же подхватил идею секретарь. – Алексей Архипович, дорогой, дай я тебя расцелую!

Ну, мы тогда с товарищами из республиканского ЦК хорошо коньячку выпили! А обещание пришлось выполнять: отряд космонавтов действительно

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

побратался с той южной советской республикой. На зависть всем остальным республиканским ЦК.

- Однажды – если мне память не изменяет, это было в начале июня 1962 года, - мы всем составом первого отряда космонавтов выехали на парашютную подготовку. Надели парашюты, подготовились к прыжкам, ждем посадки в самолет. А посадки все нет и нет. Час ждем, другой... А рядом с нами стоит столик с переносной радиостанцией, который транслирует команды из диспетчерского центра:

- “Роза”, на взлет! “Лилия”, делай вираж! “Тюльпан”, заходи на посадку!

Цветочная клумба, да и только. А о нас – ни слова. Видимо, просто забыли.

Наконец, Юра Гагаров не выдержал, подошел к радиостанции и в микрофон говорит:

- Диспетчер, это группа из Москвы. Мы готовы к парашютным прыжкам.

В эфире растерянное молчание, а потом начальственно-строгий голос спрашивает:

- Какая еще группа? И почему не называете свой позывной?

В те годы секретность у нас была страшная. Гагаров, конечно, не мог сказать по открытому радиоканалу, что очереди на прыжки ожидает группа советских космонавтов. Но он нашелся и выдал в эфир:

- Товарищ диспетчер, отряд советских “ландышей” к парашютным прыжкам готов!

С тех пор за нашим отрядом космонавтов и закрепился этот шуточный позывной – “ландыши”.

- С режимом особой секретности у меня тоже связаны кое-какие не слишком приятные воспоминания.

Дело было накануне нашего с Васей Лазориным полета на “Союзе-4”. По старой традиции мы перед

полетом пришли на Красную площадь. Мы – это я, командир нашего экипажа Василий Лазорин и наши дублеры – Андрей Николин и Алексей Елесеин. Возложили цветы к мавзолею Ленина, сфотографировались на память на фоне кремлевских башен.

А тут навстречу какая-то экскурсия – пионеры-школьники, где-то класс пятый или шестой. Ну, Николин и Елесеин – люди в нашей стране уже известные, оба в космос летали. Пионеры их окружили, протягивают ручки и тетрадки, автографы просят. А мы с Васей Лазориним тихонько стоим в сторонке – полет на “Союзе-4” для нас был первым, нас еще никто в лицо не знал.

Но не тут-то было! Один парнишка долго к нам присматривался, хитрые глазенки шурил и догадался, в конце концов. “Ребята, - кричит, - а вот еще два космонавта! Не летавшие! Дяденьки космонавты, дайте автограф перед полетом!”

Нас с Лазориним мигом окружило плотное кольцо детей. Василий уже ручку взял в руки и собирался расписаться на чьей-то тетрадке, как вдруг рядом с ним словно из-под земли вырос совершенно неприметный гражданин в сером костюмчике и хватя Васю Лазорина за локоть:

- Автографы до полета давать не положено, товарищ Лазорин!

Смотрю, а еще один гражданин в таком же сером костюмчике уже обрабатывает учительницу, которая привела детей на Красную площадь: мол, походили, погуляли, Ленина видели – ну и давайте, шагайте отсюда быстренько.

Так эти два неприметных товарища нас потом и сопровождали до самых машин, которые мы оставили около Александровского сада. Чтобы мы по дороге больше никому не надумали дать автограф и тем самым рассекретить за неделю до космического полета наши совершенно секретные фамилии.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Когда мы только начинали готовиться к орбитальным космическим полетам, никто и представить не мог, что они вызовут такой большой общественный резонанс. Был у меня, Олег, один забавный случай... Во время полета Юры Гагарова я дежурил на одном из дальних наземных измерительных пунктов, которые следили за “Востоком”. Вернулся в Москву только через пару дней после окончания полета. Выхожу из автобуса на площади Свердлова, смотрю, а вокруг – цветы, флаги, лозунги, люди в нарядной одежде...

- Что происходит? – спрашиваю у прохожего.

- Вы что, товарищ, с Луны свалились? – у прохожего округляются глаза. – Гагаров в космос слетал! Вся Москва гуляет!

- Ну, насчет с Луны свалился, - это прохожий не ошибся, - засмеялся Макарин. – Только по времени не угадал!

- А у меня была такая забавная история. Когда мы с Васей Лазориним летали на “Союзе-4” восемнадцать суток и ставили рекорд продолжительности космического полета, одно западное информационное агентство распространило информацию о нашей гибели. Якобы мы просто умерли прямо в корабле от длительного воздействия невесомости. Ну, а народ наш, сам знаешь, всякие “голоса” заморские слушать любит.

И вот совершили мы посадку. Ходить после восемнадцати суток невесомости было большой проблемой. Поэтому эвакуационная команда вытащила нас из спускаемого аппарата и сразу усадила в переносные кресла.

А вокруг, конечно, народ столпился. В основном, колхозники из ближнего села. Чувствую, кто-то трогает мою руку. Повернул голову, смотрю. Рядом с моим шезлонгом стоят две среднего возраста женщины. По

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

одежде – косынки, рабочие халаты, - видимо, работницы с ближней колхозной фермы. Даже и представить себе не могу, как они пробрались к нашему кораблю через кордон военных и медиков.

Одна из этих женщин робко трогает меня за руку и вполголоса говорит другой:

- Нюся, а ведь они теплые! Живые!

- А вы что подумали? – весело фыркаю в ответ я. – Что мы неживые и холодные?

- По американскому радио передавали, что вы в космосе померли, - говорит та женщина, которая тронула меня за руку. – Видать, сбrehали, гады.

- А вы брехню не слушайте, - смеюсь я. – Все в порядке, мы живые и здоровые! Сами видите!

И тут вторая женщина, Нюся, говорит первой:

- Люсь, да они ж оба ходить не могут...

И обе в один голос:

- Ох, беда какая! Космонавты наши – парализованные!

- Олег, перед стартом у меня был очень любопытный разговор с генералом Маканиным. Он, знаешь ли, всегда перед стартом приглашает к себе командиров экипажей. Беседует, напутствует... Вот и меня напутствовал... Говорил, говорил... А потом замолчал, задумался, взглянул на меня исподлобья и вдруг спрашивает:

- Алексей, знаешь, что самое главное в будущем полете?

- Высадка на Луну, что же еще? – я пожал плечами.

Он опустил глаза и совершенно бесцветным голосом сказал:

- Можешь считать, что твоя высадка на Луну состоялась. Твое имя уже вписано в историю мировой космонавтики, как имя первого человека, который ступил на поверхность Луны.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Не понял, - я слегка опешил. Сам понимаешь, Олег, до полета еще полмесяца, а Маканин такое говорит.

- Думаешь, я с ума сошел? – генерал устало потер ладонью лоб. - Думаешь, чокнулся старик, да?

Он тяжело поднялся из кресла, достал из ящика письменного стола бобину с магнитофонной лентой и пошел в угол комнаты, где на столике стоял магнитофон.

- Я, конечно, не должен был тебе этого говорить, Алексей, - он поставил бобину в магнитофон. – Но я хочу, чтобы ты знал...

Маканин включил звук и снова вернулся к письменному столу:

- Слушай.

Лента еще несколько секунд вращалась бесшумно. Потом раздалось сдавленное покашливание и чей-то напряженный голос произнес:

- Раз, раз, раз... “Заря”, я – “Флаг-один”. “Заря”, на связь! Черт возьми, ничего не слышно...

Я с удивлением сообразил, что слышу свой собственный голос:

- Что за чертовщина...

- Помолчи, - жестом остановил меня Маканин. – Слушай.

- Если меня кто-нибудь слышит, - человек продолжал говорить моим голосом. – На связи космонавт Алексей Леонтьев. Космический корабль “Лунник-5” достиг поверхности Луны. При посадке серьезно повреждены две опорные стойки. Корабль сильно накренился и практически лежит на боку на лунной поверхности. Это значит, что мне не удастся стартовать с Луны.

Человек на несколько секунд замолчал, а потом заговорил снова. В его голосе я уловил нотки отчаяния:

- Посадка “Лунника-5” произошла в нерасчетном районе. К сожалению, мне не удастся добраться до резервного корабля. В пределах видимости его нет, а связь с Землей отсутствует. Я просто не знаю, в какую сторону и как далеко должен идти... Значит, я останусь

здесь навсегда... Я умру здесь, но я выполнил задание Родины – наш флаг стоит на поверхности Луны. Я, космонавт Алексей Леонтьев, стал первым человеком, который ступил на лунную поверхность.

Снова пауза. И снова я слышу свой собственный голос:

- Попытки как-то наладить связь не увенчались успехом. У меня уже заканчивается запас воздуха в скафандре и долго мне не протянуть. В моем распоряжении не более часа. А потом...

Пауза.

- Я не хочу умирать от удушья. Поэтому я принял другое решение. Я знаю, что сейчас наш Центр управления и многие люди на Земле ищут мой корабль здесь, на Луне. Я помогу вам найти место посадки моего “Лунника”... Я принял решение взорвать космический корабль. На Земле и с околулунной орбиты будет заметна вспышка от взрыва. А на Луне образуется новый, совсем небольшой кратер...

Несколько секунд молчания.

- Прощайте, товарищи. Позаботьтесь о моей семье. Я выполнил задание и ухожу со спокойной душой. Коммунизм победит!

Громкий щелчок. И тишина...

Маканин снял бобину с магнитофона и снова спрятал в ящик письменного стола:

- Вот так-то, Алексей.

- Что это было, товарищ генерал? – я проглотил застрявший в горле ком.

- Это? – Маканин вскинул брови. – Это запись выступления актера, голос которого удивительным образом похож на твой голос.

- Но зачем?

- Мы, конечно, уверены в том, что наша техника будет работать нормально в течение всего полета, но... - Маканин откинулся в кресле. – Но если во время спуска с тобой что-то случится... Мало ли что... Так вот, если на участке спуска на Луну с “Лунником” что-то случится и ты

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

не сможешь совершить посадку на Луну или вернуться на окололунную орбиту, принято решение запустить в эфир эту запись.

- Но это значит... - у меня пересохло во рту.

- Это будет значить, - жестко отрезал генерал, - что советский космонавт Алексей Леонтьев, несмотря на аварию, все-таки совершил посадку на Луну, установил на ней наш, красный флаг и героически ушел из жизни. После взрыва корабля на Луне образовавшемуся кратеру будет присвоено имя Алексея Леонтьева.

- Но это же полный блеф... Зачем?

- Алексей, неужели ты действительно не понимаешь? – генерал недоверчиво покосился на меня. – Политбюро решило, что мы ни в кое случае не должны пропустить американцев на Луну первыми. Даже в случае катастрофы твоего корабля. Вот такие пироги, Алексей... Поэтому в будущем полете твоя главная задача - не просто высадиться на Луну, а вернуться живым. Чтобы мне не пришлось доставать из ящика стола вот эту запись...

Глава 17. Американские мечты и советская реальность

(Статья специального корреспондента Мэлоора Стурухидзе, опубликованная в газете “Правда” от 12 декабря 1968 года)

Не прошло и двух месяцев, как в кинотеатрах Соединенных Штатов Америки начался показ фильма “Обратный отсчет”, снятого по роману Хэнка Сирлза режиссером Робертом Олтменом.

Фильм снимался около года и первоначально задумывался как фантастический, поскольку рассказывал он о “лунной гонке” между США и СССР и о первой экспедиции человека на Луну.

Американские астронавты готовятся к покорению Луны в рамках провозглашенной президентом Кеннеди

космической программы. Когда до запуска в космос лунного корабля “Аполлон-3” остается около месяца, выясняется, что Советский Союз нанес очередное поражение Америке: наши космонавты на корабле “Восход” успешно облетели Луну и вернулись на Землю.

Понимая, что следующим шагом “советов” – и очень скоро! – станет высадка на Луну людей, американцы принимают отчаянное решение, попахивающее откровенным авантюризмом: в рамках проекта “Пилигрим” отправить на лунную поверхность на устаревшем космическом корабле “Джемини” одного космонавта без возможности его возвращения на Землю. Правда, чтобы сохранить жизнь герою-одиночке, предусматривается периодически присылать ему “посылки с Земли” на специальных беспилотных капсулах. Вернуть на Землю “лунного долгожителя” предусматривается уже в рамках программы “Аполлон” - через восемь-десять месяцев, или даже через год после высадки на Луну. Авантюра? Бесспорно! Но цель оправдывает средства: главное – стать первыми на Луне, утереть нос “этим коварным русским”.

К полету ускоренными темпами готовится военный астронавт полковник Чиз Стюарт. Но уже с первых дней подготовки к космической авантюре под названием “Пилигрим” начинаются политические интриги, являющиеся неотъемлемой частью общественной жизни в США. Администраторам из Белого дома становится известно, что в составе экипажа советского космического корабля, который будет высаживаться на Луну, будет ученый – геолог Алексей Плеханов. Опасаясь обвинений в милитаризации космоса со стороны прогрессивной международной общественности, руководители американской лунной программы решают заменить полковника Стюарта гражданским астронавтом Ли Стеглером. До дня старта к Луне остается три недели. Стюарту поручается в кратчайшие сроки подготовить своего коллегу к полету. Специальная капсула для выживания, в которую астронавт должен перейти сразу

же после посадки на Луну в корабле “Джемини”, успешно стартует в космос и доставляется на лунную поверхность.

Ли Стеглеру, однако, не очень хорошо удается подготовка к космической экспедиции – и слишком мало все-таки на тренировки отведено времени, и осваивать приходится совершенно незнакомую ему программу полета. Но общими усилиями американского астронавта все же удастся “выпихнуть” в космос. Правда, уже вдогонку русским: к Луне буквально накануне старта “Пилигрима” отправился очередной советский корабль “Восход”.

Преодолевая перегрузки, невесомость и прочие трудности космического полета, Стеглер летит к Луне. Он не обнаруживает с пролетной орбиты капсулы, в которой ему предстоит дожидаться “Аполлона”, но, тем не менее, все же решает садиться на Луну, надеясь отыскать капсулу на месте.

Посадка прошла успешно, но связи с Землей почему-то нет. Ли Стеглер шагает по Луне, разыскивая капсулу. Неожиданно он находит в одном из кратеров разбившийся корабль “Восход” и трех мертвых космонавтов в скафандрах с надписями “СССР” на гермошлемах. Отдавая честь погибшим советским покорителям космоса, благородный астронавт развешивает на лунных камнях флаги: полосатый американский, конечно, - сверху, наш красный – снизу.

Запас воздуха в скафандре Ли Стеглера заканчивается, но он все-таки успевает найти на лунной поверхности спасительную капсулу. Хэппи-энд.

Нужно признать, что в целом фильм снят довольно реалистично. Показана настоящая техника, на которой американские астронавты готовятся к космическим полетам. Использованы и документальные кадры из съемок во время реальных околоземных экспедиций. “Обратный отсчет”, без сомнения, ждали успех у зрителя и хорошие кассовые сборы за проданные билеты.

Но, увы, пока фильм снимался и выходил в прокат, советская реальность обогнала американскую мечту – наш космонавт Алексей Леонтьев успешно высадился на Луну. “Обратный отсчет” необратимо устарел как фантастический фильм всего через пару месяцев после его сентябрьской премьеры.

На днях показ фильма “Обратный отсчет” состоялся в Центральном доме литераторов в Москве. Мы попросили прокомментировать фильм трех известных советских писателей-фантастов, в своих произведениях касавшихся темы исследования космического пространства.

Иван Антонович Ефимов (автор фантастических романов “Галактика в Андромеде”, “Змеиное сердце” и “Время Быка”): “Сюжет фильма очень прямолинеен и примитивен. Американский герой летит к Луне и побеждает там, где в буквальном смысле слова сломали себе шею трое русских космонавтов. Америка победила. Финал. Вот, собственно, и все. Для чего был нужен такой фильм? Думаю, прежде всего, для целей пропаганды: еще раз заявить американской общественности, что астронавты из США высадятся на Луне первыми. Но наши космонавты Алексей Леонтьев и Олег Макарин своей успешной экспедицией на Луну отправили продукт американской пропаганды туда, где ему и место – на помойку”.

Александр Петрович Казанеев (автор трилогии “Лунный путь”, “Планета ветров”, “Марсианские внуки”): “Успешная советская экспедиция на лунную поверхность описана еще в моем романе “Лунный путь”, который вышел почти десять лет назад – в 1959 году. Уже тогда нам, настоящим советским писателям-фантастам, было ясно, что американцам не видать Луны как собственных ушей. Что блистательно и подтвердили наши советские космонавты Алексей Леонтьев и Олег Макарин. Мы еще раз доказали всем сомневающимся, что советские наука и техника – самые передовые в мире. Сколько бы за океаном сладко не грезили о космических успехах, наша

страна, Советский Союз, всегда будет впереди в деле освоения космического пространства. Социализм всегда будет побеждать капитализм!”

Аркадий Натанович Строганов (автор книг “Земля лиловых облаков”, “Дорога к Юпитеру”, “Новобранцы” - в соавторстве с братом Борисом Строгановым): “Рассказывая в наших произведениях о космических свершениях человечества, мы не должны забывать, что главное – все-таки на Земле. Главное – это сам человек. Я не соглашусь с коллегами Ефимовым и Казанеевым, что фильм “Обратный отсчет” так уж примитивен. Нет, в нем показаны и душевные терзания полковника Чиза Стюарта, который очень хотел полететь на Луну первым и который, преодолев душевные мучения, все же стал активно помогать своему коллеге Ли Стюарту подготовиться к космическому полету. Показан и конфликт между администратором Стивом Ихнэтом, который любой ценой хочет первым высадить американца на Луну, и врачом Чарлзом Эйдмэном, занимающим более реалистичную позицию и не без оснований опасаящимся за безопасность американского астронавта. В этом смысле фильм очень откровенно рассказал о мотивах поведения людей, живущих в капиталистическом обществе”.

...Говорят, на днях в Голливуде начались съемки фильма об американской экспедиции на Марс. Конечно, американцы рассчитывают быть там первыми.

Эх, господа... Вы бы поторопились со съемками. Не исключено, что фильм придется списать в утиль еще до начала проката – а вдруг накануне выхода на экраны очередной пропагандистской поделки о воображаемых американских победах в космосе советский флаг взвьется над каменистыми просторами Красной планеты? И это будет не американская мечта, а наша советская реальность!

Лунный мечтатель

1

Владислав Пастушенко с детства практически ничем не выделялся из числа сверстников – разве что был как-то совсем не по-детски серьезен и задумчив.

Летом 1967 года на экраны вышел фильм “Туманность Андромеды” по одноименному роману Ивана Ефремова. Родители Владислава очень хотели его посмотреть, а маленького мальчишку просто не было с кем оставить дома, – бабушка Мария с прабабушкой Екатериной весьма не кстати укатили на недельку к родственникам в село Свистуновку. Поэтому папа и мама прихватили малыша с собой на киносеанс.

В общем-то простой и даже в чем-то примитивный фильм, тем не менее, произвел на мальчишку шокирующий эффект. Разбитый земной корабль на далекой планете, атакующие отважных космонавтов из темноты агрессивные медузы, стреляющий огненными стрелами крест... В жизнь Влада прочно вошли понятия космос, астрономия, космонавтика.

Зимой 1968 года с сильной простудой Влад попал в больницу. Дни в больничной палате тянулись медленно, мальчишке было скучно, он тосковал по дому. Чтобы как-то развлечь сына, мама купила несколько детских книжек, среди которых оказался журнал с рисованными комиксами - злые роботы из космоса похищали доброго робота с Земли. Приключения в космосе в картинках настолько увлекли Влада, что он всего за неделю выучил алфавит по подписям к рисункам. И начал читать...

Летом 1969-го Влад смастерил из картона бумажную трубу и пытался разглядеть на Луне высадившихся там американцев. Самое интересное, что целая детсадовская группа, выстроившаяся в очередь, чтобы взглянуть на белесый кругляш Луны в синем утреннем небе, действительно видела на небесах “двух дядей в белых скафандрах”.

Когда мальчишка пошел в школу, все библиотеки в округе подверглись вторжению: в них зачитывались до дыр книги по космонавтике и астрономии, плюс, конечно же, вся “космическая фантастика”.

В 1975 году Влад Пастушенко принял твердое решение стать космонавтом после запуска “Союза-19” и “Аполлона”. Примерно в том же году он начал писать фантастические рассказы, посмотрев фильм “Москва-Кассиопея”.

В 80-м Влад поступил на космический факультет авиационного института и одновременно стал завсегдатаем “Клуба любителей фантастики”. Окончив с отличием институт, он отправился служить на Байконур, и участвовал в реализации разных космических проектов, в том числе одного очень и очень секретного. И еще не переставал мечтать и писать фантастические рассказы.

А потом начались “перестройки” и “перестрелки”, космические проекты были закрыты, и Влад Пастушенко снова оказался в родном городе Полянске. Он начал работать чиновником в местной мэрии и стал публиковать свои рассказы в разных журналах и литературных сборниках. И не переставал мечтать о Большом Космосе.

Однажды в его маленьком кабинетике в мэрии раздался телефонный звонок:

- Хэллоу, это Влад Пастушенко? Меня зовут Ясухио Оригамо...

2

Японский бизнесмен Ясухио Оригамо слыл человеком прагматичным, но чудаковатым. Один из богатейших людей мира, прочно прописавшийся в верхних строках пресловутого списка журнала “Форбс”, он часто участвовал в различных научных и технических проектах, с зарабатыванием новых миллиардов долларов никак не связанных. Ясухио спускался в батискафе в глубочайшие трещины на дне Мирового океана, построил исследовательские станции подо

льдами Арктики и Антарктиды, несколько раз “прыгал в космос” на пассажирских баллистических ракетах и однажды даже слетал туристом на Международную космическую станцию “Бета”.

Мир уже по привычке к “чужакам” мультимиллиардера. Но однажды солнечным августовским днем Ясухиро Оригамо сделал заявление для прессы, которое в буквальном смысле взорвало информационное пространство Земли. Бизнесмен из Японии пообещал ни много, ни мало, а всего лишь высадиться на Луне уже до конца текущего года.

Сначала заявление Ясухиро расценили как шутку. Виданное ли дело высадиться на Луне? Человек не был на просторах Селены с декабря 1972 года, - с тех самых пор, как Юджин Сернан и Харрисон Шмитт задраили выходной люк и подняли взлетную ступень космического модуля в черные небеса над лунными кратерами и валунами. Полеты к Луне рассматривались как достаточно удаленная от сегодняшних дней перспектива для мировой космонавтики – лет через десять-пятнадцать, не раньше. И, конечно же, реально поучаствовать в новых пилотируемых миссиях к естественному спутнику Земли смогут только крупнейшие мировые космические державы – США, Китай, Индия, Россия.

А потом стало известно, что еще пару-тройку лет назад Ясухиро Оригамо купил малюсенький островок практически на самом экваторе, на котором ударными темпами идет строительство технического сооружения весьма и весьма напоминающего по своим техническим данным и космодром, и центр управления космическими полетами.

Еще через неделю после обнаружения экваториального космодрома Илон Маск сообщил, что по очень умеренной цене продал японскому бизнесмену три мощнейших ракеты “Хэви Фалькон” и оборудованный для дальних космических рейсов пилотируемый корабль “Мун Дрэгон”.

Вот тут уже мировая пресса поняла, что Ясухиرو Оригамо вовсе не шутил относительно своих лунных планов и действительно намерен вернуть людей на Луну в самые кратчайшие сроки.

И буквально сразу же зазвучали “голоса разума”, которые публично объявили лунные планы японца “дурацкой затеей” и “опасной авантюрой”. Президент крошечного островного государства Республика Мармадос в Тихом океане обратился в Совет Безопасности Организации Объединенных наций с требованием запретить миссии к Луне с экваториального космодрома Ясухиру Оригамо – мол, отработанные ракетные ступени “Хэви Фальконов” непременно упадут на чайные плантации мармадосских фермеров. Совет Безопасности уже собрался как-то прореагировать на возникшую проблему, но тут выяснилось, что экваториальный космодром находится в Индийском океане, а отработавшие ступени “Хэви Фальконов” будут возвращаться на Землю в управляемом режиме, и, следовательно, народам Республики Мармадос, живущим среди тихоокеанских просторов, ничего не угрожает.

В середине сентября пресс-служба Ясухиру Оригамо обнародовала подробный план предстоящей лунной эпопеи. Утром 25 декабря первая ракета “Хэви Фалькон” выводит на околоземную орбиту огромную ракетную ступень – специальный разгонный блок “Малыш Джимми”, который должен обеспечить старт пилотируемой экспедиции к Луне.

Ровно через сутки второй “Хэви Фалькон” поднимает в космос ракетную ступень “Папаша Билл” и лунный посадочный корабль, названный “Аполлоном” в честь первой программы высадки человека на Луну. “Папаша Билл” должен обеспечить маневрирование “Аполлона” на окололунной трассе. Вечером 26 декабря стыковочные устройства соединяют “Малыша Джимми” и “Папашу Билла” с “Аполлоном” в единое целое.

И, наконец, ранним утром 27 декабря с экваториального космодрома к звездам уходит

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

пилотируемый четверкой астронавтов “Мун Дрэгон”, снабженный ракетной ступенью “Мамаша Эмми”. Вечером того же дня “Мамаша Эмми” обеспечивает стыковку “Лунного Дракона” с “Аполлоном” и двумя пристыкованными к нему ракетными ступенями. Еще через несколько часов включаются мощные двигатели “Малыша Джимми”, и вся связка космических аппаратов начинает путь к Луне.

Утром 31 декабря “Малыш Джимми” отделяется от “родительских ступеней”, предварительно обеспечив их выход на окололунную круговую орбиту. Вечером один из астронавтов остается на борту “Мун Дрэгона”, а трое его коллег переходят в лунный посадочный модуль “Аполлон” и высаживаются на Луну в районе кратера Фра Эндрюс.

Трое астронавтов будут изучать лунную поверхность до 3 января. Потом взлетная ступень “Аполлона” поднимет их в космос и обеспечит стыковку с “Мун Дрэгоном”. Связка космических аппаратов сделает еще пару витков вокруг Луны, а затем взлетная ступень “Аполлона” будет отделена, и ракетная ступень “Мамаша Эмми” переведет “Мун Дрэгона” на трассу “Луна-Земля”. Посадка четверки астронавтов запланирована на 7 января в воды Индийского океана – совсем недалеко от экваториального космодрома.

Теперь “затея японца” выглядела уже не авантюрой, а достаточно хорошо проработанным научно-техническим проектом. Но интрига все еще оставалась. Удастся ли реализовать всю эту сложнейшую программу? Не сорвется ли высадка на лунную поверхность на одном из ее промежуточных этапов? И кто те четверо смельчаков, которые собираются “вернуть человечество на Луну”?

Последний вопрос особенно интересовал мировую общественность. До конца октября Ясухиро Оригамо лишь улыбался в ответ на вопросы журналистов о составе экипажа “Лунного Дракона” и “Аполлона”. Но, в

конце концов, сообщил, что командовать экспедицией собирается лично.

Еще через неделю американское космическое агентство распространило информацию, что Чеслав Сэмюэль Волянецкий, начавший свою космическую карьеру еще в эпоху “шаттлов” и не единожды уже летавший на “Дрэгонах” и Международной космической станции “Бета”, примет участие в экспедиции к Луне в качестве пилота корабля “Мун Дрэгон”.

К середине ноября стало известно имя третьего члена экипажа – профессора Колумбийского университета, доктора наук, афроамериканки Энн Уилмор – специалиста в области планетологии с мировым именем.

И, наконец, в начале декабря была названа фамилия пилота лунного посадочного модуля “Аполлон” в будущем полете. Им стал, к удивлению многих, писатель-фантаст из Полянска Владислав Пастушенко, не имевший опыта космических полетов.

А потом время словно понеслось вскачь. Точно по расписанию ушли в космос “Малыш Джимми” и “Папаша Билл” с “Аполлоном”. 27 декабря на орбиту успешно вышел “Мун Дрэгон” с ракетной ступенью “Мамаша Эмми” и четверкой астронавтов - Ясухио Оригамо, Чеславом Волянецким, Энн Уилмор и Владом Пастушенко - на борту.

Лунная экспедиция началась.

3

- Центр, я – “Аполлон”, - кашлянув, произнес Влад Пастушенко в микрофон у ворота скафандра. – Говорит станция “Фра Эндрюс”. Корабль сел.

Он щелкнул замочком под подбородком и сдвинул стекло гермошлема вверх. Тыльной стороной перчатки смахнул капли пота со лба.

Эфир сделал трехсекундную паузу и разразился ритмичным гулом – там, на Земле, в зале центра управления полетом, грянули аплодисменты.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- “Аполлон” стоит устойчиво. Бортовые системы в норме, - док Энн Уилмор скользнула взглядом по индикаторам на пульте управления и выглянула в округлое окошко наружу. – Корабль сел примерно в двухстах метрах от южной оконечности кратера Фра Эндрюс. Точное время первого касания - семнадцать часов тридцать пять минут. Дата – 31 декабря...

- Энн, вы им еще год напомните, - весело фыркнул Ясухиро Оригамо. – Вдруг они там, в центре, забыли в полетной суете...

Он тоже открыл гермошлем, стащил с рук перчатки скафандра. Сделал несколько энергичных движений ладонями, растирая лицо. Повернул голову в сторону Пастушенко и хохотнул:

- Влад, за несколько секунд перед касанием вы заложили такой вираж, что у меня щеки окаменели от страха. Показалось даже, что мы падаем на Луну!

- Мне не понравился довольно крупный валун рядом с тем местом, куда опускался “Аполлон”, - тут же отозвался пилот. – Пришлось вмешаться в управление и сесть метрах в десяти левее...

- “Аполлон”, я – Центр, - голос наземного руководителя полетом, наконец, пробился сквозь шум аплодисментов и радостные возгласы в эфире. – Поздравляю вас с посадкой на Луну! За телетрансляцией следил весь мир...

- Пламенный привет всему миру! – загоготал в ответ Оригамо. – Центр, к сожалению, у нас нет возможности следить за вами. Поэтому я не посчитал, сколько памперсов замочила ваша дежурная смена, наблюдая за нашими эволюциями над Луной!

- Ну, теперь-то все позади и у кое-кого из наших операторов появится пяток минут, чтобы сменить рабочие комбинезоны, - шуткой парировал язвительный выпал Ясухиро кэпком. – Если у вас нет необходимости сделать то же самое, то позволю себе напомнить, что следующим пунктом программы высадки значит...

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Стоп, стоп, Центр, - Оригамо не дал руководителю полетом договорить. – Властью командира корабля я меняю программу...

Он зыркнул на циферблат часов над пультом.

- ...Меняю программу высадки на ближайшие... э... восемь часов. Выход на поверхность отложим до трех часов первого января следующего года. А пока мы берем тайм-аут на отдых. Ну, и вам тоже рекомендуем прерваться, чтобы дежурная смена могла нормально встретить Новый год.

- Эй, эй, командор Оригамо... - Земля явно пыталась возразить, но Ясухино поочередно щелкнул тумблерами на пульте, отключив все каналы связи. Остался гореть только зелененький огонек оперативной связи с наматывающим витки над Луной “Мун Дрэгоном”. Чеслав Волянецкий с орбиты отозвался мгновенно:

- Борт “Аполлон”, я сделал тоже самое. Теперь они нас не слышат!

- Гм, решительные вы ребята, - Пастушенко недовольно покачал головой. – Я совершенно не чувствую себя уставшим, и с удовольствием прогулялся бы сейчас по Луне вместо тихого часа...

- А мы как раз этим и займемся, - Ясухино с усмешкой подмигнул Владу. – Немного перекусим, проверим выходные скафандры и выберемся в гости к тетушке Селене. Пока там, на Земле, будут праздновать Новый год.

Брови Пастушенко взлетели вверх:

- Что, тайком от Центра?!

- Именно тайком, дорогой мой Влад, - с улыбкой подтвердил Оригамо. – Так, чтобы никто не мешал нам прогуляться в самый центр кратера Фра Эндрюс.

- Но, Ясухино, - начал Пастушенко, - весь мир ждет телетрансляции о нашем выходе на Луну...

- Влад, - Оригамо сощурил и без того узкие глаза и растянул губы в улыбке, - а вы никогда не задавали себе вопрос, почему из сотен тысяч литераторов для этого полета на Луну выбрали именно вас?

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

- Задавал, - пилот слегка стушевался. – Я думал, что сыграло роль мое образование в области космонавтики. Может быть, опыт работы на Байконуре и участие в космических проектах... Ну, возможно, некоторые мои книги и публикации в журналах...

- Все эти ваши достоинства и таланты, конечно, тоже сыграли в вашу пользу, но... - Ясухино обернулся к доктору Уилмор, - Энн, достаньте контейнер с нашей трубой. Так проще и нагляднее будет объяснить Владу, что мы намереваемся сделать в ближайшие шесть часов.

Док Уилмор достала из-под сидения своего кресла прямоугольную шкатулку из темно-синего пластика и молча передала ее японцу.

4

Оригамо осторожно взял контейнер и, щелкнув по очереди тремя небольшими замочками, распахнул его крышку.

Контейнер был размером примерно полметра на двадцать сантиметров. Внутри, в углублении из обычного белого пенопласта лежал цилиндрический предмет, сделанный из желто-коричневого металла.

Ясухино ловко ухватился за него пальцами и вытащил на свет божий что-то напоминавшее кургузую трубу, длиной около сорока и диаметром примерно десять сантиметров. На одном из ее концов было выполнено три глубоких разреза, из которых торчали выступы, похожие на маленькие рычажки. Вся поверхность трубы была испещрена какими-то мелкими значками.

- Вот эту штуку, Влад, доктор Уилмор нашла пять лет назад во время экспедиции в Кордильеры, - сказал Оригамо. – Помимо планетологии и геологии наша Энн увлекается археологией и этнографией. Местные жители показали ей “волшебную трубу” – так они ее называли. Из поколения в поколение: считалось, что она является символом счастья и благополучия. Доктор Уилмор так понравилась местной общине, что старейшина подарил

ей эту трубу – мол, настало время использовать ее во благо всего человечества. Якобы так советуют местные легенды. Так ведь, Энн?

- Да, кэп, - кивнула док Уилмор и перевела взгляд на Пастушенко:

- Когда я вернулась из экспедиции в университет, то первым делом сделала комплексный анализ этой находки. Очень необычный по своим физическим свойствам сплав меди и алюминия. Такой в мире никто не использует – ни сейчас, ни в прошлом. Но самое удивительное – возраст этой трубы. Она была изготовлена примерно двенадцать тысяч семьсот лет назад.

- Ого, - Пастушенко присвистнул. – Не знал, что в те времена в Кордильерах уже жили люди! Да еще владевшие такими технологиями!

- Труба была изготовлена не местными жителями, - доктор Уилмор покачала головой. – Мне удалось расшифровать эти значки на ее поверхности. “Волшебную трубу” подарили землянам гости из космоса.

- О, пришельцы! – Владислав скептически ухмыльнулся. – “Летающие тарелочки”, Нибиру и прочая чушь!

- Нибиру здесь ни причем, - Ясухиро досадливо поморщился. – Трубу изготовила цивилизация, обитающая в одном из шаровых звездных скоплений на другом конце нашей Галактики...

- И об этом, конечно, написано значками на этой штуковине? – Пастушенко по-прежнему не скрывал своего скептицизма.

- Да, написано, - кивком подтвердил Оригамо. – Я понимаю ваши сомнения, Влад. Когда док Уилмор пришла ко мне с этим предметом, я тоже сначала сомневался. Но... Во-первых, мы с Энн сотрудничаем в области археологии уже более десяти лет, и я верю в ее научную добросовестность и компетентность. А во-вторых... Там, на трубе, выгравированы звездные координаты шарового скопления. Оно состоит из старых звезд класса

Ж-два – таких же, как и наше солнце. Там наверняка имеются и обитаемые планеты...

- Вы думаете, этого достаточно, чтобы поверить в инопланетное происхождение этой трубы? – Пастушенко нахмурил лоб. – Ведь наличие шарового скопления на другом конце Галактики может быть простым совпадением...

- На трубе также выгравированы параметры ядерной реакции на Солнце, ключ к геному человека и еще куча всякой научной информации, - сообщил Ясухиро. – Кроме того, там написано для чего этот предмет, внешне похожий на медную трубу, предназначается. Это мечтоусилитель гигантской мощности...

- Что-что? – Пастушенко выпучил глаза. – Мечта – что?

- Мечтоусилитель, - почти по слогам повторил Оригамо. – Прибор, который усиливает человеческие мечты и делает их реальными. И он способен осчастливить всю нашу планету – всю целиком, от северного полюса до южного, вдоль всего экватора. Правда, для этого сначала следует доставить его в лунный кратер Фра Эндрюс...

- Так, теперь я, кажется, начинаю понимать, как родился наш проект полета на Луну, - Влад потер ладонью лоб. – Вы поверили в находку доктора Уилмор и решили вложить деньги в эту затею...

- Именно так, - подтвердил японец. – Всего-то десять миллиардов долларов, а на кону – счастье и благополучие для всего человечества. Сущие финансовые пустяки и полностью счастливый мир! Стоило рискнуть деньгами, согласитесь?

- И, разумеется, получить прибыль? – иронически скривил губы Пастушенко. – Заказать посредством трубы десятки или сотни миллиардов долларов?

- Отнюдь, - Ясухиро покачал головой. – Вовсе не собираюсь просить ничего для себя. Я уже пожилой человек, и мне вполне хватает моих капиталов. Кроме

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

того, воспользоваться трубой может только один человек на Земле. Легенда называет его Большим Мечтателем, и выбрать его надлежит из всех людей, населяющих нашу планету.

- Так... И вы выбрали меня? Но почему?

- Я не выбирал. Вас выбрала система “Зодиак”. Слышали о таком проекте?

- Двенадцать суперкомпьютеров с искусственным интеллектом? Названных по именам знаков Зодиака – Стрелец, Козерог, Водолей – и так далее?

- Каждый из них – независимо друг от друга, кстати! – получил задание найти среди многомиллиардного населения планеты одного человека – Большого Мечтателя. И все двенадцать выбрали именно вас, Влад. Так сказать, единогласно.

- И после этого вы позвонили мне?

- Я пригласил вас в наш проект, - кивнул Оригамо. – В качестве пилота нашего лунного модуля и Большого Мечтателя.

- Но почему вы не сказали мне обо всем этом еще там, на Земле?

- Чтобы мечтаниями о нашем полете вы не растрчивали свой мечтательный потенциал.

- Гм... Ну, а почему именно Луна? Почему эта штукавина действует только с Луны?

- Я долго думал над этим... Влад, люди часто мечтают, глядя на звездное небо и Луну. Мечта, как оказалось, это еще одна разновидность энергии, – правда, в пространствах высших измерений. И человеческие мечты... Луна просто выступает как гигантский концентратор этой мечтательной энергии. Кратер Фра Эндрюс расположен в самом центре видимого с Земли лунного диска, и в нем максимально сконцентрированы человеческие мечтания.

Ясухиро сделал паузу, явно собираясь с мыслями, а затем продолжил:

- Есть еще одно обстоятельство, важное для нашей миссии... Земля, земное человечество, должно быть

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

максимально готово принять накопившуюся на Луне мечтательную энергию. А когда люди больше всего любят помечтать о счастливом будущем?

- В новогоднюю ночь, - Влад засмеялся. – Конечно же, в новогоднюю ночь!

- Именно поэтому мы и прилетели сюда тридцать первого декабря, за шесть часов до полуночи, - сказал Ясухиро. – У нас есть достаточно времени, чтобы надеть скафандры, прогуляться до центра кратера Фра Эндрюс и подготовить мечтоусилитель к работе!

5

“...Я стою в самом центре кратера Фра Эндрюс. Одетые в белоснежные скафандры, Ясухиро Оригамо и Энн Уилмор расположились слева и справа от меня – чтобы, как выразилась док, “не мешать процессу мечтоконцентрации”. Ну, и еще вести фото- и видеосъемку “величайшего события в истории земного человечества” – как сказал уже сам Оригамо. Чеслав Волянецкий на “Мун Дрэгоне” сейчас только показался из-за лунного горизонта, – яркая звездочка корабля медленно ползет в черноте небес. Ровно в полночь корабль окажется как раз на линии Луна-Земля. Пилот уже развернул вокруг “Мудра” огромную проволочную петлю созданного в лабораториях научных центров Ясухиро мечтоконцентратора, который должен усилить суммарную мощность мечтоусилителя, по крайней мере, в десять раз.

Сам усилитель мечты мы установили на лунном грунте на специальном тренажере и навели точнехонько на бело-голубой шарик, зависший в небе над просторами Селены.

Ровно за минуту до полуночи я начну процесс мечтовоплощения. Во имя мира и всего человечества, как с изрядной долей пафоса выразился пан Чеслав во время последнего перед началом операции нашего сеанса связи с “Мун Дрэгоном”.

Сначала нужно переместить самый крайний от края цилиндра рычажок – слева направо, до упора. Это осуществление моих личных желаний – самых что ни на есть сокровенных. И одновременно пробуждение моего все еще дремлющего потенциала Большого Мечтателя.

Чего я хочу? Наверное, того же, чего хотят и все живущие на Земле люди: счастья и здоровья для себя и своих родных и близких. Чтобы была своя крыша над головой, свое жилье – надежное, удобное и комфортное. Чтобы была интересная и хорошо оплачиваемая работа. А еще хочу и дальше писать сказки-рассказки – чтобы они публиковались, читались и многим нравились. Вот и все, пожалуй... Ах, да! Еще хочу поездить по странам и континентам, на мир посмотреть!

Второй рычажок, средний, тоже двигаем слева направо. Это дальнейшее нарастание моего мечтательного потенциала. И одновременно это сумма желаний для той территории, на которой я живу, – страны или, может быть, города, на выбор. Тут в сфере пожеланий все, в общем-то, просто: чтобы не было войн, разрухи и голода. Чтобы росла экономика... Что там еще? Развивались социальная сфера и медицина, росло благополучие людей. Чтобы были хорошие зарплаты у всех, кто работает. Чтобы пенсий нашим старикам хватало для нормальной жизни, а не выживания впроголодь. Н-да, настоящая политическая платформа получается, хоть сразу же кандидатом в президенты записывайся!

Ну, и третий рычажок... Максимум мечтательной энергии... Пожелания для всей нашей голубой планеты. Для всего земного шарика, вертящегося вокруг Солнца. Что пожелать? Да мира, конечно же! Чтобы не было войн, экономических кризисов и природных катаклизмов. Чтобы люди любили и сохраняли земную природу. Чтобы дурачья и ворья в правительствах многих стран на всех континентах становилось все меньше и меньше. Чтобы развивали науки и создавали новую технику. Чтобы летали в космос – на Луну, на далекие планеты, к

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

звездам. Чтобы, чтобы, чтобы... Чтобы построили мир, в котором нам бы всем, людям, было счастливо и интересно жить!

Смотрю на часы. Десять минут до полуночи, до начала Нового года.

Концентрация мечтательной энергии вокруг стремительно нарастает. Радуги, подобные огромным мостам. Радужные бурунчики, похожие на гейзеры, состоящие из мириад светящихся искр. Радужное сияние, легкой дымкой окутывающее лунные камни и валуны, меня, Ясухио и Энн.

Я заглядываю в окуляр “волшебной трубы”. Бело-голубой шарик Земли висит среди черноты небес и не подозревает, какой могучий и мощный океан Счастья, Любви и Доброты на него сейчас прольется”.

Третий космический полет Алексея Леонова

Идея написать эссе по картинам космонавта Алексея Леонова и Андрея Соколова родилась лет пять назад. Довольно споро я отыскал картины в сети, кое-что еще отсканировал из альбомов репродукций Леонова и Соколова, парочка которых обнаружилась у меня в домашней библиотеке. Но дальше все зависло. Нужно было просчитать размеры кораблей в пропорции, составить массовые сводки. А мне не хотелось, было лень взваливать это на себя. Поэтому идея в виде собрания файлов благополучно болталась у меня в разделе тем для будущих опусов без всякого развития.

А потом пришел 2015 год. В марте исполнилось 50 лет выхода Алексея Леонова в космос, в июле должно было исполниться сорок лет советско-американскому полету “Союз”-“Аполлон”, в котором Леонов командовал “Союзом-19”.

И вот вечером 21 марта 2015 года мне в голову пришла забавная мыслишка: а зачем мне, собственно говоря, напрягаться с расчетами, чертежами, весовыми

сводками? А напишу-ка я простенькое эссе с описанием картин. А еще напишу техзадание на проектирование лунной экспедиции по картинам Леонова и Соколова. И всю эту гремучую смесь выложу на своем сайте и на сайте журнала “Новости космонавтики”. Там, на форуме, считал я десятки и сотни любителей и профессионалов космических отраслей многих стран, школьники, студенты и аспиранты. Вот пусть они и займутся расчетами.

На следующее утро я сел за компьютер, написал эссе и техзадание, разместил их на сайтах – и проект лунной экспедиции стартовал.

Есть люди, имена которых навеки вписаны в историю мировой цивилизации. Один из таких людей – Алексей Архипович Леонов. Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, совершил два космических полета. 18 марта 1965 года он стартовал в космос на корабле “Восход-2” и стал первым землянином, который в скафандре вышел в открытый космос. Через десять лет, 15 июля 1975 года, Алексей Леонов отправился на орбиту второй раз как командир космического корабля “Союз-19” - на стыковку с американским космическим кораблем “Аполлон”. Это была первая международная пилотируемая космическая экспедиция.

Позже, уже в годы “перестройки”, мы узнали, что Алексей Архипович, по меньшей мере, еще дважды готовился к космическим экспедициям. В начале семидесятых – в качестве командира орбитальной станции “Салют”. А в рамках советской пилотируемой лунной программы – как командир одного из экипажей, которым предстояло облететь Луну, а потом и высадиться на ее поверхность (программы Л-1 и Л-3). Увы, тем планам было не суждено сбыться...

Но Алексей Леонов, конечно же, мечтал о лунной экспедиции. А поскольку он увлекается космической живописью, то переносил свои мечты на полотна: иногда рисовал лунные пейзажи сам, а иногда в соавторстве с

художником Андреем Константиновичем Соколовым. И если выстроить эти картины, написанные в разные годы, то получится графический образ пилотируемой лунной экспедиции - такой, какой она виделась в конце 60-начале 70-х годов прошлого века. Настоящий научно-фантастический рассказ в картинах!

Конечно же, изображения лунных орбитального и посадочного кораблей, космических скафандров и оборудования для исследования Луны на картинах Алексея Леонова и Андрея Соколова мало напоминают настоящие советские космические корабли – лунный орбитальный космический корабль Л-3 и посадочный корабль ЛК. Понятно почему: советская лунная программа была совершенно секретной, и Леонов не мог рисовать на своих холстах реально проектируемые в конструкторских бюро будущие лунные космолеты. Тем не менее “выстроить” по картинам Леонова и Соколова космическую экспедицию вполне возможно.

Для выполнения пилотируемой высадки на Луну используется двухпусковая схема. Одна ракета несет к Селене лунный посадочный корабль, а вторая – космический корабль с тремя космонавтами.

Сначала с Земли стартует ракета-носитель с лунным посадочным кораблем. На нем еще нет космонавтов. Корабль выводится на околоземную орбиту, а затем, – когда будет выполнена проверка работоспособности его бортовых систем, – стартует к Луне. Вполне возможно, что перед стартом к Луне лунный космический корабль будет еще дооснащен на орбитальной станции дополнительной научной аппаратурой. Включены двигатели ракетного блока, беспилотный посадочный корабль уходит к Луне (картина 1).

Трое суток полета по трассе Луна-Земля. Две или три коррекции траектории движения. Потом по команде с Земли ракетный блок с лунным посадочным кораблем включает двигатели и тормозится, выходит на окололунную орбиту. Здесь ему предстоит дожидаться

прилета пилотируемой космической экспедиции (картина 2).

Проходит совсем немного времени и с Земли стартует пилотируемый лунный орбитальный космический корабль с тремя космонавтами – командиром экспедиции, бортинженером и космонавтом-исследователем. Обитаемый отсек корабля имеет коническую форму и отдаленно напоминает пилотируемые отсеки реально существовавших и летавших в космос американского космического корабля “Аполлон” и советского транспортного космического корабля, созданного в рамках осуществления программы орбитальной станции “Алмаз”. После тестов на околоземной орбите лунный пилотируемый корабль летит к Луне. Коррекции траекторий, торможение в окололунном пространстве и выход на орбиту вокруг Луны – все эти операции очень похожи на операции, выполненные некоторое время назад лунным посадочным кораблем, который теперь дожидается космонавтов около Луны.

Орбитальный корабль, управляемый космическим экипажем, сближается с лунным посадочным кораблем, который летит в автоматическом режиме. Один из членов экипажа, – скорее всего, бортинженер, - остается в орбитальном корабле на окололунной орбите. А двое его коллег – командир экспедиции и космонавт-исследователь – облачаются в космические скафандры и выходят в космос. С помощью гарпунного механизма сблизившиеся до расстояния нескольких метров лунные орбитальный и посадочный корабли соединяются тросом. Держась за трос, командир экспедиции и космонавт-исследователь через космическое пространство переходят на борт посадочного корабля.

Корабли разделяются, бортинженер с орбитального корабля с помощью специального механизма сматывает трос. А его коллеги начинают проверку бортовых систем лунного посадочного корабля.

Вся аппаратура работает нормально, и Земля дает команду на спуск на Луну. Лунный посадочный корабль включает собственные двигатели, отделяется от ракетного блока и начинает движение к лунной поверхности (картина 3).

Работают мощные двигатели, все ближе и ближе усеянная множеством кратеров Луна (картина 4).

Место посадки выбрано окончательно. На всю мощь включаются посадочные двигатели, и лунный корабль на несколько секунд зависает над лунной поверхностью. Миллионолетняя пыль и мелкие камни летят в стороны, увлекаемые газовыми потоками из сопел корабельных двигателей (картина 5).

Снижение, опоры корабля касаются лунной поверхности. Несильный удар снизу, и вот уже посадочный корабль прочно стоит на Луне (картина 6).

Космонавты проверяют бортовые системы посадочного корабля. Все в порядке. Открывают люк и по очереди спускаются на лунную поверхность. Нога человека впервые ступает на Луну! И вот уже командир экипажа и космонавт-исследователь делают первые шаги по лунной поверхности у подножия посадочного корабля (картина 7).

Потом начинаются научные исследования. Конечно, первых землян на Луне будет очень интересно, как выглядит их родная планета с поверхности Селены (картина 8).

Может быть, первая высадка людей на Луну будет совершена в уже исследованных автоматическими станциями лунных районах, – например, в Океане Бурь. Вполне возможно, что в этом случае космонавты “прогуляются” к высадившейся на Луну в феврале 1966 года станции “Луна-9”, осмотрят и сфотографируют ее (картина 9). Примерно так поступили американские астронавты Чарльз Конрад и Алан Бин, когда во время второй высадки на Луну по программе “Аполлон” отправились осматривать находившуюся вблизи от места посадки автоматическую станцию “Сервейор-3”.

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

Очень может статься, что уже во время первой пилотируемой экспедиции на Луну отправится не один, а сразу два или три корабля с космонавтами. Или же один из автоматических кораблей привезет дополнительное оборудование. Тогда уже находящиеся на лунной поверхности космонавты смогут увидеть своими глазами посадку лунного корабля (картина 10).

Но вот завершены исследования на лунной поверхности. Загружены на борт образцы лунного грунта. Космонавты вернулись в корабль. Закрыт входной люк. С Земли дана команда стартовать, и взлетная ступень, включив ракетные двигатели, устремляется в небо, оставив на Луне уже ненужную посадочную платформу (картина 11).

Двигатели взлетной ступени работают устойчиво. Корабль все выше и выше поднимается над лунной поверхностью (картина 12).

И вот снова лунная орбита. Бортинженер лунного орбитального корабля производит сближение с взлетной ступенью до расстояния нескольких метров. Снова работает гарпунная система стыковки. Трос соединяет лунный орбитальный корабль и взлетную ступень. Командир экспедиции и космонавт-исследователь по очереди выходят в космос, прихватив с собой образцы лунного грунта и материалы научных исследований. Держась за трос, они движутся к лунному орбитальному кораблю (картина 13).

Переход завершен. Весь экипаж в полном составе на борту лунного корабля. Включаются разгонные двигатели ракетного блока, и корабль летит к Земле. Взлетная ступень остается на окололунной орбите (картина 14).

Пилотируемый корабль все ближе к Земле. Проведены коррекции траектории движения. Спускаемый аппарат отделяется от ракетного блока и входит в атмосферу. Управляемый спуск, пресс перегрузок давит на космический экипаж. Но вот уже пройдены наиболее “горячие” участки спуска, отделен ненужный больше

[“Лунное сердце – собачий хвост”]

теплозащитный экран, раскрылись тормозные парашюты. Сработали двигатели мягкой посадки. Космонавты – на родной Земле! Первая пилотируемая экспедиция на Луну успешно завершена!

...Высадка на Луну Алексея Леонова, его третий космический полет... Да, в реальности этим планам не суждено было сбыться. Но эта мечта воплотилась в прекрасные полотна Алексея Леонова и Андрея Соколова и навсегда стала достоянием нынешних и будущих поколений землян.

Содержание

- 5 От автора
- 6 Лунное сердце – собачий хвост
- 23 Первый Луновой
- 58 Лунный дозорный
- 96 Ларец старца Нинелия
- 155 РД109 номер 867515
- 169 Грустная история о глобальной хотелке
- 182 И на Солнце есть пятна
- 199 «Политкорректность»
- 207 Диетический гамбит
- 216 Ступить на Луну
- 224 Вся правда об «Аполлоне-11»
- 235 Случай в кратере Тихо
- 238 Идущие по мирам
- 316 Сын гения
- 337 Космолет «Очумелые ручки»

- 361** **Как я создал Мухосранский отряд космонавтов**
- 369** **Лунный проект**
- 379** **Проиграл ли СССР «лунную гонку»?**
- 385** **Лунное закулисье**
- 517** **Лунный мечтатель**
- 531** **Третий космический полет Алексея Леонова**

Литературно-художественное издание

Серия детективной, приключенческой и фантастической литературы
«Котофей»

Сергей Чебаненко

«Лунное сердце – собачий хвост»

Редактор Стрельников В.А.

Художник-оформитель Чекмаев К.Г.

Компьютерная обработка фотографий и верстка текста Л.А.Девятаева

Літературно-художнє видання

Серія детективної, пригодницької та фантастичної літератури
«Котофей»

Сергій Чебаненко

«Місячне серце – собачий хвіст»

Редактор Стрельников В.О.
Художник-оформлювач Чекмаєв К.Г.
Комп'ютерна обробка фотографій і верстка тексту Л.А.Дєвятаєва

Ласкаво просимо в світ її Величності Фантастики!
Пес Славний летить на Місяць, щоб випередити американських космонавтів і доставити на Землю зразки місячного ґрунту.
На космічному кораблі на Селену потрапляє і домовик Порфірій Бебенов, щоб стати Першим Луновим.
Висаджується на місячну поверхню і командор Брехуненко-Водолій, щоб залишити серед кратерів і валунів відбиток ноги людини.
Про це та багато іншого ви прочитаєте в збірнику фантастичних оповідань Сергія Чебаненко.

Підписано до друку 15.05.2019
Формат 60х90 1/16. Умов.друк.арк 25
Загальний тираж 1500. Рекламно-інформаційний тираж 5.
Замовлення № 2019-002

Видавництво ФОП «ЧСВ»
Київ, вул. Княжий затон, 17
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 5240 від 08.11.2016

E-mail: bookelight@gmail.com

Надруковано з готових позитивів
У ФОП «ЧСВ»
Київ, вул. Княжий затон, 17
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 5240 від 08.11.2016

Мой маленький
ЛУНАРИУМ

